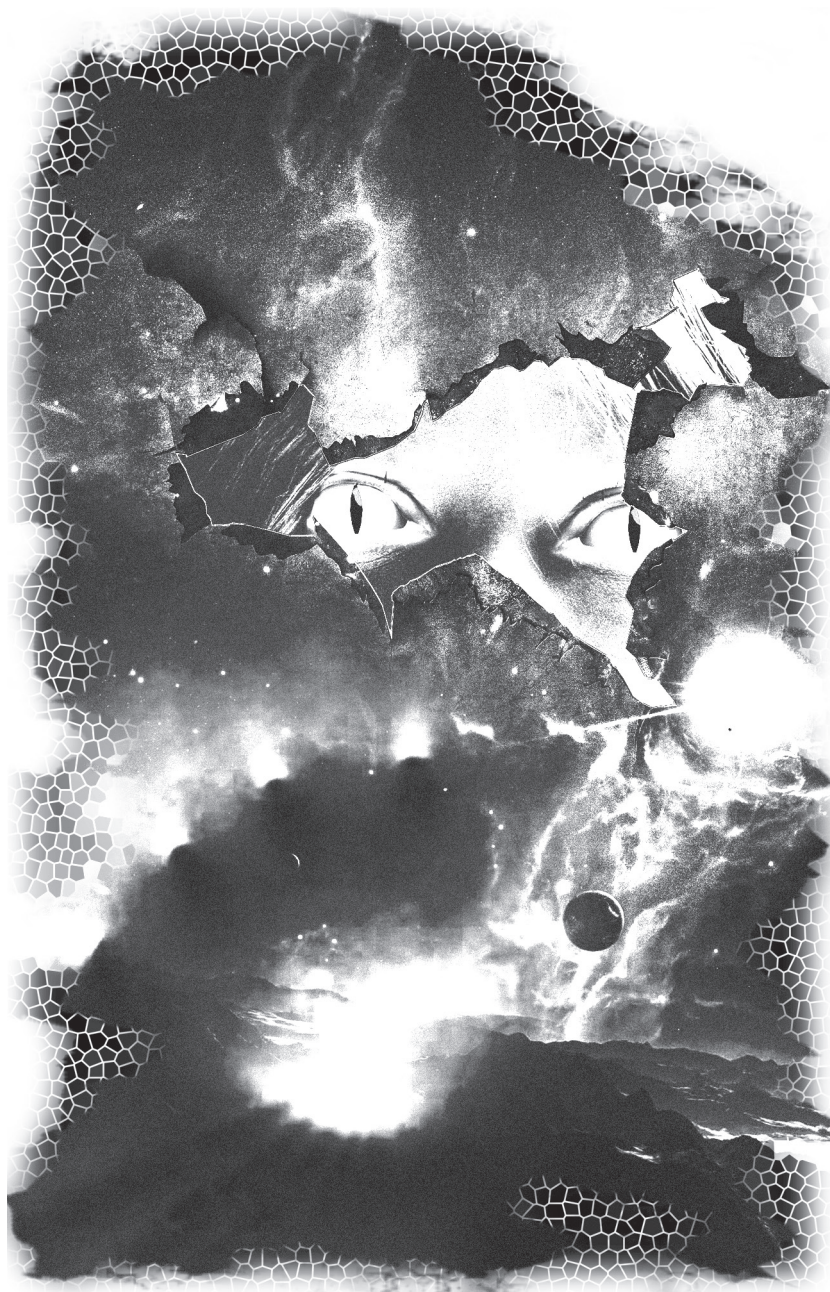

АЛЪМАНАХ ФАНТАСТИКИ
АСТРА НОВА **An**²⁽⁰⁰⁵⁾
2015

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2015

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44
А91

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ
«ASTRA NOVA»

Print-on-Demand

Астра Нова: альманах фантастики. № 2(005). – СПб.:
А91 Издательство Литературный мир, 2015. – 296 с.

ISBN 978-5-9902118-2-7

В этом номере альманаха мы постарались собрать тексты, представляющие разные взгляды на разные формы и виды сосуществования рядом друг с другом разных существ - белковых и не белковых, разумных и не очень, реальных и не так чтобы...

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44

©Светлана Тулина, составление, 2015
©Авторы публикуемых произведений
©Издательство «Литературный мир», 2015
©Издательство «Северо-Запад», 2015

ISBN 978-5-9902118-2-7

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая **ПОД СВЕТОМ ДАЛЬНИХ ЗВЕЗД**

Иар Эльтеррус	
ЧЕСТЬ.....	10
Нечто общее может найтись даже у педантичного немца-адмирала и безумного русского pilota	
Светлана Тулина	
КИБОРГИ НЕ В СЧЁТ	25
Достичь вожделенного ада не так-то просто, если ты мал и слаб	
Надежда Бауман	
СЕРЕБРИНКА	42
Тюрьма остается тюрьмой – даже если про нее забыли	
Игорь Ревзин	
СИМФОНИЯ ДЛЯ СФЕРЫ	55
У войны свои герои, у мира - свои	
Эдуард Шауров	
МЕРТВЫЕ НЕ КУСАЮТСЯ	65
Действительно не кусаются...	
Максим Шапиро	
РАУВАСК	78
Пусть рухнет мир, но свершится правосудие	

Часть вторая **ПОД СВЕТОМ ЛУНЫ**

Олег Быстров	
ГОМЕЛЬСКИЙ КРЫСОВОД.....	80
Слава голохвостым защитникам отечества!	
Иван Евсеенко-младший	
ТВАРЮГА	95
Много разных тварей живет в зоне отчуждения – и не все они порождения лишь радиации	
Натт Харрис	
ВСТРЕТИМСЯ В ФОРКСЕ, ПОКА ПОЛНОЛУНИЕ	101
Кто они, жертвы «Сумерек»? И как их спасти от самих себя и от других жертв?	
Анна Самойлова	
ЭРЖЕНА.....	118
Нравы и быт глубоководных байкальских русалок – или почему иногда батискафы не возвращаются	
Ирина Орлова	
ГАЛЛЮЦИНАЦИИ ТОЖЕ НАДО КОРМИТЬ	127
Если уж попались непьющие	

Надежда Оскарова	
Тот дом, тот город.....	129
Они всегда были рядом – а потом стали еще ближе	
Андрей Жмакин	
Вот придёт злобный тролль	140
Вызывая сантехника, будь готова к неожиданностям	
Татьяна Томах	
Дом для Чебурашки.....	148
В ответе ли человек за тех, кого он не приручал?	
Лариса Иллюк	
Время дворников и сторожей.....	171
Людей им спасти не удалось.	
Получится ли хотя бы со стихсами?	
Валерий Воробьев	
С дедушками не спорят.....	183
Потому что глупо спорить с дедушками	

Часть третья

ПОД СВЕТОМ ГАЗОВОГО ФОНАРЯ

Джек Уильямсон	
МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК	202
The Metal Men 1928	
Дэн О'беннон	
ЗАВТРА — ДОЛГИЙ ДЕНЬ.....	213
Комикс по мотивам рассказов Г.Каттнера.	
Художник Мёбиус	

Часть четвертая

ПОД СВЕТОМ РАМПЫ

Денис Скорбелин	
Крепкий английский лук.....	230
За авторством Жакома де Грие	
Дополненное издание с комментариями критика Иакова Градуса	
Эротическая пьеса для взрослых трёх частей	

Часть пятая

ПОД СВЕТОМ НАСТОЛЬНОЙ ЛАМПЫ

Анна Самойлова	
Позывной «Феникс»	246
Документальный очерк о той,	
что недавно смотрела на нас с орбиты	
Ольга Денисова	
Рояль в кустах и ружье в первом акте	248
О трех этапах введения случайности в литературный текст	

Часть шестая **ПОД МИКРОСКОПОМ**

Елена Капитонова	
ЗА ПОКУПКАМИ.....	254
Когда шопингом занят мужчина – это всегда приключение	
Ирина Стафеева	
СОБЕСЕДНИК	255
Разговор за ушицею может закончиться неожиданно	
Марина Ясинская	
ПУШИСТИХА	256
Иногда они не вырастают. И не возвращаются...	
Эльвира Жейдс	
СТЕРВЯТНИКИ	258
Стервятники бывают разные	
Алексей Ус	
В ПОРЯДКЕ ВЕЩЕЙ.....	259
Трудно чем-то удивить психиатра. Психа тоже.	
Ольга Денисова	
ТВАРЬ	260
Твари успешно маскируются под людей, но их всегда выдает поведение	
ЗА СТЕКЛОМ.....	261
Стоит ли заканчивать страшилку?	
Владимир Семенякин	
ОБЕЗЬЯНИЙ ХВОСТ.....	263
В мире много монстров, но Шерлок Холмс к этому готов	
Татьяна Томах	
ФЕДЕНЬКА	264
О терапии для начинающих самоубийц	
Сергей Битюцкий	
УНЕСЁННЫЕ СНАМИ	266
Возможно, ты уничтожаешь целый мир – каждый раз, когда выключаешь компьютер	
Денис Фомин	
ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ.....	267
Стоит ли охранять камни?	
Екатерина Васильева	
СТЕНА	268
Взрослые забывают, что сказка всегда рядом	
ПОДРУЖКА	270
Не всех подружек можно знакомить с родителями	
Ирина Орлова	
КЛЮЧ НА СТАРТ.....	272
Чтобы слетать в космос, нужно вовремя потерять ключ	
Ольга Дорофеева	
СТРЕЛКА	273
Советская наука отрицает существование гномов!	

Татьяна Охитина	
СКАЗКА НА НОЧЬ	274
	Может быть, пришельцы не среди нас, а наоборот?
Дмитрий Гужвенко	
ТЕКИЛУ ОН НЕ ПЬЕТ... ..	275
	...и живет дальше всех, и говорит не по-нашему
Людмила Макарова	
НАПАРНИК	277
	Они пойдут за нами и в космос – если только вовремя открыть дорожную сумку и закрыть глаза
Светлана Тулина	
ЖИТЬ КАК-ТО НАДО	278
	Ударим по законам менталитетом!
СПАСАТЕЛЬНАЯ СТАНЦИЯ	279
	Если тебе протянули руку помощи – не считай, сколько на ней пальцев
Жаклин де Гё	
ГРАНИЦА	281
	Пограничники не видят самой границы. А зря...
Алексей Семяшкин	
ПОД МАСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	282
	Пришельцы не всегда внятно выражают свои мысли
Тимур Максютлов	
ПИГАЛИЦА	283
	Проще и полезнее всего ненавидеть тех, кто рядом
Максим Тихомиров	
ИГРА В КОРАБЛИКИ	285
	Узнай, во что играют дети твоих врагов – и ты избежишь гибели. Возможно...
Виталий Придатко	
ЛУКОШКО	286
	Их дети похожи на нас – но быстро взрослеют
Лариса Тихонова	
СТЮАРД	288
	Никто не замечает обслугу. И напрасно...
Анна Райнова	
НАЙТИ ГЕЮ	289
	Что человеку хорошо, инопланетянину – смерть
Ольга Сафонова	
РАЗУМНЫЙ ОБМЕН	291
	Когда время дороже денег
Александр Лычев	
СКВОЗЬ НЕБО	292
	Нелегко космонавтам там, где небо твердое
Елена Щетинина	
КУДА ДЕЛСЯ СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ?	293
	Папа-косморазведчик всегда найдет возможность по-новому показать сыну старую сказку

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОД СВЕТОМ ДАЛЬНИХ ЗВЕЗД

ЧЕСТЬ

— Внимание, командующий на борту! — звонкий голос вахтенного офицера заставил встречающих вытянуться во фронт.

Пронзительно засвистели дудки боцманов, почетный караул вскинул табельные плазмеры в приветственном салюте. Десантники вытянулись по стойке смирно и отдали честь. Створки шлюзового отсека разъехались в стороны, и в ангар ступил сухопарый среднего роста человек лет шестидесяти в безукоризненно сидевшей на нем форме с погонами контр-адмирала Объединенного Флота. В одном глазу поблескивал древнего вида монокль. Он окинул ангар требовательным холодным взглядом и не спеша двинулся вдоль строя. Следом шел с небольшим кейсом в руках личный адъютант, молодой белокурый лейтенант. Худое лицо нового командующего космической станцией «Роберт Хайнлайн» было совершенно невозмутимым, однако все знали, что контр-адмирал Карл фон Бок подмечает всё и всегда, любой, даже малейший недостаток — он слыл на флоте невообразимым педантом даже среди своих соплеменников, немцев, и больше всего на свете ценил порядок.

Многие удивлялись назначению фон Бока, особенно на эту базу, где порядка не могло быть по определению — ведь на ней базировались истребительные подразделения «безумцев». Кое-кто, правда, подозревал, что творящееся на «Роберте Хайнлайне» окончательно вывело командование из себя, особенно если вспомнить последние, совсем уж дикие инциденты. И оно решило хоть как-то компенсировать этим назначением творящийся здесь бардак, надеясь, что «Старый сухарь», как за глаза называли контр-адмирала, сможет хоть как-то обуздать «безумцев».

— Господин контр-адмирал! — сделал шаг вперед подтянутый, даже щеголеватый полковник. — Вспомогательный личный состав базы построен и ждет ваших приказаний! Докладывал заместитель командующего, полковник Хмелин.

— Вспомогательный? — с недоумением посмотрел на него фон Бок через старомодный монокль. — Что это значит?..

— Истребительные подразделения заняты отработкой новых методов ведения боя! Согласно приказу № 345/18 их запрещено отвлекать.

— Ясно, — кивнул контр-адмирал. — Когда они завершат тренировки?

— Не могу знать! — вытянулся полковник. — Время тренировок не нормировано.

— Тогда вызовите ко мне капитана Суровцева, а также лейтенантов Шнитке и Шнеерзона, я уполномочен вручить им награды за бой у Вестальта-IV.

— Будет исполнено.

Контр-адмирал величественно наклонил голову и, заложив руки за спину, неспешно направился к выходу из ангара, держа спину столь прямо, словно, как говорят русские, проглотил аршин. Люк мягко скользнул в сторону, и фон Бок ошарашенно замер, услышав рев нескольких луженых глоток:

— Мы красивые кавалеристы!..

Из-за поворота коридора рысью вылетел полуголый длинноволосый субъект на палочке с лошадиной головой и резво проскакал мимо замершего соляным столбом в ошеломлении контр-адмирала. За ним, строго соблюдая строй древней немецкой «свиньи» и тоже верхом на палках следовали четверо очень разномастных личностей, одетых кто во что горазд, но отнюдь не в военную форму. Последний справа заметил фон Бока и браво отдал ему честь вилкой, которую сжимал в руке.

— Что это?! — с трудом выдавил из себя новый командующий, проводив кавалькаду круглыми глазами. Из левого глаза выпал монокль.

— Лейтенант Хряченко проводит психологический тренинг своей эскадрильи! — четко доложил вытянувшийся полковник.

— Психологический тренинг?.. — тупо переспросил фон Бок и потряс головой.

— Так точно, господин контр-адмирал!

— Вы что, издеваетесь?.. — сорвался голос командующего.

— Никак нет! — Хмелин вытянулся с видом придурковатого служаки. — Тренинг проводится согласно расписанию. Каждый тренинг протоколируется, и протокол отправляется в штаб для изучения опыта.

Фон Бок потряс головой, а затем вспомнил, какой именно базой командует. Все недомолвки адмирала флота Новицкого, старого друга еще по училищу, во время последнего разговора сразу стали понятны, как и вскользь брошенная им просьба хоть немного призвать разгильдяев к порядку. Ясно теперь, каких разгильдяев. Также он понял причину сочувствующих взглядов прежних сослуживцев после того, как они узнали о новом назначении контр-адмирала.

«Безумцы»! Не было на флоте лучших пилотов-истребителей, одна их эскадрилья могла легко разнести в пух и прах четыре, а то и пять эскадрилий противника, поэтому им прощалось практически все. Но нужны же хоть какие-то рамки! О дисциплине речи уже не шло, хотя бы перестали устраивать клоунады, от которых любому военному сводило зубы.

Карл фон Бок до сих пор лично с «безумцами» дела не имел, разве что изредка на командных учениях смотрел записи их боев — и каждым восхищался. Эти пилоты летали, как боги, и дрались, как черти. Они вытворяли в космосе на своих вертких машинах такое, что в голове не укладывалось. «Безумцы» каждый раз ухитрялись

удивить противника, выдумав что-то новое. Лучшие пилоты «котов» буквально охотились за ними, а остальные, увидев аляповато раскрашенные истребители класса «Берсерк» с их характерными обводами, старались побыстрее унести ноги, что удавалось далеко не всегда.

Взять хотя бы ставший уже знаменитым бой у Вестальта-IV, в котором пять истребителей смогли не только уничтожить больше двадцати вражеских, но и взорвать сперва авианосец, где те базировались, а затем и спешащий ему на помощь крейсер первого класса. Последнее до сих пор считалось физически невозможным для истребителей, но капитан Суровцев со своей эскадрильей все же сделал это, подобравшись к самым дюзам крейсера и запустив прямо в них несколько ракет. Причем трое из пяти отчаянных парней ухитрились уцелеть, уйдя в пояс астероидов на такой скорости, которой машины этого класса никогда еще не развивали. Как можно было маневрировать между каменными глыбами при подобных перегрузках, никто не понимал. Однако Суровцев со товарищи выжили и вернулись на базу, хотя после вынуждены были почти три недели отлеживаться в госпитале.

Тяжело вздохнув, фон Бок двинулся к командному центру базы. Похоже, ему придется значительно труднее, чем он себе представлял. Как призвать к порядку таких вот «красных кавалеристов»? И не повредит ли это делу? Ведь главная задача — уничтожить вражеские корабли, а это «безумцы» умели делать, как никто другой. Но командование устало от их художеств, именно поэтому Новицкий и попросил фон Бока взяться за командование «Робертом Хайнлайном». К сожалению, контр-адмирал не представлял себе уровня сложности этой задачи. До сих пор не представлял — теперь до него начало доходить, какую свинью ему подsunули и почему друзья так сочувствовали, узнав об этом «повышении». Фон Бок тогда только пожимал плечами, удивляясь их реакции, считая себя в состоянии навести порядок на любом военном объекте, опыта хватало. Даже в штрафных батальонах, которыми контр-адмиралу когда-то довелось командовать около года, до сих пор царила железная дисциплина — штрафники боялись своего командира больше, чем врага, и готовы были на все, лишь бы не привлечь к себе его внимания.

Что-то в небольшой кают-компании слева привлекло внимание командующего, и он остановился. Полковник, идущий позади него, застонал, как от зубной боли. Картина, представшая глазам контр-адмирала, была достойна кисти Сальвадора Дали. Встрепанный субъект с двумя огромными красными бантами в черных невымытых волосах, голый по пояс, рисовал что-то стене широкими мазками. Взгляд фон Бока опустился ниже, на его штаны, и контр-адмирал схватился за сердце — веселенькие розовые штанишки с оборками, длиной по колено, были украшены аляповатыми ромашками. Затем командующий присмотрелся к тому, что рисовал этот безумец, и ему

стало еще хуже — сидящая в похабной позе голая женщина со всеми анатомическими подробностями.

— Эт-то к-кт-то?.. — с трудом просипел фон Бок, ощущая, как в нем поднимается раскаленная волна ярости.

— Капитан Суровцев... — с явной неохотой сообщил полковник.

— Тот самый?! — изумился контр-адмирал.

— Так точно, — подтвердил Хмелин, выглядя так, словно съел сразу килограмм лимонов.

— Значит, это называется «отработка новых методов ведения боя»?.. — язвительно поинтересовался фон Бок.

— А что я еще мог сказать?.. — попытался оправдаться полковник. — Что герой Вестальта-IV рисует голую бабу на стене кают-компаний?!

— Именно так! — отрезал контр-адмирал. — Запомните, я не терплю лжи от подчиненных! Хочу знать, как обстоят дела в действительности, иначе невозможно владеть ситуацией. Приказываю всегда докладывать правду, какой бы она ни была.

— Есть докладывать правду! — вытянулся Хмелин.

— А теперь мне нужно исполнить порученное, — едва слышно сказал фон Бок и вошел в кают-компанию. — Капитан Суровцев!

— Ну?.. — нехотя протянул тот, оборачиваясь. — Ты кто, мужик?

— Ваш новый командующий, контр-адмирал фон Бок, — губы контр-адмирала дернулись, он едва сдержался, чтобы не взорваться, но все же пересилил себя.

— Здорово! — расплылся в идиотской улыбке Суровцев. — Это вы командовали обороной базы «Эльвания» в 2343-м?

— Я, — удивился его осведомленности фон Бок.

— Хочу выразить свое восхищение, — поклонился капитан. — Если бы у вас было хотя бы еще пять истребителей, вы бы удержали двенадцатый сектор. Но вы и так сделали невозможное.

— Благодарю, — немного оттаял командующий, довольный признанием его заслуг даже «безумцами», и перешел на официальный тон. — Капитан Суровцев, за бой у Вестальта-IV командование Объединенного Флота награждает вас орденом Доблести первой степени!

С этими словами он достал из своего планшета и открыл коробочку с высшей наградой Объединенного Флота, затем протянул Суровцев. Тот слегка растерянно посмотрел на усыпанный бриллиантами орден, затем вытер испачканную краской руку об собственный голый бок и взял его. Покрутил в руках и, ничтоже сумняшеся, прикрепил орден на свои цветастые штаны, от чего фон Боку в который раз за этот сумасшедший день стало плохо.

— Служу Земле! — по-уставному рявкнул Суровцев.

После чего, явно потеряв к командующему всякий интерес, вернулся к стене, обмакнул кисть в краску и принялся тщательно вырисовывать орден на высокой груди «портрета». Контр-адмирал

задохнулся от возмущения, но не найдя что сказать, четко развернулся и двинулся дальше. Он пребывал вне себя от гнева, по его понятиям, каждая армия была сильна исключительно дисциплиной. Но на этих дисциплина не распространялась, более того, строжайше запрещено было применять к «безумцам» дисциплинарные меры, а уговорам, они, похоже, не поддаются.

По дороге к командному центру фон Боку пришлось стать свидетелем еще нескольких диких эпизодов из жизни «безумцев». Один катался колесом по коридору и что-то гнусно орал. Второй бегал на четвереньках и лаял по-собачьи. Еще двое с увлечением играли в классики, нарисовав квадраты на полу коридора несмывающейся люминисцентной краской.

Контр-адмирал старался абстрагироваться от этого кошмара, но получалось плохо, так что, войдя в командный пункт, он был готов уже ко всему. Однако там его встретил столь милый сердцу кадрового военного идеальный порядок. Все находившиеся в центре вскочили и застыли по стойке смирно. Дежурный по смене строевым шагом подошел к фон Боку и четко отдал рапорт, обрисовав текущую ситуацию в секторе, который контролировала космическая станция «Роберт Хайнлайн».

— Когда крэнхи последний раз атаковали? — поинтересовался контр-адмирал.

— Неделю назад! — доложил полковник Хмелин. — По данным разведки, следующего нападения следует ждать в ближайшее время. Насколько нам известно из расшифрованных переговоров командования противника, они надеются выжать нас из восемнадцатого сектора, особенно из окрестностей планетной системы Ен-24.

— Чем их так заинтересовала эта система? Удалось это выяснить?

— Аналитики предполагают, что разведчики крэнхи обнаружили на одной из планет системы артефакты Лонхайт.

— Тогда нечему удивляться, — кивнул фон Бок. — А наши разведчики нашли что-нибудь? Артефакты мы отдавать врагу не имеем права, сами знаете их ценность.

— Поиск ведется двумя звеньями, остальные задействованы в прикрытии, — Хмелин что-то прочел в своем паде. — Нам не хватает ресурсов.

— А когда ждать подкреплений?

— Не могу знать! Запрос командованию отправлен, ответа пока нет.

— Значит, будем обходиться наличными силами, — спокойно сказал контр-адмирал.

Однако на самом деле на душе у него было тревожно. Крэнхи являлись серьезным противником, недооценивать их не стоило, не раз били землян. Эта странная то ли война, то ли не война продолжалась уже около двухсот лет и заканчиваться не собиралась. Глобальных

столкновений не происходило, однако мелкие стычки случались постоянно. В общем-то, наличие внешнего врага стало для народов Земли спасением — по крайней мере фон Бок считал именно так. Ведь до встречи с крэнхи, которых в просторечии звали «котами», Российская Империя и Соединенные Штаты готовы были вцепиться друг другу в глотки и лихорадочно готовились к большой войне. А такая война, скорее всего, стала бы концом для человечества. Наличие в космосе агрессивной чужой расы заставило разные страны объединить усилия, отбросив разногласия и вражду. Иначе было просто не выжить — и все это понимали. Одной стране не потянуть военный флот, только вместе можно это сделать, да и то ресурсов катастрофически не хватает. Некоторые аналитики считали, что у крэнхи была подобная ситуация, и для них столкновение с землянами тоже стало спасением.

В первое время стычки были яростными, флоты врага рвались к Земле, не стоя за ценой, а затем крэнхи вдруг отошли, причем отошли, когда победа, казалось, уже лежала у них в кармане. Состоялись переговоры, причем на высшем уровне. Со стороны «котов» в них участвовали вожди старших кланов, а со стороны людей — российский император, американский президент, халифатский султан, европейский премьер и южно-американский диктатор. К каким именно договоренностям они пришли, никто не знал до сих пор — это было строжайше засекречено, как и сама встреча. Однако слухи ходили самые разные. Именно после этой встречи война и пошла так, как шла сейчас — ни шатко, ни валко. Фон Бок подозревал, что об этом лидеры противников и договорились, но смысл подобных договоренностей уловить никак не мог. Возможно, конечно, и те, и другие решили, что внешний враг необходим для выживания обеих цивилизаций, подошедших к грани самоуничтожения. Однако это не объясняло всех несуразностей происходящего. Особенно если учесть, что жертв на этой «войне» хватало. Ни люди, ни крэнхи никогда не бомбардировали населенные планеты, хотя в космосе грызлись отчаянно. Дальние сектора с завидным постоянством переходили из одних рук в другие. Но наиболее ожесточенные сражения велись за планеты, на которых находили артефакты Лонхайд.

Впервые артефакты обнаружили немногим больше ста пятидесяти лет назад в системе Бетельгейзе. Изучив находки, земные ученые пришли буквально в неистовство — казалось, эти артефакты специально предназначались для недавно вышедшей в большой космос цивилизации. Расшифровать язык удалось без особого труда, тем более, что ключ к нему нашелся в том же хранилище. И чего в нем только не было! Улучшенные схемы гипердвигателей, которые земные инженеры успешно адаптировали к имевшимся на тот момент производственным мощностям. Артефакты сократили путь развития

Земли в несколько раз. Помимо того хватало данных по медицине, органической химии и многому другому. Не имелось только никаких данных о самих Лонхайте, никто даже не догадывался, как они выглядели, чего хотели, где жили, как и почему исчезли. И исчезли ли.

Также не обнаружили даже намеков на оружие — ни одной технологии, которую можно было бы использовать для убийства себе подобных. Поэтому приходилось обходиться изобретенными самостоятельно. До сих пор самыми смертоносными являлись термоядерные боеголовки. Правда, в войне с крэнхи они уже сто девяносто лет как не применялись, использовали более слабое оружие — видимо, опять по договоренности.

— Проводите меня до моей каюты, — приказал фон Бок адъютанту, тот открыл свой пад, подключился к сети станции и скачал нужную информацию.

— Прошу следовать за мной, господин контр-адмирал, — негромко сказал он.

Каюта оказалась недалеко от командного центра, всего метрах в двухстах. К своему немалому облегчению, по пути командующий не встретил больше ни одного «безумца». Войдя внутрь и кивнув лейтенанту, чтобы следовал за ним, фон Бок окинул взглядом обстановку. Все обычно для космических станций проекта 78-z, никаких излишеств, все сугубо функционально. Вещи еще не доставили, поэтому контр-адмирал опустил в кресло, жестом предложив адъютанту сесть на против.

— Ну, Вилли, — доброжелательно улыбнулся он, — что ты на все это скажешь? Как тебе первое место службы?

— Мы в цирк попали, дядя Карл?.. — уныло спросил юноша, в которого военную дисциплину вбивали на протяжении всей его жизни, поскольку происходил он из семьи кадровых военных в незнамо каком поколении.

Отец Вильгельма Вольфа был старым другом и однокурсником Карла фон Бока, они вместе учились в военно-космическом училище. Да что там, дружили еще их отцы и деды, внуки всего лишь унаследовали традицию. Контр-адмирал, тогда еще только капитан второго ранга, вместе с другом забирал Вилли с матерью из роддома, поэтому знал его от и до. И считал юношу подающим надежды молодым офицером. Поэтому, когда в списке выпускников училища прошлого года обнаружил имя сына старого друга, то не сомневаясь ни мгновения забрал его к себе в адъютанты. Правда тот был этому вовсе не рад и не раз бурчал, оставаясь с контр-адмиралом наедине, что не просил протекции и хочет пройти все ступени служебной лестницы самостоятельно.

— Я сам начинал адъютантом у твоего деда, — отвечал ему на это фон Бок. — Это не помешало мне стать профессионалом, а совсем наоборот, помогло.

Понимающе посмотрев на Вилли, контр-адмирал горько усмехнулся и приказал:

— Напомни-как мне, как появились «безумцы». И тогда сам многое поймешь, а не поймешь — разъясню.

— Ну... — на мгновение задумался лейтенант, вспоминая пройденный три года назад курс новейшей военной истории. — Первый раз они были зафиксированы в две тысячи триста пятнадцатом году. До того наши пилоты не могли противостоять на равных пилотам «котов».

— Мальчик мой, не унижай достойного противника, — мягко пожурил его фон Бок.

— Так все так говорят... — растерялся Вилли.

— Ты — не все. Ты заметил, что ни я, ни твой отец ни разу на твоей памяти на назвали крэнхи «котом»?

— Не обращал внимания... Но теперь вспоминаю, что да... Спасибо за то, что указали мне на это, дядя Карл, больше не повторится.

— Продолжай.

— Так вот, один истребитель крэнхи разменивался на два наших. Это физиологическое ограничение, у них быстрее реакция и сильнее костный и мышечный каркасы. Улучшение наших истребителей давало некоторое, все упиралось в пилотов, не способных реагировать с нужной скоростью. Попытки доверить управление компьютеру ситуацию не улучшили — компьютер не обладает человеческой интуицией, способен действовать только по схеме. Крэнхи быстро вычисляли эту схему и уничтожали наши космолеты. Как только ни изгалялись земные инженеры и медики, но ничто не помогало — наши потери вдвое, а то и втрое превышали потери противника.

— Пока все верно, — поощрил контр-адмирал. — Дальше.

— Однажды был обнаружен очередной артефакт Лонхайт, в памяти которого нашли схему телепатического управления малыми космолетами. Ее без промедления поставили на несколько экспериментальных машин, однако это тоже ничего не дало — реакция пилотов повысилась незначительно. После этого на проект махнули рукой, а эти космолеты остались в дальнем ангаре станции «Ярослав Мудрый», на которой проводились испытания. Данную станцию содержала Российская Империя, хотя экипаж, как и на всех остальных, был смешанным, но русские все же превалировали. В начале века она контролировала девятнадцатый сектор и постоянно подвергалась нападениям крэнхи, поскольку там и обнаружили означенный артефакт. В феврале 2315-го года противник неожиданно атаковал станцию большими силами. Во время сражения практически все штатные пилоты погибли, также не осталось запасных машин. Попробавшись хоть как-то продержаться до подхода помощи из соседнего сектора, командующий станцией вспомнил о находящихся на гауптвахте пятирех пилотах-разгильдяях, которых собирався отдать под трибунал за невменяемое поведение. Скорее от отчаяния, чем по

здравому размышлению, он распорядился выпустить их и отправить в бой. Однако машин для этих пятерых не нашлось, кроме тех самых экспериментальных. И пилоты вылетели на них, подключив себе импланты прямой телепатической связи с машиной. Случившееся затем вызвало шок не только у крэнхи, но и у всех на станции. Пятеро нарушителей дисциплины, отринув все каноны космического боя, буквально вымели истребители крэнхи из пространства, уничтожив более тридцати машин. Их реакция на порядок, а то и больше превышала человеческую. Когда все закончилось, за вернувшихся пилотов взялись ученые. В конце концов они пришли к парадоксальному выводу — использовать в полной мере машины с телепатическим интерфейсом способны только люди определенного психологического склада, причем каждый из них должен в обязательном порядке являться человеком искусства хотя бы потенциально — поэтом, художником, музыкантом или актером. Имеется в виду — божьей милостью иметь талант. Вот, вобщем-то, и все, что нам рассказывали на лекции...

— Неплохо, но явно недостаточно, — вздохнул фон Бок. — Хотя я и сам не знаю больше. Нужно выяснить, почему они себя так ведут, а главное, почему командование им это позволяет. Я, к сожалению, раньше данным вопросом не интересовался.

— Можно вызвать главного медика станции, — предложил Вилли. — Уж он-то обязан знать.

— По некоторым причинам я не хочу афишировать свой интерес, — неохотно пояснил контр-адмирал. — Поэтому поговорить с медиком, да и с другими людьми, поручаю тебе. Постарайся сделать это аккуратно, мотивируй своим личным интересом.

Фон Боку не хотелось признаваться, что он просто проигнорировал переданные ему командование материалы, посчитав себя достаточно компетентным, чтобы разобраться в любой ситуации. Как выяснилось, он переоценил себя. И это было очень неприятно.

Внезапно взревевшая сирена боевой тревоги заставила обоих вскочить на ноги и выбежать из каюты. Контр-адмирал со всех ног ринулся к командному пункту, лейтенант не отставал от него.

— Почему тревога? — выдохнул фон Бок, врываясь в командный центр.

— На подступах к базе зафиксированы авианосец крэнхи в сопровождении линкора и двух крейсеров, — доложил вахтенный офицер. — Атака ожидается через сорок минут.

— Беру командование на себя! Приказываю эскадре охранения выдвинуться в сторону противника и связать его боем. Ей придаются восемь эскадрилий штурмовиков. Линкору «Александр Освободитель» оставаться в резерве базы. Истребителям оставаться на базе в боевой готовности.

Вахтенный офицер тут же передал по назначению приказы контр-адмирала. Замершие недалеко от станции линкор «Президент

Рузвельт» и два вспомогательных крейсера в сопровождении четырех эсминцев снялись с места дислокации и двинулись к границам сектора, следуя за идущими впереди эскадрильями штурмовиков, роями вылетевших из стартовых аппарелей «Роберта Ханлайна». Второй приписанный к станции линкор остался на месте.

— Господин контр-адмирал, а почему вы не отправили в бой «безумцев»? — едва слышно поинтересовался адъютант, которому разрешено было задавать любые вопросы, чтобы набраться опыта.

— Противник атакует не слишком большими силами, — объяснил фон Бок, напряженно вглядываясь в тактический экран и отслеживая любое изменение ситуации. — Эскадра вполне в состоянии отбить нападение. Пусть «безумцы» пока побудут в резерве, их слишком мало, не хотелось бы никого из них терять, слишком ценны.

Крэнхи атаковали по классической схеме, словно по учебнику, что сразу насторожило контр-адмирала — непохоже на них, обычно флотоводцы противника находили чем удивить. Почему же теперь они действуют так кондово? Ведь численный перевес на стороне землян! Что-то здесь не то, крэнхи однозначно что-то задумали. Вопрос: что?

Сражение началось тоже по классической схеме — линкоры и крейсера обменялись залпами ракет на дальней дистанции. Ни одна из ракет не достигла цели, все были сбиты лазерной защитой. Имея численный перевес, земляне начали охватывать силы противника по сфере. А крэнхи почему-то не выпускали истребителей. Странно, почему?

Фон Бок смотрел на все это и все больше недоумевал. Происходящее с каждой минутой не нравилось ему все больше и больше. Почему они медлят? Ведь через несколько минут линкор с крейсерами подойдут на дистанцию прямого залпа — и крэнхи мало не покажется. Огневая мощь земных линкоров в полтора раза превышает мощь линкоров крэнхи.

Внезапно из аппарелей вражеского авианосца выскользнули мошки истребителей, всего четыре эскадрильи — двадцать восемь машин. В эскадрилье крэнхи, в отличие от людей, было не пять, а семь истребителей. Контр-адмирал недоуменно пожал плечами — поздно же! Они просто не успеют справиться со штурмовиками, и эскадра без проблем отстреляется.

Того, что случилось дальше, никто не ждал — истребители крэнхи неожиданно разошлись в стороны немислимыми ни для кого, кроме «безумцев», виражами, обошли строй земных штурмовиков и по ломаным траекториям ринулись к линкору.

— Дайте крупным планом изображение истребителя крэнхи! — хрипло каркнул фон Бок, что-то заподозрив.

Посмотрев на экран, он мертвенно побледнел и крикнул:

— Выпускайте «безумцев», срочно!

Взглянув на экран, побледнели и остальные люди в рубке. Неизвестной формы машина, явно какая-то новая модификация, была

вся расписана аляповатыми изображениями невиданных зверюшек. Нос выглядел распахнутой пастью с окровавленными клыками. На капоте был нарисован цветок нежно-василькового цвета.

— О Господи! — выдохнул адъютант. — У них появились свои «безумцы»...

— Похоже на то... — пробормотал контр-адмирал. — Гром и молния! Шайзе!

Из выходных аппарелей «Роберта Хайнлайна» с шутками и прибаутками в эфире выскользнули тридцать истребителей — шесть эскадрилий. И тут же дали форсажный ход, рвась к месту боя. А там происходило избиевание линкора — от штурмовиков «безумные коты» отмахивались, как от мух, уничтожая их походя, чтобы не мешали. А от залпов крейсеров просто уворачивались.

— Когда они будут на место? — хрипло спросил фон Бок.

— Через шесть-семь минут, — доложил оператор сканирующих систем.

— Хоть бы линкор уцелел...

При мысли о том, что погибнет линкор, да еще и американский, контр-адмиралу стало дурно — вонь поднимется страшная. По комиссиям затаскают, замучают вопросами, почему он отправил в бой американский, а не русский корабль. Русские же наоборот посчитают, что потеряли из-за него честь, оставаясь в тылу.

Линкор находился уже на последнем издыхании, когда в бой подобно смерчу ворвались «безумцы», одним махом уничтожив два истребителя крэнхи. Остальные тут же перегруппировались и накинулись на нового врага. Началась безумная карусель, в которой понять что-либо со стороны было невозможно. И люди, и крэнхи творили невозможное.

Земная и крэнхианская эскадры оттянулись в стороны, наблюдая за сражением со стороны. Только экипажу «Президента Рузвельта» было не до того — линкор пытался добраться до станции, рыская со стороны в сторону. Подошедший «Александр Освободитель» тоже не стал ввязываться в бой, предоставив «безумцам» самим разобраться со своими собратьями по безумию. Да и правильно, в этой свалке ему делать было нечего.

— Штурмовикам сопровождать линкор до станции! — приказал фон Бок, не отрывая глаз от тактического экрана.

— Наш истребитель погиб, — глухо доложил вахтенный офицер.

— Кто?

— Лейтенант Шнитке...

— Светлая память... — скрипнул зубами контр-адмирал. — Вывести общий канал в громкую связь.

Он решил, что раз ничего не в состоянии понять визуально, то хотя бы реплики пилотов слышать — может, из них станет хоть что-то ясно. Однако того, что услышал, ожидать фон Бок никак не мог.

— Эй, котяра, ты чего это на носу намалевал? — раздался из динамиков веселый голос капитана Суровцева, говорившего на крэ'нхау, которые все офицеры Объединенного Флота должны были знать в обязательном порядке. — К мисочке молока спешишь?

— Нет, трахнуть бабу на твоём носу собираюсь, — столь же весело ответил ему какой-то крэ'нхи на интерлингве, ошибиться было невозможно, только «коты» говорили с таким непередаваемым шипящим акцентом.

— Подставь мне бочок, дорогой мой коток! — влез в разговор лейтенант Шнеерзон, израильтянин. — У тебя там такой цветочек чуденький, так и просится под мою торпеду!

— А поцеловать меня под хвост, обезьяна, не хочешь? — ехидно поинтересовался еще один крэ'нхи. — Я даже духами там помажу, специально для тебя!

— А может, скипидарчиком лучше?

— Себе оставь! Для клизмы.

Гробовое молчание царило в командном центре «Роберта Хайнлайна». Фон Бок сильно подозревал, что такое же молчание царит сейчас в центральной рубке крэ'нхианского флагмана.

— Вот уж родственные души... — осуждающе поджал он губы. — Нашли друг друга.

Безобразие продолжалось еще минут пятнадцать. Как только «безумцы» и «безумные коты» не издевались друг над другом. Одно временно они вытворяли в пространстве такое, что оставалось только восхищенно качать головами. А затем истребителя землян собрались в ромб, то же самое сделали крэ'нхи. И эти два ромба бешено завертелись друг вокруг друга, уже не стреляя, а, похоже, таким образом отдавая честь достойному противнику. После этого ромбы красиво разошлись и двинулись к своим базам.

— Господин контр-адмирал! — вскинулся офицер связи. — Крэ'нхи просят не стрелять, они уходят.

— Прекратить огонь! — тут же приказал фон Бок, понимая, что с наличными силами преследовать вражескую эскадру смысла не имеет. — Отбой тревоги!

В том, что крэ'нхи действительно уходят, контр-адмирал не сомневался — они никогда еще не нарушали своего слова. Дождавшись, пока полуразрушенный линкор доберется до станции, он распорядился тут же начать спасательные и восстановительные работы. Вскоре доложили, что истребители и штурмовики вернулись в ангары, и фон Бок, ощущая крайнюю усталость, решил немного отдохнуть. Новое нападение вряд ли произойдет сегодня.

Однако подремать контр-адмиралу удалось не более двух часов, его разбудил адъютант.

— Ваш приказ выполнен, господин контр-адмирал! — доложил он.

— Какой еще приказ? — спросонья не понял фон Бок.

— Вы же поручили поговорить с главным медиком о «безумцах»... — лицо лейтенанта стало растерянным.

— Ах да! — вспомнил контр-адмирал. — Хорошо, докладывай. Только сделай мне сначала чашечку крепкого кофе.

Много времени Вилли на это не понадобилось, кофе он варить умел с детства, тем более миниатюрная электрожаровня в каюте была. Получив вожаденный напиток, фон Бок с наслаждением понюхал его и, сделав первый маленький глоток, вопросительно посмотрел на лейтенанта.

— Удалось узнать следующее, — начал тот. — С «безумцами» все далеко не так просто, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что если призвать их к порядку, не позволяя творить безумства, то их полетное мастерство резко снижается — это неоднократно проверено на практике. Поэтому им и позволяют все, тем более, что их безумства в общем-то безобидны — физического вреда ни один из них никому не нанес.

— Тогда я не понимаю смысла моего назначения сюда, — нахмурился контр-адмирал, — если это только не обычные бюрократические игры.

— Откуда мне знать, дядя Карл? — развел руками Вилли.

— Это все?

— К сожалению, нет.

— К сожалению? — приподнял брови фон Бок. — А почему к сожалению?

— Земля, используя свои таланты таким образом, лишает себя культуры в будущем... — тяжело вздохнул адъютант, — Поскольку таланты большей частью гибнут, становясь пилотами-истребителями, культуру подминают под себя бездари. От рассказанного медиком у меня волосы дыбом встали. По всей Земле отслеживают талантливых детей с самого раннего возраста, направляя их затем в летные школы, хотя они того или нет.

— Это правда?.. — контр-адмирал даже потряс головой от неожиданности. — Хотя... если интересы Земли требуют такой жертвы...

— А что дальше, дядя Карл? — глухо спросил Вилли. — Цивилизация без культуры мертва. Не убиваем ли мы себя сами таким образом?

— Не знаю, может и так... — развел руками фон Бок. — Но есть надежда, что эта война в конце концов закончится. Она не вечна. Мне кажется, что у нас с крэнхи значительно больше общего, чем мы думаем.

Он немного помолчал, затем сказал:

— А теперь я, с твоего позволения, вздремну еще полчаса. Устал сильно.

Адъютант вскочил, отдал честь и поспешил покинуть каюту. Контр-адмирал вынул из глаза монокль и снял китель. Однако до дивана он добратся не успел — раздалась трель звонка, сообщающего, что кто-то пришел. Фон Бок ругнулся про себя, накинул китель и, оставив монокль

на столе, открыл. Чтобы понять, кто перед ним, пришлось сильно прищуриться — давало знать полученное полгода назад ранение во время сражения в системе Ориона. В дверях возник полковник Хмелин.

— Господин контр-адмирал! — вытянулся он. — Весь дичный состав уже собрался в главной кают-компании. Ждем только вас.

«Личный состав собрался? — на ходу застегивая китель, думал фон Бок. — Интересно, зачем? Ладно, разберемся».

Подосадовав про себя на то, что забыл монокль в каюте, контр-адмирал двинулся за полковником. Ладно, впрочем, не в командный центр, обойдется как-нибудь.

Войдя в главную кают-компанию «Роберта Хайнлайна», способную вместить в себя весь экипаж, фон Бок остановился. Что-то было не так, неправильно. Не сразу до него дошел резкий запах алкоголя. Здесь кто-то пил водку! Но этого не может быть! Пить спиртное на космических станциях строжайше запрещено...

Он ринулся к ближайшему столу, прищурился и увидел капитана Суровцева вместе с еще несколькими «безумцами». Хотя они на сей раз были в форме, однако держали в руках пластиковые стаканчики с водкой, запах не оставлял сомнений. Да они что, совсем с ума посходили?!! Да, им многое позволено, но это уже слишком! Ярость ослепила контр-адмирала и, подняв подбородок, он наконец-то высказал все, что думает по поводу их поведения.

Фон Бок не заметил, как на лице Суровцева появилось все усиливающееся недоумение, сменившееся затем презрением, даже гадливостью. Остальные офицеры, причем далеко не только «безумцы», тоже как-то странно смотрели на него. А затем произошло кое-что, от чего чего контр-адмирал мгновенно онемел и покрылся испариной. Суровцев молча поставил стаканчик с водкой на стол, повернулся к фон Боку спиной, сцепив на пояснице руки. Знак высшего презрения, знак бойкота. К ужасу фон Бока один за другим офицеры следовали примеру капитана. Да что случилось?!

В этот момент напряженный взгляд контр-адмирала упал на стол, и он задохнулся от осознание непоправимости своего поступка. Посреди стола стоял стаканчик, накрытый куском хлеба. Это была не пьянка, это был освященный временем флотский обычай поминовения павших — только в этом случае на космических кораблях и станциях позволялось пить спиртное. О, господи, его позвали на поминовение, а что сделал он?!! Это был конец. Конец всему. Жизни, карьере и, самое страшное, чести. После случившегося ни один уважающий себя военный не подаст фон Боку руки.

— Что же вы натворили, дядя Карл?.. — не сдерживая слез, простонал Вилли, не глядя на него.

А затем тоже повернулся и сцепил руки за спиной. Больше никто в кают-компании не стоял к контр-адмиралу, точнее, уже бывшему

контр-адмиралу лицом. Ему объявили бойкот, самое страшное, что может произойти на флоте с офицером. Если у попавшего под бойкот не хватало смелости застрелиться, его без выходного пособия вышвыривали в отставку без промедления, и его детей не принимали в военные училища. Этот неписаный закон скрипя зубами были вынуждены принять даже американцы, русские сумели настоять на своем. И нарушать его не смел никто.

Развернувшись на непослушных, негнущихся ногах, фон Бок, словно робот, вышел из кают-компания и двинулся к себе. Он потерял честь, потерял навсегда. И способ вернуть ее был только один. Контр-адмирал знал этот способ. Другого просто нет.

— Господа, помянем павших! — снова повернулся к столу капитан Суровцев, поняв, что бывший командующий, отныне для них безымянный, ушел.

— Вот же сноб поганый! — скривился лейтенант Шнеерзон, потеряв свой горбатый нос. — Даже монокля своего не напялил. Приперся, наорал, придурок долбаный...

— Монокль?! — лицо адъютанта покрылось крупными каплями пота. — Он был без монокля?!!

— Да, — кивнул полковник Хмелин. — А что это меняет?

— Все!!! Он же без монокля после ранения почти ничего не видит!!! Он должен был на операция ложиться, а вместо этого принял это назначение...

— Мать твою! — побледнел Суровцев. — Так он же просто не увидел...

И кивнул на стаканчик, прикрытый куском хлеба.

— За ним, быстро!!! — заорал полковник, срываясь с места.

Суровцев перепрыгнул через стол и рванул за ним. Следом кинулись остальные. Все ведь уже поняли, куда и зачем пошел контр-адмирал. Произошла чудовищная ошибка. В этот момент никто даже не думал о том пятне, которое ляжет на них.

Они почти успели. Уже схватившись за ручку люка адмиральской каюты, капитан Суровцев услышал сухой треск выстрела из древнего, еще двадцатого века люгера.

Контр-адмирал Карл фон Бок восстановил свою честь.

КИБОРГИ НЕ В СЧЁТ

Если бы Кенди знал, что у Чужака есть остро заточенная шняга, он бы ещё вчера догадался, что никакого завтра не будет. Но Кенди ни о чём не догадывался, пока Чужак не воткнул её в печень Хорьку и не стало слишком поздно.

Кенди тогда почти что и не испугался, удивился разве что, да и то самую чуть — он ведь уверен был, что первым сорвётся и убьёт кого именно Хорёк. А вот не угадал. Чуйка не виновата, она правильно сработала, предупредив о связанных с Хорьком неприятностях, а уж как это предупреждение Кенди растолкует — не её, чуйкино, дело. Сам виноват, если что не так.

И потому, когда Хорёк захлебнулся на вдохе собственным свистом, захрипел, забулькал и кувыркнулся на грязный пол, скрючился, засучил ногами, зажимая бок и выплёвывая кровавые ошметки, когда заорали все, — кто испуганно, кто яростно, когда Чужак прижался спиной к ребристой переборке и заверещал истерично, размахивая шнягой налево и направо, а Дед полез Чужака убивать — только Кенди остался спокойным. Не потому, что храбрый такой — храбрый? Кто, Кенди?! Гыгы три раза. Просто Кенди уже мёртвый был, а мёртвым чего бояться?

Он умер три дня назад, вот как только увидел Хорька среди в группу зачисленных — так сразу и умер. И отбоялся своё прямо там, в отборочной камере — до обморочной жути, до зелени в глазах и ватных коленок, до острой жалости к себе. Почему так не везёт, почему Хорька именно в их группу, с любыми можно договориться, жить-то всем хочется, но только не с Хорьком, тот пустотой ужаленный на всю голову, с ним ни о чём невозможно договориться, он всегда делает лишь то, чего его левая пятка захочет. Он никогда не сумеет работать в команде, даже если ему к яйцам отбойник прижать, а в одиночном Кенди уж точно ничего не светит, пустая порода. Проще сразу перерезать себе горло.

Так что умер Кенди ещё там, в тамбурной зоне.

И все четыре суточных цикла, пока они пробирались по нижним ярусам тренировочной станции, Кенди был уже мёртв. Двигался, когда надо, ел, когда давали, вроде бы даже отвечал что-то, когда спрашивали. Но не жил, а просто ждал конца, который малость подзадержался, но от этого вовсе не стал менее обязательным. Это другие пытались ещё на что-то надеяться, Кенди же твёрдо знал, что рядом с Хорьком надежды быть не может. Другие — они не знали Хорька, вот и пусть себе радуются, пока могут. Как же, чуть ли не треть пути преодолели, а никто даже и не ранен, полоса препятствий сложная,

но вполне преодолимая, кройги не появлялись ни разу, а крысы вялые — всего-то три атаки и было, и те не сказать чтоб особо серьёзные. Свет погас всего разик, да и то ненадолго, о безвоздушной зоне предупредила исправно мигавшая лампочка сигнализации, а вчера обнаружили белковый синтезатор в рабочем состоянии, скажи кому внизу — не поверит ведь! Чтобы исправный синтезатор — и совершенно ничей, стоит себе, словно так и надо, и никто до сих пор не упёр. Нет, всё-таки правду старики говорили про астридесов, тупорылые они все, жизни не знают, и зажратые, словно кройги на карьерном отстойнике. Даже такое богатство — и то стоит себе посреди коридора, забирай, кому охота, жри сколько хочешь... налопались от пуза, аж до боли, Чужака вон так даже стошнило потом. Кучерявый, зараза, в пинки всех дальше погнал, даже отоспаться не дал толком. Сволочь.

Все ныли, понятное дело, зыркали с ненавистью. Плевались. Хорёк ругался изошрённо и жутко, Кенди даже подумал — всё. Вот сейчас... но Хорёк был слишком сыт и вял, а потому необычайно миролюбив и благодушен. Ну, настолько, насколько он вообще мог быть таковым.

Кучерявый был тогда прав — и это, пусть и не особо охотно, признали все. Опять. Он всегда прав оказывался, паскуда. Противно даже, хотя и полезно. Он ведь не тихарился, не пакостил по мелочи, вовремя предупреждал, если вдруг чё предвиделось. Словно действительно доказать пытался, что команда они. И ведь главное — хоть бы раз ошибся! То ли карту где припрятал, то ли чуйка отменная, то ли действительно не соврал и когда-то ранее дело с подобными станциями имел, кто его знает, Кучерявого. Пришлый человек, непонятный. Поначалу Кенди, увидав синеватый голый череп, на Карьер грешил — там народ отчаянный и завербоваться для них самое то. Да только вербовщики — тоже не пустотой клюнутые, зачем им гнилое мясо? Карьерные ведь не только волосы теряют, в школе ежегодно устраивали особую экскурсию, напомнить чтобы, чем может закончиться плохое поведение и скверная успеваемость.

Вот и у синтезатора Кучерявый тоже был вроде как прав — тормозить нельзя, мало ли что на последнем этапе наворочено. Но можно же было бы хотя бы на денёк задержаться-то, поюзать дармовое богатство. Ведь это же просто уму не представимо, чтобы жрачки — и сколько хочешь, только знай себе на кнопку дави! Учитель так про рай рассказывал, помнится, но Кенди в рай раньше слабо верил. Ад — он понятнее как-то и надёжнее. Единственная надежда на лучшую жизнь. Да и верить в него проще, во всяком случае, обитателям Кейселя, поскольку достаточно на поверхность выйти и голову задрать — сразу и увидишь. Огромная такая бандура, перегородившая чуть ли не треть неба, местами оплавленная и покорёженная, но вполне ещё действующая и нацеленная, кажется, прямо на тебя хищным хоботком стыковочного шлюза. И рядом с хоботком как раз

те буквы и светятся. Он огромный, этот шлюз, челнок запросто входит, Кенди видел на имитаторе. Заглавные буквы на окошечке консоли чуть ли не в два челнока каждая, и с поверхности Кейселя отлично видать, если зрение Карьером не попорчено — «Астр... Дес... 3-я тре..ров..чная станц...». Там ещё дальше было что-то, но поплавлено, не разобрать.

Говорят, с Замбики и ближайших астероидов тоже видно. Врут, наверное. Но как бы то ни было, на Кейселе каждый отлично знает, куда направляются все после смерти, а некоторые так и до. Если повезёт. А вот рая невозможно увидеть — ни на поверхности, ни под ней. Да и кому он нужен, этот рай, если вожделенный ад, где кормят от пуза и можно дожить до сорока — вот он, только отборочный тест пройди?

Ага.

Вот именно что — только.

Пройдёшь его, как же, с такими-то согруппниками. Называть их командой даже мысленно Кенди не хотел, не потому что боялся сглазить — куда уж хуже-то? Просто смысла не видел. Они не команда, и никогда ею не станут, и как бы Кучерявый не распибался, он ничего не способен изменить. Он не такой уж и умный, Кучерявый, раз ничего про Хорьку так и не понял, иначе не погнал бы всех так быстро оттуда. Дал бы людям покайфовать напоследок. Наверное, всё понимать дано лишь мёртвым, а мёртвым из них на тот момент был только Кенди.

Впрочем, всё это так, пустая порода...

— А чё он, чё он?! — верещал Чужак, вжавшись спиной в переборку и вертя перед собою кривую шнягу, с которой во все стороны летели красные брызги. Дед рвался к нему, пытаясь замахать кайлом, но в рукоятку уже вцепился Кучерявый, вывернул из руки, отбросил на следующий уровень, чтобы распалённый Дед не смог сразу подхватить.

Кучерявый странный. Вот и сейчас растолкал всех, склонился над булькающим Хорьком, аптечку потребовал. Голос настолько властный, что Кенди аж дёрнулся, хотя никакой аптечки у него и в помине не было. Аптечка нашлась у Девули, и та — странности продолжают! — протянула её Кучерявому, словно так и надо. Чужак, поняв, что немедленно вот прямо сейчас его убивать не будут, сполз по стенке на пол, спрятал лицо в коленях, зашёлся истеричными всхлипываниями. Кенди его понимал — Хорёк был способен любого довести до подобного состояния, декады не проходило, чтобы его убить не попытались, да только на то он и Хорёк, чтобы из любого кройгятника вывернуться, чуйка жилистая, тренированная, как сейчас подвела — непонятно даже.

Кенди слегка отодвинулся — на полшажочка, не более. Он уже присмотрел узенький верхний маршрут, идущий к потолку и влево по-над основной полосой препятствий. Коридором не назвать — так, подвесная сетка. То ли для отлова решительных да ловких, то ли, наоборот, для отсева дураков, только Кенди наплевать было на потерю или набор баллов, главное, что сетка достаточно хлипкая, взрослого точняк не выдержит. Значит, туда и надо будет рвать, когда начнётся. Оказывается, в том, что ты пока ещё не стал взрослым, тоже есть свои плюсы, пусть и маленькие...

Хорёк захрипел, засучил ногами и замер, не дыша.

Дед пнул неподвижное тело ногой.

— Сдох! Только аптечку зря истратили.

Дед не успел ещё и взгляд отвести от трупа, а Девуля уже ловко резанула Чужака по горлу его же собственной шнягой, он её обронил, когда выть начал. Теперь уже Чужак захрипел, а остальные заорали, загревели ботинками по настилу, захекали, влажно чавкая по живому кулаками и чем поострее.

Кенди не вслушивался, к нему эта суета и шум не имели пока ни малейшего отношения, а, значит, и нечего тратить на них силы и внимание. Верхняя плетёнка только снизу казалась частой и крепко увязанной, на самом же деле верёвки постоянно скользили, узлы разъезжались, вместо надёжных ячеек под коленями то и дело оказывалась пустота. Приходилось раскорячиваться и подтягивать себя на руках, цепляясь за поперечины и надеясь, что они выдержат. Словно угодил на свежий отлив, когда поверхностная плёнка ещё не окончательно отвердела и готова прорваться от любого неловкого движения, только и радости, что почти не жжётся. Пальцы немели, сетка бесконечно разъезжалась под локтями и коленями. Может быть, он ошибся с направлением? Снизу вентиляционная шахта казалась такой близкой. Может, он вообще не продвигается, просто барахтается на месте, как мелкий крысёныш в кройговской паутине? Может быть, эта сетка — и есть паутина, и чем больше он дёргается — тем быстрее на сигнал потревоженной нити прибежит голодный хозяин? На Кейселе кройги не превышают размерами стандартный кислородный баллон, но кто знает, до какой величины они могли вырасти тут.

Страх помог, как всегда — чего-чего, а пугаться Кенди умел качественно. Откуда только силы взялись! Девулей проскользнул оставшиеся метры, ввинтился в трубу всем телом — и уже там, внутри, испугался по новой: а вдруг растянувший паутину огромный кройг именно вентиляционку и выбрал своим жилищем, и сейчас Кенди со всего размаха — да прямо ему на жвалы, не зря же решётка сорвана, да вон и шевеление впереди...

По счастью, это был второй вид страха, парализующий. Тот, который в школе учат всячески подавлять, и никогда, никогда, если рассудок

и жизнь дороги вам... Но у Кенди — хорошая чуйка, она куда лучше учителей знает, когда и что применить. Вот и сейчас — спасительный адреналиногонный страх вышвырнул бы его обратно, и вряд ли сетка бы выдержала повторного надругательства, она и так угрожающе потрескивала при каждом движении. И рухнул бы Кенди аккурат на полосу препятствий — а там, помнится, под воздуховодом как раз обретались острозачёченные такие штуки, часто-часто натканные, словно поперёк коридора опрокинули гигантскую щётку для просеивания породы. Такими щётками очень удобно убивать крыс, пока мастер не видит, а то ругаться будет — руда потом идёт пачканная, могут и сортаж снизить.

Вот как раз на эти острые стержни Кенди бы и нанизало, что твою крысу, если бы страх был правильным, а не парализующим и отнимающим все силы. А так Кенди только облился холодным потом, несколько раз со всхлипом вздохнул, проморгался — и понял, что всё ещё жив. А то, что с перепугу показалось ему жвалами огромного кройга — на самом деле всего лишь вентиляторные лопасти. Вентилятор не работал, и лопасти только чуть покачивались, Кенди пролез между ними и двинулся дальше, стараясь оставить как можно большее расстояние между собственной чуйкой и всем тем, что происходило внизу и более не имело к нему ни малейшего отношения. И не будет иметь ещё долго, если только Кенди удастся уйти подальше и спрятаться понадёжнее.

* * *

Кенди был везунчиком. Про таких обычно говорят, что он и на отвале пустой породы сумеет найти неповреждённый кейс размером с кулак. Вот и с родителями ему просто неслыханно повезло — они были чистыми, вели правильный образ жизни и умерли молодыми. И не умерли даже, а погибли, когда старшему администратору их отдела, только что получившему распоряжение о собственной отбраковке, окончательно сорвало резьбу и он пошёл мочить более везучих подчинённых из вакуумного степлера.

Степлер дырочки делает аккуратные, тут вся проблема в том — где. И сколько. Кинувшийся наперерез охранник, например, к приезду полиции напоминал жертву колонии каменных блох, все личинки которых вылупились и покинули тело-носитель одновременно, а многим прочим досталось по паре-другой лёгких царапин, даже и в статусе не понизили. Кроме слишком ретивого охранника, смертельно не повезло лишь троим, в том числе и родителям Кенди. А вот самому Кенди повезло — тела погибших получили минимальные повреждения. Это вам не взрыв в шахте, когда наследникам остаётся только обгорелая протеиновая каша вперемешку с костями и грунтом, да ещё и фонащая так, что её даже на переработку не возьмут, прямиков в отстойник.

Две печени в хорошей сохранности, одно здоровое сердце (в мамином обнаружился небольшой дефект), два полных комплекта незатронутых кейселикозом лёгких, три довольно крепкие почки (тут подкачал папа) и много ещё чего по мелочи позволили Кенди и его старшему брату Эрику не только сохранить за собой высокий статус и жилой модуль на чистом уровне, но и оплатить обоим учёбу в школе А. По мнению Эрика — единственной школе на Кейселе, где обучали действительно нужным вещам.

Вообще-то образование на Кейселе бесплатное и вроде как равноценное во всех двадцати восьми школах, разве что слегка отличается по профильности, об этом не устают повторять представители администрации. И то, что все они — выпускники школы А, это, конечно же, простое совпадение. Если публично пошутить о том, что слова «карьера» и «карьер» отличаются как раз на ту самую букву, без которой в аттестате первое легко превращается во второе, то можно схлопотать двухнедельное понижение статуса. Со всеми вытекающими, вплоть до этой самой карьеры без А. На Кейселе шутки — роскошь, не всем доступная. Лучше не рисковать.

Кенди тогда было четыре, а Эрику — восемь. Тоже повезло, как раз перед самым распределением всё случилось. Если бы уже зачислили под другую букву — перевестись оказалось бы куда сложнее и лёгких могло не хватить, а так придраться не к чему, жребий, и нечего гнать пустую породу. А директор — тоже человек, к тому же старенький, за тридцатник уже, и живёт на самой границе чистой зоны, и дышать наверняка хочет. А сколько ему осталось дышать, старыми-то перхалками? Вот-вот...

Учили в школе А хорошо, хотя и гоняли сильно. Особенно по чуйке. Эрик говорил, что ни в одной другой школе её тренировкам не уделяют столько внимания, и что это очень здорово, а Кенди сначала трудно пришлось. Он ведь спонтанным везунчиком был, от рождения, даже и не думал, что это дело ещё и тренировать можно, как простую мышцу. Оказалось — таки да, и мышц там полно, и тренируются они влёт, особенно если за каждый промах достаётся тебе по этим самым мышцам довольно чувствительно тонкой пластиковой розгой. А ещё в школе были занятия по экономике, кейсоведению, торговому документированию и гражданскому праву, и почти не было уроков труда — на карьер возили раз в месяц, да и то в шахты не загоняли, оставляя в верхнем бункере, помогать по мелочи и присматриваться к тонкостям будущей профессии.

В бункере Кенди нравилось — чисто, уютно. Цветные огоньки перемигиваются, цифры на вирт-экранах выстраиваются аккуратными столбиками, диаграммы сменяют друг друга. Красиво. И люди работают красивые, лица не погрызены пещерной экземой, и зубы хорошие, то-то постоянно друг другу улыбаются — хвастаются,

понятно. И ни у одного нет характерной подволакивающей походки — она получается, если человека удаётся спасти после укуса девули. Чаще не удаётся, понятное дело. Но иногда... И не кашляет никто. Работать в таком великолепном месте — о чём ещё можно мечтать? А если работать хорошо и прогнозировать удачно, то по итогам месяца обязательно получишь премиальный билет в бассейн. Настоящий, с водой, а не имитатор. Два на два на четыре метра, трудно даже представить себе, это же больше жилого модуля — и всё это в твоё полное распоряжение на целых тридцать минут. А что, вполне реально, Кенди уже к третьему классу далеко обогнал всех по практической интуиции и минимизации коэффициента разброса удачных прогнозов, чтобы он — да без премии остался? Ха!

Да и жилой модуль у них с Эриком отличный; захочешь на лучший поменять — не сразу и найдёшь, родители на здоровье не сэкономили. Самый защищённый сектор, пятикратная фильтрация, стабильная платформа и гарантия по крайней мере пятилетней работы в автономном режиме, это уж на самый крайний случай. Чудо, а не модуль, живи-не хочу!

Кенди не хотел.

* * *

— ...Ещё ничего не потеряно. Мы все пройдем. Все. Слышите? Скольким удастся дойти — столько и пройдут, никакой финальной жеребьёвки, никакого отсева, главное дойти. Всем вместе! Вместе проще. Что вы заиклились на двух граничных вариантах? Если не все, мол, то лишь сильнейший... Бред! Ну ведь бред же, сами подумайте! Пугают вас просто, поймите! Это же невыгодно. Бессмысленный перевод ценного материала. Промежуточная лазейка реальна не менее, главное — поверить. Всего лишь. Это несложно. Я знаю, о чём говорю, я работал с этими системами, там в основу как раз взаимовыручка и доверие забыты. Причём параллельно, а не последовательно, и поэтому, если не получилось с первым, второе всё равно сработает. А мы и по первому немало баллов набрали. И ещё наберём — если успокоимся, не разбежимся и перестанем вести себя, как кройги в банке...

В голосе у Кучерявого прибавилось хрипотцы — похоже, говорить ему пришлось в последнее время очень много. И громко. Голос звучал устало, но спокойно, уверенно так звучал, убедительно. Его слушали внимательно и вроде бы даже кивали, соглашаясь — те, на кого Кучерявый смотрел.

А вот Девуля смотрела на Деда. С прищуром этак смотрела, словно бы сквозь прицел, и к тому же по особому приподняв брови. А потом ещё и глазами повела — сначала в сторону Кучерявого, а потом снова на Деда, уже вопросительно. При этом она не шевельнула ни одной

лишней мышцей, продолжала сидеть в полной расслабленности, привалившись боком к переборке. Шевеление за спиной Кучерявый бы наверняка уловил, даже если и наврал, что он из бывших астридесов, шевеление любой уловит, если чуйка хотя бы слегонца тренирована, а обладатели нетренированных до совершеннолетия не доживают.

Переглядывания — дело другое.

Дед нахмурился, пожевал губами, буравя спину Кучерявого тяжёлым взглядом. Тот не обернулся, но плечами передёрнул, словно стгоняя назойливую муху. Дед поспешно отвёл взгляд. Покосился на Девулю, поморщился и отрицательно качнул головой. Девуля в ответ шевельнула бровями — что-то среднее между «второй раз предлагать не буду» и «не больно-то и хотелось» — и закрыла глаза. Нападать на Кучерявого в одиночку она явно не собиралась, даже со спины. Астридес там или нет, но он не чета Чужаку, так просто в отвал не скинешь. Лучше на самом деле отдохнуть, пока есть время.

Кенди было очень хорошо её видно — решётка воздуховода располагалась как раз напротив. Повезло — свой налобный фонарик он выключил, ещё когда спать укладывался, и теперь из освещённого коридора сквозь крохотные дырочки фиг что в тёмной трубе углядишь, а самому Кенди всё отлично видно. Только вот уходить нельзя — бесшумно отползти не получится, а шорох наверняка привлечёт внимание. Труба тут широкая, потому и выбрал именно этот отнорок, что развернуться можно. Но теперь это преимущество уже в минус. Наверняка попытаются достать, если услышат и догадаются, что это именно Кенди шебуршит. Та же Девуля и попытается.

Нет уж.

Лучше переждать, замерев и дыша аккуратненько. Вряд ли они на долгий привал остановились, иначе Кучерявый бы уже в караул кого назначил, да и рационами бы все хрустели, перед сном самое то натрескаться, лучше ляжет.

От того, что ещё недавно считалось командой, осталось пять человек, кроме Кучерявого. Братьям Гризли, похоже, уйти не удалось, иначе не болтался бы кистень старшенького на поясе у Забойщика. Если бы хоть один из троицы в живых остался, не отдал бы братнину шнягу на поругание. Ага, вон и кастет младшего Гризли у Мальца посверкивает, как раз по руке пришёлся. Если присмотреться, то наверняка у кого-нибудь и шняга среднего обнаружится. Неплохо. Трое довольно грозных соперников ушли в отвал. Хорёк и Чужак тоже сброшены, эта группа в целом пока угрозы не представляет, Кучерявый почему-то убивать никого не намерен. Во всяком случае — пока. Своя логика в этом есть, группой действительно проще пройти оставшиеся препятствия. Кенди даже на секунду-другую задумался — а не поторопился ли он. Но не на дольше. Как раз где-то между первой и второй секундами окончательно убедился — нет.

Не поспешил. Очень вовремя удрал. Единственный шанс для Кенди сейчас — быть в стороне. Затаиться и выждать.

Проще — это для группы в целом, но никак не для самого слабого её звена. Теперь, когда их уже не двенадцать, нет никакого смысла оберегать слабаков и помогать отстающим. Наоборот. Чем меньше их окажется на финише — тем лучше. Семерым не замкнуть контур, в котором двенадцать гнёзд-ячеек, так что командный вариант отпадает. Теперь выйти сможет лишь один. Или — или, градация чёткая. Или докажите, что вы сработавшаяся команда, тогда вас примут всех. А если нет — то лишь одного. Сильнейшего. Так крысиных волков выращивают, которых потом даже кройги боятся.

Кучерявый смешной. Лазейка, ха! Кому же охота умирать, если до последнего остаётся надежда? Понятно, что никому. Вот и верят. Мало ли... ведь вовсе не обязательно быть самым сильным, чтобы выжить. Можно просто — самым везучим.

— Подъём! Нечего расслаживаться, *стенка* ждать не станет. Надо постараться засветло пройти хотя бы качалку.

Кучерявый шёл первым. Интересно — самонадеянный дурак, или же наоборот как раз, слишком опытный и отлично знает повадки девуль, как ползучих каменных, так и двуногих?

Кенди выждал, пока лёгкий шорох затих вдали, и осторожно по-полз следом.

* * *

Качалка забрала Мальца.

Словно отыгрываясь за предыдущее везение, на самом простом финальном участке, который даже Кенди прошёл бы с завязанными глазами. Как можно не заметить силовую струну, ведь рядом с нею воздух буквально гудит от напряжения? Углядеть ты её не углядишь, конечно, но не заметить...

Малец — не заметил. И теперь его голова и кусок плеча с рукой лежали справа от путеводного бруса-качалки, а остальная часть тела — слева. То ли струна шла наискосок, то ли Малец в последний момент пытался пригнуться. Брус продолжал качаться, негромко поскрипывая и постепенно уменьшая амплитуду — все тренажеры включались и выключались автоматически, по датчикам движения, чтобы не тратить зря энергию. Значит, прошли совсем недавно, а ведь Кенди не торопился.

Тяжело проходили. Нервно.

На третьем бруске по левой стене — свежие брызги. Значит, ещё кого-то приложило. Или даже двоих — брусся обычно попарно проходят, так куда проще. Хорошо бы Девулю или Кучерявого, они самые опасные. Жаль, что не сцепились на том привале... убить друг друга, может, и не убили бы, но вот серьёзно ранить — вполне.

В заброшенных вентиляционных шахтах ловушек не было — они сами были ловушкой для любого взрослого или даже подростка. Кенди рос мелким и щуплым, в двенадцать выглядел скорее на восемь, но и он местами с трудом протискивался, особенно на поворотах. Там вообще приходилось на выдохе — и надеясь, что сразу за поворотом будет чуть посвободнее и появится возможность вздохнуть.

* * *

Девулю Кенди обнаружил, когда спустился зарядить фляжку — она совсем подседа, за день выдавала миллилитров сто пятьдесят, ну двести, и грозила вскорости и вовсе разрядиться, а горло в пересушенном воздухе першило постоянно и пить хотелось. Вот и спустился к розетке. А пока фляжка заряжалась, аккуратненько заглянул в соседние коридоры — так, на всякий случай. Обнаружил четырёх распоротых крыс. И Девулю с выжженным лицом. Значит, кто-то умудрился протащить электрошокер.

Паршиво.

Конечно, то, что Девуля выбыла, не могло не радовать, только вот шокер — это уже серьёзно. Тем более, что у Кенди было подозрение, кто именно мог оказаться его счастливым обладателем. И подозрение это оптимизма не добавляло. Скорее, добавляло невесёлых мыслей о том, какую ещё шнягу бывший десантник мог запрятать так, чтобы сканер в тамбурной зоне не заметил.

Поэтому, дождавшись, когда фляга полностью зарядится и впервые за последние циклы напившись вдоволь, Кенди не стал сразу возвращаться в уже освоенный воздуховод, а сперва нашёл вертикальную шахту, и потом уже вернулся к ней по трубе. И полез вверх.

Он всё равно не собирался преодолевать тестовые препятствия и набирать бонусы, победа по баллам ему уж никак не светит, так чего тянуть? Лучше добраться до финишной площадки первым и посмотреть, что и как там можно подготовить для торжественной встречи.

* * *

Он лез довольно долго, шахта изгибалась то в одну, то в другую сторону, и, похоже, это окончательно сбило Кенди с нужного направления. Потому что утром третьего цикла он увидел *стенку*. И при этом не сверху, что было бы ещё объяснимо, хотя и непонятно, а слева, куда уходила воздушная труба этого яруса, что вообще ни в какой шлюз...

Причём очень близко увидел — буквально руку протяни.

Спасла его крыса, мелкая и перепуганная. Она тяжело протопала по груди, разбудив, мазнула шершавым хвостом по щеке, с писком заметалась между закругляющимися стенками трубы и самой *стенкой*,

а потом вдруг, яростно зашипев, прыгнула в медленно приближающуюся серебристую муть.

Вспышки не было

Только лёгкий треск и свежий запах, как после сильного электрического разряда...

Хорошо ещё, что Кенди никогда не устраивался на ночёвку в отсеках с единственными выходами. Он пополз вправо, как лежал, на спине, боясь разогнуть ноги и почти точно так же боясь оторвать взгляд от *стенки* хотя бы на миг, словно она только и ждёт подобного, чтобы прыгнуть. Ему казалось, что она приближается на глазах, хотя и ребёнку известно, что движение *стенки* увидеть практически невозможно.

Пришёл в себя он только когда добрался до очередной вертикальной шахты. И уже совсем было собирался в неё полезть, когда понял, что смысла нет — *стенка* шла без наклона, практически вертикально. А это значило, что Кенди добрался до финишного уровня и теперь надо найти лишь площадку.

Как раз раздумывал — стоит ли рискнуть и спуститься в коридор? Да, в коридоре просторнее, и ловушек на финишном уровне быть не должно, но вдруг сюда добрался кто из бывшей команды? Последнее время Кенди старался держаться от них подальше и не знал, выбыл ли кто ещё.

В удавильне с Кучерявым оставалось только двое — Дед и тихий парнишка с нижнего сектора, имени которого Кенди не запомнил. И немудрено — парнишка почти всё время молчал, теряясь где-то на заднем плане. Был он ненамного старше самого Кенди. Но это вовсе не значило, что остальные ушли в шлак — Забойщик, к примеру, откололся сразу после качалки, и вполне себе живым откололся, Кенди видел его потом, кравшегося вдоль коридора. Мог и ещё кто посчитать, что в одиночку — оно надёжнее будет.

Но ни на что решиться Кенди так и не успел — к горлу подкатила тошнота, свет мигнул, а потом и погас совсем. Невесомость исчезла так же быстро, как и возникла, вмиг ставшее неподъёмным тело впечатало в тонкую переборку, а затем, продавив её и оцарапав зазубренными краями бока, швырнуло вниз, в темноту и беспамятство...

Первой вернулась боль.

Кенди попытался перевернуться, застонал и понял, что слух тоже включился. Зрение порадовать не спешило, затягивая мир мутно-багровой пеленой. Кенди осторожно пошевелил руками, потом — плечами и головой. Ощупал грудную клетку. Кажется, опять повезло и ничего серьёзного не задето. Голова болит, но раз больше не тошнит, значит, сотрясения нет. Шее мокро и липко, но это тоже хорошо — значит, кровоотечение не внутреннее. Глаза целы... кажется... хотя и странно — вроде проморгался, но пелена никуда не исчезла.

Говорят, с чужими глазами так бывает, но после операции прошло уже больше месяца, Кенди привык и ничего подобного раньше не замечал. Да и не совсем они чужие, если уж на то пошло, родная кровь...

И тут Кенди понял, что глаза ни при чём — это просто включилось аварийное освещение. Значит, взрывом на станции повредило что-то важное? Хорошо бы — *стенку*, да только такого везения вряд ли... Или астридесы снижением освещения наказывают зарвавшихся претендентов? Ведь рвануло внутри испытательной сферы, значит, кто-то таки протасил... Сканер-то на шлюзе старенький, в школьной проходной и то куда навороченней стоит, если бы Кенди знал, какое тут старьё, сам бы попытался. Хотя бы ту шнягу, что от брата осталась... Кучерявый, сволочь... Он-то точно знал. Наверняка он, больше некому.

Кенди попытался сесть — и понял, что не может шевельнуть ногой. Вообще не может, а вовсе не потому, что больно. Хотя и больно, конечно, тоже.

Опираясь на руки и стараясь не шевелиться ниже чуйки, слегка развернулся — так, чтобы уже можно было посмотреть и понять.

И осторожно лёг обратно.

Ниже колен ног не было. Вернее, может быть, они и были — где-то там, под завалом. Под хорошо утрамбованными плитами асбокевлара, скользкими и неподъёмными. Откуда они здесь? Из них же вроде только обшивку...

Осторожно попробовал подтянуться на руках. Если ноги застряли несильно, может быть, удастся...

Не получилось.

Пришлось долго глубоко дышать, опустив голову к самому полу и ожидая, когда же отступит полуобморочная муть.

Может быть, поэтому шорохи Кенди слышал не сразу. И поначалу даже не понял — откуда. Завертел головой, пытаюсь разобрать. Чуйка молчала, словно напрочь отбитая. Слева завал, над ногами завал, наверху дыра с торчащими перекрытиями. Откуда шуршит? И, главное — что? Для *стенки* вроде бы рано, да и бесшумная она. Во всяком случае — пока органику не встретит. И без неё опасностей вполне достаточно для попавшего в ловушку человека. Даже крысы, пусть они тут и вялые, но одно дело когда ты стоишь на своих двоих и можешь отмахиваться, а они мечутся под ногами — и совсем другое, когда ты с ними на одном уровне, да ещё и к полу прищилен. Но почему-то испугаться крыс не получалось. И даже кройг пугал не настолько... Да нет, рано для *стенки*, ну не мог же он тут в отключке больше суток проваляться...

Или мог?

До рези напрягая глаза, Кенди всматривался в левый завал. Там обломков почти не было, просто загнул вниз, до самого пола, потолочные плиты, скрутив коридор винтом. Показалось или нет, что плиты словно бы вздрогнули? Самая крупная шла почти вертикально, и от неё, на глазах

мутнея, начала медленно отделяться тень. Такая же почти вертикальная, смутная и дрожащая. Отделилась, набирая вес и на глазах твердея...

И осыпалась на пол с уже знакомым шорохом.

Пыль.

Просто пыль...

Плита дрогнула ещё раз, и ещё, теперь уже видно отчётливо, и каждое вздрагивание сопровождалось глухим скрежетом. В щели между нею и полом завозило что-то тёмное, плохо различимое в аварийном освещении. Плита заскрежетала возмущённо — и начала медленно отгибаться.

Кенди почему-то совершенно не удивился, когда в расширившуюся щель девулей проскользнул Кучерявый.

* * *

Кейсель — самое дно, нижний отсек карьера. Ниже уже некуда. Все пути отсюда ведут только вверх, и там наверху надо лишь зацепиться. Тренировочная станция — самый реальный шанс, надо только как следует постараться и стать самым лучшим. Будь самым лучшим — и тебе обязательно повезёт. Это знает любой, потому что на каждом плакате написано. Главное — быть лучшим.

Эрик и был таким.

Самым сильным, самым ловким, самым безжалостным.

Он бы сумел убить Кучерявого.

Тем более, что тот сам подставился, вот она, шея, достаточно заточенным ногтем чиркнуть — и всё...

Мысли путались

Впрочем, нет. Он же киборг, если не соврал. Вряд ли соврал. Кто, кроме киборга, смог бы вот так, руками, буквально за полчаса, разметать многометровый завал? Он же те глыбы просто расшвыривал, как детские мячики. И на груди — металлом, прямо по коже «астр-дес». И сама грудь, раскрывающаяся, точно шкафчик.

Соврал, ага. Как же. Соврёшь тут, пожалуй.

Может, и с остальным не соврал?

— Не бойся, — сказал он тогда, сдувая пыль с лица. — Я тебя не убью. Я киборг, а киборги не могут убивать тех, кто не помечен, как враг. Даже киборги-десантники. Киборги вообще не считаются, сфера настроена на людей. На сердечный ритм человека. Она должна вырубиться, если внутри есть хотя бы один. Дефектная модель, понимаешь? Если ритм не один, она воспринимает их как шум, и продолжает работать. Их потому и с производства сняли, и поуничтожали повсюду, слишком опасно, только здесь и осталась... Ты не бойся, малыш, мы прорвёмся, я ведь десантник, для десанта нет преград... к вам случайно загремел, авария... бюрократы грёбанные! Три года терять... вот и решил прорываться. Так проще, через отборочный цех... Пытался объяснить. Это ведь просто, остановить сердца. На время. Заглушить ритм. Чтобы только

один. Десять ампул... Я бы и сам, но на меня не подействует. Впрочем, я и не в счёт... Это же только на время, как они не поняли? Умирать на время не страшно, я всегда умираю, когда выключают. Главное, чтобы включили потом. Но тут-то ошибок не будет, включают точно, я был на таких станциях, знаю... Тут врачи отличные. И за проходкой ведётся постоянное наблюдение. Вас ведут, понимаешь? Значит, помогут, когда исчезнет сфера. Всё продумал. Но вы такие... почему же вы — такие...

Он много чего говорил, только Кенди не слышал почти.

Потому что, говоря, Кучерявый отодвинул кусок груди, словно дверцу у шкафчика, и теперь вкладывал в смутно различимые ячейки аккуратные поблескивающие цилиндрики, напоминающие патроны для строительного пистолета. Заметив вытаращенные глаза Кенди, оскалился и захлопнул грудь-крышку.

— Не бойся, малыш. Это просто батарейки. Я не справлюсь в обычном режиме, слишком большой завал. Приходится брать взаймы, на три часа хватит...

* * *

Энергии ему действительно хватило почти на три часа — как раз разобрать завал, вправить Кенди вывихнутую ногу и дотащить его до странной круглой площадки на перекрестье четырёх коридоров, которая, оказывается, и была финишной.

А потом упасть.

— Не бойся, малыш. Это просто режим консервации. Слишком много потратил, теперь надо отключиться. Ты, главное, постарайся их убедить, когда придут. Ты человек, тебе они поверят. Это ведь просто. И никому не надо умирать. Даже мне. Хотя я и не в счёт...

У него была целая пригоршня ампул, казавшихся почти чёрными в аварийном свете, может, как раз десять, и он действительно с самого начала собирался... очень хотелось поверить. Кенди он дал только три. Кенди не спросил — почему. И без того понятно.

Интересно только — кто?

Кенди засунул ампулы в нагрудный карман и понял, что остался один. Киборг свернулся на полу в позу эмбриона и больше не дышал. Тело его быстро остывало. Понятно — зачем тратить лишнюю энергию? Хорошо быть киборгом, свернулся и отключился, когда надо. А Кенди оставалось только ждать.

Он и ждал.

Спал вполглаза. Прятался, затаивался в самом тёмном углу — и снова ждал. Старался не шевелиться лишний раз, чутко прислушиваясь к малейшим шорохам.

И думал.

Он никогда не умел убеждать. Этому не учили в школе, даже в А. Как убедить других в том, во что и сам не очень-то веришь? Киборгу

легко говорить, он ведь и сам признался, что не в счёт, лежит себе в своей консервации... а человеку — как?

Эрик бы сумел. Наверное. Эрик умел быть убедительным, да и взрослый он уже был, ему бы точно поверили. И готовился к испытанию он серьёзно, не то что Кенди, который думал, что в запасе ещё четыре года.

Очень странное дело — раньше Кенди всё вполне устраивало, это Эрик в астридесы рвался, а Кенди полагал, что они и на Кейселе устроились получше многих, так чего же от добра добра искать? Только судьбу гневить. Но оказалось, что ждать одному, зная, что брат хорошо устроился где-то там среди звёзд — это совсем другое, чем ждать одному, зная, что брата больше нет.

Потому он и взял из всего, что осталось от Эрика, только глаза. Остального как раз хватило на проезд до шлюза. Кенди ведь не мог пойти в кассу и купить обычный билет, как все, это только в тамбурной зоне самой базы, где собирают претендентов и формируют из них команды, сканер дряхлый, и идентификатор лишь по сетчатке работает. А внизу, на Кейселе, живой диспетчер сидит, он бы Кенди в челнок ни за что не пропустил, заставил бы ещё четыре года ждать, до совершеннолетия.

А ждать Кенди больше не хотел.

Мысли были короткими и отрывистыми. Иногда Кенди словно бы проваливался в странное оцепенение с открытыми глазами — и не мог бы потом точно сказать, спал или бодрствовал. Очень хотелось пить, но фляга осталась где-то под завалом. Однажды Кенди поймал себя на том, что с интересом разглядывает зелёную ампулу — в ней ведь тоже жидкость, правда? Содрогулся и убрал её к остальным, в нагрудный карман.

Скорей бы.

Когда на финишной площадке включили свет, он уже настолько устал бояться и вздрагивать от каждого шороха, что даже обрадовался. Хотя при аварийном освещении был шанс остаться незамеченным, растворившись в тени, а сейчас он как на ладони — для любого, кто стоит в любом из четырёх тёмных коридоров. И как ни поворачивайся — всё равно один останется за спиной. Даже если прижаться к стене у одного из коридоров, то всё равно будешь видеть лишь три, ближайший окажется вне поля зрения.

Вот ведь забавно.

Интересно — это специально сделали, или так удачно случайно получилось?

Какое-то время Кенди катал эту мысль, разглядывая её с разных сторон и перебрасывая, словно свеженайденный кейс в ладонях. А потом вдруг понял, что думает совершенно не о том, о чём нужно.

Потому что коридоров больше нет. Никаких. Ни тёмных, ни светлых. А есть только *стенка*.

Она уже поравнялась с краем площадки и постепенно поглощала стены, оставив пока только самые выпуклые стыки. Просто стены

тут тоже были серебристо-серыми, а глаза не сразу привыкли к яркому освещению — его, наверное, потому и включили, что *стенка* уже перешагнула порог, чтобы финальную схватку не пропустить, рассмотреть во всех подробностях.

Кенди вскочил, заозирался.

На какой-то миг показалось, что *стенка* наползает со всех сторон, приближается стремительно, готовая через секунду задушить, смять, уничтожить. Конечно же, это было не так. Метр за суточный цикл, скорость сжатия стандартная, её невозможно ускорить или замедлить. Диаметр площадки — метров шесть. Значит, чуть больше двух циклов...

— Сволочь!!!

Кенди подскочил к неподвижно лежащему киборгу, ударил ногой в бок. Взыл — нога оказалась та самая, хоть и вправленная, но не зажившая до конца, а бок — твёрдым, как камень. Киборг, чтоб его! Ударил здоровой. И ещё.

— Ты же сам! Говорил! Киборги не в счёт! Ты же! Сам!!! Брехло!!!

Шлёпнулся рядом, прямо на чуйку. Подтянул колени, упёрся в них лбом. Долбанная сфера сужалась — теперь уже чётко видно, что это именно сфера, тут брехло не соврал. И внутри этой сферы не было никого, кроме Кенди и киборга.

А сфера — всё ещё была.

И значит — киборги тоже умеют врать. Или эта сволочь на полу вообще не киборг — кто их знает, астридесов, что у них за норму считается?

Силы кончились как-то совсем внезапно, злость ушла, а вместе с нею ушли и сомнения. Остался только холодный трезвый расчёт. Глупо верить тому, кто пытается быть самым хитрым. Нельзя доверять обманщику.

А человек он или киборг — дело десятое...

Ничего. Ещё двое суток. Время есть. Что нужно сделать с киборгом, чтобы он из режима консервации перешёл в режим прекращения функционирования? Повреждение основного процессора... вроде они у них тоже в черепашке, зачем изобретать велотренажер, если сама природа... Насколько крепкие у астридесов черепа? Горло передавить Кенди вряд ли сумеет, силы не те, да и без кислорода мозг киборга может существовать довольно долго, а вот если приподнять повыше ту тяжеленную шнягу, что это брехло использовал вместо ломика, да уронить остриём вниз... может сработать. Главное — целить в глаз. Чтобы наверняка. Если кости у него армированные, то фиг пробьёшь, а в глазу точно никакой кости нет.

Целить в глаз — и не вспоминать, как тебя вытаскивали из-под завала. А чего вспоминать, если всё равнодохнуть, если всё равно выхода нет и выбор только в том, обоим тутдохнуть или кому-то

одному, ведь глупо же верить словам того, кто врал, врал всё время. Нельзя верить в то, что кто-то пожалеет и спасёт. Никогда нельзя. Хотелось бы, конечно, но на такие хотелки как раз и ловят лохов, а Кенди не лох, Кенди жить хочет, жить долго, как брат завещал. А значит, и думать нечего.

Глаза щипало, но это просто от обезвоживания. Здесь пересушенный воздух. После операции по их пересадке Кенди ни разу так и не сумел заплакать, ни разу, глупо было бы думать, что получится сейчас, из-за этого брехла. Так и есть — глаза сухие, просто режет, словно песком засыпало.

— Сволочь, — повторил Кенди тихо и уже совершенно спокойно, почти отрешённо. Ударил кулаком в обтянутое комбинезоном плечо. Сидя неудобно замахиваться, и удар вышел слабенький. Но легло конкретно.

И тогда Кенди ударил снова.

И продолжал бить, давя зубами зелёное стекло. И потом, когда уже невозможно стало ругаться, потому что онемели губы и горло, но бить ещё можно было вполне, вот он и бил.

Пока не остановилось сердце.

Как замерцала и исчезла сфера и внутрь быстро и деловито устремились люди с медицинской платформой, он уже не видел...

НАДЕЖДА БАУМАН

СЕРЕБРИНКА

Денек выдался тот еще. Пара вольников повздорила с законниками — или наоборот, их разве разберешь — и у старика-врача было невпроворот работы, пока он латал то одних, то других. Родди сбился с ног, помогая: таскал из колодца воду, нарезал бинты, подтирал кровь. В свою хижину на краю поселка они вернулись затемно, усталые. Едва успели разложить инструменты и поставить воду на горелку, как крикнуло крыльцо и в дверь постучали.

— Кого там еще черти, — заворчал старик. Голос у него был — точно несмазанные петли их хлипкой дверцы. — Если этот Вэсли опять расчесал повязку, то я пальцем о палец...

Он осекся, открыв дверь. Стоявший на крыльце что-то сказал. Родди вытянул шею, но разглядел лишь кусок захламленного двора да небо без звезд.

— Заходи, — сказал врач гостю не своим голосом и придержал дверь. Высокий человек шагнул в лачугу, едва не задев лбом сосохший брус, и встал в круге тусклого света, который давала висевшая на голом проводе лампа.

Усталость Родди как рукой сняло. Звездолетчик! Настоящий. В форме, пусть изорванной и грязной, и с блестящим бластером в исцарапанной ладони, на груди — нашивки. Вошедший тронул их рукой:

— Пилот Ларсен, борт ЮСС-2120 из Доравы. У нас авария на корабле, сели в ваших горах, двое раненых. — Его взгляд остановился на медицинских приборах, разложенных на столе, и глаза зажглись надеждой. — Где у вас тут передатчик? Надо сообщить на станцию.

— А мы без связи, — развел руками старик. От волнения в его голосе проступил новоизраильский акцент. — Магнитные бури, будь они неладны. Я пошлю парня.

Он повернулся к Родди. Тот затаил дыхание: к кому старик обратится — к законникам или вольникам? Секунда растянулась в вечность, когда скрипучий голос рубанул:

— К Главарю. Бегом! Одна здесь, другая там!

Все-таки вольники. Родди, скрепя сердце, выскользнул за дверь и припустил между покосившихся хижин к дому с самым высоким забором. Когда он вернулся, гость сидел на скрипучем стуле, а старик осматривал рану на предплечье.

— ...А без приборов, какие координаты? — говорил Ларсен. — Знай я о ваших бурях... Ну, сели мы в скалах. Чудные они тут: справа белые, слева рыжие. Пока лез через ущелье, ногу вон разодрал.

— Не дрейфь, подлечим, — пробормотал старик.

Он мягко вынул из ладони летчика бластер и распорол рукав у раны на предплечье. На манжетах пилотской формы серебрились кнопки с гербом. Родди давно не видел ничего настолько чистого и блестящего. «Проблеск надежды», — мелькнула странная мысль.

Пилот пошевелил пальцами, хмыкнул:

— Как не свои. Я ж по лесу часов шесть шел и ствол из рук не выпускал. Кто знает, какая на незнакомой планете чертовщина, верно? — Он подмигнул Родди. — Иду, значит, и о ребятах своих думаю. Молюсь, чтобы хоть городишко какой, хоть егерская будка. С орбиты у вас вообще городов не видать. Ну, думаю, пропадем. А тут — врачашкеназ, вот удача!

Старик промывал что-то, отводя взгляд. Родди подавал ему инструменты и не сводил с пилота восторженного взгляда. Наконец не выдержал, спросил:

— Так вы *один* посадили сломанный корабль?

Ларсен устало улыбнулся.

— Да то не поломка вовсе — так, пару кнопок отжать. Хуже было бы, застрянь я на орбите с двумя ранеными.

— В Метрополии я водил катер, — похвастался Родди. — Два года назад почти...

Ашкеназ сердито глянул на него и перебил, обращаясь к пилоту:

— Что с теми двумя?

Летчик подвигал залатанной рукой.

— Навигатору придавило ногу, а второй пилот под декомпрессию угодил. Барокамера у вас тут есть? До города его довести бы...

Дверь резко крутанулась на петлях, впуслав влажный ночной ветер. В дом шагнули трое мужчин, стало тесно. Ларсен без слов распознал главного — высокого и черноволосого с цепким, как у хищной птицы, прищуром; его и звали тут Главварем. Пилот встал навстречу, пошатываясь. Они кратко, по-деловому обсудили тип корабля и происшествие.

— Беда, что связи нет, но хоть низкопарящий катер у вас найдется? — нетерпеливо спросил Ларсен, застегивая воротник, который ослабил в тепле. — И прожектор побольше...

— Вам бы отдохнуть от приключений. Место мы знаем, — Главварь глянул на ашкеназа и тот быстро кивнул. — Парень, проводи-ка звездолетчика...

Родди вскочил со стула, но Ларсен и не глянул на него.

— Что же, я своих брошу? — хмыкнул пилот. — Нет уж, сначала вытаским парней. Я-то целехонек, вон хоть доктора спросите.

Он обернулся к ашкеназу, но тот шагнул прочь из круга света. Ларсен нахмурился и отыскал взглядом в темной комнате свой бластер — тот поблескивал на дальней полке, за спинами у трех мужчин. Главварь смотрел на пилота с любезной улыбкой.

— Ступали бы вы спать, — посоветовал он. — Ей-богу, так всем будет лучше.

Стало очень тихо.

— Да это что ж такое-то? — пробормотал Ларсен.

Со своего места Родди видел, как взгляд пилота скользнул по полкам с кустарным скарбом, по углам и стенам без проводов и приборов, по казенным пластиковым столам и стульям; задержался на странных костюмах людей — где-то перекроенные, где-то приукрашенные, но все словно пошиты из одинаковых серых роб. И Ларсен все понял, и выдохнул страшное слово:

— Патриция.

Главарь развел руками, улыбаясь, словно его поймали на мелкой лжи.

— Занесло вас, а?

— Но... Как же так? — пилот переводил взгляд с одного лица на другое, словно ждал, что сейчас кто-то не выдержит, рассмеется, и все обратится нелепой шуткой. — Ведь была авария... Охранные роботы вышли из строя, пропала связь... Тюрьмы давно нет — так говорит Метрополия.

— Ну в этом-то они правы, — Главарь кивнул на дверь, указывая на все, что пилот видел снаружи: поселок из самодельных лачуг, металлический хлам в каждом дворе. — Тюрьмы давно нет.

— А вы, выходит...

Ларсен недоговорил, но было понятно: заключенные. Бандиты. Преступники. Воры и убийцы.

«Нет! — захотелось крикнуть Родди. — Я — нет! Уже год как свободный». Вдруг стало очень важно рассказать пилоту, что он, Родди, честный, ни в чем не виноват и ужасно не хочет того, что сейчас случится...

Но никому, конечно, не было дело до парнишки, когда нож пронзил темноту юркой рыбкой и застрял чуть повыше серебристой пуговиц-герба на воротнике звездолетчика. Доски скрипнули под тяжестью тела, а Родди услышал свой всхлип словно со стороны.

Через несколько мгновений пилот Ларсен умер. Человек Главаря хрустнул суставом, растирая запястье после броска.

— Могли бы и во двор вывести, — проворчал ашкеназ, глядя, как блестящая жидкость заполняет стыки между досками. — Я в этой комнате ваших же лечу.

На мертвом лице пилота застыла печаль, словно он просил прощения у друзей, которым не сумел помочь. Казалось, и серебристые кнопки на форме померкли, из символа надежды превратившись в знак отчаяния. Теперь они напоминали Родди запонки на тех самых руках, из-за которых он оказался здесь. Коварные руки, обманчивый блеск...

«Завтра же уйду от старика», — подумал Родди. — «Хоть и врач, а не лучше бандитов. Пойду к законникам, они не обидят, они по правилам живут, по-честному. Недаром их лидеры, хоть и лагерники

теперь, но на воле кто в армии служил, а кто в полиции. Зачем, зачем ты, старик, решил позвать вольников?»

Главарь хлопнул себя по коленям:

— Ну что, готовы лететь домой, а? — Он хохотнул и посмотрел на своих людей. — Найдите мне человек пять покрепче, один — обязательно из охотников, чтобы лес хорошо знали карты прием. Кто согласится — тому место на посудине. Кто не согласится... — Он цыкнул зубом. — Законникам трепачей мы не оставляем. И сами не болтайте. Если зайдем корабль первыми, его уж никто не отберет, и мы свалим отсюда — это ясно?

— Без врача на борту вам никак нельзя, — проскрипел старик многозначительно, когда они остались втроем — Главарь, ашкеназ и Родди.

— Тот, кто навел на клад, получает долю, — кивнул бандит. Он покрутил в руках бластер Ларсена, приложился к оружию так и эдак, вроде для забавы, и вдруг направил дуло на Родди. — Парень твой, выходит, тоже все слышал?

В воздухе разлилась угроза. Она забила Родди легкие, заставив слова выходить толчками.

— Я... Да я ни за что! Никому! Как рыба...

— Значит, слышал, — хищный глаз смотрел на Родди сквозь прицел.

— Он у меня не первый год, — сказал старик взволнованно. Пальцы, комкавшие тряпку, побелели. — Вернее собаки.

Главарь качнул головой:

— Нельзя нам тут лишних языков. Это дело такое... Нельзя. Он, наверное, и запоминает хорошо.

Родди попытался, едва не поскользнулся в луже крови и наткнулся спиной на стол. Бежать было некуда, да и не успеть.

— Если ты его тронешь, — изменившимся голосом начал ашкеназ...

...И не договорил, потому что красный луч клюнул его в живот, и слова вышли клокочущим звуком. Старческие колени подломились. Умирая, врач все пытался поймать ладонь Родди и сказать ему что-то. Родди смотрел на него с ужасом и мрачным ощущением своей правоты.

Зачем, зачем ты, старик, решил позвать вольников?

— Старый он, — пожал плечами Главарь, словно стоял над разбитой тарелкой. — Поход не потянет. Не оставлять же его законникам, верно? — Он сунул остывающий бластер за пояс и посмотрел на Родди. — Лучше бы тебе хорошо помнить все, что говорил пилот, юноша.

Дальше все было словно в смазанном сне. В комнатку набились какие-то люди, и Родди, запинаясь, рассказывал им: белые скалы справа, рыжие слева, идти шесть часов по прямой, а из экипажа охромевший навигатор да пилот с баротравмой. Началась суматоха: тела унесли, зато натащили мешков, рюкзаков, инструментов; со стола смахнули медицинский скарб ашкеназа и раскатали самодельные карты... Родди подобрал лекарские принадлежности и сложил в рюкзак, который для него приготовили, а сам уселся тихонько в уголке.

Взгляд то и дело возвращался к темным пятнам на полу, и непонятно было, что страшнее: идти в лес с вольниками или оставаться в доме с такими пятнами. Выбирать ему, однако, не дали.

Они покинули лачугу врача, когда поселок еще спал. Фонари едва разгоняли наползший из леса туман; было тихо. Лишь теперь Родди Prismotрелся к остальным в отряде. Трое — вернейшие вольники Главара. Еще один был охотником, который как-то лечил у ашкеназа укусы; его кожу покрывали узоры, да так плотно, что в полумраке она казалась черной. Звали его Каракуль. Больше других напугал Родди лысый человек с жутким шрамом, будто зубец бороны глубоко вогнали ему в плоть и провели от затылка до левой щеки, попутно снеся ухо. Про Безухого ходили дурные слухи.

Еще тут была темнокожая женщина, которая отчего-то невзлюбила Родди так сильно, что ткнула его со спины под ребра, выбив дух, и недовольно сказала:

— Ну и набрал ты, Главарь, бойцов. Этот цыпленок и палку не удержит!

— Пригодится, — протянул Главарь, разглядывая карту.

— Золотой он, что ли? — подбоченилась женщина. — Что он умеет?

Пускай сидит в деревне, мы няньками не занимались.

— Я могу лечить, — пискнул Родди.

Главарь посмотрел на лес, стволы которого высились перед ними, словно ворота в незнакомый мрачный мир, и сказал:

— Ты, Ева, никак ищешь предлог отказаться? Думай что хочешь, но ни один из тех, кто знает про корабль, в деревне не останется, — и он со значением поправил на плече бластер.

Родди обожгло ненавидящим взглядом, когда Ева закинула на плечи увесистый рюкзак и зашагала к стволам-воротам. Вскоре все они шли по влажному полумраку, и море папоротника, доходившее им до колен, колыхалось от шагов. Родди впервые оказался в лесу и теперь рассматривал узорчатые лопасти растений под ногами, поднимал взгляд к кронам деревьев-исполинов, пробовал на вкус туман. Такую Патрицию он еще не видел, хоть и провел на планете два года из своих двадцати двух. А много ли он вообще повидал?

Сначала Патриция была для него бело-зеленым шариком, как в игре «марбл», на черном бархате за стеклом шаттла. Потом мир сжался до бетонных стен с роботами-надзирателями. Затем случился бунт. Роботы застыли ржавыми куклами, стены пали и больше не стесняли взгляд, но вместе с ними исчезла и крыша над головой, и еда, и порядок. Появились шайки: к вольникам примкнули головорезы, желавшие получать все силой; осужденные полисмены и солдаты стали звать себя законниками и взялись оберегать порядок. Охотники изучили местные леса и живность, поселенцы отправились искать новые земли. Родди не мог решить, к кому примкнуть. Он жил на руинах своей камеры, ожидая подсказки от судьбы, и тут появился ашкеназ. Мир снова стал простым — раздираемый

законниками и вольниками поселок, лачуга да работа на подхвате. Подумать только, какие чудеса все время были под боком!

В полдень сделали привал. Из рюкзаков показались свертки с провиантом и фляги с питьем. Безухий загремел банками, полил и посыпал чем-то ослизлые ветки — огонь бойко затрещал, согревая озябшие пальцы. Зазвучали разговоры, смех. Один из вольников принялся бранить погоду:

— Не планета, а чертово болото! Во, хлеб размяк до жижи. Долго нам тут маяться, а, Главарь?

— Недолго, — кивнул тот. Он принял у помощника флягу, от которой пахло терпким вином, и сделал маленький глоток.

Тут словно прорвало мешок с вопросами: велик ли корабль, хватит ли всем места, куда полетим, где пилота возьмем?

— Нам главное корабль занять, а там и очередь из пилотов появится, вот увидите, — посмеиваясь, отвечал Главарь. — Кастинг им устроим, собеседования.

Мужчины со шрамами на коже, ножами в руках и запятнанной совестью вдруг превратились в мальчишек, которые хотят домой. Одна Ева сидела мрачная, молчаливая, злобно поблескивая черными глазами. Она то и дело старалась задеть Родди: то отведет и отпустит у него перед носом упругую ветку, чтобы ударило больнее, то флягу с водой передаст в обход его очереди... Но парнишка заметил, что вольники ее не очень-то принимают. Не оттого ли она ищет, на ком сорвать злость?

— А я бы в пираты пошел, — рассуждал помощник Главаря. — Корабля для этого большого не надо. Или еще найти планету по-свободнее, собрать шайку...

— На Катурий нам надо, — заявил охотник Каракуль. — Там бумаги не спрашивают. Да и погода что надо, не здешнее болото. Моя туда дочку отвезла астмозу лечить, еще до бунта.

— Так это два года назад, выходит, — Безухий швырнул в костер еще горсть порошка. — С астмозой столько не живут, детишки уж давно.

— У моего дядьки была, — вмешался другой вольник. — За три месяца на нет изошел.

Каракуль недонес до рта кусок, помолчал, глядя на пламя. Потом сложил пожитки и отошел от костра, пробурчав:

— Чтоб вы себе ноги переломали!

Но о нем уже забыли: Безухий рассказывал, как во время бунта нашел склад ксеронида, сильнейшей взрывчатки, и вчистую разнес им пару корпусов. По его словам, это и вывело из строя центральный системный блок и отключило охранных роботов.

Когда отряд двинулся в путь, Родди подошел к Каракулю:

— Я думаю, вы еще увидите дочку. Мне ашкеназ рассказывал...

— Не твое это дело, щенок, — процедил охотник.

Чернильные завихры на его коже, блестящие от влаги, и правда напоминали лоснящийся мех. Он прошел немного, глядя перед собой, и сказал тихо, но твердо:

— Я такому мерзавцу, как Главарь, руки бы не подал, кабы не дочка. Другие охотники меня теперь близко не подпустят. Но это жизнь: мужчина знает, чего хочет, мужчина платит цену. — Он хмыкнул. — Вот и тюрьмы для того построены, чтобы с платой не тянули.

Родди принялся рассказывать о лечении астмозы, а сам подумал: может, это и к лучшему, что его в поход взяли, не спросив — совесть не замучает, что с вольниками связался. Зато вернуться домой — он такое лишь в снах видал. Мама расплатится, папа рассыплет табак. Они-то его уже похоронили, выходит. Бедные мои старики, за что им это... Он вспомнил ухоженные руки и серебристые запонки человека, который во всем этом виноват. Сколько раз он представлял ту минуту, сколько раз спрашивал себя, как сложилась бы жизнь, скажи он одно короткое «нет»... Но теперь-то вот-вот все будет честно. Разве я не заслужил этот билетик? Разве это не удача?

В отряде говорили о том же: один хотел увидеть родителей, другой мечтал о девочках, третий поминал добрым словом бараньи ребрышки на каком-то межпланетном узле... Как вдруг этот третий, шедший прямо перед Родди, поскользнулся и упал; волна папоротника сомкнулась над ним.

Бах! Воздух наполнился треском, жужжанием, криками! Прежде, чем Родди что-то понял, его толкнули в заросли. Он замер там, на дне папоротникового моря, не смея дышать и глядя, как стебли колышутся и сминаются под чужими подошвами. Даже звуки казались приглушенными. Кричал Каракуль. Хохотал Безухий. Ругалась Ева. Гудел бластер Главаря.

И вот все стихло. Родди выбрался из листьев и пошел туда, где сгрудился весь отряд. Они смотрели на человека, что стоял на коленях — бритый, с враждебным взглядом. Родди узнал его. Он был из законников.

— Не успеть вам туда, крысы, — плевался человек словами. — Не успеть. Думаешь, Главарь, пустим мы вас на свободу, в космос? Чтобы вы там черные делишки обставляли? Как бы не так!

— Сами, значит, улететь хотите, — заключил Главарь. — Только кто же вам о корабле напел?

«Законник» сплюнул кровью. Прогалины в папоротниковой глади показывали, где упали и не смогли подняться его товарищи.

— Много чести — с крысами языком чесать! — ненавидяще сказал человек. — Форму пилотскую нашли, за вами проследили, а дальше и гадать не надо. Наши охотники короткий путь знают, так что поворачивай обратно. За первым отрядом другие идут. Мы от своих людей ничего не прячем и корабль для избранных беречь не хотим.

— Чудной ты человек, — Главарь дернул плечом, и лямка бластера скакнула на локоть. — Который год в тюремной робе, а все строишь из себя святошу.

— Мы все сделаем по правилам! — дернулся человек. — Найдем людей, чей срок вышел, составим послание в Метрополию...

— А вы ведь не святые вовсе, — продолжал Главарь, не слушая. Он вдруг передумал пускать в ход бластер и сделал шаг в сторону. — Я тебе сейчас докажу.

Человек еще что-то кричал о законе, о гуманности, о том, что на все есть правила и нужно оставаться людьми, но осекся, когда из-за спины Главаря показалась Ева. По отряду побежала волна: один хмыкнул, другой прокашлялся, третий переступил с ноги на ногу. Все что-то поняли...

Законник во все глаза смотрел на женщину.

— Ева, — сказал он по-детски удивленно. — Где же ты была, Ева? Мы искали тебя. Почему ты с ними?

Ева сделала шаг к нему. Кто-то вложил ей в руку нож.

— Не дай им, — захлебнулся словами человек, в глазах его появилась мольба. — Офицер Гарланд... Не позволяй им...

Стало понятно, откуда у женщины эта выправка, этот командный голос и широкие плечи, на которых, должно быть, когда-то хорошо сидела форма. Родди знал, что все законники запачкали мундиры на воле — иначе что бы им делать на Патриции? Но Ева собиралась предать свои клятвы еще раз...

— Умоляю, — прошептал законник. Было ясно: он молит не за себя.

Все случилось быстро. В зеленом ковре леса появилась еще одна прогалина. Ева развернулась и прошла к своему рюкзаку, больно задев Родди плечом. Отряд отправился дальше.

После страшной поляны разговоры стихли. Лес густел. Колочий кустарник раздирал рукава, подошвы скользили на влажных корнях. Тьма была натянута между стволами, словно мокрые простыни.

Вдруг Главарь развернулся, подскочил к Каракулю и толкнул того со всей силы в размалеванную грудь.

— Короткий путь, собака? Был, значит, короткий путь?!

Охотник, не ожидавший удара, повалился в заросли. Остальные замерли, кто где стоял, и смотрели на него, как только что смотрели на законника, как смотрели бы на всякого, кто вздумал отобрать мечту о корабле. Главарь бушевал:

— Тоже мне, следопыт!

— У охотников разные тропы, я веду по своим, — хмуро ответил Каракуль, поднявшись и отряхнув одежду.

— А может, ты у них в доле? — допытывался Главарь, заглядывая охотнику в лицо. Каракуль смотрел исподлобья. Родди видел, как вспучились черные узоры там, где на шее были жилы. — Может, ты нас специально так? Если они уже в ущелье...

— Если бы да кабы, — встрял Безухий, лениво жуя корешок. — Нашел повод на своих кидаться. Ну пошли законники за нами — кто докажет, что дошли? А если и дошли, чего убиваться?

Главарь прищурился:

— Может, тебе помереть не страшно?

Безухий ткнул пальцем в шрам на голове. От звонкого «чвоньк» у Родди что-то дернулось внутри.

— Помирал уже, — сказал он безразлично, но что-то в голосе заставило всех на поляне посмотреть на него. — Полкило вот-такенной взрывчатки да древняя ратуша — панихида была бы, оркестр не зови. Только не срослось. У остальных тридцати срослось, — он хрюкнул над неподходящим словом. — А за меня судьба иначе решила. Так что не страдай. Многое, можно подумать, от тебя зависит.

— Так может подождем, пока корабль сам к нам прилетит? — издевательски спросил Главарь.

Безухий привалился к стволу, словно и впрямь приготовился ждать:

— Толку будет больше, чем если охотника лупить.

Главарь обвел двух мужчин мрачным взглядом:

— Только вот за нами еще отряд таких же умников идет, да не один, — он махнул рукой. — Вперед.

Родди показалось, что вольник посмотрел на Каракуля так же, как на врача тогда, перед выстрелом. Стало страшно за охотника и его больную дочку. А как славно было бы, выбери старик тогда законников! Все остались бы живы; Каракуля все равно взяли бы провожатым. Законники согласились бы, что лучшего посланца чем Родди, им не найти, ведь по всем правилам он уже год как свободный человек. Подобрали бы пилота — доброго, честного, раскаявшегося трудягу. Глядишь, тот бы в полете научил Родди чему-нибудь, а может дал бы посадить корабль!

Он размечтался: вот они приземляются в порту Метрополии и по всем каналам его лицо — Патриция не вымерла, это ошибка! Он становится героем, семьи заключенных благодарят его за весточку, чиновники, что заживо похоронили целую планету, каются. Его зовут на интервью и передачи, а там, глядишь, и подвернется шанс рассказать правду о так называемом преступлении... И посмотрим, кто потом будет носить серебряные запонки, а кто — наручники!

Замечтавшись, он не заметил, как сильно устал. Под ногами все чаще попадались скользкие булыжники, на которых того и гляди подвернешь лодыжку. Море папоротника мельчало, и вскоре в сплошном частоколе стволов появилась трещинка: стена леса уперлась в скалу с расщелиной, через которую сочился прозрачный солнечный свет. Это был вход в то самое ущелье, где их ждал корабль.

По отряду поползли разговоры:

— Так вот они какие, белые горы... А вот и ущелье!

— В этой кишке законники нас как детишек перебьют.

— А если за нами и правда погоня из поселка? Запрут с двух сторон, как жука в бутылке.

— Не, братцы, корабль это хорошо, но смертником я не вызывался...

Неуверенные взгляды, нерешительные шаги. Все понимали: кто-то пойдет первым. Родди страстно захотелось, чтобы выбрали Еву. Она же изменница и убийца — разве ей место на корабле?

Главарь кивнул на Безухого и Каракуля, буднично бросил им:

— Вы.

Остальные умолкли.

У подножия скал воздух был чист и светел. Деревья, взбираясь на белые валуны, превращались в карликов. Трещина прорезала скалу неровно, не давая рассмотреть, что по другую сторону. Отряд остановился. Двое мужчин скинули рюкзаки.

— После трещины — ни-ни, и чтобы с корабля вас ни одна сволочь не углядела, — распорядился Главарь. Что-то в его голосе выдавало: он знает, что они не дойдут до конца расщелины.

Безухий разложил по карманам кульки смесей:

— Это тебе не ксеронид... Но чему быть, того не миновать.

Каракуль посмотрел на него с неприязнью. На лице у него была написана мрачная решимость. Боится? Жалеет? Старается поверить, что все еще обойдется?

Они направились к скалам. Остальные приготовили оружие и озирались — законники могли попытаться загнать их в расщелину в любой момент. Родди вцепился в лямки рюкзака и не сводил с двух мужчин глаз. Первый шел напряженно, осторожно ступая по камням. Второй двигался, словно на прогулке. Один знал, что он теряет, второму терять было нечего. Один считал, что смерть будет воздаянием за ошибки, второй был уверен, что от него ничего не зависит.

Они скрылись за белым выступом. Шаги затихли.

Ветер шелестел травами и сгонял по склону мелкие камешки. Главарь всматривался в расщелину с кривой улыбкой. Ева шарила взглядом по деревьям, готовая пронзить горло старым друзьям, если они появятся.

— Никого! — раздалось из расщелины. А сразу следом:

— А корабль вона...

Родди показалось, что его рюкзак стал вдвое легче — такой груз упал с плеч. Но радовался он недолго — тут же на плечо легла ладонь Главаря.

— Пойдешь первым, — сказал он. — Законников тут нет, но двое калек еще могут быть живы. Упроси их пустить тебя на борт и открой для нас люки, усек?

Парнишка удивился:

— Но как я...?

— Плачь, кричи, хоть танцуй джигу, — раздраженно оборвал его Главарь. — Мне плавать, лишь бы они поверили. Не получится — никакого тебе космического круиза. А решишь отсидеться с ними внутри...

Родди все понимал. Пусть у Главаря всего один бластер — единственный бластер на планете, — но есть еще смеси Безухого, и сильные мужчины, и Ева, ходячая машина для убийств. У экипажа внутри нет шансов. «Я ничего не смогу изменить».

— И пошевеливайся, — велел Главарь. — Законники могут объявиться в любой момент, а людей у них намного больше.

Расщелина была узкой, бока и плечи тут же окрасились белой пылью; сразу за скалами лежал сине-зеленый мир. Родди шагнул в него и помедлил. Солнце висело низко, румяное и ласковое. Корабль был блестящей росинкой, поле — гигантским лопухом, почти ровным, с редкими вмятинами. Родди скинул рюкзак, заметил краем глаза Каракуля и Безухого, что расположились в зарослях по обе стороны расщелины. Сделал несколько неуверенных шагов.

Серебринка вдалеке манила.

В ней были живые люди, друзья пилота Ларсена. Их нужно обмануть. Выманить. Обречь на смерть. И он не может поступить иначе.

Жизнь все решает за тебя, вспомнились слова Безухого, что приоткрылся где-то за левым плечом. Да, да, жизнь все решила, кивнул Родди. А Каракуль, чей взгляд жжет правую лопатку, просто врет сам себе. Какой тут может быть выбор, когда судьба ставит перед вопросом: жизнь или смерть, свобода или неволя? Человек, как известно, всегда выбирает то, что понятнее и безопаснее.

«Я так и выбирал. С того самого момента, как вместо короткого «нет» сказал: «Но ведь я никогда не занимался государственными заказами!». С того самого момента, как выслушал босса: что я молод и меня пожалеют, что на Патриции я пробуду всего год и после он меня устроит; что от него зависят тысячи работников, и если не соглашусь, то наврежу им всем, а на репутации у меня все равно останется пятно, уж он-то постареется... И «нет» стало вдруг таким непредсказуемым и опасным. А ведь этот человек с серебристыми запонками имел права на мою жизнь не больше, чем у Главаря прав на серебристый корабль и жизни людей внутри. Это не ваше! Кто вам позволил хозяйничать, кто вам разрешил?!»

Упругие стебли хлестали по коленям, роса с листьев брызгала на брюки. Краски в долине были резкими и чистыми, словно из вечно затянутой туманом Патриции Родди попал в другой мир. Такого яркого изумруда травы и насыщенной сини неба он не видел столько же, сколько не видел звездолетчиков и космических кораблей.

От корпуса исходило тепло и ровное, едва слышное гудение. Родди остановился и крикнул:

— Эй! Я... Я от пилота Ларсена! Впустите... Пожалуйста...

Он шарил взглядом по иллюминаторам. Внутри горел свет, но движения не было. Родди шагнул к люку в брюхе корабля, тронул гладкую пластину. Поддалась.

Корабль пустовал, это было понятно по звуку. Просто Родди вдруг понял, что именно так звучат пустые корабли. Вспомнились одиночные рейсы, поздние смены, пустынные коридоры транспортных узлов... Старенькому шаттлу, который корпорация доверила начинающему пилоту, было далеко до этого межзвездного курьера, но — те же белые панели, светлые рубки, шершавая, приятная для ладоней отделка металла. Как приятно было касаться вещей из его прошлого, его настоящего мира...

Весь в своих мыслях, он бы и не услышал, если бы ущелье не множило эхо.

Выстрел.

Расщелину заволокло белой пылью, один за другим взвизгивали снаряды. Не бластер. Бластер отсюда не услышишь. Кто же стреляет?

Родди нырнул в люк, упал в мягкую траву, помчался к ущелью. Лопухи хлестали по икрам, оставляя пятна. Не росы — крови. Он только сейчас пригляделся к разводам на брючинах. Остановился, посмотрел на поле: гигантский лопух, почти ровный, с редкими мятинами. Точь в точь как в лесу, в папоротниках. И лежат в них те же законники...

Он замер, сбитый с толку. Несколько раз срывался на бег, и снова останавливался, не зная, что делать, кому помогать. Слышался хохот Безухого и грохот взрывов — террорист кидал снаряды вверх, на белые склоны, откуда, видимо, стреляли звездолетчики. Каракуль, показавшись из зарослей, тоже прицелился вверх, но его отбросило на спину, и он больше не встал. Вскоре упали подрывник, но прежде фигура в пилотской форме скатилась по склону, как тряпичная кукла, задетая его снарядом.

Из белой дымки расщелины выскочила Ева, за ней Главарь. Родди и не посмотрел на них. Перед ним умирали люди.

Когда из белого облака перестали доноситься звуки, он подошел к Каракулю и закрыл тому глаза. Никогда еще Родди не чувствовал себя таким потерянным.

Ева сидела, прислонившись спиной к опоре корабля, и зажимала ладонью живот. Серебряный корпус над ее головой был измазан кровью. Главарь лежал рядом. Он не дышал.

— Не зря я пыталась тебя отвести от этого, — сказала Ева и пнула Главаря носком сапога. — Сразу было ясно, зачем он тебя тащит.

Родди замер, не решаясь подходить к ней близко.

— Так вы что, — он проглотил слово «хорошая». — Вы законник?

— Самый главный законник на этой планете, — женщина слабо улыбнулась и указала на свой рюкзак, что лежал в траве. Родди принялся развязывать веревки.

— Но вы убили того человека...

— Полумеры... Недопустимы.

Она закашлялась, а Родди уставился на странные свертки и провода.

— Ксеронид, — тихо сказала Ева. — Безухий бы душу отдал. Последняя партия.

— Постойте, вы хотите... Может, мне отыскать законников? Чтобы они выбрали человека, составили послание?...

Женщина усмехнулась, и внутри у нее что-то заклокотало.

— Слишком много знает. Слишком много мерзавцев. Чтобы мерзавцы не выбрали. Никто не должен выбраться. Остальное. Полумеры. — Она говорила все тише, с резкими вдохами между словами. — Хочешь спасти. Взорви. Хочешь домой. Не могу помешать. Времени мало. Они будут тут скоро.

Ее скрутило в приступе кашля, кровавые бусины побежали по шее и впитались в серую робу. Родди протянул было руку к взрывчатке, и тут же отдернул.

— Так что мне делать? — голова шла кругом.

— Обложить стропы. Так наверняка. Я бы еще. В отсек с двигателем. Не прогадаешь.

— Нет же! Я про то, как мне решить...

Но она уже не слышала.

Родди сел на траву и слепо устался на замершую в траве серебринку, крутя на пальце шнурок рюкзака. Последняя партия взрывчатки на планете. Чтобы уничтожить единственный корабль на планете. Чтобы перекрыть ненадежным людям путь к свободе, шайкам и пиратству. Возможно, новые отряды уже подходят к ущелью, готовясь встретить тут головорезов, но встретят только его. Может, они честно отберут для полета достойных. А может, ошибутся, или не смогут защитить корабль от настоящих злодеев, или пойдут на поводу у своей выгоды — и тогда множество невинных душ в космосе и на планетах пострадает...

Готов ли он купить свой шанс на справедливость по такой цене?

Впервые на него не давили, не угрожали. Впервые он принимал решение сам... И не чувствовал разницы между этим выбором и тысячей других, которые уже сделал. «Что же, выходит, главари и боссы распоряжались моей жизнью потому, что я позволял? А Ева, будь она жива, тоже сделала бы выбор за меня... Но Евы тут нет. Я могу поступить как захочу, и, как известно, человек всегда выбирает то, что безопаснее».

Тут же вспомнился пилот Ларсен. Он-то не выбрал безопасность...

Подвешенность и пустота, словно болтаешься под куполом гигантского цирка, запутавшись ногой в канате, хватаешь руками темноту, а до опор не дотянуться. Перед глазами мельтешит серебринка; кажется, схвати ее, и дело с концом. Но что будет, когда схватишь?

Неуверенность, холод и страх.

Так это и называется свободой?

СИМФОНΙΑ ДЛЯ СФЕРЫ

Аэромобиль потерял управление внезапно. Только что лихо закладывал вираж над широкой улицей — и вдруг перекувырнулся, устремился в безоблачное ярко-лиловое небо, а затем, будто сочтя себя недостойным вознесения, по спирали рухнул вниз, на мостовую, в последние секунды чуть замедлив падение.

Засмотревшийся на местное воздушное движение Стив едва успел отскочить, вжался в стену здания, ожидая взрыва — кто знает, на чём они здесь летают! Прошло несколько мгновений, грохота не последовало, да и аппарат, похоже, не горел. Металл корпуса сильно искорёжился, но прозрачный пластик окон уцелел, и сквозь него, сквозь отражение собственного смуглого остроносого лица Стиву была видна откинувшаяся назад голова водителя.

Было непонятно, как добраться до человека, но тут подбежала невысокая рыжеволосая девушка, одетая во что-то вроде комбинезона синего цвета. Обзорная панель отодвинулась, когда тонкие пальцы прошлись по одному из участков корпуса, затем они легли на запястье водителя, и почти сразу же рыжая выпрямилась.

— Опасности для жизни нет.

— Откуда вы знаете?

— Медицинский браслет, — пояснила она.

Это не особенно удивило Стива, хотя на его родине подобное было доступно не каждому. Впрочем, аэромобиль — тоже.

— Надо вызвать аварийные службы, — опомнился мужчина, нервно откинув со лба чёрную прядь длинных волос. — И врачей.

Он начал озираться по сторонам, затем устремил взгляд на нечаянную собеседницу, но та лишь покачала головой.

— Они уже знают. Сфера такого не пропустит, — уловив замешательство, рыжая улыбнулась. — Вы ведь не с Юнге, правда? Джилл Брайни.

Она протянула руку. Пожатие оказалось быстрым и решительным.

— Стив Роверс, — назвалса он в ответ. — Да, я издалека.

— Идёмте, — предложила она.

К месту происшествия уже с предупреждающими звуками приближались аэромобили с ромбовидными символами на белых корпусах.

До сих пор основное общение протекало между вычислительным центром космопорта и компьютером корабля, которые не сразу, но нашли с помощью контактных программ общий язык, обменявшись служебными и лингвистическими блоками информации.

Но и после окончания карантина, к своему изумлению, Роверс не обнаружил встречающих — механический голос сообщил, что гость

свободен в перемещениях. Путешественник даже почувствовал себя уязвлённым. У них тут что, каждый день толпы пришельцев-туристов? Впрочем, возможность побродить в одиночку по совершенно незнакомой планете казалась весьма привлекательной, чем Стив и пользовался, пока через несколько часов не произошла авария.

В отличие от властей, Джилл проявила к гостю интерес и оказалась весьма общительна. Она посоветовала, где остановиться, рассказала о своем мире — Юнге, с готовностью показывала город и во время прогулок и совместных обедов сама расспрашивала о его родине.

Роверс кое-что рассказал о Содружестве, которое уже включало немало планет и продолжало расширяться, о том, как там живут, что помнят о прошлом и к чему стремятся. О некоторых вещах предпочёл умолчать — как и о том, что стояло за его путешествием.

Было жаль и этот приятный мирок, и девушку. Хотя, возможно, ей повезёт...

Кафе находилось под крышей одного из самых высоких зданий. Отсюда открывалась панорама постепенно снижавшегося к окраине и горизонту города, в которой преобладал белый цвет. Крыши домов, даже очень высоких, поддерживали колонны. Для украшения или для прочности — кто знает, Роверс ничего не смыслил в архитектуре. Господствовали мягкие очертания, углы скруглялись, плавно переводя одну стену в другую.

— А что за Сфера, про которую ты говорила? — он поймал внимательный взгляд серых глаз Джилл и улыбнулся, маскируя серьёзность вопроса. — Ваши власти?

Девушка от души рассмеялась. Казалось, прозрачный пластик полуоткрытых окон ловит переливы смеха и возвращает обратно, заполняя им всё помещение, в котором звучала музыка — спокойная, несмотря на то, что, казалось, её создают ударные инструменты. Мелодичный тихий звон...

Наконец Джилл перестала веселиться.

— Прости, пожалуйста. Так непривычно и забавно, что кто-то не знает, что такое Сфера, — смущение отразилось на щеках лёгким румянцем. — Это... в некотором смысле, мы.

Джилл прижала руку к груди, затем широко обвела видневшийся город и, казалось, потянулась за горизонт, пытаясь охватить мир.

— То есть? — Стив подумал, что выданная ему в космопорте пластинка-переводчик впервые дала сбой.

— Я лучше покажу.

Она достала из сумочки металлический эллипсоид, удобно лёгший в ладонь, и сжала его. На уровне голов возникло объемное изображение, замелькали, сменяясь, кадры.

Начало Роверс знал и сам. Заселённую людьми Галактику потрясла череда войн и эпидемий, возникших из-за применения

бактериологического оружия, связи распались, и каждый мир остался с глазу на глаз с болезнями, разрухой, утратой знаний. Тут он, пожалуй, мог бы дополнить — в Содружестве было известно больше. Некоторые колонии вымерли, другие скатились кто до мечей, а кто до каменных топоров. Но нашлись и такие, которые смогли выкарабкаться и теперь, заново открыв способы межзвёздного субсветового перемещения в обход бесщётных парсеков пустоты, искали друг друга.

Продолжение оказалось любопытнее. На Юнге до распада был центр по исследованию возможностей человеческого мозга. Мелькнул величественный комплекс зданий. Потом — его дымящиеся развалины, тела учёных, которых не спасли знания, руины цивилизации... Но вот началось новое восхождение. Не хватало всего, и особенно — людей для постройки и обслуживания инфраструктуры планеты. Группа исследователей подняла сохранившиеся от центра данные, добавляя результаты своих изысканий. Итогом стал грандиозный проект. С помощью имплантов люди объединились в Сферу. Каждый мозг связан со всеми, подключен к аппаратуре наблюдения и управляет движением транспорта, устранением повреждений, связью на планете точно так же, как управляет, даже во сне, заживлением царапин, дыханием, биением сердца...

Мелодия, служившая фоном рассказу, вновь вышла на первый план, когда изображение угасло. Стив почувствовал себя неуютно.

— Коллективный разум, что ли? — брякнул он. — Вроде как у муравьев? Джилл фыркнула — не очень весело, впрочем.

— Я похожа на муравья? Ну что за шаблоны...

— Извини, — мужчина слегка коснулся её руки. — Но что тогда?

— Каждый из нас независимая личность! Объединение в Сферу происходит на уровне подсознаний и той части мозга, которая контролирует жизнедеятельность.

— И как же ваши мозги не путаются, где свой организм, а где планета?

— Наноимпланты помогают, и целенаправленная стимуляция некоторых центров.

— Ты говорила, у вас есть и обычная компьютерная сеть...

— Она как бы... поверхность Сферы, там уже мы общаемся, оставляем и ищем информацию индивидуально, на уровне отдельных сознаний. А под ней — общая глубина. О таком в совершенно примитивном виде ещё какой-то древний-древний учёный говорил.

Стив замолчал. Картина мира раскрылась тёмной бездной, пугающей и притягательной, и в то же время она поражала величием. Роверс, прошедший годы в далёких странствиях, обнаруживал уже не первый вновь разгоревшийся очаг цивилизации, порой поражался их своеобразию, но ничего подобного не встречал.

Мелодичный звон, который теперь, казалось, издавало множество колокольчиков, помогал принять увиденное и услышанное, ощущался проявлением скрытой гармонии Юнге.

Контрапунктом — нет, диссонансом, фальшью — толкнуло изнутри: его миссия губительна для Сферы. Такому не позволят сохраниться. Слишком непонятно, слишком опасно.

Заглушая укол совести, Стив спросил, проверяя давнюю догадку: — Мы ведь не случайно встретились, правда?

Запнувшись, Джилл вновь смутилась — она вообще легко меняла настроение.

— Нет... Ты не первый, кто к нам прилетает, хотя таких и мало. И мы решили, что при официальном общении много времени и сил тратится на ненужные, но неизбежные церемонии, и обе стороны чувствуют себя скованно. Личный неформальный контакт гораздо лучше.

— Значит, ты — представитель... Сферы?

— Не совсем. У нас есть правительство. Когда идёшь, то переставляешь ноги, не особо задумываясь о каждом шаге. Но сперва надо принять решение — куда же идти. Зато почти нет исполнительного аппарата. Наши учёные читали историю — сначала он поддерживает порядок, а потом начинает в основном работать сам на себя. Со Сферой это не нужно.

Голос Роверса прозвучал резко:

— А для лучшего знакомства и неформального общения вы устроили аварию?

Он впился взглядом в Джилл.

Стив согласился бы голову прозакладывать, что её реакция была искренней.

Не невольное признание, не понимающая улыбка, не усталая ирония, как недавно. Ужас, глубинный, чистой воды ужас поглотил и искривил черты красивого лица, застыл в глазах.

— Ты что?!.. Такое... Ведь он мог действительно погибнуть!

— Не все правительства останавливают такие вещи.

Стив продолжал буравить её взглядом. Если бы поверить, что она лжёт, если бы — тогда можно решить, что все мазаны одним миром, превратить это в отпущение собственных грехов!

— Разве так можно? Когда твой разум слит воедино с кем-то в Сфере... Я не понимаю, это как пытаться убить частичку себя! Нет-нет, никто из нас такого и не подумает!

Больше они в этот вечер не разговаривали.

Покой, звенящий в аккордах музыки, не мог вернуться в сердца.

Покинув Юнге, Стив погрузился в глубокую задумчивость. Хорошо, что он умолчал о методах, которыми Содружество расширяло свои границы. Роверс не хотел проверять, выпустили бы его или нет. Краткий отчёт был готов, только он никак не мог решиться отправить пакет данных по субсвязи. Высокие технологии, ресурсы и отсутствие армии делали Юнге слишком лакомым куском, несмотря на изрядное расстояние до неё.

Играла записанная там мелодия, он вспоминал город, пейзажи и искренний взгляд Джилл. Думал о грандиозном, необычном проекте размером с планету.

Но скрыть информацию означало предпочесть интересы чужого мира собственной родине, а ещё — серьёзные неприятности для него и родных со службой безопасности, если пробел в отчётах будет обнаружен.

И всё же исследователь Стив Роверс медлил.

* * *

Марро чувствовал зуд. Он знал, что это же ощущение сейчас впивается в тех, кто находится с ним в этом неуютном помещении, перемигивающемся десятками развёрнутых в воздухе изображений. В тех, кто спешит по делам или, напротив, к желанному отдыху, кто сидит сейчас дома. Во всех людей города, континента. Планеты.

И он знал, в чём дело.

Остальные тоже знали.

— Внешняя силовая оболочка пала, — нарушил молчание Гвинно — старший из них, сухощавый, малорослый, с коротко стриженными седыми волосами. — И сейчас их корабли уничтожают дальнюю периферию Сферы.

Они так надеялись, что поле остановит флот Содружества, тот устанет биться об него и уйдёт. Но захватчики оказались упорны, и случилось неизбежное — генераторы стали сдавать от скачков напряжения, возникающих при атаках, а стена настолько прочна, насколько прочен её самый слабый участок.

Интересно, подумал Марро как-то отстранённо. Обычных мелких неурядиц на планете мы не ощущаем. Но здесь масштаб иной. Сколько устройств в космосе между первой и второй оболочкой? Немало, и всё же их число не идёт ни в какое сравнение с тем, что встретят враги, когда пробьются дальше. Если пробьются — поправил он себя, но циничный реалист в душе повторял: когда, когда, когда!

Это звучало внутри жёстким, металлическим аккордом злой музыки, записанной нотной грамотой подступающего отчаяния.

Что мы все ощутим, когда огонь излучателей начнёт кромсать города? Удар под дых? Боль от ожогов? Покажется, что переломаны кости? Впадём в ступор или будем кататься по полу, пытаясь сбить несуществующее пламя?!

Да, каждый оставался самостоятельной личностью, и вместе с тем Сфера давно стала единым организмом.

Может быть, зря общенародное голосование в информсети отвергло требование о сдаче?

Довольно — одёрнул себя Марро. Надо действовать. Для этого они и собрались, служба чрезвычайных ситуаций. Нужно разрешить самую чрезвычайную в новой истории Юнге ситуацию.

— Истребители готовы? — спросил он у Гвинно.

В отличие от собеседника, Марро был высок, широк в кости и даже чуточку полноват, волосы иссиня-чёрного цвета, и черты лица у обоих разительно отличались. Антиблизнецы, пошутил кто-то с месяц назад. Очень давно, когда шутки ещё не становились поперёк горла. Когда не было проблем серьёзнее внезапного пожара, а самой жестокой силовой операцией на планете являлось выкручивание рук зарвавшемуся подростку-хулигану.

Конечно, на Юнге жили не святые, но угроза жизни по отношению к человеку, собрату по Сфере...

Он задохнулся этой мыслью, как мелодия задыхается последним аккордом.

— Да. Можно вылетать.

Надо что-то сказать... Ведь такого никогда не было.

И слов — не было тоже. Марро обвёл взглядом товарищей. Что ни скажи — будет или слишком мало, или чересчур много.

— Пошли.

Жаль, подумал он на взлёте, что автоматика тут не годится. Беспольна по той же причине, по которой он и его коллеги вылетают на пожары и прочие кризисные ситуации. Общее подсознание прекрасно справляется со стандартными случаями. Как организм сам заращивает царапину, так и Сфера без людей легко может починить оборвавшиеся коммуникации. Но когда случается что-то необычное, требующее быстрого ответа, она бессильна. Нужен человек, решающий сразу, на месте, чтобы успеть вытащить погибающих от пожара и не остаться в огне самим. Сфера способна быстро построить корабли — но не решит за пилота, когда метнуться вправо или влево, и когда выстрелить. Тут общее бессознательное медлительно и неуклюже, как слон, который пытается поймать муху.

— Внутреннее поле пропустило нас, противник впереди, — предупредил по связи Гвинн.

Резкие обводы чужих кораблей смотрелись неприятно, пугающе, острые выступы на корпусах казались когтями хищников, готовыми вцепиться в любого вставшего на пути.

В аудиоимплантах тихо, но зло звучала приглушённая музыка — самое резкое, что он нашёл в информсети, самое похожее на то, что рождалось в голове.

Она да реплики по радиосвязи, ложившиеся неритмичным текстом на эту мелодию, создавали оперу войны — единственный фон сражения, ведь в космосе не слышно звуков.

Он легко увёл корабль из-под прицела, обманным манёвром обошёл сразу двоих противников, удовлетворённо усмехнулся — техника, созданная инженерами и Сферой, гораздо лучше, чем у чужаков. Все в эскадрилье — отличные пилоты. Без боевого опыта, но техническое

превосходство восполняло его. Марро поймал в визор очков вражеский корабль, лёгким движением пальца активировал излучатель. Ну, получайте, пришлые!

Хотел активировать.

И не смог завершить движение.

Там были люди. Собратья по Сфере, об убийстве которых и думать больно до невозможности.

Постой, какие собратья? Они же не одни из нас, они чужие, они враги!

Снова манёвр, противники только зря вспороли чёрную ткань космоса, а он оказался под брюхом металлической твари, направил прицел вверх...

Там были люди.

— Люди, понимаешь! — кричал он то ли сам себе, то ли в микрофон. — Нельзя!

Он не мог воспринимать людей не как собратьев, вне Сферы, как ни силился разум, сколько ни твердил своё. Собратья. Нельзя. Раз допущенное насилие по отношению к себе подобным запустит страшную цепочку, так уже было, было много раз, было давным-давно, и лишь Сфера смогла разорвать порочный круг...

Но ведь нужно! Иначе они уничтожат нас, или покорят и всё равно сделают такими же, как они, и всё пропало.

За оставшихся дома близких, за наши прекрасные, почти совершенные города...

Ну же, давай!

Он раз за разом уходил от атак, и раз за разом не мог атаковать сам.

Музыка угасла в душе и имплантах.

Когда эскадрилья вернулась, не понеся и не нанеся потерь, в глазах Марро стояли слёзы. Ему не требовалось глядеть в лица товарищей. Хватило зеркала, запечатлевшего бессилие и безнадёжность.

* * *

Огонь будто вспыхивал в крови, то и дело обжигая болью. Огонь озарял экраны-иллюминаторы. О Сфера, как они горели!

Мини-светила, состоящие из множества слоёв металла, пластика и небольшого количества человеческой плоти — корабли чужих — полыхали в космосе, и Кайллу не было их жаль.

Ко времени, когда нашлись те, кто смог не только направлять боевые корабли, но и наносить смертельные удары, пала и внутренняя силовая оболочка. Оказалась задета поверхность и ближняя периферия, и раны Сферы горели в нём, наполняя силой и ненавистью. Как можно быть такими покорными, почему другие не в состоянии поднять руку на пришельцев? Он не понимал собратьев.

Тех, в свою очередь, потрясло, что Кайлл и подобные ему — жители Юнге, включённые в Сферу — оказались способны убивать.

Загадка, которую никто не пытался разгадать: они отыскиались столь своевременно, почти запоздало, что было не до разрешения странностей и поиска ответов. Лишь бы успеть отбиться!

Впрочем, пусть их думают, что хотят. Никки верит и ждёт, и он обязательно к ней вернётся.

Бой вытеснял прочие мысли, требовал сосредоточения и пьянил. Уничтожая впившихся в Юнге металлических хищников, Кайлл чувствовал, как переполняется злорадным удовлетворением и ощущением хорошо сделанной работы.

В имплантах звучал торжественный и мрачноватый реквием, пилоту казалось, что его аккорды превращаются в выстрелы излучателя, торжественно отправляя эскадру Содружества на вечный покой.

Прямо по курсу возникли острые очертания вражеского корабля. В его обводах и выступах было что-то прекрасное, злое — чуждое плавным, гармоничным и слегка скучноватым творениям родины.

Кайлл выстрелил и сразу заложил крутой вираж, кинул взгляд на экраны — защитное поле противника поглотило луч. Тот был заметен крупнее, но менее поворотлив. Истребитель с Юнге кружил вокруг, затем к нему присоединилось несколько товарищей, удар за ударом истощая оборону врага. Наконец тот запылал и неожиданно резко ускорился, бросаясь на охотников, как раненый зверь, своим телом.

Изображение росло на экране, как волшебный лес в сказках. Кайлл выжимал из своего корабля всё, что мог, но чужак — тоже.

Столкновение задело его и соседа. Втроем они рушились на планету.

Музыка обещала, что это будет красиво, но он не верил. Тем более, что внизу — город.

На лице с резкими, будто вырубленными чертами выступил пот. Основная система управления отключилась после удара, но резервная работала. Товарищ по несчастью не отвечал, его истребитель кувыр-кался, приходилось рассчитывать только на себя. Кайлл вновь включил поле, которое тоже отрубилось, и его кораблик отчаянно толкнулся в бок чужака. Если бы защита не выдержала... но она выдержала, тот слегка изменил траекторию, и пилот повторил трюк ещё несколько раз, и лишь затем рванул ввысь — в атмосфере на такой скорости сгорел бы.

Возвращаясь в бой, увидел — вместо центра взрыв вспух где-то на окраине, и всё же отдался внутри болью.

Дело не кончено. Снова заработал излучатель. Как они горели!..

По кругу играл реквием.

Последний крейсер чужаков добивать не стали. Пусть вернётся и расскажет, какой приём готов на Юнге для непрошенных гостей.

Истребители сильно уменьшились в числе. Садились не на поле, а в гигантский новый ангар для ремонта. Огромный посадочный

бокс принимал корабль за кораблём, уходил вниз и возвращался за новым. Уже скоро — встреча героев, а потом Кайлл обнимет Никки... Захотелось посмотреть на неё прямо сейчас, не дожидаясь встречи, и он вошёл в информационно-сетевой слой Сферы.

Царил полный беспорядок. Радость победы, тревога за близких, лихорадочные поиски списков погибших при разрушениях и множественные сбои. Похоже, во время битвы повредилось что-то важное — путаница, потери информации, следы кодов...

Поэтому он не очень удивился, увидев при соединении с личным узлом девушки сообщение «адрес не существует». Не удивился, но слегка встревожился, попробовал ещё раз. Сбой, потом новое сообщение: «узел удалён Сферой».

Теперь руки затряслись. Великий космос, что с ней?

Очередь на посадку двигалась, но, не обращая на это внимания, Кайлл пытался снова и снова. Результат был тот же. Тогда он попробовал перейти по ссылке со своего узла — но и на нём висело то же сообщение. Странно! Раз, другой, третий... и вдруг новый текст: «Сбой. Проект завершён. Данная информация абсолютно закрыта для доступа, включая управляющий комитет планеты. Сбой системы. Сбой системы...»

Стремительно побежали строки. Это длилось всего десяток ударов сердца. Медленных ударов почти раздумавшего биться сердца, с трудом гонящего вдруг ставшую вязкой кровь.

Он умел очень быстро читать и запоминать информацию, как почти все жители Юнге.

«Доступ закрыт. Временные повреждения. Подождите» — появилось наконец, но ждать стало нечего. Он знал, что доступа больше не будет. Знал, что это правда. Ловил крохотные обрывки неизвестно откуда выплывающих воспоминаний. Делал выводы.

Очередь уцелевших на посадку почти завершилась.

Комьями земли обрушивался так и не выключенный реквием, хорона под собой жизнь, которой никогда не было.

Цивилизация, долго росшая практически в стерильных условиях, оказалась беззащитна перед инфекцией-войной. Нормальные, здоровые клетки не предназначены для убийства других клеток. Что делает в таких случаях организм? Правильно, вырабатывает антитела. Молекулы-убийцы. Верно подобранные, они быстро и эффективно уничтожают заразу.

В Сфере были места, о которых не знал никто из людей. Не знал тем, что мы зовём разумом, в то время как в непредсказуемой глубине мозг каждого приложил свою толику усилий к их созданию.

На картах не значилась подземная лаборатория с резервом — не пробужденными клонами в боксах. Им так легко придать нужные свойства... Ускоренная стимуляция — и бойцы появились в срок. Никто особенно не расспрашивал — времени ведь не было. Бессознательные защитные механизмы сработали прекрасно, им вкратце

создали память, биографию и близких — есть за что сражаться, нет лишних вопросов. Проверять некогда — сразу в битву. И он бы ничего не понял, не вспомнил, если бы не сбои, вызванные ранами Сферы...

Кайлл закусил губу, чтобы не застонать, проваливаясь дальше в осознание прочитанного.

Люди сложнее молекул и клеток. В организме могут существовать антитела, не разрушая его. В обществе, чуждом насилия по отношению к человеку, трудно найти место способным убивать. И жители планеты, сами не ведая того, решили — Юнге нужны герои. И хороший герой — мёртвый герой.

Тот, кто станет символом, памятью, объектом преклонения — но никогда не будет проблемой.

Приёмный бокс ждал теперь его, его одного. Остальные никогда не покинут ангара, их похоронят с почётом, как павших в бою и умерших от ран. О ком-то подчистят информацию, о ком-то оставят, а тщательно проверять... Что вы! Коллективное подсознание, выработанное эволюцией — надёжная штука.

Забыть и не знать — легко и удобно.

Ужас накрыл его, а потом желчной, но спокойной горечью тот Кайлл, который, несмотря ни на что, сам был частью Сферы и считал Юнге родиной, подумал, что это не худший вариант. Сфера выживет и залечит раны, уже зная, как защищаться. Среди людей не будут бродить познавшие лёгкость чужой смерти, а издержки... они есть всегда. Может, лучше всего последовать за теми, с кем сражался борт оборт, разделив их участь.

Но Кайлл другой, который с яростью и восторгом превращал в факелы полные людьми корабли, возразил, яростно вогнав мысль во внутреннего оппонента, словно заряд излучателя. Они отняли всё, даже иллюзию. Ты ничего не должен, тем более умирать. Обойди док, сядь в другом месте. Люди увидят тебя, а ведь они остаются людьми с нормальными, человеческими мыслями и чувствами. Разумом ни один не желает ему зла, высадку увидят, запомнят. Герой останется среди них... Да, волк среди овец, и никто не знает, что из этого выйдет, как это обернётся для Юнге и Сферы. Ну и что?

Вдруг подал голос третий Кайлл, только что родившийся из горечи познания и нот реквиема. В бортовом компьютере истребителя не заложено координат для субпрыжков, но энергии на один хватит. Пусть его участь решит судьба. Если она приведёт в межзвёздную пустоту — что же, когда кислорода станет не хватать, всегда можно открыть шлюз — но это шанс, может быть, и повезёт, а здесь тебе нет места, дружище...

Пилот напрягся, готовясь отдать команду.

Музыка замерла на паузе.

Затем небо перечеркнул инверсионный след, вытянувшимся пальцем указывая вдаль, прочь от планеты.

МЕРТВЫЕ НЕ КУСАЮТСЯ

Узиэль Файвиш умер за час до обеденного перерыва, спустя пять часов после того, как грузовой риманник «Атеист» в аварийном режиме вышел из гип-пространства в районе какого-то захолустного оранжевого карлика. Шальной космический камень, простреливший бронированный блистер кабины, разлетелся на две части: одна продырявила сферу бортовой вычислительной станции, вторая, пробив полтора десятка переборок, разворотила корпус по правому борту и дробовым дунстом вылетела в наружный вакуум.

Снейк и Джи в момент катастрофы находились на наружной обшивке. Снейк ремонтировал забарахливший масс-стабилизатор, а Джи ему ассистировал. Вообще-то ремонт корабельной оснастки был исключительно прерогативой Снейка, Джи числился вторым пилотом, и лазанье по корпусу со сварочным агрегатом в круг его обязанностей не входило, но спорить с Узиэлем он не решался. Мистер Узи Файвиш был не только первым пилотом и капитаном, но также судовладельцем и работодателем (читай рабовладельцем и судодателем). Кроме всего перечисленного, Узи был редкостным жмотом. Он сэкономил на чем только можно, в том числе и на безопасности. Скорее всего, носовая метеоритная пушка не сработала по причине крайней изношенности узлов, и бортовой компьютер, пытаясь уйти от столкновения, в последний момент дал тягу на тормозные двигатели.

Снейка и Джи в один миг сорвало с обшивки. Барахтаясь, они повисли на противоперегрузочных фалах, будто шарики на концах боло. В течение нескольких следующих минут космонавты, болтаясь над корпусом, имели удовольствие наблюдать, как плотное облачко искристых кристалликов кислорода застилает сияющий край огромной, опоясанной кольцом, кремово-полосатой планеты.

Чуть оклемавшись и сообразив что к чему, бортмеханик со вторым пилотом подтянули себя к поверхности медленно разворачивающегося корабля. Они перепуганными пауками вскарабкались по страховочным скобам и влезли в верхний кессон.

В наушниках шлемофонов истошно ревела сирена, на стенах вспыхивали и гасли таблички с надписью «аларм». Центральный коридор был разгерметизирован, искусственная гравитация не работала. Хватаясь за выдвижные скобы, космонавты плыли вперед, пока не уперлись во входной люк кабины, слева от которого зияла свежая пробоина. Снейк отключил аварийную автоматику и открыл люк вручную, штурвалом.

В медленно остывающей рубке царил кавардак, между кресел и шкафов плавали куски обшивки вперемешку с обломками приборов,

кофейными чашками и прочей мелочью. Снейк как-то мельком подумал, что им жутко повезло оказаться пятнадцать минут назад там, снаружи, а не здесь, внутри.

Да. Им повезло, а вот капитану — нет. Тело Узи, перегнутое почти пополам, самым постыдным и нелепым образом застряло в пробитом блистере. Впечатление было такое, будто капитан, собираясь погадить на ходу, присел и, напыжившись, выставил зад в космическую пустоту сквозь просто идеально подошедшую под размеры его сидалища дыру. Это выглядело как жуткая и непристойно ироничная карикатура.

Согласно инструкции, на Узи, следившим из рубки за работой подчиненных, был надет скафандр, капитан даже успел захлопнуть забрало шлема, и все же он был мертв, мертвее не бывает. Маленький монитор на шлеме однозначно сигнализировал об отсутствии каких-либо жизненных функций. Снейк, несмотря на протесты Джи, разблокировал и поднял стекло, чтобы пощупать пульс на шее тактильным сенсором.

Судя по всему, в рубке произошло следующее: в момент торможения Узи полетел вверх тормашками, в следующий миг метеорит прошиб блистер, тотчас же исчезла гравитация, а воздух устремился в пробоину, подхватив невесомое тело капитана, и впечатал его пятую точку аккуратно в пробитое отверстие. Узи в полуобморочном состоянии умудрился защелкнуть стекло шлема, но воздух в скафандр не пошел. В стареньком двухслойном «энвелопе» капитана было две кислородные раздачи: нижняя, подававшая смесь в наружный защитный слой костюма, и верхняя, соединявшая баллоны непосредственно со шлемом. Подача переключалась маленьким рычажком на бедре. Но вот ирония, врубаясь попой в пробитый армогласс, Узи, сам того не желая, переключился на нижнюю раздачу. Разевая рот и выпучивая глаза, одуревший Узи молотил руками, безуспешно пытаясь добраться до чертова переключателя, пока не потерял сознание.

Трагически вздыхая, Джи изложил версию бортмеханику, на что Снейк нахмурился и сказал, что ему пофигу, как преставился старый жлоб, главное сейчас достать его зад из дыры и заделать пробоину.

В течение следующего получаса Джи и Снейк, сопя и матерясь, бултыхались в невесомости, пытаясь вытянуть Узи из блистера, но все их потуги оказались напрасны, Узиэль застрял насмерть. Заднюю часть скафандра раздуло, и кэп засел, как пробка в узком горлышке бутылки.

— Может, разрежем скафандр и выпустим воздух? — предложил взмокший пилот. — Все равно он уже мертвый.

— Стеороновую мембрану? — Снейк скептически скривился. — Может, тогда попробуем пропихнуть его наружу? Все равно он мертвый...

— Ранец не пролезет.

— Не пролезет, — согласился Снейк и неожиданно оживился. — А давай вытащим его вместе с сегментом блистера. Дырку потом заделаем спреем.

Секунду Джи удивленно смотрел на товарища потом радостно закивал.

— Будь здесь, — крикнул Снейк, отталкиваясь руками от выгнутого армогласа. — Я за инструментами.

Он уплыл в коридор, а Джи остался висеть возле мертвого капитана.

Снейк вернулся через двадцать минут с инструментальным ящиком, двумя ремкомплектами и бухтой страховочного шнура. Плавая вокруг застрявшего Узи и ловко орудия дехолдером, он принялся сантиметр за сантиметром размыкать крепежную оправу. Пилот вертелся рядом. Наконец двухметровая прозрачная панель с торчащим из нее трупом капитана была высвобождена из старомодной окантовки.

— Сейчас поворачиваем эту дуру вокруг оси и втягиваем внутрь, — скомандовал Снейк. — Придерживай за низ.

Ухватившись за скобу на окантовке, он нажал на верхний край. Панель блистера неожиданно легко повернулась и вдруг разломилась пополам.

— Ай! — сказал Джи.

Снейк мгновенно, насколько мог, вытянул вниз руку. Его растопыренные пальцы в толстой перчатке скользнули по ботинку капитанского «энvelopa». Мертвый Узи неторопливо перевернулся в пустом проеме и нырнул в черную бездну космоса.

— Вот же блин, — проговорил механик, зачарованно глядя в белую спину скафандра, плывущую между двух прозрачных обломков.

— Может, догоним? — неуверенно спросил Джи.

— Хрен! — сказал Снейк зло. — Узи бы за нами плавать не стал. Кроме того, все равно далеко не улетит, а у нас дел невпроворот... — Мужчина ткнул пальцем в сторону коробок ремкомплекта. — Давай, хватай одну пеногонку и дуй до грузового трюма, там в обшивке по правому борту два десятка дырок, но все мелкие, заделывай их и не забудь потом прометаллизировать, а я займусь блистером. Надеюсь, трех баллонов мне хватит...

Джи тяжело вздохнул и оглянулся на летящего в темноте Узи. Под ногами капитана медленно всплывал край местного Сатурна, заливая кабину холодным желтоватым светом.

* * *

— Я больше так не могу, — в отчаянии проговорил Джи.

Он и Снейк сидели на полу кабины возле раскуроченного вычислителя среди коробок с годными и негодными микросхемами.

— Не могу я так, нахрен, — повторил пилот. — Я чувствую, как он на меня пялится. Я просто с ума сойду.

«Атеист» уже третьи сутки вращался вокруг желтого гиганта, захваченный силой его тяготения. Снейк с мрачным молчаливым упорством методично извлекал из разбитого бортового компьютера негодные схемы, подбирал и вставлял новые из аварийного запаса. Джи в меру сил старался быть ему полезен. Механик спешил, поскольку каждые восемнадцать часов, пересекая плоскость кольца, корабль начинал рыскать, уворачиваясь от мелкого каменного мусора и, как следствие, все больше и больше терял скорость, постепенно переходя на более низкую орбиту.

— Веришь мне, — проникновенно продолжал Джи, понижая голос, — я уже два раза видел, как он шевелит губами, и поза у него каждый раз меняется.

Зло заснеп, Снейк положил на пол тестер, затем поднял глаза и уставился на товарища.

— Что за бред ты несешь? — проговорил он сердито. — Узи не может разевать рот. Он сдох целых три дня назад.

Фигурка в белом скафандре медленно плыла через перекрестия решетки блистера.

— Снейк, — Джи прижал руки к узкой груди. — Давай потратим пару часов и все-таки втащим его в корабль, иначе я точно слечу с катушек.

— Джи, ты хренов параноик, — сказал Снейк устало. — У нас нет этих двух часов. У меня немереная прорва работы. Если я за две недели не налажу вычислитель, мы не сможем запустить маршевые двигатели и свалимся на этот гребанный шарик. Счастье, что вспомогательные работают на автономных мозгах, иначе нас бы уже четыре раза превратило в дуршлаг, но горячее во вспомогательных тает, а без центрального компа нам даже не провести перекачку. Я не буду терять два часа, чтобы втащить в корабль замерзший кусок дерьма!

Джи вздохнул. Он знал, что Снейк прав. Выравнивая кувыркающийся звездолет, пилот лично потратил половину запасов маневрового горючего. Джи как никто другой понимал серьезность положения и все же ничего не мог с собой поделать.

— Не замерзший, — сказал он тоскливо, — в скафе терморегулятор и батарея свежая, а я точно свихнусь...

* * *

Закрепившись за скобы тремя шнурами, Джи понемногу вытравливал трос. «Только бы не промахнуться с направлением, — думал он, глядя на висящего над головой бортмеханика. — Следующего оборота ждать минут тридцать, и тогда Снейк меня точно убьет».

Снейк парил над корпусом веселым воздушным шариком на нитке. Его скафандр в сиянии близкой планеты горел желтым, в руках

мужчина сжимал длинную палку с петлей на конце, «Узиловкой», как механик самолично окрестил свое изобретение.

Окрашенное осенним светом тело мертвого капитана, медленно проворачиваясь вокруг оси, подплывало все ближе и ближе. Джи затаил дыхание. Он видел, как его товарищ осторожно вытягивает вперед палку с упругой петлей. Ну! Еще чуть-чуть! Еще малость!

— Есть, — сказал в наушниках Снейк. — Я его схватил. Тащи нас вниз.

Они втащили тело Узи в корабль и, даже не разоблачаясь, поволокли капитана в медицинский отсек. Там, с минуту посоветовавшись, расстегнули и сняли покрытый изморозью скафандр.

— Нужно вколоть ему мумиксидат, — сказал Снейк, рассматривая затянутые в противопотное белье ноги трупа, — чтобы не вонял и не разлагался. У нас холодильника для мертвяков нет... Смотри-ка, а выглядит почти как живой, только посинел немного, и это после трех дней в скафандре, вот же зараза.

— Я уже вкалывал, — тихо сказал Джи.

— Когда это? — подозрительно спросил Снейк.

— Когда ты за инструментами летал.

— И зачем?

Джи пожал плечами:

— Просто аптечка на глаза попалась, и я подумал, что потом мы замотаемся и забудем.

— И после этого ты мне будешь говорить, что он тебе подмигивал из космоса? — Снейк обидно усмехнулся.

Джи виновато развел руками.

— Все равно было как-то нехорошо, что он там плавает.

— Ладно. — Снейк сунул руки в карманы. — Пусть пока здесь лежит, а у нас дел неуворот. Надо только раздеть его и чем-нибудь прикрыть, короче, сделать, так полагается.

* * *

Снейк отхлебнул кофе, поставил чашку на пол и помассировал пальцами усталые веки. В центральной бортовой станции больше сорока тысяч микросхем. Проклятый метеорит убил примерно четверть. И все их нужно успеть поменять за паршивые две недели, а иначе... Бах! «Атеист» свалится на драную кремовую планету. Сгорит к чертям в плотных слоях атмосферы. Хорошо, хоть не взяли старателей на Альтаире. Жадный Узи предпочел возвращаться порожняком, чем сбросить цену за посадочный билет. Проклятый сквалыга! Если бы компьютерная система корабля была дублированной... Если бы в рубке вместо престарелого «Марка-2155» стоял по крайней мере «Кеплер-114», все было бы много проще.

А теперь жадный паразит лежит под зеленой простынкой и ухмыляется посинелым ртом. Даже после смерти умудрился нагадить.

Бедняга Джи, похоже, тихонько слетает с катушек. То ему мерещилось, что покойники, пролетая над блистером, машут ему ручкой, теперь он уверен, будто дохлый Узи поднимается с кушетки и ночами бродит по отсеку. Нет, однажды тело действительно оказалось на полу. Но без всякой замогильной мистики. Ежу понятно, что труп свалился из-за резких маневров на границе кольца.

А что делать Снейку? С одной стороны без помощника, даже такого безрукого, как Джи, он никуда не успевает, с другой стороны, как подпустить к тонкой работе того, кто уверен, будто задохнувшийся кэп гуляет ночью по коридорам? Белиберда какая-то! А бедняга Джи уже готов опять вытолкать капитана в пространство, просто до смерти боится подходить к покойнику.

Назначенный самому себе пятиминутный перерыв подходил к концу. Снейк вытряхнул на язык последние кофейные капли и со вздохом подобрал с пола тестер. Негромкий шаркающий звук привлек его внимание. Бортмеханик выпрямился и прислушался. Ш-ш-ш-топ, ш-ш-ш-топ, ш-ш-ш-топ.

Что за чертовщина?

Акустика в коридорах «Атеиста» всегда была самой чудовищной. Снейк затаил дыхание и прислушался. Шаги начали удаляться. Что за?..

Снейк почувствовал как в животе поднимается неконтролируемый страх.

— Эй! — сказал он в сторону входного люка. — Джи! Какого рожна ты не спишь.

Ш-ш-топ, ш-топ...

— Джи! — крикнул Снейк.

Тишина.

Механик быстро поднялся на ноги и, сунув руку в карман, нащупал маленький короткоствольный пистолет, который сразу после аварии забрал из каюты капитана. Капитанская пушка, монарший скипетр, символ абсолютной власти. Узи держал ствол про всякий случай. Однажды Джи осторожно спросил у капитана, зачем ему пистолет, если эксплуатационный кодекс все равно запрещает стрелять внутри корабля. На что Узи ответил: «Если стрелять в живот мягкой цельносвинцовой пулей, то с кодексом все будет в порядке».

Сжимая рукоять вспотевшей ладонью, Снейк открыл люк и вышел в центральный коридор.

— Джи! — опять позвал он охрипшим голосом.

Ш-ш-ш-топ... Звуки раздавались в правом складском коридоре, идущем параллельно главному.

Снейк свернул в первый же поперечный проход, рванул вперед и вылетел на неширокую галерею. То, что происходило дальше, Снейк помнил с трудом. Пласты реальности словно бы сдвинулись, обнажая

неизвестные и никогда раньше неизведанные породы. Снейка захлестнуло изумление пополам со страхом. Если бы его волосы не были стрижены коротким ежиком, они обязательно встали бы дыбом.

Прямо на механика размеренно и методично топал синеватый труп капитана Фарвиша. Глаза Узи стеклянно блестели, руки безвольно висели по бокам, сморщенный член болтался между мерно ступающих волосатых ног.

— А... ты... с-ст-то... — в ужасе пробормотал Снейк, отступая назад.

Труп приоткрыл рот, в его стеклянных глазах появилось какое-то новое выражение, темп зомбических движений моментально ускорился, и Снейк наконец заорал:

— Джи!!!

Вытянутый вперед пистолет, содрогнувшись, изверг из себя бездымный сгусток порохового пламени. Тело Узи перегнулось пополам, он и сел, потом чуток подумал и медленно завалился на бок.

Когда переполюсованный Джи влетел в складской коридор, Снейк, еще сжимая в руке пистолет, стоял в трех шагах от неподвижного тела с простреленным животом.

— Что происходит? — едва выговорил пилот, округлившимися глазами глядя на труп капитана.

Снейк обернулся к товарищу.

— Похоже, кэп теперь точно мертв, — сказал он, придерживая пальцами уголок дергающегося рта. — Я его застрелил.

Именно в этот момент Узи шевельнулся и, перевернувшись кверху задом, медленно поднялся на четвереньки. На лице трупа была благостная добродушная ухмылка.

— Дева Мария, — тихо сказал Джи, теряя сознание.

* * *

— Я тоже вначале перепугался, — говорил Снейк, пережевывая брикет сухого завтрака, — но потом поостыл, пошевелил мозгами и понял, что ничего запредельного не происходит. Ну зомби, ну сначала задохнулся, потом я ему из пистолета добавил, а он ничего себе топает, лыбится, как дурак. Мнедохлый Узи нравится даже больше, чем живой, который вечно орал и сквалыжничал...

— Как-то это все в голове не укладывается, — проямил Джи.

Снейк всплеснул руками:

— Да ничего нового! Ты слышал о колдунах вуду?

— Какие-то шизики из Африки?

— Вроде того. Они умели оживлять трупы и заставляли их полоть свои африканские грядки. У нас с тобой ситуация примерно такая же, только без заклинаний и волшебных отваров.

— Понятно, что без отваров, — Джи зевнул. — Я ему отваров не давал... Жалко, что кофе весь вышел, — добавил он с сожалением.

— Но он жив, — продолжал Снейк, игнорируя реплику про кофе. — Он не дышит, не ест, не срет, но он ходит, шевелит руками и даже слушается команд.

— Команд? — переспросил Джи.

— Да, команд. Помнишь, я первый раз поставил замок медотсека на предохранитель, а он как-то снял блокировку и выбрался в коридор? Так я поймал его и велел возвращаться обратно.

— И он?

— Развернулся и пошел на место.

— Ну... — недоверчиво протянул Джи.

— Вот тебе и ну! А ты в курсе, что он оживает на два часа примерно два раза в сутки, немного раньше оживал раз в шестнадцать часов, но это от того, что у нас падает скорость.

— К чему ты клонишь? — спросил Джи. — Откуда ты это знаешь? Снейк махнул рукой:

— Еще в прошлый четверг я поставил в медотсеке камеру от карманного компьютера, чтобы держать руку на пульсе. Смотри. — Он вытащил из кармана наладонный монитор и продемонстрировал Джи изображение каюты с лежащим в углу Узи. — Через три часа он встанет и будет опять пытаться открыть дверь.

— И с чем связана подобная периодичность? — без особого энтузиазма поинтересовался Джи.

— Я, конечно, не специалист, — сказал Снейк. — Но, думаю, периодичность связана с регулярным пересечением плоскости колец. Скорее всего в кольцах высокое содержание пыли и обломков некоего минерала, и этот минерал излучает. Пролетая сквозь край кольца, мы попадаем в интенсивную зону и вуаля, наш покойник начинает дрыгать ножками. Я снял кое-какие параметры излучения, там что-то совершенно экстраординарное. Думаю, именно эта дрянь заставляет шестеренки в мозгу Узи бегать по наезженным орбитам. Как тебе теория? Может, колдуны вуду тоже использовали в своих амулетах излучающие камешки? А? Sensация!

— Ты голова, — с удрученным восхищением согласился Джи. — Только нам-то какой прок с твоей сенсацией? Мы все глубже цепляем его периферию. Через восемь дней либо разобьемся, либо нас раздавит в плотных слоях.

Снейк почесал стриженую голову.

— В ремонте «Марка» ты мне больше под ногами елозишь (Джи насупился, но Снейк поднял руку, упреждая возражения), а вот капитан в электронике разобрался и, вроде как, неплохо. Если зомби исполняет команды, отчего бы нам не привлечь его к ремонту? Глядишь, пошло бы скорее.

Второй пилот с минуту смотрел на механика с величайшим изумлением. Потом на его лице проступило понимание.

— Черт, — пробормотал он. — Звучит вроде неплохо... Хотя все равно не прокатит.

— Почему?

— Он же валится мешком, стоит кораблю удалиться от кольца, — растерянно сказал Джи. — Ты сам видел. А нам нужно, чтоб его ролики крутились permanently... Кстати, а излучение как, не опасное? Сами в ящик не сыграем?

— Насрать, — сердито сказал Снейк. — Пока вроде не сыграли... — Он нахмурился, что-то обдумывая.

— Есть одна мыслишка, — наконец проговорил механик, — как сделать фактор постоянным.

— И как? Развернуть орбиту «Атеиста» в плоскость кольца? — Джи покачал головой. — Мы сожжем топливо в аварийных ракетах за три часа.

Снейк покрутил головой:

— Не-а. Нам нужен только камешек. Один камешек из кольца.

Джи вытаращил глаза, потом хлопнул себя по лбу, но уже чрез секунду лицо его опять сделалось расстроенным.

— Доставать нечем, — сказал он. — Наши зонды не подойдут.

— Зонды не нужны, — Снейк отряхнул ладони от крошек. — У нас есть дюжина осколков от метеорита. Застрали в корпусе вычислителя. Я их собрал и на всякий случай сложил в корабельный сейф, вдруг в трибунале понадобятся доказательства...

— Ну ты идиот! — восторженно сказал Джи.

* * *

Корабельный сейф высокой защиты был единственной на «Атеисте» вещью, для покупки которой капитан Фарвиш не пожалел бабок. Абсолютно надежный, высокопрочный, непроницаемый для подавляющего большинства излучений, с системой кодовой защиты и пятью автономными ячейками.

Слушая сопение топтавшегося сзади Джи, Снейк открыл общее отделение и выбрал из лежащих на средней полки серебристых камешков один, размером с крупную горошину.

— Думаю, этого хватит, — сказал он, закрывая дверцу. — Ну что, пошли, что ли.

Двое мужчин поднялись на второй ярус жилого модуля и двинулись к медицинскому отсеку. Уже в коридоре решительность Джи начала стремительно таять, но Снейк пресек его дезертирские потуги в корне.

— Окстись, — строго сказал бортмеханик, отпирая люк. — Сейчас мы почти над полюсом, покойник совершенно покоен. — Он приостановился в дверном проеме и добавил, — В конце концов, это мне его нужно бояться. Я же шмалял в него с пистолета... Два раза.

Джи тяжело вздохнул, но деваться было некуда.

Они остановились над лежащим посреди отсека голым человеком. Снейк вынул из кармана серебристую горошину и наклонился, поднося ее поближе к труп. Джи следил за ним со смесью ужаса и любопытства. Когда горошина оказалась в полуметре от груди капитана, тот неожиданно раскрыл глаза и сел, подтянув к голой груди голые колени, затем поднялся на ноги, по лицу его блуждала глуповатая добродушная улыбка.

— Вот черт, — потрясенно проговорил Джи.

После серии простеньких экспериментов стало ясно, что камешек работает как надо, но обязательно должен находиться не дальше семидесяти сантиметров от головы зомби.

— Нужно приклеить его к затылку липкой лентой, — предложил Джи.

Скептический взгляд Снейка пробежался по фигуре стоящего навывтяжку Узи, задержался на заклеенном пластырем животе, скользнул ниже.

— Нет, — сказал бортмеханик. — Нужно одеть этот срам во что-нибудь приличное, а камешек затолкать в карман.

Джи сбежал в капитанскую каюту и притащил брюки и пару рубашек с карманами на застёжке. Через пять минут послушно поднимающий руки и ноги Фарвиш был кое-как приведен в приличный вид.

— Вот так, — с удовлетворением сказал Снейк, осматривая плоды своих стараний, — а теперь, дружок, держи-ка основу твоей жизни. Подними руку и растопырь пальцы.

Узи, не меняя выражение лица, поднял ладонь, и Снейк вложил в нее серебристую гранулу.

— Ты должен все время держать эту штуку при себе, — сказал Снейк наставительно. — Лучше всего вот здесь.

Палец механика потянулся к нагрудному карману капитанской рубашки, но Узи его опередил. Выкатив глаза, труп быстро поднял пятерню к лицу и сунул кусочек камня в рот. Кадык на толстой шее нырнул вверх и съехал вниз.

— Ё-кэ-рэ-гэ-нэ, — испуганно проговорил Джи.

Но Снейк, который был тоже удивлен и отчасти шокирован, повел себя в высшей степени хладнокровно.

— Да бог с ним, — сказал он рассудительно. — Пищеварение-то все равно не работает. Какая разница, где камень, в кармане или в желудке? Пошли в рубку, покажем ему тестер.

* * *

Через три дня совместной работы Снейк утвердился во мнении, что мертвый Узи управляется с тестером едва ли не быстрее его самого. Это было дико и забавно, но от мертвого Фарвиша пользы оказалось куда больше, чем от живого. Он перебирал микросхемы, как автомат,

находил нужную, втыкал ее в гнездо и моментально затягивал крепления. Он не ел, не спал, не ходил в туалет, не отвлекался на неизбежные разговоры. Если механик или второй пилот что-нибудь ему говорили, он улыбался идиотической улыбкой и говорил: «Гы-гы».

Ко вторнику ощущение близкого спасения стало таким сильным, что у Снейка появился навязчивый соблазн бросить капитана на Джи и наконец выспаться, но он не дал себе воли. Задремывая и просыпаясь, он следил, как Узи машет руками со скоростью вентилятора, и опять погружался в полудрему.

В пятницу они в первый раз запустили компьютер. Снейк, затаив дыхание, нажал кнопку «пуск», и по мертвым экранам мониторов впервые за пятнадцать дней побежали иконки загрузки.

Джи прыгал по рубке, как полоумный, Снейк хлопал мокрыми глазами, а Узи стоял навтыжку и улыбался.

Оттестировав в тот же день все системы «Атеиста», они запустили маршевые двигатели, и, сидя в кресле позади Джи, Снейк чувствовал, как блаженно наливается тяжестью перегрузки его тело, а Узи в соседнем ложементе тарачил выпученные глаза.

Через пять часов Снейк проснулся в том же кресле оттого, что его трясли за плечо.

— Просыпайся, дружище, — негромко говорил Джи. — Через час будем за орбитой последней планеты. Все системы готовы к прыжку. Нужно посоветоваться, куда рванем и что станем делать.

— Уже? — сипло сказал Снейк, протирая глаза. — А где Узи?

— Я велел ему сходить до камбуза. — Джи помахал в воздухе ладонью. — Так что? Какие будут идеи? Мы ведь с тобой теперь типа как безработные. А кроме того нужно решать вопрос с капитаном. Не можем же мы везти его на землю.

Снейк сильно потер лицо ладонями.

Пока они с Узи чинили вычислитель, думать о посторонних вещах было совершенно некогда, но теперь ситуация всплывала перед внутренним взором механика во всей своей неприглядности.

Если, вернувшись в порт приписки, экипаж заявит о смерти и последующем воскрешении капитана, то придется давать показания в навигационной комиссии. Даже если пилоту и бортмеханику поверят, то мертвому капитану и судовладельцу навряд ли продлят лицензию, а учитывая то, что родственников у Узиэля нет, «Атеист», скорее всего, отойдет в пользу государства. Двух космонавтов, замешанных в смутной истории, скорее всего, просто уволят. Их даже увольнять не нужно, поскольку работодатель мертв, их просто отставляют в сторону, как ненужный хлам, а с репутацией хлама найти новое место будет ох как непросто. Да и информация о планете, вокруг которой вращаются триллионы тонн амулетов вуду, наверняка не обрадует власти... Черт подери!

— Так есть идеи? — повторил Джи.

Снейк мрачно развел руками.

— А у тебя?

Джи с глубокомысленным видом присел на подлокотник.

— Пока вы возились с вычислителем, я обдумывал ситуацию, — сказал он не без гордости. — Исходя из того, что компьютер после аварии не вел записей, против нас нет улик, но и алиби у нас нет...

— Куда ты клонишь? — подозрительно поинтересовался Снейк.

— С этой точки зрения, — невозмутимо продолжал Джи, — у нас есть два варианта решения вопроса. Первый — извлечь из Узи волшебный камешек, а потом честно рассказать все в комиссии, опустив информацию про ожившие трупы.

— Ага, — пробормотал Снейк. — И как мы объясним два пулевых ранения?

— Вот! — Джи торжественно поднял палец. — Тогда есть второй вариант. Мы оставляем все как есть.

— И?

Тихо скрипнул входной люк. Второй пилот и механик разом поднялись на ноги. Пришаркивая и неловко покачиваясь всем корпусом, через помещение рубки двигался Узиэль Фарвиш. В вытянутых перед собой руках он крепко сжимал дымящуюся чашку. Капитан остановился в паре шагов от своих бывших подчиненных, все с той же дураковатой ухмылкой.

— Сун! — сказал он радостно.

— Вот молодец, — похвалил Джи, заглядывая в чашку. — Всего раз объяснил ему, как заваривать концентрат. — Он отобрал у Узи посуду и пристроил ее на выдвижной столик. — Умница! Спасибо!

— Гы-гы, — сказал Узи.

— Так что там за вариант? — напомнил Снейк, с некоторой опаской поглядывая на чересчур оживленное лицо покойника.

— Мы оставляем все, как есть, — сказал Джи, — с одной поправкой... Узи, ты сможешь поставить свою подпись?

— Подпись... — повторил Узиэль, разрегулированно кивая головой.

— Компьютер, — повелительно сказал Джи. — Распечатай нам два экземпляра договора... — Он обернулся к удивленному Снейку. — Думаю, дарственная вызовет слишком много ненужных вопросов... Пусть будет договор на партнерство, по тридцать три процента от рыночной стоимости.

Буквально через секунду в лоток легли два листа тонкого пластика.

— Где-то у нас тут была ручка.

Узи, подняв голову, с интересом поглядел на капитанскую половину пульта, где в специальном футляре торчал маркер, которым капитан обычно подписывал официальные накладные.

— Ах, да! — Джи птицей слетал до пульта. — Осторожно. Попробуй писать разборчиво, — сказал он вкладывая золотистый стерженек в пальцы зомби. — Не спеши.

Узи внимательно поглядел на пододвинутый к нему планшет и сделал быстрое уверенное движение.

Джи заглянул в лист. Его физиономию осветила улыбка.

— А теперь здесь.

Снейк недоверчиво взял листок.

— Узиэль Фарвиш, — прочел он, всматриваясь в знакомую подпись.

— Гы-гы, — сказал Узи, внимательно глядя на Снейка совсем не-веселыми глазами.

«Гы-гы», — подумал Снейк.

— Ну что, господа партнеры. — Джи с улыбкой сложил листы в папку. — Теперь осталось убрать документы в сейф, посчитать вектор гиперпотока до Земли и можно делать скачок.

— Вектор гиперпотока, — неожиданно заявил Узи, — составляет шесть целых, сто четырнадцать тысячных...

Джи и Снейк разом уставились на капитана.

— На десять в восемнадцатой...

— Ни фиги себе, — потрясенно проговорил Джи.

«Черт, — подумал Снейк, чувствуя, как засосало под ложечкой. — Если что, нужно будет целить ему в желудок».

МАКСИМ ШАПИРО

PAYBACK¹Fiat justitia, pereat mundus²

Лязг. Створки ворот открываются. Механизм словно прессом выдавливает в узкий, как раз в ширину обычного человека, стальной коридор точно отмеренное количество людей. Лязг. Створки закрываются. Лязг. В одной из боковых стен коридора синхронно открывается множество узких ниш. Как раз по числу перепуганных людей в коридоре. Противоположная стена коридора с натужным гудением медленно, но неотвратно начинает приближаться, грозя раздавить в лепешку. Люди в панике забиваются в ниши. Лязг. Ниши закрываются. В каждой из них раздается голос.

— Голосовали ли вы на выборах 2563-го года в планетарной системе Мидори за президента Кусами?

Короткая пауза. Отвечать людям необязательно. Каждая железная ячейка наштигована сотнями датчиков. Они сканируют мозг людей и выявляют правдивый ответ независимо от того, молчит ли, говорит ли или истошно кричит исследуемый. Вероятность ошибки меньше одной десятиллиардной. Пауза заканчивается. Лязг. Некоторые ячейки открываются с противоположной стороны и выпускают счастливых. Новый вопрос.

— Были ли вы не в курсе до выборов, что президент Кусами планирует уничтожить в планетарной системе Мидори всех представителей европеоидной и негроидной рас, включая женщин и детей?

Пауза. Лязг. Всего парочка открывается с противоположной стороны. В оставшихся снова звучит голос.

— Выборы 2563-го года в планетарной системе Мидори были признаны независимыми наблюдателями демократичными, прошедшими без подтасовок и в условиях свободы прессы. На этом основании вы признаетесь виновными в осуществлении геноцида и приговариваетесь к смертной казни. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Люди в ячейках воют, бьются головой о стенки, сидят на корточках, прикрывая голову руками. Вспышка — и все стихает. Тончайший пепел оседает на пол железных кабинок. Лязг. Створки ворот открываются. Новая партия людей поступает в коридор. Лязг.

*За президента Кусами в планетарной системе Мидори
проголосовало 86 процентов избирателей.*

¹ Публикуя рассказы скандально знаменитого Миррского цикла Макса Шапира, в качестве флага мы выбрали рассказ, вызвавший ожесточенные споры среди читателей.

² Пусть рухнет мир, но свершится правосудие

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Под светом Луны

ГОМЕЛЬСКИЙ КРЫСОВОД

— Ты шо ж творишь, бисов сын! — гневу и удивлению старшего унтера Остапенко не было предела. И причина для этого имелась самая что ни на есть веская. Ефрейтор Федорчук кормил с руки крысу. Здоровенного такого пасюка, размером с небольшую кошку. И попадись таковая, то есть кошка, на пути подобного чудовища, рванула б кошатина прочь, поджав хвост. Это как пить дать.

А Федорчук, поди ж ты! — кормит с руки крысиную морду хлебом, что твоего щенка!

Ефрейтор вытянулся, лицо его приняло глуповато-уставное выражение:

— Виноват, господин старший унтер офицер! Но тоже ж ведь божья тварь...

— Я те щас дам — тварь! И в бога, и в душу, и в мать!..

Старший унтер славился крутым нравом, и немедля заехал Федорчуку в ухо. Боец отшатнулся, нога поехала по раскисшей глине окопа, и он с трудом удержался на ногах.

— Ещё раз замечу, посажу на огневую точку бессрочно! Башку под германские пули подставлять... Скройся с глаз!

Ефрейтор засеменял к блиндажу: винтовка соскальзывала с плеча, и воин беспрестанно поправлял, подтягивал её. Сапоги разъезжались, а полы шинели путались в ногах, и, казалось, мешали солдату идти.

— Защитничек, твою налево, Отечества! — сплюнул вслед Остапенко. — Наберут желторотиков, и в строй. А он пацан пацаном, ему б в салки играть...

Тут взгляд его остановился на крысе. Грызун не ушёл — напротив, казалось, с большим интересом наблюдал за перепалкой людей. Поблескивали чёрные бусинки глаз, топорщилась грязно-серая шерстка, длинный облезлый хвост вольно лежал в жидкой грязи. И чуть подрагивали маленькие закруглённые ушки.

— Ах ты, сука! — взбеленился унтер и рванул из кобуры наган. Но выстрелить не успел — пасюк вильнул облезлым хвостом и словно растворился в окопной хляби. Вот только что был — и нет. Дьявольское отродье.

Впрочем, дело было не только в крысах. Седьмого февраля в Восточной Пруссии 8-я германская армия генерала фон Белова обрушилась на левый фланг 10-й российской армии с запада. Днём позже, с севера, 9-я армия генерала фон Эйхгорна ударила в правый фланг русских. При мощной поддержке артиллерии, хорошо оснащённые и вооружённые, войска кайзера рвались к городку Августову, рассчитывая окружить и разгромить армию Сиверса.

На пути парового катка фон Белова стал 3-й Сибирский корпус генерала Радкевича, базировавшийся у озера Спирдинг. Удар был страшен: сказались и фактор внезапности, и превосходство германцев в вооружении и живой силе. С упорными боями, неся тяжёлые потери, подразделения корпуса вынуждены были отступать. К десятому февраля вышли на линию Лык-Граево. За спиной лежал Райгород, а чуть дальше — Августов. По войскам прошёл приказ командующего — держаться до последнего.

Зима выдалась для здешних мест обычной — несуровой, но со снежком и лёгким морозцем. А в феврале пятнадцатого года неожиданно потеплело. С неба посыпался ледяной дождь, временами перемежающийся мокрым снегом, который тотчас превращался под ногами в водяную кашу. Сугробы сохранились разве что в лесах, а поля и дороги раскисли: в мокрой глине вязли конские копыта, тележные колёса и солдатские сапоги. А вечные спутники русских войск — перебои в снабжении, плохая связь, нехватка продовольствия и боеприпасов — тут как тут.

Второй роте первого батальона досталась позиция между Лыком и Граево, посреди раскисших зимних полей и голых перелесков. Бойцы вгрызались в неподатливый, вязкий грунт: рыли траншеи полного профиля, устраивали пулемётные гнёзда, укрепляли батарею уцелевших полевых трёхдюймовок. Старались на совесть, хоть и винтовок не хватало, и патронов. А орудий осталось всего три.

Немцы притихли, но все понимали — это ненадолго. Силы копят, готовятся к новому мощному броску.

Поэтому был повод у старшего унтера Остапенко для плохого настроения, определённо был. Да тут ещё эти крысы. В полукилометре, за перелеском, стоял заброшенный польский хутор. Люди уходили в спешке, прихватывая то, что могли унести. Вот и осталось в амбаре несколько мешков пшеницы. Употреблять её в пищу было нельзя — подмокла и подопрела, но вот крысам она пришлась по нутру.

Грызуны быстро расправились с хуторскими запасами, и с приходом российских войск повадились шастать в распоряжение. То прогрызут мешки с мукой или крупой, то ящики с сухарями. Не столько съедят, сколько вывалят бесценные продукты в грязь, перепортят. Обнаглели до того, что хвостатых тварей можно было встретить в окопах среди бела дня, вот как сейчас. За два дня, что взвод окапывался и готовился к бою, крысы успели стать настоящим бедствием.

Остапенко докладывал командиру взвода подпоручику Гаевскому, но тот лишь усмехался: поставь мышеловки, Фёдор, или kota заведи. И вообще, не о том думаешь, старший унтер. Германцы, вот те — крысиные душонки! И к наступлению они готовятся денно и ночью. А начать могут с минуты на минуту. Тогда твои серые, что с хвостами, сами разбегутся.

Ага, коты заведи! Да там такие зверюги, что тех котов сожрут и только облизнутся. Но унтер не сдавался, подал рапорт в интендантство — мол, заедают крысы, примите меры. И получил пространный ответ, что, дескать, грызунами должны заниматься санитарные роты, но у них в нынешнем положении столько забот и хлопот, что никто во-евать с твоими крысами сейчас не будет. Управляйся своими силами.

И вот всё это вместе — поражения на фронте, промозглый холод и дождь, и наглые крысы вдобавок — заставляли Остапенко хвататься порой за кобуру. И не его одного.

А на рассвете следующего дня, после мощной артподготовки, германцы бросились на штурм русских позиций. Остатки русской артиллерии были подавлены огнём немецких пушек. Длинные очереди вражеских пулемётов не давали поднять головы, под их прикрытием неприятель двинулся в атаку. Русские не сдавались: закипала вода в охладителях пулемётов Максима, гулко били трёхлинейки, но вместо падающих фигур в остроконечных шлемах тут же появлялись новые. Казалось, нет им числа...

Схлестнулись в штыки. Бок о бок со стрелками бились гренадеры, которых легко было отличать по шлемам Адриана с гребнем. В скоротечных наступательных боях они расстреливали врагов в упор из револьверов, поражали их палашами и ножами, сапёрными лопатками. И после атак разрубленные кайзеровские шлемы устилали дно русских окопов.

Рукопашный бой в траншее — действо жуткое, кровавое, беспощадное. Здесь нет места милосердию, благородству, выражению каких-то человеческих чувств — люди превращаются в кровожадных зверей. Здесь нет правил. Точнее, правило одно — если не ты врага, то он тебя. Увидел спину в чужой серой шинели, поспеши вонзить в неё штык. Или нож. Или рубануть изо всех сил лопаткой, наточенной перед боем до бритвенной остроты...

Взвод выбили с передовых позиций. Подразделения отступили ко второму эшелону обороны, менее приспособленному для ведения боевых действий. Закрепились. Но и германцы не ринулись следом. Возможно, причиной тому были понесённые потери, а быть может, угасающий зимний день. По ночам немцы атаковали крайне редко.

Наступила передышка. Бойцы валились на дно окопов, бессильно прислонялись к стенкам. Пар шёл от запаленного дыхания, на лицах смешивались холодные капли дождя и горячий пот. Стонали и хрипели раненные, те, кого смогли вынести.

Сновали санитары, матерились командиры.

— Ну что, солдатушки, храбры ребятаушки, хлебнули говна! — орал подпоручик Гаевский, потрясая наганом. Злые слёзы катились по его щекам, измазанным глиной и пороховой гарью. — Не удержали

позицию, сдали крысиным душонкам! Но отсюда назад — ни шагу! И готовьтесь — будем наш окоп возвращать. Костями ляжем все до единого, но немца выбьем!

Чуть перевели дух и спешно принялись устанавливать вынесенные из боя «максимы», обустраивать в окопе пулемётные гнёзда, готовить стрелковые ячейки. Но каждый понимал — возмездие укреплению во сто крат труднее, чем удержаться. Каково же было негодование старшего унтера Остапенко, когда поздно вечером, дав себе малый передых и сворачивая самокрутку, сидя на пустом снарядном ящике, он вновь увидал невдалеке острую крысиную мордочку и любопытные бусинки глаз.

— Федорчук! — взревел унтер. — Если живой, сей миг его ко мне!

После утреннего боя личного состава во взводах осталось где половина, где треть, а где и того меньше. Подразделения наспех переформировали, создав из оставшихся бойцов и офицеров хоть какое-то подобие боеспособных единиц. Но Федорчука нашли — не погиб боец, не пал под германскими пулями, не поймал штык в грудь, и сейчас тянулся во фронт перед старшим по званию — чумазый и усталый, но живой.

— Видал, ефрейтор, опять твои друзья заявили? — зловеще начал старший унтер. — Слушай приказ: чтоб до утра ни одной крысы в окопах не было. Хоть руками их лови, хоть словами уговаривай, если ты для них такой хороший. Ещё одного пасюка увижу, отдам тебя под трибунал.

— Слушаюсь, господин старший унтер офицер! — как-то даже весело отвечал боец. — Зачем же под трибунал, я их, если нужно, очень даже просто шугануть могу. Ни одной крысы за две версты вокруг не останется!

— Как это? — подивился унтер. — Ты, небось, и не знаешь, что это за тварюги такие...

— Никак нет, знаю! Мы родом с Гомельщины, господин старший унтер офицер. Ещё деда моего в деревне крысоводом прозвали, а потом и отца тоже. Эт ужо когда батя в Сибирь подался, там всё по-иному стало...

Как ни измотан был Остапенко, как ни злился на германцев, погоду, тяжёлую воинскую долю и крыс — будь они неладны! — но и на войне человек остаётся человеком. Любопытным, способным удивляться, готовым и посмеяться в краткие минуты затишья. Когда есть тому причина. А быть может, именно из-за того, что смерть постоянно ходит рядом, человеческое порой проявляется в боях ярче, чем в мирной жизни.

— Как это — крысовод? — неподдельно заинтересовался унтер. — А ну, расскажи.

— Да у нас в деревне крыс тоже хватало. А где их нет? На мельнице, в амбарах, особо, когда урожай убрали. Так-то мы их не сильно

и гоняли: божьи твари, тоже жрать хотят. Но если посевная подходит, зерно приготовлено, или там бульба, а они повадятся это всё на зуб — тут уж не серчайте, серые. Дед умел вырезать дуду. Потом и отца научил, а тот меня. Дуешь в ту дуду, и пасюки разбегаются. Ни одной хвостатой не остаётся, как и не было вовсе! Дед мастак был. Случалось, возьмёт дудку шутки ради, начнёт свистать, и крысы во двор выходят — что твои куры или гуси. В круг становятся, и идут по кругу одна за другой, будто хоровод водят! Обхохочешься! — Простоватое, курносое лицо Федорчука светилось искренним восторгом. — Заиграет чуток по-другому, и крысы в обратную сторону потопали...

— Врешь! — хохотнул унтер. — Вот как есть врешь!

— Крест святой! — побожился солдат. — Я, конечно, так не умею, но, бывало, придёт охота поозорничать. Так что делал — как девки за околицей соберутся, гармониста позовут, попеть, там, поплясать с парнями — я неподалёку в кустах сяду, и давай дудеть. Крысы как попрут стаей — по ногам девкам, под юбки — визгу, крику! Кутерьма!

К разговору присоединились ещё охотники до баек. Теперь хохотал не только унтер, смеялись все. И никто не обратил внимания на гренадерского фельдфебеля, покудивавшего в сторонке, но внимательно прислушивающегося к рассказу. Неожиданно гренадер встал и подошёл к компании.

— Погоди, Федорчук, — упёр он в солдата немигающий взгляд серых, словно выгоревших под вражеским огнём глаз. — Ты хочешь сказать, что можешь не только распугивать крыс, но и приманивать их?

Смех сразу прекратился. Бойцы подтянулись, даже унтер поднялся со своего ящика. И не только оттого что гренадер был старше по званию. Этих ребят в армии уважали.

Появились гренадерские группы по банальной причине нехватки винтовок. Отбирали сюда ребят смелых и физически крепких. Они обвешивали себя гранатами, словно елки шишками, брали сапёрные лопатки, короткие пики, ножи, револьверы и первыми шли в бой. Подбирались вплотную к окопам противника, забрасывали их гранатами, а потом врывались на чужие позиции, рубя в куски очумевших тевтонов. Потери несли огромные, но тот, кто выживал, становился закалённым и бесстрашным воином. Было за что уважать.

Сейчас незнакомый гренадер ждал ответа.

— Так точно, господин фельдфебель, — заробел Федорчук.

— И направить их в определённую сторону? — наседал гренадер.

— Да получалось раньше... — протянул солдат, не понимая, куда клонит фельдфебель.

— А на немецкие позиции послать сможешь?

— Так точно, — Федорчук непроизвольно глянул через плечо на занятые германцами укрепления.

— А как считаешь, если крысе навесить гранату, она побежит? — задал главный вопрос гренадер.

В окопе воцарилась тишина. Только шелестел нескончаемый дождь, да постукивал время от времени немецкий пулемёт МГ-08. Неприцельно, больше для порядка...

— Вы что, Куприянов, Гамельнского крысолова среди наших солдат отыскиали? — откровенно рассмеялся подпоручик Гаевский в лицо фельдфебелю. — Так может, он не крыс, а «гансов» своей дудкой из окопов выманить может? Доведёт до ближайшей речки — и в воду! Да что в речку, просто под пулемёты...

Гренадер стоял во фронт перед развалившимся на походном стульчике взводным, уставившись немигающим взглядом офицеру в переносицу. Лицо застыло.

— Я сам видел, ваше благородие, — твёрдо повторил он.

Не далее как утром Куприянов поймал Федорчука и заставил продемонстрировать своё искусство. Результат поразил его. Солдат достал простенькую на вид дудку, сделанную из полого куска осоки.

— Эт когда у озера стояли, спроворил на всякий случай, — пояснил он, как бы конфузясь.

Потом поднёс эту свою дуду к губам. Послышался очень высокий, на пределе слышимости звук. Музыкой его назвать было трудно, более свист, чем мелодия, но какие-то переходы — даже переливы — прослушивались. И буквально через минуту в окоп, на глазах у многих людей прибежали крысы. Вначале две, потом ещё две. Они присели перед Федорчуком, вытянули хвосты и застыли. Создавалось полное впечатление — дрессированные зверьки явились на зов своего хозяина. Крысы были крупные, серая шерсть свалилась, вымазалась в глине, но облезлыми их назвать язык не поворачивался — упитанные, резвые грызуны.

— Да полно вам, фельдфебель, — не поверил Гаевский. — Я понимаю ещё, коня свистом подзывать. Или там... собаку. Но крысу?! Идею вашу, уж не взыщите, считаю совершенно завиральной. Но и запретить попытку не могу. Атаковать будем завтра с рассветом. Артиллерии нет. Подкрепление увязло на раскисших дорогах, когда-то ещё пребудет. Пространство перед позицией простреливается немецкими пулемётами, бросить людей в атаку без поддержки — просто положить всех в землю. Поэтому, если вам удастся провести подобную... — подпоручик замаялся, подыскивая нужное слово, нашёлся: — огневую подготовку, вы окажете роте и всему батальону неоценимую услугу. Что ж, дерзайте...

Ещё утром, до доклада начальству, Куприянов прикидывал, чем снарядить неожиданных помощников. Понятно, что стандартная, принятая на вооружение граната РГ-14 здесь не годилась совершенно.

Ну действительно, как крыса нажмёт спусковой рычаг на рукояти гранаты и сдвинет предохранительную задвижку? Значит, нужно что-то фитильное, простое, но надёжное.

Фельдфебель отправился к сапёрам и узнал, что у них, по счастью, есть небольшой запас динамитных шашек с капсюлями-детонаторами и огнепроводными шнурами. Притащив в расположение ячки взрывчатки, Куприянов призвал Федорчука и поручил ему приманить крысу. С этим боец справился легко.

До германских позиций, по прикидкам гренадера, было метров четырёста. Отмерив такое же расстояние вглубь собственного участка обороны, ефрейтор повязал одну из крыс красной лентой с кокетливым бантиком на спине и коротким посвистом отправил в забег. Куприянов хронометрировал. Так сделали несколько раз. Получилось, что расстояния до вражеского окопа крыса преодолевала в среднем за две минуты.

Значит, фитили придётся делать с небольшим запасом — на две с половиной минуты горения. Получался длинный хвост, который будет волочиться за пасюком, попадать в лужи, биться о неровности почвы. Ненадёжно — может погаснуть. К тому же, когда пламя дойдёт до шашки, оно может припалить животное. Куда тогда прыгнет крыса?

Идея с фитилями, казавшаяся такой простой и надёжной, отпала. А новые не очень-то появлялись.

Тем временем Федорчук приманил уже два десятка крупных крыс и самозабвенно с ними возился. Построил вольер из ивовых прутьев, кормил с руки, и занимался натуральной дрессурой — по свистку заставлял выходить из вольера и возвращаться. Отбегать на разные дистанции, и снова возвращаться. Бегать стаей, клином, рассыпаться цепью...

Солдаты и офицеры, свободные от службы, собирались поглазеть на это представление. И странное дело — никто не смеялся, не улюлюкал, не подначивал Федорчука, как это обычно принято в солдатской среде. Все понимали — человек занят важным, ответственным делом, от успеха которого, возможно, зависят их жизни.

Но ещё более поражало Куприянова изменившееся отношение солдат к крысам. Никто не смотрел теперь на них брезгливо, с отвращением, никому в голову не приходило пнуть сапогом пробегающего мимо пасюка. Наоборот, каждый, кто подходил к вольеру, норовил угостить хвостатых хлебом, сухарём, а то и кусочком сахара. Прямо как младших братьев наших, право слово...

К вечеру, сходяв ещё раз к сапёрам, покурив да покалякав с мужиками, Куприянов решил вопрос с детонаторами. Дело в том, что днём он приметил: воронки от снарядов крысы оббегают, небольшие ямки перепрыгивают, а вот в глубокие ямы, такие как окоп, например, скатываются кувырком. Фельдфебель посоветовался с главным

крысоводом. Да, подтвердил Федорчук, под свист дудочки они всегда так делают. Попадись обрывистый берег реки, крутой овраг — крысы скатываются по склону кубарем, а потом уже бегут дальше.

Оставался не слишком надёжный и опасный, но единственный, на взгляд Куприянова, способ сделать детонаторы. Из взрывателей неиспользованных снарядов к трёхдюймовкам — пушек-то целых не осталось! — с великими предосторожностями извлекли гремучую ртуть. Порошок этот чрезвычайно чувствителен к трению, удару, сотрясению и широко используется для подрыва менее чувствительного тротила.

Куприянов решил нанести сверху на динамитные шашки тонкий слой крупинок фульмината ртути, как по-научному называлась гремучка. Шашку прибинтовать к телу крыс обычными бинтами, которые скрепя сердце, дали ему в санитарной роте. Гремучую ртуть прикрыть сверху от влаги кусочком вошёной бумаги и приклеить. И тогда кувырок во вражеский окоп станет последним, смертельным салыто для живых снарядов...

В какой-то момент фельдфебель усомнился в успехе предприятия. Ему показалось, что подпоручик Гаевский был прав, а он ввязался в откровенную авантюру. Всё было слишком шатким, ненадёжным, что называется «на тоненького». А если крыса ударится во время бега о препятствие? Гибкому телу животного ничего не сделается, а вот взрывчатка может среагировать. А если пасюк прыгнет слишком высоко, эти зверюги способны выпрыгивать почти на метр в высоту?! Динамит же достаточно уронить с двадцати пяти сантиметров, чтобы произошла детонация. Или наоборот, несмотря на защиту вошёной бумагой, гремучая ртуть подмокнет? Тогда чувствительность её многократно снизится. И уже не от удара или трения — из револьвера нужно палить, чтобы произошёл подрыв шашки.

Но отступать было некуда. И менять что-либо — поздно. Гренадеры уже перебинтовали крыс, приспособили гремучую ртуть и теперь следили, чтобы животные не затеяли ненароком опасную возню. Но те вели себя спокойно, дремали.

Близился рассвет, рота готовилась к атаке. Германцы всё чаще запускали осветительные ракеты, опасаясь пропустить в предрассветной мути начало штурма русских. С обеих сторон простреливаемой, изрытой воронками полосы земли нарастало напряжение, знакомое любому солдату перед боем. То натянутое струной ожидание, которое чувствуется физически, разливается в пространстве, оборачивается звенящей тишиной за миг до яростного грохота и слепящего пламени.

Подошёл сумрачный Гаевский:

— Готовы?

— Так точно, ваше благородие. Готовы.

— Начинайте.

Куприянов повернулся к Федорчуку, тот бодро улыбнулся и поднёс дуду к губам. Лишь зазвучали первые высокие, на грани слышимости посвисты, сонные до этого крысы оживились, задвигались. Зашевелились маленькие закруглённые ушки. Мягко толкаясь боками, грызуны, с уродливыми горбами прибинтованных динамитных шашек на спине, выстроились у выхода из вольера.

Выстроились шеренгой, словно готовые броситься в атаку бойцы.

— Ну, с Богом, Федорчук! — выдохнул Куприянов и поднял плетёную заслонку, закрывающую выход из вольера.

Серая лавина метнулась на волю. Гренадер ещё успел заметить, как крысы рассыпаются цепью, а потом юркие тела животных исчезли на фоне обожжённой, расстрелянной земли. Секунды растягивались в часы, минуты казались вечностью. С шипением прочертил тёмное небо очередной осветительный снаряд, а через миг его бледный свет померк в первой вспышке. Следом прокатился грохот взрыва.

В германском окопе.

И дальше — ещё взрыв, и ещё! На глазах укрепление превращалось в стену огня и дыма. Взлетел в воздух, будто сделанный из картона, немецкий пулёмёт. Фонтанами летела жидкая окопная грязь, и в ней, чудилось Куприянову, мелькают разорванные тела вражеских солдат.

А гренадеры уже бросились на штурм. За ними поднимались в штыковую атаку стрелки.

— Даёшь, крысиные душонки! Даёшь! — орал Гаевский, бежавший в полный рост впереди своих бойцов и стреляя из нагана в клубящееся, багрово-сизое зарево. — Ур-р-ра-а-а!..

Рота отбила позицию. Немцы отступили за невысокие холмы, оттуда начался ураганный артиллерийский обстрел. Но русские солдаты уже вжались в пропитанный влагой грунт, закрепились, установили пулёмёты. Теперь нас отсюда хрен выковырнешь! Теперь мы зубами будем держаться за эту стылую глину — до последнего патрона, до последнего солдата.

Аквечеру на холм выполз металлический монстр. Дождь, наконец, прекратился, и даже выглянуло ненадолго скупое зимнее солнышко. И вот в косых солнечных лучах бойцы увидели его — лобастого, с могучей литой решёткой на бампере, угловатого, и даже на вид тяжёлого и мощного.

На крыше находилась небольшая круглая башенка, и из неё торчал пулёмёт. Потом башенка повернулась вокруг оси, и пулёмётов оказалось три. Да с боков, из бойниц — по пулёмётному стволу, да впереди, где должно находиться водителю — курсовой ствол.

Монстр стоял и шевелил пулёмётами, словно фантастическое животное жалами. Прощупывал окружающее пространство, деля его на невидимые пока сектора обстрела. Чудище приглядывалось, принималось, готовилось к броску.

— Крысиная душонка, — «Эрхардт»! — чуть не застонал подпоручик. — Из штаба сообщали, мол, подтягивает германец технику. В том числе, новейший пулемётный броневомобиль «Эрхардт-4». Его даже снаряд берёт лишь при прямом попадании. А где наша артиллерия? Где?! Так до сих пор и не подошла. Из пулемёта такого не взять...

Куприянов в это время оказался рядом с командиром.

— А если гранатами?.. — предложил он, сам понимая, что на расстояние броска нужно ещё подобраться.

Гаевский даже не откликнулся на столь очевидный факт. Броневомобиль постоял недолго и укатился за холм.

— Это он, Куприянов, осмотреться приезжал, — спокойным, отрешённым каким-то голосом сказал Гаевский. — Тактику завтрашнего прорыва прикинуть. А поутру подкатится к нашим позициям — спокойно, на безопасное расстояние, особо не рискуя, — и начнёт поливать из шести стволов. Прижмёт так, что головы не поднять. А сзади пехота, крысиные душонки, — и плакала наша позиция, такой ценой отбитая.

Гренадер подавленно молчал.

К ночи подошёл поручик Воронцов. Один из немногих оставшихся в живых офицеров, взявший на себя командование остатками батальона. Они сидели в чудом уцелевшем блиндаже, за шатким столом с расстеленной картой местности.

— Приказываю вам, подпоручик, объединить под своим началом остатки взводов второй и третьей роты и держать оборону. Знаю, что трудно, однако подобное положение сейчас по всему растянутому фронту. Видели сегодняшнюю рекогносцировку? — Гаевский кивнул. — Есть сведения, что таких броневиков несколько. Но один точно будет выступать на вашем участке. Пушек, извините, дать не могу. Их по всему батальону осталось лишь несколько штук. Завтра к полудню должно подойти подкрепление из двадцатого стрелкового корпуса. А пока придумайте что-нибудь сами. Позовите grenадеров, они гранатомётчики знатные и ребята сметливые. Может, засада, или ещё что... но рубеж надо удержать, — устало закончил поручик.

Офицеры не знали, — ох уж эта связь в российских войсках! — что сосед справа, 2-й Сибирский корпус не выдержал ударов и отступает к Августову. И левый фланг 20-го корпуса оголился, подставился под пресс 9-й армии генерала фон Эйхгорна, сам еле держится. Уж какое тут подкрепление...

Офицеры знали другое — пока нет приказа к отступлению, надо стоять. Хоть десяток всяких разных «Эрхардтов» будет против.

Воронцов ушёл, Гаевский вызвал Куприянова.

— Что получилось один раз, может сработать и во второй, — сказал фельдфебель.

В блиндаж вызвали Федорчука.

— Не, ваше благородие, — мотнул головой солдат. Простоватое лицо его оставалось ясным и безмятежным — человек чётко знал, что он может, а что нет. — Это батя умел на избу какую крыс напустить. Его раз обидели шишко, так он им... Чтoб знали... Я так не смогу. Я к себе пасюков приманить могу. Дурында эта, она ж по всему полю перед позицией колесить не будет? И вплотную к окопам не сунется. Её ж где-нибудь дожидаться можно...

— Это верно, — подтвердил Куприянов, удивляясь смекалистости ефрейтора.

Действительно, машина тяжёлая. В раскисшем поле высок риск увязнуть, а с холма спускается просёлок. По нему броневику, скорее всего и двинет. А метров за двести до окопа всё изрыто воронками от их же, немецких артподготовок. Проходимость у железного чудища так себе, в эту хлябь он тоже не полезет. Значит, станет на границе твёрдой почвы — для пулемётов двести-триста метров отличная дистанция.

— Если с ночи в воронке залечь, дожидаться момента, — продолжал Федорчук, — то утром я смогу незаметно пробраться к ней под брюхо. Тогда и подружек можно звать. А уж вы их снарядите.

Снарядим, подумал Куприянов. От слова «снаряд». Война придаёт словам вполне определённое значение.

— Я приказать тебе этого не могу, Федорчук, — сказал, сглотив, подпоручик. — Только если добровольцем...

— А я и есть доброволец, ваше благородие, — улыбнулся боец. — Сам же предлагаю, добрую свою волю высказываю.

Офицер и гренaдер лишь переглянулись.

На этот раз с взрывателями не мудрили. Шашка, огнепроводный шнур на пять секунд и взрыватель. Жёсткий фитиль будет торчать недлинным хвостиком, крысы доберутся до броневику за три, от силы четыре секунды. Так заверил крысовод.

Федорчук приманил пять крыс, сел на землю и достал дудочку. Животные расположились вокруг него полукругом. Куприянов смотрел и не верил своим глазам — ефрейтор общался с крысами, словно с людьми. Что-то растолковывал, внушал тихим голосом, потом начинал насвистывать на дуде и опять говорил. Командир ставит подразделению боевую задачу — ничем иным назвать это было невозможно.

Гренaдер догадывался, как бы ни старался Федорчук, во время атаки он сможет лишь призвать пасюков к себе. И те должны оказаться даже не рядом с броневику, а непосредственно на его корпусе. А ещё лучше — внутри машины. Но как это собирается проделать ефрейтор, понять не мог.

Зато отчётливо понимал другое — завтрашний бой, скорее всего, окажется для бойца последним.

В четыре утра Куприянов вывел Федорчука на передовую. Ещё раз просчитали диспозицию. По всему выходило, поедет пулемётный броневомобиль «Эрхардт-4» по тому самому просёлку. Больше ему деваться некуда. И станет, скорее всего, во-о-т там — показывал Куприянов — видишь? перед воронками от снарядов, на ровной площадке. Или немного правее, там тоже место хорошее. А может, заберёт влево, тогда придётся преодолеть два метра простреливаемого пространства. Сдюжишь?

Ефрейтора лишь кивнул. Его одели в тулуп, дали кусок брезента — прикрыться.

— Возьми, на всякий случай... — Куприянов подал широкий нож, какими любили пользоваться гренандеры. Можно было дать и наган, да толку и от ножа-то, скорее всего, не будет. Не тот случай.

— Благодарствуйте, господин фельдфебель, — серьёзно ответил Федорчук. — На удачу.

И растаял в промозглой мгле.

Куприянов пошёл к вольеру. Взял с собой унтера Пожарова, тот нёс толстый смоляной фитиль, которому предстояло сыграть роль запальника. Крысы сидели спокойно. Безропотно дали гренандерам прибинтовать к спинам динамитные пашка. Фельдфебель вспомнил детство, как в доме отца, ребёнком пытался он нацепить дворовой собаке самодельное седло. Как пёс не давался, а потом долго скакал козлом и тёрся спиной о землю, пытаясь сбросить то чужеродное, что навесил ему на холку маленький человечек.

Здесь — ничего похожего. Полное повиновение, на миг даже показалось — понимание возложенной миссии. Может, это мы все такие дураки, подумал Куприянов? Ни черта об этой жизни не знаем, не понимаем, бредём во тьме как слепцы. И хорошо умеем только убивать друг друга, не щадя при этом ни окружающий мир, ни себя самих...

А простой парень из маленькой деревеньки под Гомелем видит и чувствует мироздание много шире и острее всех нас, хоть мы с нашивками и погонами.

Близился тусклый февральский рассвет. Бойцы готовились: набивали патронами винтовочные магазины, револьверные барабаны и пулемётные ленты, готовили гранаты, подкладывали грунт на бруствер. Гренандеры изготовили сапёрные лопатки и палаши, копили силы и ненависть для броска. Разговоры в окопе почти прекратились, только всплывали то тут, то там дымки солдатских самокруток.

Лишь показалось солнце, разогнало волглый туман над позицией, проявились зримо и выпукло все выщерблины и неровности истерзанной земли перед траншеей, залитые дождевой водой воронки, обрывки колючей проволоки и, конечно, трупы, свои и чужие, — как

только всё это проявилось, будто на фотографической пластине, — на вершине плоского холма появился «Эрхардт».

Уверенно и неотвратно покатился он по просёлку. Жидкая грязь плескала из-под массивных колёс, сизый выхлоп завивался за кормой, смешиваясь с паром. Проворачивалась то в одну, то в другую сторону пулёмётная башня, щерясь стволами МГ-08. Броневику казался символом непобедимой мощи германского оружия и тевтонского духа.

Бойцы смотрели на бронированную громадину зачарованно. Винтовки, револьверы, даже пулёмёты Максима казались в сравнении с этой машиной уничтожения детскими игрушками. А вслед броневику появлялись из-за холма, поблёскивая штыками, цепи германской пехоты.

Куприянов разглядывал бронеавтомобиль в бинокль. Совсем близко виделись его клепаные бока, швы, смотровые щели и бойницы. На башне чернел Шварцкройц в белом квадрате — знак имперской армии. Ближе к корме, по бокам расположились громоздкие прямоугольные ящики неясного назначения.

К ужасу своему фельдфебель начинал понимать, что посадка у машины низкая, подлезть под неё будет чрезвычайно трудно. А рядом пехотинцы, попробуй помаячить у борта — вмиг снимут выстрелом. И остро, запоздало пожалел: нужно было послать в засаду гренадера, дать ему гранат побольше, и будь что будет. Но вариант такой рассматривался, был признан бесперспективным — и правильно. Ничего ручные гранаты этакому чудовищу не сделают.

Тем временем «Эрхардт» вёл себя, как и рассчитывалось. Докатился до той самой площадки, что наметили ночью Куприянов с Федорчуком, и стал. И тут же открыл огонь из всех стволов. На передовой все вжались в землю, но фельдфебель выбрал себе такую позицию, что мог продолжать наблюдение. Надо же знать, когда выпускать крыс!

А в следующий миг из воронки метнулась лёгкая тень. Федорчук обманул всех: он не полез под броневику, заскочил на подножку, ухватившись за скобу, и пригнулся. Теперь от стрелков его закрывали те самые квадратные ящики, что висели с обеих сторон машины, а для экипажа он был в «мёртвой» зоне.

— Огонь по башне! — тотчас гаркнул Куприянов, уже не обращая внимания на то, что приказы, вообще-то, должен отдавать подпоручик. — Сбивайте им прицел! Не давайте вольно стрелять!..

Бойцы откликнулись. Защёлкали винтовочные выстрелы. Как бы Федорчука не зацепили, мельком подумал гренадер. Или, не дай бог, шальной рикошет... Но рассуждать было поздно. Давай, крысовод, доставай свою дуду! Ну же!

Будто услышав, боец поднёс руку к лицу, но из амбразуры, что располагалась в каком-то полуметре от солдата, показалась рука с пистолетом. Ствол опасно шарил вдоль борта, полыхнула вспышка

выстрела, неслышного за перестуком пулемётов. Но Федорчук молниеносно убрал дуду и выхватил нож. Тот, что подарил ему на счастье Куприянов. Резкий взмах, и вражеская рука, выпустив оружие, спряталась в амбразуре.

А боец вновь извлёк дудку, припал к ней и уже не отрывал губ.

Куприянов бросился к вольтеру. Крысы были на взводе — напряглись серые тела, вытянулись хвосты. Метеором промелькнула в голове шальная мысль — сейчас они начнут копытом рыть землю. Крысы!.. Копытом!.. К чёрту!

Гренадер быстро и аккуратно снял верхнюю крышку. Крикнул:

— Пожаров, готов?!

— Так точно! — унтер протянул дымно тлеющий запальник.

Дальше Куприянов действовал как автомат: взять зверька под брюшко — зафиксировать — подать Пожарову — тот запаливает огнестойкий шнур — опустить крысу. Первая рванула от бруствера к броневику.

Вторая рванула...

Третья...

Пятая!

Куприянов разогнулся. Бинобль не понадобился, и без оптики было чудесно видно, как Федорчук стоит на подножке во весь рост, и, гордо запрокинув голову, играет в свою дудочку гимн победы над врагом.

И пусть мелодию эту не слышит никто, кроме его хвостатых подруг. Пусть никто вокруг ещё ничего толком не понял, не осознал происходящего, но Куприянов видел, как быстрые серые молнии влетают в амбразуры германского броневику, проскальзывают в смотровые щели, ныряют под колёса, где наверняка есть зазоры и отверстия, ведущие в кабину.

— Прыгай! Федорчук! Прыгай в воронку! — не помня себя, кричал Куприянов, и голос его тонул в весёлой переключке пулемётных очередей...

Не прыгнул.

А в следующий миг из всех отверстий «Эрхардта» одновременно ударили столбы пламени. Раздался оглушительный грохот, и броневику начал рассыпаться: взлетела в воздух пулемётная башня с налёванным Шварцкройцем, трескались и отваливались крупноватые бронированные плиты, раскатывались в разные стороны массивные колёса. Ещё миг, и от грозной машины осталась груда обломков, полыхающая чадным пламенем, испуская в серое небо чёрный, жирный дым и копоть.

Тотчас с флангов по германским пехотинцам, оставшимся без защиты, заработали русские «максимы». Усилился ружейный огонь. Смерть находила вражеских солдат везде, и ничто не могло их спасти. Движение цепей замедлилось, а следом они повернули и побежали, подставляя спины русским пулям.

Куприянов, оцепенев, наблюдал картину разгрома. Неожиданно почувствовал — чья-то рука вцепилась ему в плечо. Обернулся — Пожаров:

— Почему он не прыгнул?! Можно ж было попробовать, воронка-то рядом!..

— Потому что командир не бросает своих солдат, — тихо ответил фельдфебель. — Тем более, в последнем бою.

На следующий день 3-й Сибирский корпус получил приказ отступать к Августову. Вновь похолодало, пошёл снег. Обескровленные части шли на соединение с потрёпанным 20-м пехотным и остатками 2-го Сибирского корпусов. Объединившись, держали оборону в заснеженных Августовских лесах, бились не щадя живота. Но двадцатого февраля 10-я русская армия Сиверса вынуждена была согласиться на капитуляцию.

Фельдфебель Куприянов и подпоручик Гаевский уцелели в этой мясорубке. Каждый прожил длинную жизнь, познал и радость побед, и горечь поражений. Каждый прошёл своим нелёгким путём, ниспосланным судьбой. Но никто и никогда больше не слышал от подпоручика некогда любимого его ругательства — крысиная душонка.

Никто больше не слышал. Никогда.

ТВАРЮГА

Неужели вышло?! После стольких лет бесплодных мечтаний, не-
утомимых фантазмагорий о призрачном, невероятном, но упоительно
сладостном. Три тысячи тягучих, резиновых дней и ночей мне грезил-
ся этот долгожданный миг! Светлый, свежий, как апрельский ручей,
легко берущий жизнь из снега и солнца, как летнее искристое утро
после утомительного обложного дождя. Вот он пришёл, и дышит на
меня и сквозь меня ветром, пропитанным пряным ароматом луговых
трав. Будит заиндепевшую, заостенелую за сонные годы плоть, воз-
вращает к жизни, казалось, на веки погребённую душу. Свобода — имя
ему! И важно ли, что вырвана она силой, а не дана даром? Бреду по ней
в грязной, обглоданной тюремной робе, выпускаю в себя, и знаю — она
повсюду. Трогаю её обветренными, потрескавшимися губами, жадно
пью большими глотками и не могу утолить жажду. Во всём она! Даже
в проржавленном конском щавеле, в раздавленных одиночеством
замшелых пнях, в серой мертвенности костлявых замоин, в малых
и больших, дышащих зловонием болотных лывах. Чем заслужил я
это отдохновение? За что мне такое? И никому не надобен я здесь.
Разве что одиноко парящему аисту-падальщику, субтильной цапле
с жирной жабой в клюве-копье? Хитрой ли сороке, тревожащей
густой покой развесистых ветвей одичалой яблони? Трудяге-ежу,
везущему на колючем тельце надломанный груздь? Может, им? Ну
и слава богу...

Два дня в пути. Сухари давно съедены, сало еще раньше. В карманах
дички и щавель. И то отрадно. Но знаю, куда иду. Километров пять,
и начнётся другая зона, зона отчуждения. Там-то и упаду...

Бронзовый, закопчённый по краям диск солнца медленно прячется
за ржаво-серый дирижабль облака, проползает сквозь него, спускаясь
всё ниже и ниже, тянется к шерстяной нити горизонта.

За молодым, редким, погнутом недавним вихревецем березняком
виднеется зеркальный осколок речки, а за ней — словно только что
вынутый из печи бурый каравай лысой горы. Туда мне...

Запах костра бьёт по ноздрям. Голова опасно кружится от голода,
глаза суетливо, по-звериному рыщут по вечерней дали в поисках от-
блеска спасительного огня. Где он? В глазах темнеет...

— Беглый! А долоня, як у лягвы! Ишь, какой! Сотворюэ ж боже! —
слышу скрипучий голос над собой. Сам чую, лежу на чём-то меховом,
тёплом и живом. — Не бойсь, Веста разумна псина, не тронет...

Чьи-то вымазанные сажей ладони подносят к моему рту над-
треснутую у горлышка крынку, из которой доносится запах спирта.

— Воды бы... — говорю, но меня не слышат.

Выпиваю залпом. Нутро испуганно вздрагивает, но мгновение спустя благодарно отзывается теплом. Как ни странно, будто трезвею от накопившейся усталости, оттаиваю. Те же руки протягивают обугленную со всех сторон картофелину. Разламываю надвое и втягиваю всем своим изголодавшимся существом горячий пар молочно-белой мякоти. Блаженствую. Как мало надо мне...

Их трое. Бичи. На зоне, перед побегом, арестанты говорили о них. Первый (видимо, вожак), мужик лет пятидесяти пяти, с длинной, в просмоленных грязно-коричневых комьях бородой. На нём новенькая тёмно-синяя фуфайка, офицерские бриджи полевого покроя и яловые сапоги. Сидит молча, словно о чём-то внутри себя рассуждает. Его лицо постоянно меняется, являя то беспокойство, то умиротворение, то равнодушие. Кажется, что по чьей-то неведомой воле он должен нести ответственность за своих собратьев.

Двое других — помоложе. Один — бледно-рыжий и лысый, в крупных бесформенных веснушчатых пятнах, спускающихся с безбородого, гладкого как у ребёнка лица до шеи. Шея же опасно тонка, да так, что голова кажется несоизмеримо огромной, словно обузой ей. Постоянно курит махру пополам с мелко нарезанным сушеным яблоком. Смесь лихо забивает в скрученную из газеты козью ножку, близнецов которой время от времени штампует себе впрок. Беспременно заходится кашлем, утыкаясь ртом в свой почти детский кулачок, сморкается в большущий шершавый лист лопуха и как будто чего-то ожидает.

Другой — узкоглазый, скуластый и смуглый, с густой шапкой смоляных волос. Деятельный, бойкий, он внимательно следит за костром и за увесистым окороком, жарящимся на стальном пруте. Постоянно недовольничает, смешно побряхтывает и матерится не впопад. Это он назвал меня беглым.

Солнце заходит, оставляя на прощание над горизонтом рваную, похожую на разлитый кисель малиновую полоску. Редкие звёзды смотрят сквозь уставшее, точно изношенное, дырчатое небо, а бледная щекастая луна с каждой минутой становится всё ярче и мудрее.

— Сейчас начнётся... — смотря в сторону лысой горы, глухим голосом говорит рыжий.

Я не придаю значения словам, наслаждаясь так вовремя пришедшей сытостью. Она разливается по изнурённому долгой дорогой телу, точно волшебный эликсир лечит его и усыпляет. Но собака-подушка вдруг вскакивает с места, становится в бойцовскую стойку и начинает истошно лаять в сторону лысой горы. Вынужденно приподнимаюсь и выжидающе смотрю туда же.

— На место, дура! — осаждает вожак. — И вы тоже расслабьтесь, дурни. Семёныч, дай беглому рогача, а то от картошки ему не больно сытно будет.

Собака перестаёт лаять, но не успокаивается и, поскуливая, суетливо бегает взад-вперёд. Семёныч (тот, который возится с костром) самодельным тесаком, похожим на мачете, щедро отрезает приличный кусок от почти готового окорока, вонзает в него новенький промасленный стопятидесятимиллиметровый гвоздь и протягивает мне. Я подношу кусок ко рту и вдруг слышу с той стороны реки отчаянный рёв.

— Мармооороооу! Ааанья!

Он то ли детский, то ли женский, но с явной примесью звериного хрипа. Вдалеке же, сквозь полупрозрачную сыворотку тумана, едва различим человеческий силуэт, то поднимающийся, то опускающийся над вершиной лысой горы.

— Что это? — спрашиваю я.

Бичи оборачиваются, переглядываются и, едва ухмыльнувшись, продолжают молчать.

— Расскажи ему, — робко обращается к вожаку рыжий.

Тот недовольным взглядом окидывает своего собрата, затем равнодушно скользит по мне, устало улыбается и, приглаживая растрепавшуюся бороду, качает головой:

— Зачем ему? У него своих проблем теперь по гроб жизни хватит.

— Расскажи, всё равно-то попытаться будет, — настаивает рыжий, опустив водянисто-серые, почти бесцветные глаза. — Пусть лучше мы, чем беглые небылицы складывать станут.

Вожак нервно почёсывает бороду, опять чему-то усмехается, машет рукой:

— Ладно... Только пустое всё... Налей ему...

Сам ещё долго вглядывается в черничное послезакатное небо, лениво выуживает из початой пачки «Астры» сигарету, задумчиво разминает её закопчёнными пальцами и, чуть прищурившись на чахнувшие угли костра, начинает:

— Давно это было, ещё до всего этого атомного безобразия... Ты пей, беглый, закусывай, не стесняйся. Бери, пока дают... На той стороне деревенька имелась, она и сейчас есть, но не та уже... Безлюдная, пустая... Работал я там пастухом, если занятие это работой назвать можно. Пил по-чёрному, мда... Со скотиной поведёшься, в скотину и превратишься. Так вот, приехала к нам из Гомеля, или из-под него, бабёнка чудная. Цыганка ли она была, мультянка, чёрт её разумеет, но то что не наших славянский кровей — точно. Чернявая, кудрявая, подбористая. Красивая, падла. А самое главное, на нашего брата падкая. Многих к себе из местных приваживала, пускала то бишь. Я и сам к ней попервой частил, пока не понял, кто она есть и по какую сторону от Бога находится... О, слышь?!

Вдруг опять доносится до нас отчаянное, задиристое: «Мармооороооу!» — только глуше и жалостливее...

— Вот, животинка! Как смерти просит! — прислонив указательный палец к уху, восклицает вожак. — Невмоготу, видать! Ты только

подивись, беглыйй!.. Ну, так о чём я гутарил-то? Ах, ну да... Говорю... А что?! Был грех такой, да и не мужик я, что ли? У неё-то стегна, уух, широченные, а талийка, если двумя ладошами перехватить, коряги-то и смыкаются. Во, какая! Так-то... Жила она попервой вроде как все, хотя, признаюсь, было в её наружности что-то нечистое, тёмное, другими словами, умишке простого человека неподвластное. Я так разумею, чаклунка она была природная. Бабы местные, прознав о её способностях, животинку приводили хворую да мальцов пуганых. Та и заговаривала их по-своему. Как-то жила, в общем, да и народ со временем к ней пообвыкся. А куда деваться? Жизнь-то никто не отменял! Хотя, повторяю, особой любви не испытывал по причине мной названной. А ещё сказывали знающие люди, грех на ней смертный висел, с малолетства. Будто снасилъничал её некто, и она вроде как младенца выродила порченого, с ладошками як у пипы, перепончатыми, и, испугавшись изрядно, на смитник снесла. Отвязаться, значит, хотела. Ну, вот и отвязалась, а чёрт её за это и наградил чарами бесовскими... Так-то... А когда громыхнуло в восемьдесят шестом, всё тут замысловатое и началось. Народ разумный быстроенько поразъехался. Остались лишь песочники, да такие, как мы — бедолажные, которым ехать особо некуда. И она почему-то осталась. Да кто же её знает? Думаю, не было у неё никого, кто бы ждал её и принял. Стала бы она, кабы всё путём шло, из Гомеля в нашу тьмутаракань тащиться? А ещё сказать надобно, скот и прочая живность, которую в расход пустить не успели или не захотели, разбрелась повсеместно бесхозным образом. Одних волки задрали, другие сами пали, ещё каких оставшиеся людишки к себе позабирали... А что, молоко хоть и фонит изрядно, но ведь мо-ло-ко! И вот она из таких, стало быть. Много чего себе в хозяйство подобрала, хотя раньше, окромя курок, ничего-то у неё и не водилось... Хряка породистого, блудного из сосняка вывела, свиноматку супоросную заимела, коняка точно был, корова, коза... Я ещё потешался тогда над ней: «Це ж як одна жинка таким зоопарком керуваты здатна?» Но, что и говорить, управлялась...

Прошло года два и стали крики жутчайшие из её хаты доноситься, да такие, что не то что попытать, а подойти было страшно... А ещё через годок начали до неё машины дорогие со столичными номерами приезжать. Откуда прознали? С другой стороны, на то она и власть, чтоб обо всех и о каждом в отдельности представление иметь. Так-то... Приезжали и забирали у неё в ящиках оцинкованных «что-то», «это самое», о чём и догадываться боязно. Но она довольная ходила, гордая даже. Может, приплачивали ей?

Когда же ещё пару годков минуло, захворала крепко, видать, не всем здесь в полном здравии оставаться. Радиация, как-никак. Исхудала до неузнаваемости. Скелет, кожей перетянутый. Но стоит отдать должное, как-то шаркала, ходила, значит. Сколько ж верёвочка не вейся, концовка одна... В общем, нашли её бездыханную бичи наши

в березняке малом. Ты поди, беглый, проходил его? За сыроежками, должно быть, выползла. Они в те годы крупные вылуплялись, после дождичка-то особенно, с кавун страханский размером.

Хоронить на кладбище не посмели, потому как ведьм разношерстных не положено хоронить в людских местах. Свезли на лысую гору, там у нас раньше давлеников и душегубцев упокоивали... Привезли и похоронили. Креста, понятню, не справили. Денька через три приехала опять тарантайка дорогая, покрутилась вокруг хаты и ни с чем укатила. А мы что ж, люди любопытства не меньшего, в дом её тоже заглянули. Да ничего в нём небывалого не сыскали. А вот зато в сарайчике сыскали. Там, кроме мест для живности её многочисленной, было ещё одно место странное, вроде как каморочка. В сарае-то! И была в той каморочке люлька, под существо человеческое приспособленная, да только от колоды сарайной мотузка тянулась, и была та мотузка крепчайшая, канатная, должно быть, но — а в этом вся суть — оборванная, а вернее сказать, перекусанная. По всему видать, та тварь, там обитавшая, сбежала... Сечёшь, беглый? То-то... Узнали об том все уцелевшие деревенские, милиция тоже прознала, и русская, и украинская, и белорусская. Стали шукать. Но ничего не нашли, хотя слыхать слыхивали и даже издали бачили... Поймать же сноровки не хватило, и по сей день не хватает. Потому как в твари этой есть что-то не от мира сего... Ты ешь, беглый, ешь! Чего стремишься?

Я гляжу на зажаристый, порядком подостывший кусок лосятины, но понимаю, что после таких рассказов не полезет он в нутро моё.

— Не лезет... — говорю.

— Да чего там не лезет! — усмехается вожак. — Ешь, не бойсь. Здесь поживёшь, и не такое услышишь! И за себя, грешного, не переживай. Я тебе поутру всё растолкую. Как и чего тебе робить надобно. Есть тут хаты пустые. Ты хлопец крепкий — выживешь! Много тут вашего брата прячется, в зоне-то... И она, тварюга, тоже прячется. Выходит, похожие вы во всём... А ведь сколько с той поры годков минуло, за двадцать будет, а она всё жива, тварюга эта. И ходит до мамки своей на могилку-то. Хнычет всё, воет... Видно, даже у твари безродной душа имеется. Да только не знает она, бедолажная, как с ней распорядиться. Да и виновата ли она в чём, если поразмыслить? Мамку же не выбирают... Иные человеки куда хуже будут. Понатворят за жизнь свою чертовщины с три короба, и живут припеваючи. А обличье у них человеческое, не звериное. Тут же напротив всё... Вот и кумекай... Эх, спать надобно. Спи, беглый, и вы все спите... Веста, иди к беглому...

Утро остриём солнечного луча безжалостно бьёт по глазам, вспарывает по шву, казалось, сросшиеся за ночь веки. Веста уже вертит пушистым хвостом, радостно бегая за всюду суetyащимся Семёнычем. Рыжий, сгорбившись, сидит на невысоком пенёке и, время от времени щурясь от восходящего солнца, чистит картошку...

Вожак зачем-то крутится около яблони, курит и всё бормочет себе под нос:

— Приходила, приходила тварюга... Вот же...

Через час я уже шагаю за ним к близлежащей мёртвой деревне. Послушно внимаю вкрадчивым наставлениям бывалого, всезнающего бича. Что ожидает меня там, за рекой, не волнует. Будущее, как и прошлое, теперь находится по обоим краям узенькой тропинки под названием жизнь. Одна она представляет для меня интерес.

И только подходя к реке, случайно оглянувшись на оставленных позади Рыжего и Семёныча, припоминаю увиденное ночью.

Помнится, заснул сразу, да и как не заснуть после двух дней изматывающего пути, чистого спирта и удивительных сказок на ночь. Да ещё под разноголосый ублаживающий треск цикад, кузнечиков и непрерывное залиvistое кваканье болотных жаб. К тому же воздух ночной, перемешанный с терпким дымом костра, настоящий на луговых травах и пропитанный сладковатой сыростью близкой речки, обжигал своей свежестью и подобно морфию усыплял. Удивительно, но не привиделось мне ничего дурного тогда, хотя должно, наверное, было привидеться. Спал сном мертвецким, каким бог награждает лишь в раннем детстве. И только под утро, когда псина, притомившись лежать подушкой под моей головой, поднялась и распласталась в ногах у вожака, очнулся я и увидел возле развесистой яблони какое-то существо. Пола оно было женского и облика необычного. Голое, с кожей человеческой, но огрубевшей, словно подпалённой огнём, и покрытой всюду обильной клейкой испариной, с шестью кровоточащими сосцами, щетиной черной усеянными, и с таким же, как у варанов тропических, бородавчатым гребнем на холке. Руки же у него — крохотулечки недоросшие, а ноги, напротив — толстые, слоновые, с раздвоенными бурыми копытцами. На голове же волосня чёрная с частой проседью, почти человеческая, только гуще, длинная и вьющаяся...

Смотрю я и понимаю, что существо это слепо, потому как глаза его наглухо затянуты бельмами размером с пятак. Стоит оно, и добродушно лыбится рыльцем поросычьим. Словно донести до меня хочет: «Пойдём со мной, человежище! Или не такая же ты тварь, как и я?! Вместе-то нам сподручней управляться в миру будет...» И, мол, никуда тебе от этой правды не деться!

Но не боюсь я почему-то. Не боюсь и всё. Может, оттого, что зверю зверя бояться незачем? Одной ведь кровушкой живы. Привстаю на корточки, думаю подняться, подойти ближе, но оно возьми и испарись, будто и не было его вовсе...

ВСТРЕТИМСЯ В ФОРКСЕ, ПОКА ПОЛНОЛУНИЕ

«На поляне, перед домом, полицейскими обнаружены два растерзанных, обезглавленных трупа. Судя по следам зубов и когтей, нападение было совершено крупным животным, предположительно, медведем гризли».

— Нэнси, мне надоело твоё нытьё! — мама в сердцах швырнула кухонное полотенце на стол, но промахнулась. Полотенце упало на пол.

Я поднял полотенце и посмотрел на Нэнси. Она сжалась в комочек на деревянном стуле у окна и едва сдерживала рыдания. Её обычно весёлое, в конопушках, лицо опухло, глаза превратились в узкие щёлки, а нос покраснел, как у оленя Рудольфа.

— Ну сколько можно трепать мне нервы?! Ведь я работаю днями и ночами и уже думала, что дети подросли и не будет никаких проблем, но вот тебе, здарсьте — Нэнси сошла с ума!

Мама с укоризной посмотрела на Нэнси, но через секунду её взгляд потеплел, уж очень жалко выглядела моя всегда такая дерзкая сестрица.

А всё дело в том, что Нэнси влюбилась. Я не знаю, как такое могло случиться! Мы только недавно дрались с нею и лазали по деревьям, и тут вдруг она превратилась в обычную девчонку. Но самое страшное было даже не в том, что она влюбилась, а в том — в кого! Ладно бы её избранником стал какой-нибудь Сэм или Роджер или даже её вечный поклонник — чернявый грек Спирос Кириакос. Даже это бы я проглотил.

Но она влюбилась в Эдварда!

В какого Эдварда, спросите вы?

В Эдварда Каллена — вампира из кино, которого играет, между прочим, Паттинсон — бледный, как непропечённый кекс, английский красавчик.

Я терпеть не могу всю эту вампирскую муть! Это же надо было придумать таких персонажей, как вампиры! Наделить их сверхъестественными способностями. Раздуть эту тему. Сделать вампиров романтичными, красивыми и сексуальными. Сами подумайте, красив ли клоп, клещ, москит или вошь? А они ведь тоже вампиры. Поэтому и желание стать кровососом возникнуть может только у морально ушибленных уродов. Это моё твёрдое убеждение.

Но Нэнси всё же заставила меня посмотреть все серии.

Если учесть, что меня всего корёжило при виде вампиров, это было то ещё испытание. Правда, присутствие оборотней в фильме

дело немного поправило. Но и эти оборотни меня бесили. Как это, перекувыркнувшись на месте, превратиться в волка?! Вот так вот просто, да? Ага, конечно! Для того чтобы обернуться, нужен хороший разбег и достаточно места. И только когда ты достигнешь определённой (весьма высокой) скорости, оборот становится возможным.

Если у тебя получится, ты будешь обладать этой возможностью вечно. Но если нет, то либо ты останешься в шкуре, без навыков жизни в лесу, потеряв свою человеческую сущность, либо окончишь свои дни в психиатрической лечебнице. Поэтому толпа оборотней в «Саге» могла вызвать только смех.

Вы спросите, откуда я знаю?

Я с этим знанием родился, и именно потому ни за что в жизни не стал бы пробовать. Полностью осознал эту вторую сущность только тогда, когда из мальчика превратился в парня. И да, полная луна действует на меня. Но я не поддаюсь.

Я не хочу умирать!

Но вернемся к Нэнси.

Сказать, что она посмотрела эту «Сагу» много раз — ничего не сказать. Сотни раз! Каждый звук, каждое слово и каждая физиономия, мелькнувшая на экране, были ей знакомы, как родные. И учёбу она совсем забросила. И сидела на форумах и сайтах таких же фанатов, треснутых на всю голову,. И обвесила все стены фотографиями гламурных вампиров.

А теперь ей захотелось в Форкс. Да-да, в тот самый, где жили вампиры Каллены. Она стала изводить маму, чтобы она её свозила. Всего лишь сто девять миль от Каупевилла, где мы живём. Но маме было некогда, и мы отлично об этом знали. Наше дело было учиться, а её — нас обеспечивать, пока мы не стали совершеннолетними. Нэнси же взбрендилось ехать через неделю. К полнолунию.

— Сама поеду,- хныкала Нэнси. — На автобусе.

— Куда? Среди лесорубов не терпится прогуляться? Жди, пока мне отпуск не дадут, тогда отвезу тебя. А одну не пущу! Ещё не хватало, чтобы маньяк какой-нибудь привязался.

— А с Артуром,пустишь?

Я аж подпрыгнул от возмущения!

— Не сейчас! Ты же знаешь, у меня подготовка к соревнованиям. Да и убраться в комнате нужно, вон мама ругает.

С каждым моим аргументом слёзы на глазах Нэнси увеличивались, приближаясь к размерам куриного яйца.

Честно говоря, меня вовсе не грело ехать в этот дурацкий Форкс, в котором интересного ещё меньше, чем в нашем захолустье.

— Аргу-у-ур, пли-и-из!- канючила Нэнси. — Это же всего один день. Туда и обратно.

— Два дня, — уточнил я. — День там, ночь в отеле и день обратно. Я не собираюсь мчаться, чтобы потом штрафы прислали. Пока остановимся, перекусим, то да сё... тем более у меня ещё опыта водительского не хватает.

— Значит, ты согласен?! — радостно завизжала Нэнси и бросилась ко мне со всеми своими соплями и слезами.

Я оглянулся на маму. Она вздохнула и медленно кивнула головой.

— Я закажу вам отель на субботу. Машину возьмёшь мою. И ты, Нэнси, за это уберёшься в комнате Артура.

— Ни за что! — вскричал я.

Мало ли у кого какие тайны?!

* * *

С утра пораньше мы направились к паромной переправе на маминем синем «Форде». Нэнси сияла как солнышко, несмотря на пасмурный день, и от её ярко-рыжих волос становилось радостно на душе.

И что она нашла в этих вампирах?!

Следующие шесть миль мы просто пялились из обзорных окон парома на скучную, серую, покрытую мелкой рябью воду до Порт Таунсенд и дальше по трассе, окружённой со всех сторон лесами и горами, туда, куда так рвалась Нэнси.

Растут ли у вампиров волосы? А кто стирает им подштанники и костюмы, заляпанные кровью? А моются ли они шампунем для тела или ходят вонючими? А чем они испражняются? А чем они расплачиваются в магазинах? И как у них с фото на водительском удостоверении? За какую бейсбольную команду болеет Эдвард? Этими вопросами я настолько задолбал свою сестричку, что едва не получил по морде, но я здорово повеселился, ржал, как конь, и чуть не столкнулся с черным пикапом «Колорадо», который довольно нагло обгонял нас. После чего я пришёл в себя и поехал нормально. Тем более, что шоссе было мокрым.

Наши края отличаются довольно поганой погодой, а про Форкс и говорить нечего — самое дождливое место во всей Америке. Если бы я был писателем и сочинял про вампиров, то там им самое место, летом вокруг полно москитов, которые пьют кровь почище Калленов! Но пока не наступило лето, они ещё не проснулись. Хоть один плюс.

Вот и тёмно-зелёный деревянный щит с надписью «Город вилок приветствует вас!»¹ с примитивным гербом, на котором изображен лесовоз, горы и ручьи. Нэнси, хихикая, побежала к щиту, и я её сфотографировал.

Мама забронировала нам номер в доме липового оборотня «Джейкоба Блэка» и если в таких домах живут оборотни, то у нас их — половина Штатов! Нэнси с момента въезда в Форкс подобралась, в отеле же и совсем притихла. Я даже не рискнул больше потешаться над её наивной верой в чудесный город с чудесными обитателями.

¹ Forks(англ)- имеет так же значение «Вилки», как и «Разветвление ручья»

Наступил вечер, и только я подключил ноутбук, чтобы початиться с друзьями, (у меня уже было готово несколько убойных шуток про Форкс и вампиров), как Нэнси внезапно собралась на улицу. Удерживать её не было никаких сил, но я чувствовал ответственность за сестру, пока она пребывала в своём «сумеречном помешательстве». Пришлось тащиться за ней из отеля.

Нэнси, в красивом тёмном платье с белой оборкой понизу, уже успевшая накраситься, с блестящей заколкой в волосах, выглядела просто круто! Слишком хороша для этого городишки. Мы решили пойти в кафе, посмотреть на местный люд, а Нэнси, небось, размышляла встретить кого-то из семейки Калленов, чтобы узнать, как там аппетит у Эдварда.

Мы заказали оладьи величиной с летающую тарелку и колу, а Нэнси достала из сумочки лист бумаги, ручку и конверт и начала писать письмо, понятно кому. Я огляделся. Два толстых дядьки и тётки за столами, лохматое существо в майке со Спэнч Бобом, отдалённо напоминающее индейца, три хихикающих и фотографирующихся девчонки-подростка и какой-то амбал, заросший щетиной, жадно поглощавший огромную порцию еды.

Никакой мистики.

Нэнси подняла голову и стала смотреть куда-то вдаль, за мою спину, прищурившись, потом зарделась и снова уткнулась в письмо, наверное, писала о сокровенном...

Я вышел в туалет, по пути глянул на себя в зеркало и скорчил страшную вампирскую рожу: «Отражаюсь или нет?», ухмыльнулся и вышел. Тут позвонила мама, волновалась, как дела? Я успокоил, что всё ОК и мы приедем завтра вечером, сходим по памятным местам «Саги» и домой. Мама попросила и себе сувенирчик. Я пообещал.

Пока я отсутствовал, в зале произошли изменения. За соседний столик уселись влюблённые и стали кормить друг друга с ложечки. Нэнси за нашим столиком не было. Наверное, тоже пошла в дамскую комнату.

Я просидел пятнадцать минут, двадцать, но Нэнси не возвращалась. Сначала мне было смешно, что мистические переживания вызвали в ней мистическую диарею, а потом я забеспокоился. Пошёл к туалету и прислушался — тишина. Я осторожно открыл дверь и заглянул внутрь. Никого. Хм. Я вернулся в зал. Официантка сказала, что моя девушка ушла минут двадцать назад. Ушла одна. Может, курит снаружи?

Я вышел наружу с неприятным чувством под ложечкой, ведь Нэнси не курила. Там никого не было. Несколько автомобилей посетителей, велосипеды влюблённых, на улице никого. Только луна, поднимающаяся к зениту. Я вернулся и расплатился. Снова осмотрел небольшой зал, где и спрятаться негде. На телефон Нэнси я позвонил сразу же и обнаружил его лежащим на сиденье стула.

Тупо посмотрев на рогатую голову оленя, висевшую на стене, я вышел. И так, Нэнси куда-то сбежала, сотворив со мной злую шутку. Может быть, она вернулась в отель? Пока я не очень волновался, но было неприятно, ведь обещал маме за ней присматривать. Но сначала я покрутился на авто по ночному Форксу. Мне встретились только пара человек с собаками, и медленно трусивший по ещё мокрому асфальту одинокий пожилой бегун. Окна домов светились. Все нормальные люди сидели со своими семьями, и только некоторым ненормальным захотелось приключений! Вернее, одной ненормальной!

Я начинал злиться на Нэнси. Она на самом деле сошла с ума, если так по-дурацки себя ведёт!

Надежда, что взбалмошная сестричка окажется в отеле, также не подтвердилась. Всё оставалось в том виде, как перед нашим уходом из номера. Рюкзак Нэнси, открытый и распотрошенный в поисках косметики и платья, лежал на диванчике. Тут я вспомнил о телефоне. Хотел посмотреть, что там, но скрытная сестра поставила пароль.

Может, Нэнси захотелось почувствовать магию городка без провожатых? Если она давно собиралась в Форкс, то уже знает все «памятные места», которые обычно посещают фанаты «Сумерек». Значит, я должен тоже отправиться туда. В холле, на столе, я нашёл буклет и углубился в его изучение. Всё это мы могли бы посетить и завтра, при солнечном свете. Буклет был полон красивых фото окрестностей, леса, пляжа Ла-Пуш в индейской резервации. Ничего такого, ради чего стоило сбежать.

Прежде чем отправиться в ночной вояж по местам вампирской славы, я всё же решил посмотреть, что у Нэнси в сумке? Мне было неловко, что я роюсь в вещах сестры, но тут она сама виновата. Из интересного там оказался дневник.

Расписание занятий, шейпинга, диеты, телефоны и рисунки из «Сумерек». Нэнси, конечно, была художницей не ахти, и Эдвард у неё получился с длинным носом, узким лбом и очень крупными губами, но, в целом, похожим. А на самой последней странице меня ждал приятный сюрприз. Пароли на телефон, скайп и почту! Вот девчонки!

Тут в холле раздались девичий смех. Мне почудился голос Нэнси. Выскочив, я обнаружил ту самую троицу девчонок-подростков, которые были с нами в кафе. Оказывается, они жили в том же коттедже. Девчонки нарядились, как настоящие готы — во всё чёрное — и куда-то намылились в такое позднее время. Я спросил, «куда это они», и мне ответили, что на вечеринку «Полнолуние». Одна из них, темноволосая, коротко стриженная ёжиком, подмигнув, сказала, что эта вечеринка для «особых людей», но если я их подвезу, чтобы они могли там выпиться, то так и быть, меня возьмут с собой. Я тут же согласился. Вдруг и Нэнси там?

Пока мы ехали, я познакомился с девчонками, и тут же забыл их имена, кроме той, с ёжиком на голове. Её звали Пайпер. Она была болтушка, и я вцепился в неё, как клещ, чтоб узнать больше. Оказалось, что к вечеринке

готовились давно. До этого все общались на форуме фанатов «Сумерек». Будет музыка, шоу и море бухла. Конечно, я спросил у них про Нэнси. Но они точно сказать не могли, ведь на форуме не используют собственных фото и имён. Поэтому я должен поискать её сам, а если они её найдут, то обязательно скажут мне об этом. Я обменялся с Пайпер телефонами.

Место встречи оказалось на окраине. Во-первых, там было темно, как у афроамериканца под мышкой, во-вторых — тихо, как на кладбище. Но масса припаркованных авто развеяла мои сомнения.

Паролем послужил кодовый стук в железную дверь. Нам тотчас отворили и впустили внутрь.

Я прошёл за девочками в большой зал и убедился, что фанаты нехило скинулись. Канделябры, драпировки, огромные чёрно-белые портреты вампиров, длинный стол с закусками и явственный запах алкоголя и марихуаны. Народу было много. На сцене восседал ди-джей со своей установкой, подсвеченный снизу тёмно-красным светом.

Покружив по большому залу и осмотрев всех собравшихся, я понял, что Нэнси тут нет. Только я решил вернуться в отель, как вспыхнул луч света и толпа радостно взвыла при виде Эдварда, который вышел на середину сцены.

Новый радостный крик — и к нему присоединилась темноволосая девушка, его подруга по фильму, Бэлла. Вышли ещё двое — смуглый парень и девушка со светлыми волосами. Смуглого парня я знал, мы жили в его коттедже — Джейкоб Блэк. Они приветственно махали, а толпа завывала. Эдвард начал что-то вещать томным голосом, а мне стало смертельно скучно. Это были даже не актёры из фильма, а актёры, играющие актёров из фильма, тем более в париках, чем окончательно отвратили меня от «Саги» и всех её поклонников.

Сумасшествие, которое происходило с гостями, полезшими на сцену фотографироваться с псевдо-вампирами, подставлявшими им шеи для укусов и пытавшимися оторвать кусочек от вампирских брюк, заставило предположить наличие в коктейлях каких-то психотропных препаратов.

Неужели моя Нэнси тоже такая?!

Я двинул к выходу.

Снаружи позвонил Пайпер, что уезжаю и приеду за ними, когда всё закончится. Вскоре я уже вводил пароль на телефон сестры.

Та-ак. Ничего интересного, звонки от меня, мамы и подружек, но обнаружился и неизвестный номер, с которого звонили месяц назад и восемь дней назад. А вот обратно, по этому номеру, сестра звонила... сегодня, до нашего выхода в кафетерий! Хотя меня проридало позвонить по этому номеру прямо сейчас, однако я решил подождать, взял её ноутбук и открыл «Скайп». Начну-ка по порядку...

Я просмотрел уже шестнадцатый контакт, когда на мой телефон позвонили.

Это была Пайпер.

Сквозь музыку я едва расслышал:

— Привет, Артур! Я тут видела твою сестру.

— Задержите её! Выезжаю!

Вечеринка из зала уже выплеснулась на улицу, вампирская жеманность испарилась, фанаты обнимались у входа с хорошо поддатými Эдвардом и Бэллой. Кто-то блевал у водосточной трубы. Несколько человек хохотали до колик, показывая друг на друга пальцами. Я нашёл девчонок у стола, где они продолжали выпивать и общаться, перекрикивая вошедшего в раж ди-джея.

— Где Нэнси?! — крикнул я Пайпер в самое ухо.

Та обернулась ко мне с пьяной улыбкой.

— А-а, Артур, да, она была где-то здесь, пас-сма-т-ри... — Она широко обвела рукой зал и чуть не свалилась под стол, потеряв равновесие.

Я оглянулся. Нэнси тут явно не было. Я разозлился.

— Какого чёрта ты меня разыгрываешь?!

Пайпер счастливо лыбилась в ответ и цеплялась то за скатерть на столе, то за мою куртку.

Одна из подружек успокоительно сказала.

— Не злись, Артур, мы просто подумали, что ты не приедешь за нами, вот и сказали про Нэнси.

— Ладно, поехали! — я довольно грубо потащил девчонок за собой к выходу.

Затолкав подружек в «форд», я развернулся и стал отъезжать. Ярость прямо клокотала во мне. На пустой дороге, у светофора, с нами поравнялся чёрный пикап «Колорадо», который мне смутно что-то напомнил, но от злости всё выветрилось у меня из головы. Пикап издевательски дёрнулся с места в карьер и помчался по дороге.

Куда?! Гонок захотел? Получи!

Я нажал на газ и устремился за ним, а девчонки завизжали от восторга. «Давай! Жми!!! Догоняй!» Мы приблизились к пикапу, а Пайпер стала снимать погону, отпуская тупые шутки. Мы оставили позади Форкс и летели по сто первому шоссе, только вдвоём — пикап и мы. Внезапно автомобиль свернул на лесную дорогу, и мы, взвизгнув тормозами, повернули тоже. Тёмные ели замелькали по сторонам. Дорога была не особо накатанная, может, для охотников или туристов и пришлось снизить скорость. Пикап же был тут, как рыба в воде. Водитель нёсся на своём «Колорадо», как ненормальный, и вскоре оставил нас далеко позади. Я опять сбавил скорость, дорога стала хуже. От гонки моя злость постепенно испарилась.

Девчонки сначала притихли, а потом стали просить ехать назад. И я их понимал. Если бы я был девчонкой, тоже запросился бы обратно, к цивилизации, потому что леса здесь были впечатляющие и страшные. Свет фар выхватывал из темноты толстые ели, покрытые зелёным, как волосы утопленника, мхом и перепутанные чёрные

ветви кустарников... Дорога была мокрой, на такой застрять — раз плюнуть. Я уже позабыл про пикап. Пока я осматривался, где бы развернуться, мы доехали до большой вырубki. Лесорубы очистили огромную площадь, и залитые мертвенным светом луны поваленные стволы и пни создавали странную, пугающую картину. Наконец-то мы развернулись и поехали назад. Часы показывали три часа утра.

Отправив девочек спать, я вернулся в комнату, и повалившись прямо в одежде на кровать, вырубился. Последней мыслью было: «Утром в полицию...»

Я проспал неожиданно долго, на улице было пасмурно, в окна брызгал мелкий дождь. Кровать Нэнси пустовала, и на душе у меня стало гадко, как никогда.

Кое-как умывшись и почистив зубы, я вернулся мыслями ко вчерашней идее отправиться в полицию.

Но сначала — кофе.

Я посмотрел в свой телефон, оказывается, звонила мама. Что я ей скажу? Придётся соврать, может быть, Нэнси нагулялась и вскоре вернется? Я набрал мамин номер...

Через десять минут я постучался в номер к девочкам. Мне нужна была их помощь. Ведь они — носители женской логики, которую мужчинам никогда не понять.

Девчонки выслушали всю историю про Нэнси с самого начала и вынесли вердикт:

— Твоя сестра влюбилась!

— Надо же, какая проникательность! Ведь я сам вам об этом сказал. Она влюбилась в этого чёртова Эдварда!

— Ты не понял. Она влюбилась не в Эдварда, а в кого-то другого! Может быть, кого-то, кто похож на него.

Тут я вспомнил про дневник и портрет узколобой копии Эдварда. Я развернул дневник и показал девочкам. Они молча переглянулись и, достав каждая свой телефон, углубились в них. Я ничего не понимал. Логика-то женская!

Пайпер подскочила ко мне и сунула мне в нос свой мобильник.

— Смотри!

Я воззрился на фото.

Это было «селфи» Пайпер (размазанное), а за ней, довольно чётко, интерьер того самого кафетерия, куда мы ходили вчера с Нэнси. А вот позади Пайпер, в самых дверях, обнаружилась фигура какого-то парня, и я мог бы теперь поклясться, что Нэнси — хорошая художница! Парень был с длинным носом и крупными губами, но всё-таки похожий на Эдварда!

— Ещё! Ещё фото есть?!

Обнаружился ещё пара его фэйсов, но худшего качества. Значит, всё-таки был парень.

И я решил пока не ходить в полицию, а узнать, кто это.

Девчонки поехали к одной из дальних родственниц Пайпер, живущей в Форксе. А я отправился в кафетерий, показал работникам фотографию парня. Мне сказали, что вроде он не из местных. Но когда я попросил посмотреть записи с камер наблюдения, мне отказали, потому что хозяин кафе отсутствует.

— Тогда мне придётся прямо сейчас обратиться в полицию! — сказал я громко.

Это им не понравилось. Официантка отвела меня в уголок, потому что посетители стали прислушиваться. И я рассказал, что вчера исчезла моя сестра. Исчезла отсюда. И официантка должна её помнить, потому что обслуживала нас.

— Я помню её, очень милая рыжая девочка. Но у нас такое часто бывает, девчонки ищут в лесу вампиров и теряются.

— Нэнси — небольшая любительница лесов. Особенно в дождь.

Подошла женщина с кухни и остановилась, прислушиваясь. Потом сказала.

— Лиз, это может быть серьёзно.

У меня заныло под ложечкой. Лиз посмотрела на меня с участием:

— Ладно, иди сюда. Вот тебе запись!

...Тот парень оказался в дверях на несколько секунд. Кивнул кому-то, вышел и двинулся вдоль по улице вниз. Через минуту вышел человек, которого я назвал вчера «амбал», и пошёл за ним. Потом они вернулись и сели в автомобиль, в котором я признал чёрный пикап.

Теперь я знал, кто был хозяином чёрного «Колорадо». Вскоре на пороге появилась Нэнси с конвертом в руках и пошла вверх по дороге. Чуть позже пикап двинулся за ней. А затем появился я и стал бегать в поисках Нэнси. Дальше смотреть было нечего.

Я спросил Лиз, знает ли она «амбала», она ответила, что он не из Форкса.

Тут позвонила Пайпер, попросив меня ждать их в кафе. Я сел на место, где вчера сидела Нэнси, отсюда хорошо просматривалась входная дверь. Значит, сестра могла видеть того парня.

Девчонки прибыли расстроенные.

— Что вы узнали? Что-то неприятное?

— Боюсь, Артур, что новости действительно неприятные. Тут, похоже, завёлся маньяк. Две приезжие девушки пропали в прошлом году. Местные стараются не афишировать эту историю, потому что могут лишиться туристов. Бывает, что поклонницы «Саги» теряются в лесу, но их находят с собаками. А тут следы обрывались у дороги. Значит, их увезли...

— Пайпер, открой вчерашнее видео погони и давай-ка посмотрим номер пикапа.

Я старался говорить спокойно. К счастью, на нескольких кадрах удалось отчётливо увидеть номер чёрного «Колорадо». Я записал на салфетке и отнёс его Лиз.

— Ты не могла бы помочь узнать, чей это пикап?

— Мой брат работает в страховой компании, попробую через него. Заказанный сэндвич не лез мне в горло. Нэнси. Сестрёнка...

Я достал телефон Нэнси, и открыв список звонков, набрал номер неизвестного. Долго держал палец над кнопкой звонка... Позвонить или нет? А вдруг спугну преступника, если это преступник.

— Лиз, — обратился я к официантке. — А твой брат мог бы узнать, кому принадлежит номер телефона?

— Не могу сказать. Оставь номер, я ему передам.

— Лиз, это правда, что здесь бесследно исчезли две девушки?

Официантка испуганно взглянула на меня, потом на посетителей.

— Не кричи так, а то услышат. Да, это правда. Но, может быть, они просто уехали куда-то, а потом возьмут, да и заявятся домой.

Я вернулся за столик. Дожевал сэндвич и запил холодным кофе. На улице потемнело, небо обложило чёрными тучами и в кафетерии включили свет. Голова оленя с ветвистыми рогами, висевшая в кафетерии, глядела вдаль, будто хотела увидеть леса, в которых когда-то бегал её хозяин.

— Девочки, неужели вы и впрямь верите в вампиров?

Было слышно, как начался крупный дождь, перешедший в шумный ливень.

— Ну, раз столько про них пишут и говорят, кучу фильмов сняли, наверное, что-то есть.

— А Каллены? — я ждал Лиз с новостями.

— Хотелось бы, чтобы существовали! Эдвард такой красавчик!

— Я бы сама хотела стать вампиром, стать бессмертной.

— А мне больше Джейкоб нравится. И оборотни. Они хотя бы люди.

— Ну да, их и убить можно, а вампира не убьёшь!

— А голову снести?

На мой телефон позвонили. Мама. Я сделал бодрый голос.

— Ма, привет! Да, всё хорошо. В кафе сидим. Да, уже почти все достопримечательности осмотрели. А Нэнси в туалет пошла, я ей передам. Как штормовое предупреждение? А я и не знал. На два дня? А что же делать? Понял. Ладно, мам, пока. И я люблю тебя...

— Какое штормовое предупреждение? — Пайпер стала рыться в телефоне. — Точно! И паромы два дня ходить не будут, так что остаёмся тут ещё!

— Ура, учёбу пропустим!- закричали девчонки.

Подошла Лиз.

— Тебе повезло, парень, вот данные владельца автомобиля. Слышали уже про штормовое предупреждение? Принести вам ещё что-нибудь?

— Нет, мы пойдём. Спасибо брату передайте, за помощь. И если он узнает про номер телефона, позвоните.

— Обязательно, Артур.

Лиз улыбнулась ободряюще.

На бумажке стояло имя — Сильвер Руст.

Мы вышли на порог кафетерия. Дождь стоял стеной. «Форд» был едва различим в таком ливне.

Мы отправились в отель. «Форд» буквально плыл по рекам воды, и я думал о том, где сейчас Нэнси в своём красивом, но тонком платье. В голову лезли страшные картины, главным образом из триллеров.

Детективное агентство «Артур и девочки», собралась вместе в холле дома Джейкоба. Мы достали конфеты и галеты и заварили кофе. Я снова влез в Скайп Нэнси. Через минуту, обругав себя идиотом за невнимательность, я открывал длинную простыню сообщений от контакта по имени «Эдвард».

Ну конечно, Эдвард, кто же ещё!

Мне пришлось окунуться в историю любви Нэнси к мерзавцу-оболъстителю. То, что он был таковым, я даже не сомневался. Достаточно было прочесть то, что писала ему сестра, и что отвечал он. Лицо моё покраснело от негодования. Как же она его просила о встрече! И как он хитро приманивал её, словно рыбак, и как резко подсёк, когда она клюнула.

Представляете, он поведал ей, что вампиры на самом деле существуют и морочил голову историями из их быта, например, тем, что вампирам не обязательно убивать жертв, можно держать их в качестве домашних животных и просто брать у них кровь, как у доноров. Нэнси спрашивала, правда ли из-за крови вампиры остаются бессмертными и откуда у них берется яд для обращения обычного человека в вампира. Могут ли они молниеносно перемещаться? «Эдвард» отвечал какую-то чушь. В основном уваливал от ответов. Ясно, что фантазии у него не хватало.

Пока я читал их переписку, девчонки сидели, как мыши и выглядели озабоченными. До меня дошло, что я читал всё это вслух.

Познакомились они действительно на сайте фанатов Саги и договорились встретиться в Форксе, на той же тусовке «Полнолуние», где мы были вчера. Для того, чтобы заплатить взнос на эту вечеринку, Нэнси соврала нам с мамой, что кто-то украл сумочку с её накоплениями. И ещё она собиралась сама сбежать в Форкс, если бы никто не согласился её отвезти, а этот негодяй подбивал её к этому!

Мы выпили ещё кофе, потому что дождь навевал сон.

— Понятно, что они встретились, — сказала Пайпер. — Но не пошли на вечеринку. А куда пошли?

— Нэнси сначала направилась куда-то с письмом, которое писала в кафе. Вверх по улице. Что там такое? — спросил я девчонок.

— Почтовый ящик, — сказала Пайпер.

— Возле дома Калленов! — хором добавили девчонки.

Мы должны проверить этот почтовый ящик! Вдруг там лежит письмо Нэнси? Ведь забрать его вряд ли успели. Уик-энд.

За стеной дождя никто не увидел, как мы открыли почтовый ящик. Там лежала пачка писем, реклама и какие-то счета отеля, которому принадлежал дом Калленов в Форксе.

Но всё же там было и письмо Нэнси. Я быстро открыл конверт.

Письмо адресовалось маме.

Нэнси упрекала маму за то, что она грубо относится к её чувствам, не понимает её, рассказывала, что нашла человека, которому полностью доверяет, любит, жить без него не может и хочет связать с ним свою жизнь. Нэнси просит не искать её и простить, так как в глаза маме и мне она сказать это не смогла бы. И что она сама даст о себе знать, когда все смирятся с её поступком.

— Что она пишет? — в нетерпении спросила Пайпер.

— Пишет... что влюбилась в Эдварда, — Мне было стыдно сказать, что моя сестра — идиотка.

Мы вернулись в отель. Я снова засел за переписку Эдварда с Нэнси. А девчонки искали информацию по владельцу автомобиля.

Оказывается, Нэнси общалась с этим парнем четыре с половиной месяца, а мы и не заметили, что у неё роман! И вот, буквально в самом начале переписки, я нашёл зацепку. Парень писал, что иногда приезжает к дяде, потому что у того классный дом на Милл-крик, и он обязательно пригласит туда Нэнси. На карте оказалось, что этот ручей очень длинный и протекает сквозь дремучие дебри. Дорога шла как раз мимо той вырубki, где мы были, когда гнались за пикапом.

— Этот Сильвер Руст работает в тюрьме, охранником. Мы нашли его переписку на форуме охотников, он ещё охотится на лосей и медведей.

— Медведей?! Только последний мерзавец поднимет ружьё на медведя!!! — разозлился я.

— Ты чего? — удивились девчонки, — гризли опасны, могут и человека разорвать.

— Только, если за дело... Ну ладно, хватит дурака валять, поехали на Милл-крик. Проверим, там ли Нэнси.

— Эй-эй, погоди-ка! А вдруг этот Сильвер и есть маньяк? Что, если он вдруг достанет ружьё? Перестреляет нас и закопает в лесу. Как в фильме «Кровавый уик-энд»? Давай сходим в полицию, а потом уже поедem?

Девчонки всегда были трусихами.

— Мы только время зря потеряем, — сказал я недовольно. На меня смотрели умоляюще три пары девичьих глаз. — Ладно... — вздохнул я.

На часах уже полшестого. Кто знает, когда заканчивается смена у этого мордатого Сильвера?

В пустом полицейском участке сидел пожилой дежурный и смотрел телевизор, положив ноги на стол.

— Здравствуйте! Я пришёл сделать заявление о пропаже моей сестры, Нэнси.

Полицейский спустил ноги на пол и убавил звук телевизора.

— Когда она пропала? Сколько ей лет? — спросил он голосом, в котором не было ни тени энтузиазма.

— Вчера вечером, около восьми. Ей — шестнадцать.

— Ну, ещё рано искать, даже суток не прошло, скоро сама найдётся. В такой дождь не очень-то погуляешь. Все вампиры по домам сидят, бояться нечего.

Он улыбнулся своей шутке и приготовился включить звук.

— Скажите, а вы знаете, кто живёт вдоль Милл-крик?

Полицейский надул щёки и закатил глаза, раздумывая.

— Есть несколько домов, в основном охотничьи. Но это уже к Форксу не относится.

— Вы знаете Сильвера Руста?

— Может, и слышал, а что такое, молодой человек?

— У него черный пикап «Колорадо».

— Здесь у каждого четвертого такой пикап. Вы отправляйтесь домой, ребята, и приходите через два дня, если ваша Нэнси не найдётся.

Мы вышли. Дождь стихал.

Надо было вернуться в отель и подготовиться к путешествию. Мне пришлось позвонить маме. Я бодро доложил ей, что всё в порядке, заставив Пайпер издали крикнуть: «Мам, привет!» Мама ничего не заподозрила, сказала, чтобы мы не промокли и лучше не выходили в такую погоду, потому что ветер ожидается чуть не до пятидесяти миль в час. Ого! Это серьёзно, но я не мог сидеть и ждать лучшей погоды, когда моя сестра в опасности. В том, что она в опасности, я уже не сомневался, и с каждой минутой моя тревога всё возрастала.

Взяв всё, что нужно, я пошёл за девчонками. Они сидели за столом и пили горячий чай с галетами.

— Ну что, готовы?

Мне навстречу поднялась только Пайпер, одетая в красную куртку. Остальные двое идти не захотели. Испугались. Ну что ж. Я бы и один пошёл. Но мне стало приятно и тепло на душе, когда я увидел рядом задорный ёжик тёмных волос.

Когда мы вышли, то уже совсем стемнело, в лужах отражались фонари и редкие капли всколыхивали поверхность воды. По сто первому шоссе мы добрались до знакомого поворота в лес. Потом доехали до вырубki. Но сразу за ней начиналась абсолютно непроходимая для моего «форда» дорога и мы спрятали его, загнав в кусты. Дальше пошли пешком, натянув капюшоны, под градом падающих с деревьев капель, освещая себе дорогу фонариками. Шли долго, скользя по жидкой грязи, и наконец обнаружили чей-то охотничий дом. Высокая непримятая трава вокруг и тёмные окна сказали о том, что дом необитаем. Ноги давно промокли, но куртки ещё держались. Клокотание и шум полноводного после ливня ручья, сопровождал наш путь.

Просека стала шире. Поднявшийся ветер срывал с огромных деревьев клочья тумана. Мохнатая темная птица неожиданно перелетела нам дорогу, мелькнув искрой глаза.

Несмотря на сырость, в этом ночном походе было что-то воодушевляющее.

Я любил лес, но ночью бывал там редко.

Старался не бывать...

А вот и ещё один домик.

В окне были видны мужчина и женщина, беседующие за столом, с банками пива в руках. Перед домиком блестел умытый ливнем джип. И хоть нам очень хотелось попроситься внутрь, чтобы согреться, но мы пошли дальше.

Бурлящий Милл-крик преградил нам путь. Перекинутые через ручей брёвна составляли довольно скользкий мост. Когда мы переходили по нему ручей, держась за руки, и я почувствовал, как замерзли руки Пайпер. Поэтому, остановившись под большой сосной, увешанной зелёными бородами мха, мы обнялись, и я дал её ледяным пальцам забраться мне под майку. Пайпер замерла, сосредоточенно греясь, уткнувшись в меня лбом и смущённо сопя носом.

Так мы стояли минут десять, сдерживая волнение.

Потом снова ступили на тропинку, чтобы найти дом Сильвера Руста, который был дядей «Эдварда», в чём я теперь не сомневался.

Почти два с половиной часа нам понадобилось, чтобы найти ещё один охотничий дом, находившийся в стороне от дороги. Следы автомобиля вели к погруженному в темноту дому.

Но пикапа тут не было.

Обширная площадка перед бревенчатым крепким домом была покрыта кусками строительного мусора, песчаными кучами, оставшимися, наверное, после возведения гаража. Мы осторожно пошли к дому. Обошли со всех сторон. При свете фонаря, удалось увидеть валявшиеся на подоконнике, покрытые пылью счета. Прилипнув носом к стеклу, я кое-как разглядел имя получателя — Руст!

Мы нашли его!

С задней, повернутой к лесу стороны, обнаружилась дверь. Черная, мокрая. Трухлявый порог обвалился. Я подёргал за ручку. Заперто. Ветер усиливался. Тучи унеслись, обнажив ясную, притягивающую, как магнит, луну. Я послал Пайпер проверить другие окна, а сам пошёл к гаражу. На двери висел массивный замок. Я подошёл к двери и крикнул в щель «Нэнси!» Прислушался. Но завывания ветра мешали что-либо услышать. Вернулась Пайпер:

— Там все окна с задернутыми занавесками. Ничего внутри не видно.

Мы решили проникнуть внутрь через заднюю дверь. Полчаса ковыряли ножом замок, и дверь подалась...

Подсобка, куда вела дверь, была завалена старыми вещами и коробками.

Во всех фильмах про похищения, жертвы томились в подвалах, вот мы и стали искать подвал. Я звал «Нэнси! Нэнси!», но безуспешно. Включать свет было опасно, мы шарили с фонариками. На полу

лежала большая медвежья шкура, затертая, затоптанная, вызвавшая во мне прилив ненависти к хозяину дома. Мы потянули её в сторону и обнаружили люк, вровень с деревянным полом. Но ни ручки, ни кольца. Я попытался подцепить его ножом. Безрезультатно. Потом обнаружилось отверстие, куда должна была вставаться ручка или ключ. Мы бросились искать подходящее орудие.

В этот момент в окно снаружи ударил свет. Мы замерли. Сквозь завывание ветра мы даже не расслышали, как подъехал автомобиль.

Пайпер отвела занавеску:

— Пикап!

— Давай к двери!

Мы нырнули в коридорчик, ведущий к задней двери, и присели за коробками.

В дом вошли двое. Мы слышали их голоса. Они таскали с улицы какие-то ящики и ругали проклятый Форкс с его проклятой погодой. Наконец они закрыли дверь и включили свет. Раздалась ругань!

— Чёртов Эдди, ты что, охренел, мать твою?! Почему шкуру на место не положил?

Пайпер сжала мою руку.

Невидимый Эдди огрызнулся:

— Ты последний там был, не ори!

Потом они долго возились, что-то ели, гремя посудой. Наконец, второй сказал:

— Иди, посмотри, как там дела. Пощупай, приласкай, и таблетки не забудь дать.

— Да помню я!

Второй скабрезно захихикал. Я не выдержал и стал медленно подниматься, чтобы увидеть, что там в комнате. Мне удалось незаметно переместиться от одной стены до другой. Мордатый Сильвер, отвесив нижнюю губу, развалился в кресле. Жирное брюхо почти лежало на коленях. А вот и Эдвард! Или Эдди, как звал его дядя Сильвер. Парень, пожалуй, даже красив, но в лице то-то неприятное, особенно неестественно красные крупные губы. Он нагнулся и вытащил из-под старого дивана длинную загнутую железку, откинул медвежью шкуру и вставил железку в отверстие в люке.

Через минуту его голова со спутанными медного цвета волосами исчезла в глубине подполья. Что-либо услышать мешало завывание ветра. Пайпер сидела тихо, как мышь.

Прошло десять долгих минут, из люка показалась голова Эдди.

— Ты идёшь? Всё готово уже.

— А ты коробку синюю из машины принёс?

— Чёрт! Забыл! Я быстро.

— Кретин, двери! — рявкнул дядя вслед племяннику, плохо закрывшему дверь, распахнувшуюся от ветра со страшным грохотом.

Эдди появился с коробкой. Достал нож, вскрыл её. Дядя соизволил подойти к столу. Достал из коробки систему для переливания крови, скальпель, посмотрел на свет, положил обратно.

— Нормально. То, что надо. Ну, пошли, попробуем твою Нэнси.

Эдди взял коробку и открыл люк.

В этот момент раздался звонок телефона.

Моего телефона.

Сильвер и Эдди разом повернулись на звук. Пайпер сдавленно вскрикнула позади.

Я стоял в темноте, поэтому они не сразу меня разглядели. Дядя сделал резкое движение вправо и в руке у него появился охотничий карабин. Эдди отбросил коробку и выхватил из куртки пистолет.

— Что за хрень! Ты кто такой?!

Нажав на кнопку телефона, я поднёс его к уху. Это была Лиз.

— Алло! Мы нашли их! Выезжайте! — сказал я, блефуя.

Раздался выстрел, попавший в косяк. Отлетевшая щепка больно впиалась в щёку.

Решение созрело мгновенно, и от страха неизбежного сжалось сердце. Перед глазами встали лица сестры и мамы и мерзкие рожи похитителей. Они не остановятся ни перед чем, и они вооружены.

Я бросился вперёд пробежав мимо обалдевшего от неожиданности Эдди, одним ударом вышиб дверь и выпрыгнул наружу. С рёвом ярости дядя с племянником выскочили на порог, стреляя в мою сторону. Я побежал по двору, перемахивая через кучи щебня и гнилых досок, наращивая скорость. Страх сковывал ноги, но я заставил себя бежать. Мимо свистели пули.

Ветер мощно дул в спину, поэтому мой разбег укоротился, изнутри поднялась волна неизвестной силы, расширяющая грудь до невозможности вдохнуть. Мышцы напряглись, как пружины, и я, высоко подпрыгнув, кувыркнулся в воздухе. На мгновение меня поглотил мрак, но тут же всё вокруг стало видно, как днём.

Гнущиеся к земле молодые деревья, мотающиеся лапы старых елей, летящие тысячами оторванные листья и раскачивающийся под ударами ветра пикап.

Вспыхнул яркий свет. Зажглось наружное освещение.

И одновременно раздался двойной крик ужаса.

А может, и крик двойного ужаса.

Одинаково приятный для моих ушей...

— Артур! — кто-то тряс меня за плечо. — У тебя кровь тут, ты ранен?

Надо мной склонилась Пайпер.

Я мгновенно вскочил на ноги, и, оттолкнув её, бросился в дом.

— А я думала — ты уже в подвале, — сказала подошедшая Пайпер, изумленно глядя на то, как я с бешеной скоростью запикиваю в рот еду, оставшуюся от Сильвера и Эдди.

— Мне... надо... поесть...

Я заглатывал куски пиццы, заливал её молоком и совал в рот целую плитку шоколада, а потом, сорвав крышку с банки с тунцом, вытряс её в рот, закусив сосисками в целлофане. Через двадцать минут голод меня отпустил и я успокоился, поняв, что мне удалось обернуться и остаться в живых и не свихнуться! Это было чудо!

Мы полезли в люк. Там обнаружился подземный ход, ведущий в помещения под гаражом.

— Боже мой, Нэнси!!!

Я бросился к клетке, в которых обычно держат бойцовых собак. Там была моя сестра в своём красивом, но порванном и грязном платье. Она безучастно смотрела на меня.

На столе находился медицинский арсенал, таблетки, шприцы, системы для переливания крови. Полбутылки виски и два пластиковых стакана с подозрительным бурым осадком. Рядом, в корзине, ещё стаканы — грязные, мятые... и связка ключей.

Я вытащил Нэнси и усадил её на стул. Пайпер помогала мне.

А дальше было ещё интереснее. Мы нашли двух девушек. Бледных, худых, в наркотическом опьянении. А вокруг висели постеры из фильма «Сумерки». Мужики совсем свихнулись, захотев стать вампирами... впрочем, это уже неважно.

Теперь всё будет хорошо.

Я посмотрел на Пайпер. Она улыбалась.

— Всё-таки вампиры и оборотни существуют.

— Вампиров не существует, существуют моральные уроды, а что касается остального, то тебе никто не поверит.

Она засмеялась.

— А я никому и не скажу.

— Скажешь. Все девчонки — болтушки. Но все подумают, что ты сошла с ума от «Саги».

— Как тут не сойти с ума? — она дотронулась до меня пальцем и посмотрела на него, как будто хотела разгадать тайну, которую мне пришлось приоткрыть.

Я подмигнул ей и набрал Лиз.

— Мы нашли их.

— Да-да! Я поняла, услышала в телефоне стрельбу и вызвала полицию. Я же звонила тебе, чтобы сказать, что номер телефона принадлежит Эдварду Стакси. Как там сестра?

— Всё нормально. Тут две девушки ещё. Скорее всего, те, что в прошлом году пропали. Ну ладно, до свиданья!

— Эй, Артур, подожди, а те, кто стрелял, они где?!

АННА САМОЙЛОВА

ЭРЖЕНА

Все события вымышлены, совпадения случайны.

Фархад сидел у пульта, тревожно мигающего красными индикаторами, и повторял снова и снова:

— Дельфин, Дельфин, я База, приём.

Сделав короткую паузу, он уставился на перечёркивающую монитор прямую линию, как будто от этого она изогнётся, начнёт показывать частоту, которая означает, что там, на дне Байкальского моря экипаж батискафа «Мир-2» жив и в сознании. С экипажем и с батискафом всё в порядке. А прямая на мониторе — это просто аномалия, технический сбой... Или сигнал экранируется подводным хребтом.

Фархад поморщился — пусть даже сигнал экранирован, всё равно не будет на мониторе такой нечеловеческой прямой. И снова в эфир полетело тревожное:

— Дельфин, Дельфин, я База...Как меня слышите? Приём...

Экипаж перестал отвечать пятнадцать минут назад, но кислород в батискафе ещё есть, поэтому надежду терять нельзя. В крайнем случае, батискаф откачает балласт и всплывёт. И аспирант-гидролог Фархад Налимов продолжал повторять позывной снова и снова. Там внизу, под многометровой толщей воды, между островами Ольхон и Святой нос, в Баргузинском заливе, в самой глубокой части Байкальского моря в районе нефтепроявления висел без движения и признаков жизни батискаф. А в нём застряли научный руководитель Фархада профессор Илья Владимирович Белозёров и друг Фархада Денис — талантливый механик. Если и была на кого надежда, что всё наладится и батискаф поднимется, так это на него.

Экипаж батискафа должен был заснять редкое явление — то, как со дна моря из битумных холмов, похожих на сталактиты, сочится нефть и капельками падает вверх. Удивительное дело — нефть сочится постоянно, несчётное количество лет, а вода Байкала при этом одна из чистейших в мире! Учёные выяснили, что Байкальская нефть — источник питания для микроорганизмов. Они-то и очищают воду. Илья Владимирович был уверен, что тут они найдут способ очистить воды мирового океана от нефтяных загрязнений. Нужно было собрать суммарную ДНК микроорганизмов, находящихся в кристаллах газогидрата; собственно, для этого и погрузились. Планировали при помощи манипулятора взять образцы газогидратов, положить в контейнер и поднять на поверхность, и там уже в лаборатории исследовать.

И всё! Работы на час. Плюс время на спуск и подъём.

Сейчас по расписанию батискаф должен был готовиться к всплытию. Но по какой-то причине его двигатели молчали. Если неполадки,

то достаточно откачать воду из балластных сфер, но экипаж не выключал магнитные замки...

Конечно, когда аккумуляторы разрядятся, то магнитные замки расстегнутся сами, вода из балластных сфер будет откачана автоматически и батискаф всплывёт, но когда это ещё будет?! Экипажу кислорода не хватит. Поэтому вся надежда на Дениса.

Случись поломка близко к поверхности, экипаж мог бы попробовать покинуть двухметровую сферу и всплыть самостоятельно. И, несмотря на крайне низкую температуру воды, шанс выжить не был бы нулевым. Но беда заключалась в том, что гондола лежала на дне, а до поверхности было полторы тысячи метров...

Работа шла в штатном режиме. Ничего не предвещало отказа оборудования. Батискаф только что прошёл техосмотр. Денис — механик от бога. Задача была поставлена простая, без каких-либо заморочек. Такое проделывалось уже не единожды. И вдруг...

Перед тем, как сигнал исчез, произошла единственная странность — Денис воскликнул:

— Ох, ёпт! Это же...

И всё! Звук потух, кривая сигнала выпрямилась.

И в эфир полетело тревожное:

— Дельфин, Дельфин, я База, ответьте...

* * *

Денис орудовал манипуляторами, наблюдая за ними на мониторе. Он поднёс манипулятором к иллюминатору образец — прозрачный кусок газогидрата, который тут же разломился и быстро уплыл вверх. Это было что-то фантастическое — ты берёшь то, что много лет лежит на дне, и после этого взятое быстро уплывает вверх... Пришлось повторить процедуру, но уже с учётом плавучести образца.

Оставалось аккуратно срезать вершину битумного холма, на которой время от времени появлялись густые тёмные капли. Они росли, набухали, а потом отрывались и падали вверх, всплывали. Капли нефти.

Холм был хорошо освещён прожекторами батискафа. Один манипулятор аккуратно обхватил макушку — важно было не раздавить эту хрупкую субстанцию. Другой манипулятор должен был подрезать пирамидку. И, поддерживая, перенести к контейнеру, опустить в него, завернуть крышку и поместить в хранилище. И всё! Можно всплывать.

Прежде чем подрезать пробу, Денис на минуту задумался — сколько же лет эта нефтеносная сосулька росла? И вот теперь в одно мгновение будет разрушена. Но наука требует жертв, и Денис погладил рукоятку манипулятора. Нож на том конце двинулся к пирамидке. И тут...

И тут в освещённом конусе возникла она. Русалка.

Все, как положено — длинный хвост, волосы распущены, несколько прядей забраны жемчугом. Между пальцами — едва заметные перепонки. Но не худенькая, как в диснеевском мультике, а, что называется, в теле. Всё-таки, Байкал — это вам не экватор!

Русалка взмахнула крепким хвостом и в одно мгновение оказалась около иллюминатора. Раскосые глаза, широкооткрытое лицо, носик пуговкой, за ушами малозаметные жабры...

— Ох, ёпт! Это же... — воскликнул Денис и замолчал, боясь произнести вслух. Вдруг глюки? Он скорее поверил бы в зелёных человечков или какого-нибудь ихтиозавра, чем в... Да ещё на такой глубине!

А русалка начала поворачиваться вокруг хвоста, словно взводила пружину. Потом резким, насколько это возможно в воде, движением раскрутилась и жახнула что есть мочи по гондоле хвостом, прямо в районе технологического шва.

От удара гондолу тряхнуло. Мужчины покачнулись, теряя равновесие и инстинктивно хватаясь за то, что попало под руки. Монитор связи мигнул и потух...

— ...русалка... — чуть слышно прошептал пораженный профессор, и мужчины переглянулись.

Русалка жახнула ещё раз. Погас свет. После третьего удара в технологическом шве, там, где соединяются полусферы гондолы, появилась течь. Пока ещё небольшая, но Денис понимал, что это вопрос времени — давление воды будет сминать батискаф, и течь усилится. Если, конечно, до того они не всплывут.

Неосознанно Денис прижался к иллюминатору и крикнул в темноту:

— Стой! Остановись! Не надо! — он не знал, на что рассчитывал, и кричал скорее интуитивно.

Русалка словно услышала его, бить перестала, но не уплыла. Раскачивая воду хвостом, она повисела немного напротив переднего иллюминатора, заглядывая внутрь, а потом принялась нарезать круги вокруг батискафа — в свете аварийных светодиодов её было хорошо видно.

Её движения были гибкие и грациозные, несмотря на приличные формы. Высокая грудь, широкие бёдра, переходящие в слегка приплюснутый хвост, заканчивающийся мощным плавником. Ростом русалка была немного повыше Дениса, не говоря уже об Илье Владимировиче. Всё её тело покрывала тёмная чешуя. Длинные волосы широким шлейфом тянулись за головой и висели, когда голова была неподвижна. Взгляд, который она не отрывала от батискафа, был острый и гневный.

Из шока Дениса вывела капля воды упавшая ему на руку — технологический шов был мокрым. Денис вернулся к панели управления. Большинство кнопок и тумблеров не отвечало, индикаторы не горели.

Только манипуляторы отозвались. Но стоило Денису пошевелить механической рукой, как русалка снова саданула хвостом по корпусу гондолы.

— Всё, всё! Я больше не буду! — закричал Денис, метнувшись к иллюминатору.

Русалка зависла напротив, уперев руки в боки, и усмехнулась.

— Она понимает! — восхитился профессор. — Вы понимаете?! Она понимает! Неужели разумная форма жизни?!

— Похоже, что так, — согласился Денис. — Хотя, может, и совпадение...

— Но как же через иллюминатор? Как она нас слышит? И как понимает? — не унимался профессор.

— Не знаю... Металл и вода хорошо проводят звук... Она знает язык... она же местная... или телепат, — автоматически ответил Денис, изучая панель управления.

— Это же такое открытие! Мы должны исследовать... Ты подожди только, не всплывай! Мы должны понаблюдать... — взмолился профессор.

— Да мы и не сможем сейчас всплыть. Даже если бы захотели. Связи с замками нет, — нервно усмехнулся Денис.

А русалка подплыла к иллюминатору и заглянула внутрь батискафа. Илья Владимирович и Денис почувствовали себя очень неудобно.

* * *

Её звали Эржена. Она родилась в дельте Селенги, в заливе Провал, который образовался после сильного землетрясения — огромный участок суши в одночасье ушёл под воду, образовав залив. Вода Селенги, очищенная в широкой и ветвистой дельте, была полна кислорода. Это место издревле русалочий род выбирал для рождения детей.

Мама Эржены оставалась с маленькой дочкой, пока та не научилась прятаться и добывать пищу, а потом оставила малышку, чтобы не привлекать внимания недобрых глаз. Лишь тёмными безлунными ночами приплывала проведать маленькую русалку и приносила гостинец — несколько свежих омулей.

Когда Эржена подросла, то переселилась к истоку Ангары — там у её отца были большие стада омулей. Эржена любила вместе с отцом выходить пасти их. Иногда русалка потихоньку подплывала к рыболовному судну и слушала рыбаков — мир людей казался ей интересным и необыкновенным. И к предостережениям отца она относилась легкомысленно.

Бывало, что расшалившаяся русалка показывалась рыбакам. Блеск чешуи и водовороты, которые она устраивала, породили среди рыбаков легенды об омулевой бочке. Когда Эржена впервые услышала эти сказки, она долго смеялась, но отец был недоволен. Он сказал,

что они должны быть особенно осторожными. Как только люди узнают о русалках, жить в этих местах станет невозможно — понабегут, перекроют озеро вдоль и поперёк сетями.

И он как в воду смотрел. Всё больше и больше сетей появлялось в озере, перекрыли все бухточки и заливы. Нет, русалок пока ещё никто не видел, снасти ставили на омулей. Но спокойной жизни пришёл конец.

Несколько раз Эржена чудом избегала опасности быть пойманой, и один раз отец едва успел порвать леску, из которой была сплетена сеть, и освободиться. Он изрезал ладони, и потом долгое время не мог ловить рыбу. Да и после того, как раны зажили, кисти скрутились, перепонки оказались повреждены.

Отец больше не мог плавать быстро, омулей выловили браконьеры, и семья начала голодать. На семейном совете решено было покинуть Байкальское море — по подземному тоннелю переправиться в тёплые моря к дальним родичам.

Эржене это решение пришлось не по душе, и она отказалась покидать родные воды. Она переселилась в Баргузинский залив на Ушканьи острова к нерпам — пресноводным тюленям, которые по преданию приплыли на Байкал из северных морей через тот самый тоннель, и объявила войну людям — и рыбакам, и туристам, и учёным. Она решила спасти своё море, свой мир.

* * *

Фархад прошёлся по кабинету. Время было на исходе. Кислорода в оставалось только-только подняться. С такой глубины быстро не поднимутся, даже если откачают всю балластную воду...

Ну почему они не дают о себе знать, и почему батискаф не шевелится? Может, он застрял?

Как же можно спасти экипаж, если они так и не всплывут? Фархад запустил руки в волосы, собрал их в горсти и потянул. Он считал, что от такого упражнения кровь приливает к голове и от этого улучшается мыслительная деятельность.

Как бы там ни было, Фархад начал перебирать способы спасения. Можно было бы, к примеру, погрузиться на другом батискафе, зацепить манипулятором за поплавки терпящего аварию и попробовать его вытащить. Двигатели у этой модели были отличными. Вполне вытянули бы.

Фархад усмехнулся: «Хорош план, только нет другого батискафа! На ремонте он. Двигатель полетел»...

... и неизвестно, Денис с Ильёй Владимировичем слышат ли Фархада или нет? И восточку никак передать не могут... И вообще неизвестно — живы ли? Иначе давно выстрелили бы бум, с прикреплённым к нему кевларовым тросом, и их бы уже подняли... Не исключено, что экипаж погиб...

Фархад опять тряхнул головой и суеверно постучал по дереву. Потом ущипнул себя больно — чтоб не думал больше о плохом, и снова начал повторять в микрофон:

— Дельфин, дельфин, я База, ответьте...

Надо бы проанализировать аварийные ситуации с батискафами и то, как проводились спасательные работы... Эх, были бы где-нибудь в открытом море, можно было бы позвать на помощь. Хотя тех же японцев или амеров. Ну, или своих военных. Всё-таки, у них есть опыт спасения терпящих бедствие.

Но переоборудованная баржа «Метрополия» находилась на озере Байкал. А здесь нет флота. Нельзя же всерьёз называть флотом горстку, ну ладно, большую горсть, прогулочных катеров. Доставить сюда батискафы было непросто, и не в один день...

А вдруг у них что-нибудь с давлением случилось? Надо на всякий случай барокамеру приготовить. Вдруг понадобится срочно пройти декомпрессию? Конечно, на батискафе поддерживается атмосферное давление, но всё-таки... Нужно всё предусмотреть...

Фархад кинулся на палубу распорядиться, чтоб проверили барокамеру, и успокоился, получив сигнал от боцмана, что всё готово, хоть сейчас вселяйтесь!

Фархад вернулся к микрофону и снова безрезультатно позвал «Дельфина».

Можно было бы зацепить тросом или якорем и поднять их.

Но глубина!.. Было бы двести-триста метров, даже пятьсот — это было бы возможно, а тут — полторы тысячи!

А если зацепить огромным магнитом...

Если бы был магнит... Хотя и это не помогло бы — корпус-то из марганцевой стали! И для батискафа используют нейтральную к магниту...

Или, к примеру, была бы там торпедная камера, можно было бы выстрелить Денисом и Ильёй Владимировичем.

Но, во-первых, глубина — декомпрессия убьёт надёжно, а во-вторых — на батискафе нет торпедной камеры.

А ещё можно заряд подвести под днище и взорвать, тем самым подтолкнуть... А дальше уже он сам — сбросит балласт и всплывёт...

Фархад покачал головой, вытряхивая глупые мысли, и с новой силой начал повторять:

— Дельфин, Дельфин, я База... Как меня слышите? Приём...

* * *

Эржена заглянула в большой иллюминатор и осталась довольна — мужчины были деморализованы и боялись пошевелиться. Она спокойно оплыла батискаф, теперь уже рассматривая внимательно аппарат для глубоководных погружений. Светящийся светодиодами, он хорошо был виден со всех сторон — и сферическая гондола

с большими иллюминаторами — центральным и двумя боковыми, и винтовые двигатели. Эржена подплыла к манипуляторам и попробовала руками раздвинуть зажим, который обхватил пирамидку, но безрезультатно.

Она резко приблизилась к иллюминатору и властным жестом указала на зажим, при этом угрожающе повела хвостом.

Один из мужчин, тот, который помоложе, крикнул:

— Я уберу его! — и добавил несмело, — ты ведь позволишь?

Эржена, не отрывая от него глаз, медленно кивнула. Цепочка воздушных пузырьков поплыла вверх.

Мужчина легко коснулся манипулятора, проверяя, слушается ли? Ведь батискаф оставался обесточенным — Эржена постаралась.

Мужчина вернулся к иллюминатору:

— Мне нужно починить... они не работают...

Эржена снова угрожающе повела хвостом. Она едва сдерживалась, чтоб не лунануть что есть дури по батискафу.

— Я должен починить, иначе никак... — взмолился мужчина.

— Может, я попробую с ней поговорить? — встрял второй. И продолжил, обращаясь к русалке, — понимаете... кхм... барышня, это же сложное оборудование! Оно ведь само работать не будет... Тут ведь ручки нужно приложить...

Эржена висела напротив иллюминатора, руки в боки, а хвост нервно подёргивался. Она была раздражена. Мало того, что не освобождали нефтеносный сталактит, так ещё и разговаривали с ней таким тоном.

Мужчина же, глядя чуть-чуть поверх головы подводной девы, монотонно продолжал:

— Техника, тем более такая сложная, не может работать по мановению вашего очаровательного, извините, хвостика. Техника — это сложный механизм! И законы механики и электричества никто не отменял, даже на дне Байкальского моря. Они объективны и не зависят от нашего настроения... И если Денис, наш замечательный техник, не проверит электрические сети...

При слове «сети» Эржена пришла в бешенство. Она извернулась и шлёпнула хвостом по иллюминатору. На просвинцованном стекле образовалась трещина, которая паутинкой поползла в разные стороны. Но стекло пока держало давление воды, правда, было непонятно — надолго ли?

— Остановись, пожалуйста! — взмолился молодой. — Ты нас угробишь! Профессор говорил только об оборудовании, только о батискафе, понимаешь? Давай я сейчас всё почию, и мы уберёмся отсюда, хорошо? Только не бей больше своим прекрасным хвостом, ладно? Он действительно красивый! Но батискафу от него плохо, понимаешь?

Эржена кивнула, злорадно улыбнулась и медленно поплыла вокруг батискафа, плавно двигая хвостом, красуясь, демонстрируя

своё величие, мол, вот она я — красивая и сильная, и я отсюда не уплыву, пока вы не уберётесь, так или иначе. И вы будете мне подчиняться!

— Я пойду ремонтировать, хорошо? — попросил молодой.

Эржена подплыла к боковому иллюминатору.

— Постарайся не бить хвостом, хорошо? — снова попросил он.

Эржена перекувыркнулась в воде.

— Так я начинаю? Я сейчас перещёлкну тумблеры и перезапущу систему. Может загореться свет, ты, главное, не пугайся. Хорошо?

Русалка медленно кивнула. Она висела напротив центрального иллюминатора, словно кошка, которая точно знает, что эта мышь от неё не уйдёт.

— Я включаю, — и молодой щёлкнул первым тумблером.

На третьем щелчке загорелся прожектор, на пятом — отозвались манипуляторы. Мужчина проверил их и аккуратно разжал захват, отпуская пирамидку.

Эржена метнулась к битумному холму, осмотрела его, проводила взглядом оторвавшуюся каплю нефти.

Позади раздался звук двигателя — батискаф начал срочное всплытие.

Эржена оставила пирамидку, догнала батискаф, развернулась и хладнокровно со всего маха ударила по главному иллюминатору.

Всё стекло покрылось сетью трещин. В трещинах проступила вода. Сначала немного, потом сильнее, ещё сильнее...

Один из мужчин инстинктивно вскинул руки, чтобы удержать стекло, но от его прикосновения оно рассыпалось, и ледяная байкальская вода хлынула в батискаф.

* * *

Солнце только-только коснулось противоположного берега, спровоцировав буйство красок и в небе, и на воде. Фархад и Денис стояли на палубе переоборудованной баржи «Метрополия», перед ними на палубе возвышался «Мир-2», помятый и с разбитым передним иллюминатором. Друзья потягивали из фарфоровых кофейных чашечек свежесваренный кофе и любовались сказочно красивым закатом.

— Я думал — с ума сойду, когда вы перестали отвечать, — с улыбкой говорил Фархад. Так говорят люди, когда смертельная опасность осталась далеко позади.

— Да я тоже решил, что всё, приплыли. Представляешь, разгерметизация на полуторакилометровой глубине. Пережить такое и врагу не пожелаешь...

Кричали чайки, дул лёгкий ветерок, небольшая волна плескалась у борта, запах моря смешивался с запахом хорошего кофе — Фархад по случаю спасения друга распечатал свои запасы, сам смолот и сам сварил.

— Ты уверен, что русалка? — спросил Фархад. Но спросил не так, как если бы ему на самом деле нужно было установить истину, а так, словно удивлялся вместе с другом: надо же? Русалка...

— Представляешь?.. — засмеялся в ответ Денис. И добавил мечтательно, — Красивая... С характером!

Друзья помолчали немного, рассматривая батискаф. Без стекла, с вмятинами он представлял удручающее зрелище.

— Да... Ну вам и досталось... — кивнул в сторону батискафа Фархад.

— Да уж! — подтвердил Денис. — Как вспомню её глаза... В глазах словно небо отразилось — такие голубые. На глубине и — небо... А злые... А ещё у неё нос пуговкой. Представляешь? И волосы такие длинные... и грудь... пятый, как минимум! Такая красота!.. И с хвостом...

— Влюбился, что ли?! — добродушно усмехнулся Фархад.

Денис ничего не ответил, лишь улыбнулся своим мыслям.

Фархад отхлебнул кофе. Денис полюбовался чашечкой на фоне закатного неба, вдохнул чудесный аромат и немного отпил. Закрыв глаза и покатав кофе во рту, собирая все оттенки вкуса, потом с сожалением проглотил и блаженно произнёс:

— Амброзия... там, на дне, я мечтал о кофе... Только ты так умеешь его варить!

Фархад скромно промолчал.

Солнце уже почти село, только маленький кусочек отливал червонным золотом. Ветерок стих, чайки улетели на покой, но волны по-прежнему продолжали плескаться.

— Я всё хотел спросить, — говорит Фархад, — как вам удалось всплыть? С такими-то повреждениями...

Денис с сожалением допивает кофе и, глядя, как последний луч солнца скрывается за горизонтом, говорит:

— А нам и не удалось.

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ ТОЖЕ НАДО КОРМИТЬ

Эдик выглянул из комнаты — телохранитель помогал маме стаскивать с папы пальто. Совсем неправильно они это делают. Вот мама Славика дядю Пашу раздевает одним движением, а эти двое уже минут пять возятся.

— Володя, ты ботинки с него сними, отведем в комнату...

— Нет, Виолетта Сергеевна, опять он что-нибудь там разобьет. Давайте уж здесь.

Эдик прикрыл дверь и оглянулся на сидящего на подоконнике бирюзового дракончика. Тот смотрел в окно. И почему папа обозвал Тишку зелёным змеем? На змею он совсем не похож. И не зелёный.

Возгласы в коридоре стали громче. Папа проснулся и начал отбиваться. Пальто и ботинки с него, похоже, сняли. Теперь мама отведёт его в кухню, напоит кофе с коньяком и уложит спать, там же на диване. Потом начнёт обзванивать подруг, жалуюсь, что муж опять пропил все деньги. Тишка повернул голову, длинный раздвоенный язык прошёлся по спине. Почему папа сравнивает этот язык с коровьим? У коровы язык совсем другой.

— Никак не пойму, куда он деньги деваает, — мама с телефоном в руках шла по коридору, — видела, как он на стол две пачки выложил, одну — с долларами по тысяче, другую — с нашими пятитысячными. Сейчас спрашиваю, а он — «корова языком слямзила», и хихикает... Да, уложила... Мямлит, что удачную сделку отмечали... Нет, не смотрела...

Подруги любили давать маме советы, где поискать папины деньги. И как заранее их забирать. Но опередить Тишу еще ни разу не удалось. Он чуял деньги, едва папа входил в квартиру. Тиша жил у них больше месяца. До этого была зелёная громадная жаба, но ей хотелось золотых монет, а они быстро кончились. Уж очень она была прожорливой.

Тиша не такой, ему достаточно одной бумажки в неделю. Особенно ему нравятся зелёненькие с портретами разных мужиков, но голубенькие и красненькие с картинками тоже подходят.

А самым первым в кухне появился человечек с рожками и длинным хвостом. Размером он был с кувшин для воды, и одежды никакой, а кожа зелёная-презелёная, как трава на газоне. Он сидел на подоконнике и грустно посмотрел на Эдика, когда тот вошел. Мама только что закончила «читать папе нотации» — он сам потом так сказал. Когда свет погас, Эдик крался по коридору. Мама позвонила тётке Свете, и он слышал почти весь разговор. Узнав, что «муж получил кредит на развитие бизнеса, и сейчас может купить всё, что пожелает»,

устремился на кухню. Очень хотелось, чтобы папа пожелал купить ему велосипед. Папа сидел на диване и смотрел на сына странными стеклянными глазами. Как у игрушечного льва, подаренного на прошлый День рождения.

— Кыш, — сказал папа человечку и замахал на него руками, и тот исчез. Поговорить с папой тогда не удалось. Он бормотал что-то непонятное, а потом уснул.

С жабой было интереснее. Вместе с папой они несколько дней кормили её золотыми монетками и смеялись. Жаба жила за холодильником и каждый раз, когда папа ночевал в кухне, выползала покусать, но однажды монетки кончились, а жабе хотелось ещё. Она начала раздуваться, стала огромной. Почти с холодильник. Папа сказал ей:

— Лопни!

И она лопнула. Осколки разлетелись по всей кухне. Папа пробормотал:

— Вот так и лопаются банки. От золота... — лег на диван и заснул.

Эдик не понял, о каких банках шла речь. Может, о бабушкиных? Один раз её банка с компотом и правда лопнула. И как может банка лопнуть от золота? Жаба — понятное дело. Но поговорить о велосипеде он тогда тоже не смог. Родителей пожалел. Мама несколько раз жаловалась, что у папы много денег уходит на новую фирму и на кормёжку «соучредителей». Кто такие эти «соу» Эдик не знал. Решил, что это кто-то вроде их жабы. Тоже деньги жрут.

Зато с Тишей вышло всё просто замечательно. Он летал по кухне, а папа, провожая его взглядом уже привычных стеклянных глаз, бормотал:

— У-у-у, зеленый змий! Опять прилетел...

— Какой хорошенький! — восхитился Эдик, — Как его зовут? А можно его погладить?

— Тиш...ш, — прошипел папа и попытался махнуть на дракончика рукой, но только смахнул со стола пачку оклеенных белой лентой зелёных бумажек. Дракончик подхватил её в воздухе коготками и выскользнул в коридор. С тех пор Тиша поселился в комнате Эдика и таскал у папы деньги. А маме почти ничего не доставалось.

Но он совсем не жадный, один раз дал Эдику голубую бумажку. Тот купил целую коробку мороженого и ещё на чипсы осталось. В этот раз Тиша успел две пачки стащить. Наверное, ему не жалко будет дать Эдику несколько бумажек. Может, хватит на велосипед.

НАДЕЖДА ОСКАРОВА

ТОТ ДОМ, ТОТ ГОРОД...

В том доме было очень страшно жить...

А.А.А.

2

— Что, думаешь, это тот дом?

— Ну, камин в нём есть...

— А разжечь его сумеешь?

— Попробую — узнаю, — сестра подошла к камину, заглянула внутрь, потом обернулась ко мне. — Хочешь, поклянусь, что научусь, даже если придётся спалить эту халупу к килиной матери!

— Зачем? Это надо не мне...

Халупа была дизайнерская. Одноэтажная, растянутая как Потёмкинский дворец, симметричная относительно камина. Холл, переходящий в гостиную, двери в правую и левую анфилады комнат. Анфилада — значит насквозь. Запредельный идиотизм. В гостиной ниши с корявыми пластиковыми ветками, низкие диваны... камин в центре.

— Камин в центре.

— Потому что эта комната — целиком старый дом, — Таша не раздражалась моя привычка оглашать вслух финальные мысли. Понимание, как ни крути, отличная штука. — Снесли перегородки, пристроили руки... крылья. Здорово, правда?

Ага. Только никто в нём жить не стремится. Слой пыли на палец. Нехорошее вроде как место, с историей.

— Точно не спалишь, пожалеешь.

— Ха! Что выберешь — брюзжание соседей «этих сучек и огонь не берёт» или эпитафию «эти лесбы сгорели — и хрен с ними»?

— Сучки и лесбы? С чего бы так от незнакомых людей?

— Две незамужние девушки въехали в один дом... Хочешь более вескую причину?

Сестра ухмыльнулась, быстро поцеловала меня в щёку, подхватила ручку белого в чёрный горох чемодана и покатилась в правую (если стоять спиной к входу, лицом к камину) дверь. Мой чёрный в белый горох последовал за хозяйкой в правую (если стоять спиной к камину, лицом к выходу).

А и правда, зачем искать причины? Вдруг их нет? Придурки и извращенцы... Нет близости больше, чем наша. Подобная — может быть, больше — нет. Нарцисс, совокупляющийся с водой! А впрочем... Я фыркнула.

Раньше, задолго до того, как Таша вживила крылья, мы сворачивались в один клубок, безгрешно согревая друг друга. В развалинах. В лесу. В поле. Иногда. Время от времени. От случая к случаю. Так две маленькие девочки находили спасение от холода и сводящего с ума одиночества, но придуркам и извращенцам и этого вполне достаточно. Было? Было. Вот она, спичка к моей ненависти...

И зачем Таша крылья? Чёрные рожки в коротких чёрных же волосах сестры я находила забавными и милыми. Но перья — это перебор. Впрочем, после того, как сама выбелила волосы и имплантировала татуировку плюща, клинками упирающегося в позвоночник, у нас наступила эстетическая размолвка. Временно-постоянная.

Помню, я сказала: «Никогда у меня не будет идиотских недокрыльев», а она ответила: «Лучше сдохнуть, чем быть крашеной блондинкой».

Когда-нибудь нам придётся искать компромисс.

1

К подвальной лестнице подходим одновременно. Грязь, мерзость запустения, в которой мы протоптали тропку. Скрещиваю на груди руки, чтобы не коснуться локтями покрытых плесенью осклизлых стен.

У меня бутылка красного вина и хлеб, у неё — два не слишком мощных фонаря китайского производства.

— Ой, я думала, что приду раньше...

— Только что пробило три. Не слышала?

Вместо ответа я подвожу минутную стрелку ручных часов к двенадцати. Фыркнув, левша-сестрёнка зеркально отображает мой жест. Конечно же, её часы тоже отстают... До сих пор непривычно.

— Тогда подожди, я хочу раскрошить...

— Пережёвывать не станешь?

Говорят, что можно выразить кили почтение, приближая пищу к э... готовой для проглатывания. Но это выше моих сил.

— Чистоплюйка...

— Сама-то не хочешь? — собственный голос кажется кощунственно-резким в ночной тишине.

Сестрёнка с достоинством отворачивается. Ждёт, в нарочитом нетерпении приотпывая ногой, а может насекомых отгоняет:

— Бутылку хоть открыла?

— Да.

Ну чего особенного в подвальной лестнице? У бабушки в детстве бывали? За картошкой спускались? Тогда знаете — буки не вылезут, пока люк открыт, пока в него светит солнышко... А теперь ночь. Мы специально ждём, чтобы ночь. Так что же получается — теперь мы сами буки? Или всё же не мы, а те, что в глубине подвала? За дверью, забитой досками и заваленной хламом после того, как на куски

разорвали прежних домовладельцев? За общение с б'уками-к'или... Завал разобран нами за четыре дня. И вот идём общаться. Таких «общительных» вешают, стреляют, бьют камнями... на куски разрывают. Оправданий не бывает. Попался — отвечай. А то, что первый раз, так это никого не интересует. Ну, разве что власти отобьют у разъярённой толпы... Но это вряд ли. Лучше поплакать после. И проще... В общем-то, разобрав дверь, мы уже перешли в стан сверчков... Поправка. Мы сделали это раньше. С нами сделали.

И теперь мы чужие. Даже здесь. Здесь особенно.

— Хватит болтать! — Нат больно бьёт фонариком по руке.

— Я говорила вслух?

— Да! Телепатии мне, блин, не хватает до полного счастья!

Каждая из нас считает себя настоящей. Я — потому что могу читать её мысли и ощущать чужие. Она — потому что и без чтения знает, что творится в моей голове, а на прочих плевать... Ну ничего, скоро разберёмся.

Перед нами дверь. Говорят, стучать можно как угодно. Главное — искреннее желание войти. Мы стучим. Вместе. Отдельно. Долго.

И дверь открывается. Внутрь, беззвучно. Граница между мирами... Вместо затхлости погреба — свежесть скошенной травы. И я впервые вижу к'или так близко...

2.1

А дом-то, похоже, действительно тот. Что-то всплывает в памяти... Но рассудочно всплывает, сердце молчит. Тот же камин, с которым Таша проела плешь... Вроде не перепутали с кучей других домов. Особенность нашей работы такова, что мы часто переезжаем. Раскрываем карту или раскручиваем глобус и пальчиком — тык! А уж точку выхода засечь — дело практики. Забавно, что к'или свои центральные пещеры размещают подальше от наших мегаполисов. Брезгуют, надо полагать. Под мегаполисами у них промышленные зоны. «Подпорки», как говорят люди. К'или понять можно, а людей не очень. Жить захочешь — подпирайся! Чистоплюи...

Таша говорила, что в основном мысли людей скверно пахнут. Дерьмо под глазурью. Но гармоничное, ибо действия соответствуют мыслям. Это я уже от себя добавляю. Сколько нас били или пытались ударить. Использовали или пытались использовать. Злословили же всегда. И ключевое слово здесь — безнаказанность.

— Безнаказанность...

— Ничего, ничего, — Таша почувствовала мою внутреннюю дрожь, прижалась губами ко лбу, — помни, прелесть прошлого в том, что оно прошлое. А сейчас, в эту минуту, мы невинны...

Верхний мир отверг нас так быстро, слишком быстро... А нижний посмаковал и предложил жизнь.

У сестры в руках бутылка вина и миска пережёванного хлеба. Подношение. Я взяла две модифицированные асфодели на длинных ножках. Они светили чуть ярче ночника, но больше не требовалось. Как показала практика, иначе глаза теряют чувствительность, а охота остроту.

Мы постучали, и дверь в мир чудовищ открылась. Здесь нам рады. Даже спустя столько лет кили для меня все на одно лицо. Сверчки с хвостами саламандры. Кто говорит, что они беззащитные, кто — что сама кровь у них ядовита и что только на вид они хилые. Сплетни. Тех, кто убивал кили тридцать лет назад, после радости первой встречи, едят или черви или склероз. Остались нам побасенки да собственный опыт. Я вот думаю порой, что интересно убить сверчка-переростка. Останавливает лишь, что тогда они перекроют доступ к своим городам и Таша́ сделает мою жизнь действительно невыносимой...

Я знаю, она до сих пор надеялась исправить наше существование. Мне же нравилось так жить. Да, можно сказать, что я идейная, продлеваю жизнь верхним ублюдкам за счёт нижних ублюдков, можно наоборот сказать, но себе-то, зачем врать? Я люблю убивать. Безнаказанно (много знаю об этом слове) и в своё удовольствие. Кили намекали, что не мы одни попали под Выброс, что есть ещё охотники-защитники, только нам они не встречались. Может, и врут сверчки. Да и не важно это. Важно, что все двуногие под землёй — мои жертвы... Номинально двуногие.

— Ты посмотри, как красиво... К такой красоте невозможно привыкнуть... — еле слышно шепчет сестра.

Наверное. Стволы перевернутых деревьев мерцающими голубым кронами упираются в белый пол, чистый до невозможности. Чёрные стены. Синие приземистые дома с яркими белыми, жёлтыми и розовыми окнами. Из крыш — те же деревья вверх корнями. Света для охоты достаточно. Пространства тоже. Корни только вверх переплетаются в непроходимую чащу. Но там жертвы можно не преследовать. Сами сдохнут. Разве что кили попросят достать и добить тех глупцов, которые влезут в паучьи гнезда. Кили, они жалостливые. Но тут я могу их понять. Мало радости неделями слушать вопли заживо поедаемых людей... Хотя, с другой стороны, чего же сами тогда не лезут, не убивают, не вырубают из паутины, не тащат на поверхность хоронить? Брезгуете — так слушайте! Давно бы так сказала... Таша́ разнюнитя.

Нет, я не могу быть такой, как она... Пожалуйста, я не могу.

1.1

Моя сестра пугает. И тем, кто она есть, действиями своими, поступками, и тем, чем она может оказаться. Когда я думаю, что Нат погружена в мысли, смотрю на неё подолгу... Потом, конечно, ловлю ответный взгляд и терплю, пока она изучает меня. Интересно, у настоящих сестёр так же? Берёт кто-то чёрное и белое, перемешивает,

ложечку встряхивает, облизывает, отворачивается за стаканом и, не глядя, зачерпывает. В плохие дни плохо перемешивает. В хорошие — хорошо. Ну и от недосыпа там, с перепою. Или солнце в глаз бьёт, слепит. Нас не равномерно перемешали. Зато вровень наполнили, и ничего больше уже не влезает. Совсем ничего, ни капельки. Мне вот белое досталось... Или должно было достаться, и не было ничего чёрного, а пришло оно из Выброса, после «разделения»? Может и так, конечно. По крайней мере, это лёгкая, приятная мысль. Есть мысль менее приятная. Что всё это наше, общее. И есть мысль совсем не приятная. Что на самом деле чёрное — это моё, а белое от Выброса, извне.

Я горжусь своей сестрой. Она смелая, сильная и благородная. Когда Выброс ослепительной голубой вспышкой прошёл через наш дом, разворотил стены, убил маму и папу, а меня вдруг оказалось двое, в одинаковых пижамах с одинаковыми книжками про девочку Алису, одинаковым прошлым и одинаково перепуганных настоящим, к спасателям вышла она. Вторая или первая я. «Одиннадцатилетняя выжившая» — заголовок почему-то набрали готическим шрифтом. Имя стояло наше. А вот фотография её. Я же забилась за остывший, а ещё вчера такой тёплый камин, и старалась скулить не громко. Мне было страшно и обидно, так обидно! Я же говорила, что слышу, как скрипит наш дом, словно кто-то ходит по нему, с самого вечера говорила, много вечеров говорила, и что под полом кто-то царапается, а мне не поверили! И умерли, бросили меня! Бросили нас...

Только вот никто не узнал о «нас». О том, что мы сами назвали «разделением». Мы ушли тут же, не сговариваясь. Как-то сразу приняли, что теперь нас двое, без испуга и удивления. Да и не было тогда на это времени... Сестра сказала женщине из приюта, что заберёт из спальни куклу, а вместо этого мы вылезли в окно. Я захватила одеяло, сестра — шоколад. Как выяснилось, этого достаточно, чтобы начать новую жизнь. Лучше так, чем быть запертыми в лаборатории «ради нашего блага».

Мы шли, стараясь не задерживаться даже в деревушках, даже у добрых людей. Если кто спрашивал — говорили, что родителей забрали кили в «подпорки», иногда нас жалели. Теперь, конечно, не жалеют, шесть лет прошло, не маленькие... А города и вовсе обходили стороной... Беспорядков тогда много было. Дома жгли, людей убивали, к кили рыли подкопы... Зато на необработанных полях оставалась еда. Это очень важно, когда всегда голодна. Внимание на нас обращали редко, но уж если обращали, то приходилось убегать. Помню, как впервые моя сестра убила, помню улыбку на её лице... И как с этого момента мы стали меньше бояться людей... И убегать теперь не спешим.

С добрыми людьми говорю я. С неприятными разбирается она.

Я ищу ответы на вопросы. Она не возражает. И вот мы здесь... Сведения, собранные по крупнице, намёки, сплетни, они привели

в заброшенный дом на окраине деревни. С вином, хлебом и двумя ненадѣжными фонариками.

Не знаю, чего боюсь больше — узнать, что такое Выброс, что случилось с нами, или не узнать. Не уверена, что хочу, чтобы я или Нат исчезли... Мы как зеркало. Как отражения в зеркале. Как единое целое. И никто из нас не желает знать своего места...

А ещё я ей завидую. Потому что она живѣт просто, не пытается докопаться до смысла всего произошедшего.

И когда она твёрдо, глядя кѣли в глаза, требует рассказать, что такое Выброс, почему мы стали такими и можно ли это исправить, я помню — всё ради меня. Это мне нужно, но я бы до сих пор скулила за камином, вспоминая ушедшее тепло... Знаю, она любит убивать. Не может без этого, как я без своих вопросов. Но раз она терпит мои недостатки и привычки, то я терплю её. И безобидный, но громкий сумасшедший, поющий вчера под окнами дома, тот, чья кровь потом так плохо оттиралась с порога, он всего лишь один из многих. Просто моя сестра так живѣт...

Кѣли смотрит на нас, и кажется, ничего объяснять не нужно. Потом молча берѣт хлеб и вино и пропускает в свой город. И мы идѣм.

Может, мы здесь свои?

2.2

Наш первый птенчик на сегодня вряд ли мститель-нарушитель. У тех, кто лишился близких и думал, что их забрали кѣли, кто долго выискивал лаз в один из подземных городов и пришѣл творить справедливость направо и налево, взгляд другой. Палка в руке тоже не доказательство: кто одержимый, тому и палка за оружие, а вот взгляд... Одежду я потом рассмотрела. Кружевные манжеты, ботфорты. Затем усики, бородку. А когда он вывалился из коридора прямо на маячок, Таша сделала «подсечку для лохов», и человек услужливо подставил мне горло. Забулькал, упал, и я милосердно не дала ему понять, что произошло... Кровь в свете перевѣрнутых деревьев не чѣрная даже — лиловая. И асфодели золотистыми светлячками отражаются...

— Правда, красиво? — спросила, вытирая нож.

Ах да, у нас же разное чувство прекрасного... Дѣрнула Таша рожки. Но она сильно и не волновалась. Издержки нашей работы — невинные жертвы. К ним привыкаешь.

Полуангел-полубесѣнок, моя сестрѣнка... Что сказал бы Фрейд по поводу её выбора?

— По поводу выбора...

— Ха!

Ну что ж, может, так и сказал бы.

Птенчиков вроде нынешнего первенца мы называли «провалившимися». Они не искали вход в город кѣли, но к беде своей нашли.

Пещеры, гроты, трещины и даже глубокие овраги — многие ведут сюда. И не важно, в каком веке, в какой год ты живёшь, здесь вечное «сейчас». Я так думаю, что у кили отсутствует понятие времени, поэтому и нет его вовсе. Нам при входе всегда надевают браслеты с отсчётом, а потом по ним же выпускают, и всегда в ту дверь, через которую пришли. Вывод — пространство неизменно. А со временем можно и поиграть. И то, которое мы проводим в нижнем мире, попросту не учитывается в верхнем. Вывод — мы живём долго. С первой нашей охоты прошло лет двадцать, но их можно делить надвое.

— Вот и открыт счёт новому кладбищу! Там-парам-пам-пам!

Таша не любит здесь разговаривать, не то, что петь. Нашла святылице. С одной стороны понятно — кили обычно молчат, между собой не разговаривают, с нами — редко, ну и нам помолчать вроде как уважение выказать. Меня же разжигает. Болтать. Хохотать. Петь. Кричать. Свистеть не умею, но здесь пытаюсь.

Зажигаю маячок на «выполнено» Потом вернёмся за телом.

Следующий след далеко. У «подпорок». Это хорошо. Нам там нравится.

1.2

Ответа мы не получаем. Ни в эту ночь, ни в последующие. Сверчки пропускают нас в город, не ограничивают перемещение, не гонят от домов. Наблюдают. Словно хотят что-то сказать, предложить, но сомневаются... Нат, не скрывая, изучает их. Я тоже честно пытаюсь. И ненавижу пытаюсь. Ведь сколько людей убили они за всё время, это же страшно представить! Ну, не убили, так забрали. И забирают. Закljučают в «подпорки». Нас учат, что это не мёртвые люди. Только перешли в другую стадию существования. Симбиоз с подземным деревом. Более того, они служат всем нам. Подобно мифическим Атлантам держат на плечах наш мир! Некоторые старики добровольно сходят вниз. Только вот я думаю — богатые как-то не стремятся стать героями мифа. Всё больше бедные.

Нат изучает, а я любуюсь. У кили, у мерзких кили, чудовищ и гигантских сверчков, у них необыкновенно красиво! Баюкающее глаз мерцание перевёрнутых крон праздничным салютом отражается в белых плитах, устилающих городские улицы, гладкие тонкие стволы восточным орнаментом поднимаются вверх, где сетка корней, поддерживающих свод, искрится подобно снежному насту... Не земля — небо. Нарисуй кили луну, так и не отличишь от настоящего. Да и что настоящее? Не так давно мы мнили себя единственно разумными на планете... А тут, оказывается, бескрайние поля, подмигивающие болотными огоньками. Не гнилушки — огни святого Эльма. Просторно и спокойно. Вокруг непонятные чужаки, а тишина не настораживает, умиротворяет. Дома кили напоминают цветы тюльпанов, изогнутых

у основания, с прорехами-окнами, излучающими ласковый, медовый свет. Как калейдоскоп или витражи... Кили вообще не чтут прямые линии. Всё изогнуто, но округло, удобно, уютно. Они же не строят — выращивают. Не отбирают — изменяют. Как навсегда изменили наше представление о мире...

Нелегко принять, что всё время делил дом с тихим, бессловесным и крайне непривлекательным соседом, причём сосед-то о тебе знал, а вот ты мог никогда не узнать, что глубоко под землёй живут кили, похожие на больших сверчков. И что там, под землёй, у них огромные города и обширные поля с деревьями-антиподами. Деревья выполняют роль подпорок, держат мир людей, что давно зиждется на пустотах... Но наш мир стал слишком тяжёл. И кили не справляются.

Чудовища всегда были. Не под кроватью, так под полом. Когда ночью мы слышим неясные шаги, это не всегда мыши. Когда скрип — это не всегда старое дерево... Чудовища пришли за помощью. И им, как и положено чудовищам, нужно утащить в подземные норы людей.

Потому что мощные деревья-«подпорки» могут существовать только в симбиозе с разумными существами. В симбиозе с млекопитающими дерево становится гораздо сильнее. И даже жаль, что симбиоз в данном случае — не паразитирование. Проще было бы...

2.3

По мере приближения к «подпоркам» лицо Таша принимало настолько блаженное выражение, что неприятно смотреть. Дурь на волосок от оргазма. У меня скорее всего такое же. Приходится следить друг за другом, чтобы не подойти близко к симбионтам. Она справа следит, я — слева. Потому что один объект паразитирования — хорошо, но два — лучше. Дерево утянет тебя в мягкую, тёплую, полную аромата свежих трав колыбель, навевает сладкие сны, убаюкает... Ты дома. Ты попала в утробу.

И я точно знаю, о чём говорю. Я чувствую потоки энергии, струящиеся по древесным венам. Не слабый ручеек, а полноводная река, и кора как плотина. Как последний рубеж. Восторг и страх одновременно. Завораживает.

Приходят воспоминания, и думаю в который раз о не случившемся. О том, что «было бы». Если бы нас не утянуло тогда в одно дерево, если бы мы меньше чувствовали друг друга, если бы не было во мне столько ярости, а в сестре искреннего восхищения... Нет, не врут о другом состоянии. Если и есть иной мир, то он внутри «подпорок». И я готова зубами загрызть тех, кто хочет разрушить их. Это вторая причина, почему я хожу сюда. Пусть впереди у нас длинная жизнь. Но потом, потом мы отдохнём внутри... И сами не захотим уходить.

Таша встала достаточно близко, чтобы «подпорка» ощутила её, беспокойно захлопала ветвями, налилась изнутри тёмно-синим... Наготове, если что. Вряд ли осознавая это, сестра в такт движениям симбионта распрямляла и складывала крылья.

— Послушай, ты не думала о Выбросе...

— Измышления считаются твоей прерогативой, — я потянулась рукой за клинками у позвоночника, но передумала. Маячок показывает наличие чужаков, людей, не симбионтов, но я их не чувствую. Может, глючит техника.

— Тогда послушай, что я теперь думаю о Выбросе... Вряд ли он был случайным. Думаю, что нас изучали. Долго. Помнишь звуки, из ночи в ночь наполняющие наш дом? Искали кого-то по вполне определенным параметрам, и мы подошли. И тогда — Выброс, папа и мама насмерть, а мы изгой, вынуждены бежать, потом прийти к ним, сюда... И много ли шансов, что мы откажемся от нового мира, ненужные старому?

Это резонно. Вслух не говорю, нет нужды. Тогда было жуткое время. Правительство отправляло вниз, в «подпорки», преступников, опустошая тюрьмы, а простые люди, в чьих семьях кто-то когда-то пропал, снаряжали карательные отряды бить сверчков... Никто не мог гарантировать кили безопасность. А сами они защититься не способны. Так отчего же не набрать наёмников? По параметрам, поневоле... Тем более, если верить нашим работодателям, мы не одни такие. Ага, здесь верим, здесь нет? А где нет? Нам не ввали. Нам не говорили правды — это большая разница.

— Предлагаешь бросить всё к их килиной матери и перевести стрелки на месь? Конечно, если ты думаешь правильно?

— Даже если я всё думаю правильно, кто знает, что было бы с ними. Со мной...

Добрая моя сестрёнка... Но всё-таки считает себя первой.

Подошла к ней, положила руку на плечо:

— А ведь где-то здесь мы скормили симбионтам людей, помнишь?

— С трудом. Я же напугалась до чёртиков, точнее до демонов... Забавно, да?

Иногда наше чувство прекрасного совпадает.

Тогда был первый и последний раз. Кили против, уж не знаю почему. Наверное, свои нормы морали, этики и прочей ерунды... Убить — пожалуйста, скормить — ни-ни.

Ну, мне это только на руку...

Наверное, мы всё же встали слишком близко. Для одного нормального расстояние, но два человеческих тела создали для «подпорки» слишком сильное искушение. И она раскрылась, выбросив ветки... Жадные, ждущие... Нет, не сейчас! Я отпрыгнула, выдернула из спины клинок, и увидела, как моя половинка делает шаг-шаг-шаг

всё быстрее-быстрее-быстрее, замахнулась обрубить тянущуюся к ней ветвь, почувствовала удар в грудь, боли не было, но пальцы окрасились лиловым, и запоздало увидела, как ярко горит маячок... Но я же не чувствую, никого не чувствую!

Кто здесь?

1.3

И вот я смотрю на «подпорки». Огромные, не обхватишь. Не то что декоративные деревья в городах. И почти в каждой скрыт человек. Теперь они сплетены едино, в одну систему. Выглядит совсем не страшно. Даже красиво — огромный перевёрнутый вверх тормашками лес. Спящий. Мерцающий. Дышащий.

И мы дышим в такт.

А что если Выброс — это эксперимент по дублированию людей? Надублируют побольше, чтобы всем «подпоркам» хватило, и не нужно будет просить помощи. А мы — подопытные мыши? И пустили нас сюда так просто, чтобы проверить, получился ли полноценный симбионт? И мы сами, как на убой!

В тревоге поворачиваюсь к сестре и ... улыбаюсь. Что я, в самом деле? Неважно это да и глупо

У меня возникает какое-то странное, неудержимое желание единения, и единение это незавершенное, я хочу ощутить его полностью, отдаться, забыв себя, почти кричу, когда чувствую прикосновение к руке искрящейся листвы, слышу, как сестра твердит моё имя, цепляется за меня в попытке остановить, но всё равно делаю шаг, падаю, взлетаю, погружаюсь и увлекаю её за собой, в дерево... И словно бы цветущий луг простирается вокруг, в темноте. Я узнаю его по свежему воздуху, цветочному запаху, прикосновению травинки к руке и теплу прогретой солнцем земли. Чувствую себя уютно, как в детстве, словно рядом мама и папа, и тихонько пляшут оранжевые феи в старом камине... Улыбаюсь и засыпаю, предвкушая лучший в мире сон...

Молчание.

Тишина.

Лёгкость.

Мгновение или вечность?

Я одна.

Меня много.

Нас двое.

Начинаю осознавать себя и чувствую отторжение. Здесь нет места для «я». Но так получилось, что мы вместе, мы были единым целым пусть вопреки нашей воле, но не отделимо и... неужели и здесь чужие, и здесь не нужны? Дерево отторгает меня подобно охладевшему любовнику, сопротивляюсь, и чем яростнее сопротивление, тем

понятнее — мне здесь не место. Здесь покой и тишина. Здесь умиротворение. Иначе мир не устоит...

«Подпорка» раскрывается, я падаю вперед, на колени, и едва осознаю (ну почему, почему мерцание вдруг такое яркое?) как мимо меня за другим, лучшим симбионтом тянется ветка дерева, вот-вот коснётся чужой руки, и обидно так, что слёзы на глазах. Всё для других — нега, цветущие луга и прекрасные сны. Почему?.. Пытаюсь встать, но чувствую на щеке движение воздуха от чего-то быстрого и блестящего, опять, теперь по собственному почину, падаю на землю, делаю кому-то подножку., как учила Нат...

— Вставай, Таша! Вставай!

Нат тянет за руку. В другой — нож с тёмным лезвием.

— Откуда у тебя нож?

— А нас что, обыскивали? — фыркает.

— Кто это был?

— Хрен их знает. Я крылья заметила.

— А я рога... Демоны!

Нервно смеёмся.

— Нат, их в наше дерево утащило?

— Ага, блин, в лично тобой посаженное... В разные вроде утянуло. Да быстро так... Я вообще не поняла, сколько их было... Вставай, Таша, пошли отсюда.

— Пошли. А куда?

— К кили! Теперь они должны нам хоть что-то объяснить.

Мы идём.

Я с правой ноги, она — с левой.

В новую, интересную жизнь. И не хотим знать, каков будет финал.

3

Мне так хорошо. Так спокойно. Я одна. Я всегда была одна. Руки мои — ветви. Ноги — листья. Я тянусь головой высоко-высоко, и мерцающее небо бьётся в такт моему сердцу. Ничего до. Ничего после. Никаких тайн...

Теперь ты там, где знают все, скажи:
Что в этом доме жило кроме нас?

А.А.А.

ВОТ ПРИДЁТ ЗЛОБНЫЙ ТРОЛЛЬ

— И когда он придёт?

— Дама, я вам русским языком только что объяснил, что сантехника у нас утром изъяли. Сегодня. Утром. Сейчас день. Вы спрашиваете, когда он придёт.

— У меня труба в туалете течёт. Та, которая от стояка отходит. И перекрыть я её не могу, она до перекрывающего крана течёт.

— Вы вообще русский язык понимаете? Сегодня утром нашего водопроводчика изъяли. Завтра пришлют другого. У нас уже несколько вызовов — поэтому завтра не обещаю, но через два-три дня обязательно будет.

Миска под трубой была полная. Надя выплеснула её в унитаз и вернула под мерное паданье капель.

Двое — по крайней мере — суток ей предстоит регулярно опорожнять эту миску.

И ночью тоже.

Надя прошла в комнату и взяла телефон.

— И что? — отреагировал Борис на её просьбу.

— И то. Будто не вы изымаете.

— Ну мы.

— Ну вот тебе и звоню.

— С какой целью интересуетесь, гражданка?

— Ой-ой, как официально! Он мой сантехник.

— Гы-гы!

— Чё ты ржёшь? Он наш дом обслуживает.

— Я здесь причём?

— Вы его изъяли.

— Если изъяли, значит было за что. Просто так не изымают.

— Да я знаю.

— Вот и хорошо.

— Что ж хорошего, если труба течёт?

— К твоей трубе отношения не имею. С некоторых пор.

— Я хочу узнать, по какому поводу его изъяли.

— Подобных справок не даём.

— Даёте! Я закон знаю. Любой гражданин имеет право знать причину изъятия и судьбу изъятых. В рамках обеспечения прозрачности работы органов и недопустимости злоупотреблений.

— Наизусть формулировочку выучила?

— Слушай, может сантехника нашего ... Всё равно в выходные суда не будет. Он бы мне успел эту самую трубу починить. Или заменить. А?

— Знаете что, гражданка Янушкевич, направьте запрос в официальном порядке.

И гудки.

— Ладно, — пробормотала она, наводя «выходной» макияж, — так просто я от тебя не отстану.

Времени было мало, пришлось остановить такси.

— А почему так дорого? — удивилась Надя, услышав предполагаемую плату.

Ещё месяц назад она за этот же маршрут платила в полтора раза меньше.

Таксист объяснил, что три недели назад Старый мост закрыли на снос. Пока вместо него не построят новый, приходится делать крюк.

— Что-то долго добиралась, — встретил её кривой усмешкой Борис.

— Старый мост закрыли.

— А, да.

— Ну, что?

— Ты о своём сантехнике?

— О нём.

— Голубой он.

— О, господи!

— Вот те и господи. Пассивный пидор.

— Кто б мог подумать...

— Есть на то специальные люди. Подумали, выявили и изъяли из общества чуждый этому обществу элемент. Ты, кстати, ничего такого за ним не наблюдала?

— Да нет, ничего такого... Вежливый молодой человек. Работал аккуратно.

— И мы его аккуратно изъяли. Доказательства неоспоримые. Так что ни о каких выходных речи не идёт. Там у тебя течёт сильно?

— Капает.

— Поставь миску.

— Поставила.

— Ну и хорошо.

— Что ж хорошего? — взвилась Надя. — Мне же при этой миске все выходные безвылазно сидеть!

— А что тебе ещё делать? — прищурился Борис.

Подойдя к дому, Надя подняла глаза на окна своей квартиры. Они встречали её холодной темнотой.

С марта, когда Надя выгнала Бориса, там некому было зажечь к её приходу тёплый свет.

С марта... «Да уж, повёл себя, как мартовский кот», — вспомнила она в утешение причину-повод отставки своего бывшего.

И тут Надя увидела кота.

«Чё, бродячего кота не видела? Бывает, жизнь не сложилась», — потёрся он об угол подъезда.

«И он один», — подумала Надя.

«К примеру, могла бы и к себе взять, — потёрся кот ещё раз, уже подольше. — Если желаешь иметь рядом тонкую и любящую душу».

— Ну, если хочешь, пошли, — открыла Надя дверь подъезда.

«Только кормить регулярно и периодически выпускать, я скажу когда», — поднял хвост кот. После чего первым шмыгнул внутрь.

В квартиру он тоже проник впереди хозяйки, но квартира встретила его не гостеприимно.

«Однако, у тебя тут...», — безразлично отряхнул он лапу, неосторожно вступив в лужу, набежавшую из туалета.

Вода растеклась почти по всему коридору, вероятно — от входной двери не было видно — уже перелилась в кухню и в данный момент подбиралась к комнате. Где лежал ковёр.

Кот, увидев творящееся в прихожей, мгновенно гигантским прыжком скакнул в комнату, сиганув там на любимое кресло хозяйки.

Надя оценила обстановку: кухня залита, комната ещё нет. Быстро метнулась на кухню за тряпкой, бросила её преградой на порог комнаты, затем — в туалет, выплеснуть миску и подставить её пустой под мерную череду капель.

Как быстро-то натекло! Надо было и обратно такси брать...

Спустя полчаса, когда Надя закончила, кот подошёл и потёрся о её ноги: «Хозяйка, пора бы уже и перекусить, ты как?».

Пока кот ел, Надя размышляла над дилеммой: самой пойти или ждать, когда соседи снизу поднимутся разбираться. Потому что протечь у них должно было конкретно. Судя по площади затопления в её квартире, уровню стоявшей воды и приблизительному времени продолжения всего этого.

Под ней жила пара симпатичных тихих старичков. Они вообще могли постесняться прийти за разъяснениями и компенсацией. Наде стало их жалко.

Но на дверной звонок никто не ответил.

Она позвонила ещё раз.

Молчание.

То-то она старичков давно уже не видела. Может, к детям-внукам погостить уехали. Вот их сюрприз по возвращении ожидает...

Надя горько усмехнулась.

Именно в этот момент дверь внезапно открылась.

Надя со своей усмешкой, забыв согнать её с лица, так и застыла. Потому что в дверном проёме стоял вовсе не один из её стариков-соседей, а высокий мускулистый мужчина с орлиным носом и античными чертами ослепительного лица. Которому орлиный нос, несмотря на свою выдающуюся, очень шёл.

— Здравь-с-те... — по-прежнему дебильно улыбаясь, ляпнула Надя.

— Добрый вечер, — ответил античный носатый и быстро взглянул за Надю, словно ожидая кого-то увидеть за её спиной.

Надя, автоматически среагировав на этот взгляд, обернулась и тоже посмотрела — кто это у неё там.

Открывший дверь носатый антиквопросительно посмотрел на Надю.

Надя вопросительно посмотрела на него.

И лишь через секунду до неё дошло, что, вообще-то, носатый имеет больше прав на вопрошание — она же к нему пришла, а не он к ней. Надо как-то обозначить причину визита.

— А где бабуля с дедулей?

«Вот дура-то!» — ужаснулась в уме Надя.

— Я — сверху, — поспешила объяснить она. — Это я вас залила.

Мужчина вдруг протянул руку, приобнял Надю за талию — очень как-то ловко и уверенно у него это получилось — и вовлёк молодую женщину в переднюю, после чего, быстро выглянул на лестничную площадку, так же быстро отшатнулся обратно и закрыл дверь.

— Извините, — сказал он Наде.

— Вообще-то, это я вас залила, — напонила ему та.

— Да-да, это очень прискорбно.

Мужчина глянул вверх. Потолок являл собой большое мокрое пятно, спускающееся потёками по стенам.

— Нифига себе! — вырвалось у Нади.

Мужчина грустно кивнул, соглашаясь.

— У меня труба потекла.

— Надо вызвать сантехника.

— Вызывала. Но его изъяли.

Наде показалось, что мужчина вздрогнул.

— Они обязаны прислать другого, — сказал он.

— Обещали, — подтвердила Надя. — После выходных.

— Прискорбно, — сказал мужчина.

«Всё-то у него прискорбно, — подумала Надя. — Ну ладно, извинилась, пора и линять».

— Хотите кофе? — вдруг спросил носатый.

«Ещё чего, — подумала Надя, — на ночь глядя у него кофе пить!».

— Хочу, — неожиданно для себя ответила она.

— Пошли, — сказал он и первым направился на кухню.

«Вообще-то, моих лет. Может старше, но не намного», — подумала Надя, идя следом и размышляя, как ей среагировать на это его второе лицо в обращении.

Тот словно прочёл её мысли:

— Или «на ты» нельзя? Меня Арик зовут.

И отодвинул для неё стул у стола, предлагая сесть.

— Надя. Можно.

Непонятно почему, но Надя чувствовала себя легко и просто. Быстрым женским взглядом она оценила обстановку — холостяк.

— Здесь, вроде, старички жили.

Арик быстро и сноровисто управлялся с небольшой кофемашинкой.

— Я у них квартиру купил. Недавно.

Вкусно запахло хорошим кофе.

Арик умел не только кофе заваривать — разговор шёл легко и непринуждённо, Надя чувствовала себя всё более уютно. И нос вовсе не портил лицо Арика, наоборот, придавал ему странное, притягательное очарование.

— Надь, — спросил Арик, — а твоя труба по-прежнему течёт?

— Господи! — вскочила она. — Вот я дура, миска-то, должно быть, опять перелилась.

— Стой! — остановил её Арик.

Он вышел из кухни, чем-то громохнул за стенкой и вернулся с небольшим чемоданчиком в руках:

— Пошли.

Надя сидела в комнате на диване — кот был решительно против, чтобы она занимала его кресло — и слушала возню Арика в туалете.

«Ну чё, — периодически приоткрывал глаз нежащийся напротив в кресле кот, — нормальный мужичка, ты молодец!».

— Я там резиновую прокладку хомутом зажал, — возник на пороге комнаты Арик, вытирая руки тряпкой. — Больше меня заливать не будешь. Некоторое время.

— Некоторое? — привстала ему навстречу Надя.

Арик нежно вернул её назад на диван и наклонился, нависнув сверху:

— Достаточное до замены.

«Ну, ладно-ладно, — мягко спрыгнул с кресла кот, — нешто не понимаю...». И, подняв хвост, вышел из комнаты.

Уже утром Надя, глядя сбоку на чёткий профиль Арика с фоном из светлеющего неба за окном, тихо, собственно — про себя, пропела: «...вот придёт злобный тролль... ла-ла...».

И почувствовала, как напрягся Арик:

— Ты чего?

— Пою. В детстве мне бабушка её часто пела...

Дверь в комнату шевельнулась. «Вы тут с вечера трахаетесь, вам-то что, — потёрся о створку, заглянув из прихожей, кот, — а я всю ночь голодал. Завтрак когда?». И застыл на пороге, обиженный отсутствием к себе внимания.

Надя откинулась на спину:

— Слова только не помню. Что-то о том, что, если будешь плохой девочкой, то придёт злобный тролль и... ла-ла-ла.. в общем, тебя съест. Ла-ла.

— Хм, — косо взглянул на неё Арик, — съест, значит, когда придёт...

И тут во входную дверь оттуда, снаружи, вставили ключ и с громким щелчком повернули.

— Есть кто? — голос Бориса.

Надя вскочила, тут же чуть не упав, запутавшись в сползшей простыне, не сразу нашла халатик и не успела его запахнуть.

— Опа! — среагировал на сё мелькнувшее голое тело заглянувший из прихожей Борис.

Надя запахнула спереди халатик и с силой перетянула поясок.

— А это кто такой? — теперь Борис среагировал на сидевшего кота.

— Так, — мгновенно помрачнел он, увидев среди беспорядка растеленной на раздвинутом диване постели Арика.

«Второй, что ли? — отошёл к стене кот. — Вообще-то их по времени лучше разводить. Накладка, однако».

Надя вышла в прихожую, демонстративно закрыв за собой дверь:

— Пошли на кухню.

— У тебя что, ключи остались?! — накинулась она там на Бориса.

— Да ты их у меня и не забирала.

— Так сейчас забираю. Давай сюда!

— Я вообще-то трубу починить пришёл, — Борис протянул ей ключи. — Двое суток выходных всё-таки...

— Починили уже.

— Да я вижу...

В кухню заглянул Арик:

— Надя, я пойду.

Он был не только одет, но и даже свой чемоданчик держал в руке.

Борис резко повернулся к Арику и, не давая уйти, протянул руку:

— Борис.

Арик, неуловимо помедлив, замкнул рукопожатие:

— Арик.

— Мой сосед снизу, — добавила Надя.

«Блин, ну и положеньице... — подумала она. — И, спрашивается, чего припёрся?!».

— Необычное имя.

— Армянское.

— Приятно, что у Надежды такие отзывчивые соседи.

Борис внимательно смотрел на Арика.

Тот, наконец, высвободил руку:

— Я пошёл.

Борис проводил Арика взглядом, и, как только хлопнула входная дверь, резко обернулся к Наде:

— Ну что, допрыгалась?! —

— Уж кто прыгает! А я свободная женщина — с кем хочу, с тем сплю, тебя не спросила!

— Да я не о том! Ты что, ничего не заметила?

— Что я должна была заметить? — спросила она, опешив.

Борис пристально посмотрел на Надю и его взгляд стал грустным. Он отвёл его, нахмурился и, встряхивая воображаемые пылинки с холодильника, рядом с которым стоял, тихим голосом произнёс:

— Надя, это же тролль.

Надя медленно опустилась на табуретку.

— Как тролль...

Борис вновь посмотрел на неё:

— Уши. Он длинные волосы носит, но ты наверняка имела возможность разглядеть.

Взгляд Нади остановился и затуманился.

— Не до этого было... — прошептала она.

Борис крикнул.

В углах глаз Нади появились две капли.

Борис крикнул ещё раз:

— Не реви. Не поможет.

— Но откуда здесь тролль? — вдруг почти выкрикнула Надя. — Вы же последнего изьяли ещё три года назад. Я помню, тогда по телевизору говорили.

— Это мостовой, — объяснил Борис. — Они осторожные. Мы о нём узнали только когда мост стали рушить. До постройки нового ему нужно было где-то пересидеть. Мы ещё думали — где именно? А вот оно что...

Он вынул мобильник.

Надя вдруг сорвалась со своей табуретки, бросилась к Борису и схватила его за руку, не давая набрать номер:

— Боря, не звони!

Она опустилась перед ним на колени, безуспешно пытаясь отобрать трубку:

— Боря, Боречка, не звони! Ну пожалуйста... ну пусть... не надо. Ну... ну хочешь...

Она сделала движение в сторону комнаты.

Борис вскочил:

— Дура!

Он силой вырвался из её цепляющихся рук и отступил назад.

— Дура, что это изменит? Он что, в безлюдной пустыне? Да не сегодня-завтра нам о нём кто-нибудь из соседей донесёт. Ты что, думаешь, мы твоего сантехника сами выслеживали? Хрен! Твоя соседка стукнула: смазливый, мол, очень, проверьте. И так со всеми. Попробуй одеться не так, как все — тут же нам сигнал: что-то подозрительно. И проверяем. Единообразие — великая сила! Только единообразное общество может быть сильным и стабильным. И самоподдерживающим своё единообразие.

— Ну, пожалуйста!

Слёзы текли из глаз Нади, она, по-прежнему стоя на коленях, смахивала их тыльной стороной руки.

— Дура, пойми, да не жилец он тут!

— Ну, пожалуйста!

Борис в сердцах плюнул и выскочил из кухни в коридор. Хлопнула входная дверь.

«Пропал завтрак», — обречённо лизнул себя кот.

Несколько минут Надя продолжала стоять на коленях, всхлипывая и тихонько подвывая.

Потом вскочила и кинулась к входной двери, распахнула её и, как была — в халатике — побежала по лестнице вниз.

Арик всё не открывал.

Она жала и жала на звонок.

Наконец дверь открылась.

— Что с тобой?! — ужаснулась Надя. Лицо у Арика было в тёмно-красных пятнах. Тролль чуть не упал на Надю. Она, надрываясь, затащила его в комнату и взгромодила на кровать. Он весь горел.

— Арик, Арик, — шептала Надя, — что случилось... господи, любимый мой... что случилось... нам уезжать надо...

— Не знаю, — с трудом ответил Арик.

И закрыл глаза.

Он умер к вечеру.

На следующий день в квартире Нади раздался телефонный звонок.

— Это я, — сказал в трубке Борис.

— Ну?

— Бартонелла хенселе.

— Что?

— Микроб такой. Вызывает болезнь кошачьей царапины.

— Какой царапины?

— Болезнь так называется. Потому что от кошек передаётся. Микроб этот у них во рту содержится. Эксперт наш сказал, что это ихняя нормальная микрофлора такая. Для человека почти не опасна — иммунитет у нас к этому микробу. А вот у тролля твоего... Нет, как оказалось, у троллей к этой бартонелле никакого иммунитета. Интересное, кстати, явление. Можно его использовать... Ну, да ладно. Вот так.

Он замолчал.

— Спасибо, — сказала Надя и положила трубку.

Слёзы вновь потекли, она молча — без всхлипываний — утирала, а они всё текли и текли.

«Что ж тут поделать, — осторожно ткнулась шёрсткой в её ногу кошачья голова и моргнула большими глазами, — мы же не специально их разводим. Они просто живут с нами. Такая се ля ви».

Надя встала и, продолжая утирать слёзы рукой, пошла на кухню кормить кота.

ДОМ ДЛЯ ЧЕБУРАШКИ

— Вот боюсь я, Димкус...

— А?

— Как бы еще лапти плести не пришлось, — Егорыч нахмурился, скатал в рулончик клавиатуру, задумчиво покрутил между ладонями.

— А?

— Да отвлекись ты уже от сети. Как дитя малое. Допустили к свободному интернету, теперь за уши не оттащить... чего ищешь-то?

— Кого, — поправил Димка, не отрывая взгляд от монитора.

— А... Или вот еще, — Егорыч вздохнул, задумчиво подпер клавиатурой подбородок. — Гусли, частушки или того хуже — балалайка.

— Это что?

— Я, в общем, сам не отчетливо понимаю, — смущенно признался Егорыч. — Но заранее сомневаюсь. Или вот медведь. Надо, чтоб по улицам ходил.

— С балалайкой?

— Я, в общем, не отчетливо понимаю. Но, знаешь, не исключено, — Егорыч еще больше погрузнел.

— Это, кстати, запросто. Где-то я только что... — Димка повозил пальцем по монитору, перебирая разноцветные окошки. — А, во. «Проектирование домашних питомцев. Выращивание детей для любящих семейных пар и триад с включением частей геномов заказчиков. Любые ваши самые безумные фантазии». Так что, хочешь — медведя с балалайкой, хочешь — говорящего крокодила. Еще они документы оформляют. Свидетельства о рождении, гражданство, страховки...

— Гражданство? Крокодилу?

— Говорящему — запросто. Ты, Егорыч, в своем лесу одичал совсем. Вот, глянь, тут в новостях.

Егорыч заинтересованно склонился над монитором. Зашевелил губами:

— «Поп-дива Анжелика Мурр оставила состояние кото-мальчику Тимоти. Пока нет возможности завершить юридические формальности — расстроенный исчезновением своей полу-матери, кото-мальчик отказался разговаривать и искусал нотариуса. Нотариусу наложили семь швов и предъявили иск о моральной компенсации за неуважение особенностей психики представителя видо-меньшинства». Опа! И чего я не крокодил?..

* * *

Сегодня во дворе опять убивали влюбленных.

Настя плотно закрыла окна, задвинула дрожащими руками шторы, стараясь не смотреть. Но взгляд все равно соскользнул, и в узком столбе света между смыкающихся тяжелых портьер зацепил

неподвижно замершую посреди двора парочку. Маленькие хрупкие фигурки на свободном пятачке в центре плотной, покачивающейся толпы. Стоят, держась друг за друга, будто на крохотном островке среди океана. Знают, что уже не спастись, что сейчас накроет волной, протащит по камням, разорвет в клочья клыками прибрежных скал и швырнет кровавые обрывки в море...

Но пока еще стоят, крепко сплетя теплые пальцы и взгляды, баюкают последние капли своей жизни, одной на двоих. Жизни, которая могла бы быть долгой и счастливой, озаренной смехом детей и внуков. Чудесная длинная дорога, которую они могли бы пройти вдвоем, поддерживая и оберегая друг друга...

Настя застонала. Слезы выжигали глаза, от отчаяния и сдерживаемого крика заболело в груди. Слепо, спотыкаясь, и отталкиваясь от стен, выбралась в коридор. Захлопнула комнатную дверь. Сползла на пол, зажимая ладонями уши. Только бы не слышать, как они будут кричать.

Настя вспомнила, как страшно кричали те, другие, два месяца назад.

Ей показалось, что зазубренные ножи вонзились в уши, глаза и сердце. Врезались в тело, заживо разрывая в клочья. Как разрывало тех, которые корчились под ударами камней, продолжая отчаянно цепляться друг за друга окровавленными пальцами.

Их ладони, по-прежнему сжатые вместе, так и остались снаружи. И когда тела уже скрылись под грудой камней, тонкая рука женщины еще некоторое время вздрагивала, стискивая запястье мужчины. Будто умоляла — подожди, не уходи без меня. Подожди.

Тогда Настя кричала вместе с ними. Потому что ей казалось, что ее тоже забивают насмерть. Плотная толпа, сквозь которую она пыталась прорваться, была как груда камней. И не было вокруг ни одной живой теплой руки. Ни одного лица. Только жесткие серые камни.

А потом кто-то ловко и больно вывернул ей локоть, вытащил из толпы, втолкнул в темный подъезд. Зашептал успокаивающе:

— Тш-ш, тш-ш...

Насте вдруг почудилось на секунду, что это Индеец.

Что он искал ее все это время, и вот сейчас, когда стало невыносимо, когда она совсем заблудилась в темном каменном кошмаре, наконец, нашел.

И теперь все будет хорошо, потому что он возьмет ее за руку, и выведет к дому, который она сама никак не может отыскать...

Настя обмякла в сильных руках и зарыдала, уткнувшись в жесткое плечо.

Но оказалось, что это не Индеец, а участковый Муса.

— Вай, — сказал он, — такой красивый девушка, а скандал устроила. Нехорошо. А? Зачем в полицию звонишь, людей зря от службы отрываешь?

Теперь Настя знала, что во двор сейчас выходить нельзя. И в полицию звонить не нужно. Надо просто переждать — вот здесь, в прихожей, плотно закрыв окна и двери, чтобы не слышать криков. А потом пойти на работу и поторопиться, чтобы не сильно опоздать. Если бы она знала, надо было бы просто выйти из дома раньше. Если бы знала... Настя всхлипнула, ужаснувшись от этой мысли, и зарыдала сильнее, захлебываясь слезами, отчаянием, гневом и бессилием...

* * *

От звука дверного звонка ее будто ударило током.

«Индеец», — подумала Настя. Вскочила, покачнувшись. Из-за слез все плыло перед глазами.

Она часто представляла, как Индеец приходит за ней. Повзрослевший, но все равно прежний. Высокий, тощий, в старых стоптанных кроссовках, вытертых джинсах и брезентовой куртке. Улыбается, широко и открыто, как всегда, откидывает со лба длинную светлую челку. Говорит укоризненно: «Ну, ты и забралась, Настюха. Еще бы в берлогу залезла. Пойдем домой?»

И Настя с визгом кидается к нему, повисает на шее. Кожа и волосы Индейца пахнут сосновой хвоей и дымом костра, как всегда. Дальше Настина фантазия заканчивалась, представляя обрывочно, как они идут вместе с Индейцем почему-то через ночной лес, а вокруг в темноте ворочаются и рычат невидимые страшные чудовища. Но рядом с Индейцем это все совершенно не страшно, потому что его теплая рука крепко держит Настину ладошку и ни за что теперь не отпустит.

А потом ночь светлела, и дорога выворачивала к дому.

— Где же ты так заблудилась, горюшко, — причитала мама, укутывая Настю в теплое одеяло, придвигая поближе чашку чая и яблочный душистый пирог...

Это была любимая Настина мечта. Благодаря ей Настя пережила некоторые особенно паршивые дни в Доме социальных сирот. Когда становилось совсем худо, пряталась куда-нибудь в безлюдное место, и представляла, что вот сейчас открывается дверь и входит Индеец...

Сейчас, когда появилось свое жилье, больше не нужно было прятаться и придумывать несуществующую дверь. Когда становилось невыносимо, Настя просто садилась в прихожей и представляла, как сейчас в квартиру входит Индеец...

...Джамила метнула на зареванное лицо Насти неодобрительный быстрый взгляд, подтолкнула девушку внутрь квартиры, защелкнула замок. Сказала совершенно обычным спокойным голосом:

— Не завтракала, да? Я тебе горячую долму принесла, сейчас вместе кушать будем.

Подхватила Настю за локоть, повела на кухню, усадила за стол. Деловито и безошибочно, будто видела сквозь дверцы или уже открывала их не раз, извлекла из шкафчиков тарелки, чашки, вилки, пузатый фарфоровый чайник, упаковку чая. Развернула свертки, которые принесла с собой.

От горячей долмы тянуло душистым ароматом тушеной баранины, чеснока и кинзы.

— Кушай, — велела Джамиля, вкладывая вилку в безвольные Настины пальцы. — Тощая, как кошка, никто замуж не возьмет.

Придвинула поближе тарелку, повернулась к окну, резким движением раздернула шторы.

— Закрой, — тихо попросила Настя.

Джамиля не услышала, присела напротив, уставилась на собеседницу задумчивыми черными глазами. Улыбнулась — скупой дернула краешками тонких губ.

— Понравится, научу, как делать. Простой рецепт, только мясо хорошее надо.

— Закрой шторы, — повторила Настя. От запаха долмы ее мутило.

Джамиля не шевельнулась.

— Закрой, пожалуйста...

Сил и мужества подняться, повернуться к окну и задернуть шторы самой, у Насти не было.

— Нет, — губы Джамили дернулись, скупая улыбка исчезла.

— Почему?

— Еще для долмы виноградный лист надо. В вашем климате плохо растет. Я тебя научу, где взять.

— Почему?!

Джамиля поднялась, включила чайник. Сказала, не поворачиваясь, раздраженно дернув худым плечом:

— Люди в закрытые окна посмотрят, подумают, ты не уважаешь наши традиции.

— Я не уважаю, — глухо ответила Настя.

— Совсем не слышу, что ты сейчас говоришь, Настя, — Джамиля опять передернула узкой спиной в черном платье — как кошка отряхнулась. Громко застучала ложкой, выкладывая в блюде варенье.

— Я не уважаю традиции, в которых убивают людей, — тихо сказала Настя, — и мне все равно, чьи это традиции.

— Настя, — Джамиля обернулась. Села напротив. Одним пальцем, не то брезгливо, не то опасливо, тронула белый браслет на Настином запястье: — ты совсем не боишься свой ошейник?

— Это просто индикатор, — пожала плечами Настя, задвигая браслет под рукав.

— И что?

— Ну, он же ничего не записывает и не передает, — смутилась под насмешливым взглядом Джамили. Уточнила: — ну так говорят. Гражданский индекс меняют из-за внешних сигналов. Аттестация на работе. Или если кто-то позвонит и пожалуется...

— Настя, — усмехнулась Джамиля. — У вас этот индекс очень важно, да? Из чего он делается?

— Уважать чужие традиции и особенности, — вздохнула Настя, цитируя определение из методички современного гражданина. — Не препятствовать. Не демонстрировать неуважение.

— Не препятствуешь? Правильно. Сегодня дома сидишь, на людей не кидаешься. Теперь не демонстрируй неуважение. Шторы не закрывай, поняла? Настя, — Джамиля вздохнула, заглянула с сочувствием в лицо. — Ты хорошая, но не очень умная. У нас свои традиции, у вас — свои, — она ткнула пальцем в Настин браслет. — Вот и уважай, что есть.

* * *

На работу Настя, конечно, опоздала.

Верочка уже сидела на месте, закинув ноги на соседний стул, неторопливо листала на компьютере какой-то форум с розовыми сердечками на страницах. Спросила, не оборачиваясь, начальственным насмешливым голосом:

— Опять опаздываем, Соловьева?

Хотя, в основном, опаздывала как раз сама Верочка.

— Привет, Вера, — вздохнула Настя.

— Не Вера, — строго ответила та. — А Виерра.

И повернулась.

Настя ошеломленно застыла.

За выходные Верочкино лицо изменилось до неузнаваемости. Серые глаза сменили цвет на ярко-зеленый, серебряная цепочка пересекала побледневший лоб, острые кончики ушей торчали из-за подколотых на висках волос.

— Что уставилась? — спросила Верочка, усмехаясь тонкими алыми губами. — Не одобряешь? Да, такие, как ты, нас не понимают...

Она отвернулась обратно к монитору, но недостаточно быстро — Настя успела заметить на ее лице довольную улыбку, совершенно неподходящую к трагичному голосу...

— Тебя, кстати, начальство вызывало, — сообщила Верочка, опять углубляясь в розовые сердечки оставленного форума.

* * *

Когда Настя переступила порог кабинета Игоря Мариновича, индикатор на ее руке пискнул и замигал красным. Настя вздрогнула, торопливо натянула ниже рукав свитера. Кто-то из соседей

все-таки позвонил? Или на работе где-то скрытая камера? Хотя чего такого было в разговоре с Верочкой?...

— Анастасия... — Игорь Маринович отвел взгляд от монитора, посмотрел на Настю влажными карими глазами. Улыбнулся. — Вы так миленько выглядите сегодня.

Вздохнул. Поднялся из-за стола, одернул юбку, прошелся задумчиво от одной стены до другой, поглядывая то в окно, то на Настю.

— Анастасия, — снова вздохнул шеф. — Такая ситуация...

Настя похолодела. Подумала испуганно: «Он же не может меня уволить? За что?»

Если уволит, можно забыть о мечте переехать в другой район. Даже за теперешнюю квартирку, предоставленную домом Социальных Сирот, отложенных денег хватит только на следующий месяц...

— Как вы знаете, Анастасия... Или не знаете? Наш главбух увольняется. Со следующей недели.

Теперь Насте стало жарко. «Главбух! Я? Ну а кто еще? Верочка-стажерка, которая месяц работает и дебет с кредитом путает?»

— К сожалению, на рынке труда сейчас толковых бухгалтеров не найти...

Настя улыбнулась. С окладом главбуха можно сегодня же начинать искать другое жилье!

— Поэтому со следующей недели вашим новым начальником будет Ве... э... Виерра Элиовна.

— Что?

— Понимаю, — вздохнул шеф. — Ве... Виерра — молодой сотрудник, опыта немного, ей будет нелегко... но ведь вы окажете содействие, э, как бы помочь?

— Конечно, — растеряно пробормотала Настя.

— Вот и чудненько, — улыбнулся Игорь Маринович, — я знал, что на вас, Анастасия, можно положиться.

* * *

К вечеру пошел дождь. Мелкий и нудный.

Настя брела по улице, не замечая луж. Раздвигала зонтиком мутные дождевые занавески, за которыми таяли силуэты прохожих, машин и домов. Думала — вот бы отвести в сторону эту мокрую городскую серость, и шагнуть из сегодняшнего дождя в другой мир. В летний светлый вечер, в запах цветущих яблонь и маминых пирогов. Пройти вдоль дома, заглянуть осторожно в окно — чтобы не заметила мама и не позвала ужинать. Пробежать через сад по сугробам бело-розовых душистых лепестков, спуститься по узкой тропинке к реке, где сидит в ивовых кустах Индеец с удочкой, отмахиваясь от злых весенних комаров...

* * *

— Ой, это что там?

— Где? — досадливым шепотом переспросил Индеец, не оборачиваясь. Поплавок чуть вздрагивал, дразнясь, но под воду не уходил.

— В камышах. Ворочается. Большое. Слышишь?

— Крокодил, — уверенно сказал Индеец.

— Правда? — удивилась Настя. Ей было всего пять, и по части знаний об окружающем мире десятилетний Индеец казался непрекращаемым авторитетом.

— Сто пудов, — подтвердил авторитет.

— Ой, — испугалась девочка. Сто пудов — это было ужас как много, а если крокодил таких габаритов сидит в соседних камышах...

— Может, они здесь не водятся? — на всякий случай тоже шепотом, чтобы не раздражить чудовище, спросила она.

— Еще как. Трехголовые. И говорящие.

— Змей Горынычи?

Настя немедленно припомнила вчерашнюю сказку и испугалась еще больше.

— Боишься? — Индеец снисходительно и почему-то смущенно покосился на девочку. — Да, ладно, не бойся. Я тебя спасу, если чего.

— От крокодила? — восхитилась Настя.

— От него тоже, — махнул рукой мальчик, прихлопнул на лбу комара, и снова взялся за удочку.

Настя на всякий случай придвинулась к нему поближе, почему-то сразу и без сомнений поверив в обещание ее защитить.

Он защищал.

От соседского злющего пса, который однажды сорвался с цепи и чуть не загрыз девочку. От мальчишек с хутора, которые любили подкарауливать деревенских поодиночке и побить.

А когда девятилетняя Настя заблудилась в лесу, именно Индеец нашел ее первым и вывел к дому.

* * *

Настя улыбнулась. Ей почудилось на минуту, что Индеец где-то здесь, за завесой дождя. Знает, что она потерялась — теперь не в лесу, а в этом странном неприветливом городе — и пытается ее найти. Чтобы как десять лет назад вытереть слезы с ее заплаканных щек, взять за руку и вывести к дому, который она сама никак не может отыскать...

Задумавшись, Настя едва не шагнула под колеса подъехавшей машины. Взмахнули тормоза, разлетелись в стороны брызги из-под колес. Щелкнула дверца.

— Анастасия! — встревожено воскликнул знакомый голос.

Настя вздрогнула, с волнением взгляделась в полумрак салона.

— Залезайте, милая, залезайте, — замахал руками Игорь Маринович, — не стойте посреди дороги. Промокнете совсем, и сиденья мне намочите.

Поколебавшись, Настя, сложила зонтик и нырнула в теплый, приправленный ароматами духов и алкоголя, сумрак.

— Вот и чудненько, — блеснул улыбкой Игорь Маринович, — невыносимо смотреть, как гибнут под автотранспортом и дождем юные сотрудники. Вы, душечка, и сама простудитесь, и на работу заразу принесете, а у нас с вами квартальный отчет на носу. Сигаретку?

— Спасибо, — растеряно покачала головой Настя, разглядывая массивный золотой портсигар.

— Зря. Без табака, только ментол и мята, необычайно полезно для здоровья. Есть с запахом роз или арбуза. Все-таки, нет? Владик, — шеф постучал пальцем по подголовнику водительского сиденья, — адресочек Анастасии по базе посмотри, и поехали.

С тихим шелестом опустилась темная перегородка между салоном и водителем. Мотор мягко рыкнул, как сильный сытый зверь, и машина, качнувшись, поплыла вперед. Будто поехала не по разбитому асфальту, а заскользила по воздуху.

— Анастасия, — умильная улыбка исчезла с лица шефа, голос стал грубее и суше. И сразу почему-то нелепыми показались угольно-черная подводка вокруг печальных глаз, длинная сережка в ухе, кружевной воротничок вокруг жилистой шеи. — Я бы хотел извиниться, — он вздохнул, — и объяснить. Вы, ведь, наверное, не понимаете?

— Что?

— Анастасия, — шеф ухватил зубами сигарету, прикусил, поморщился, выплюнул ее обратно в ладонь, смял в пепельнице. — Вы ведь из семьи отщепенцев? Воспитывались в доме социальных сирот. Четыре месяца назад по их направлению попали к нам на работу. Я читал вашу анкету, разумеется. Живете одна. Друзей нет, любовников нет. Не состоите, не участвуете. Понимаете, что это никуда не годится, душечка?

Блестящие внимательные глаза Игоря Мариновича оказались вдруг совсем близко, обращение «душечка», произнесенное не обычным ласковым голосом, а сухо и жестко, заставило Настю вздрогнуть.

— Что? — тихо спросила она, отодвигаясь на самый край мягкого кожаного сиденья.

— Ваш гражданский индекс. Вы ладошкой-то индикатор не прикрываете. Думаете, я не в курсе индексов своих сотрудников? Вы, надеюсь, понимаете, почему я назначил главбухом эту дуру Верочку, а не вас? Хотя работать придется вам — и за нее, и за себя. Работать и надеяться, что мне не придется вас увольнять. Анастасия, — шеф склонился ближе, от его дыхания пахло мятой, — я очень положительно отношусь к вам лично. Но я ничего не смогу сделать, если вы сама...

— Что? — Настя опять отодвинулась и уперлась локтем в дверцу машины. Пробормотала беспомощно, сдерживая слезы: — Что мне делать с этим дурацким индексом? Пластику ушей и записаться в эльффы, как Верочка?

— Это вариант, — серьезно согласился шеф, — у них, кстати, очень хорошая организация. Еще пять лет назад над ними все смеялись, а сейчас, посмотрите — официально зарегистрированное псевдо-этно-меньшинство, свой профсоюз, квоты при приеме на работу, праздники оплачивают. Сейчас вот добиваются отмены приставки «псевдо» и сокращенного рабочего дня в соответствии с особенностями менталитета. Знаете, я думаю, скоро добьются. И в обычаях и традициях у них ничего э... противоестественного.

— Игорь Маринович, а вы... сам не собираетесь?

Настя представила шефа с острыми ушками и в серебристой юбке. И новый слоган фирмы: «Наша сантехника протестирована настоящими эльфами».

— Улыбайтесь-улыбайтесь, — хмыкнул шеф, — но мне-то и так неплохо. А вы... Анастасия, мне больно смотреть, как вы себя губите. Вот, возьмите, — он вложил в Настину ладонь визитку. — Гертруда большая умница, она подберет вам что-нибудь. Сделайте хотя бы это. Для начала.

* * *

Гертруда оказалась веселой могучей великаншей. Яркий румянец цвел на пухлых щеках, сотня косичек металась по мощным плечам в такт широкому шагу, цветастая шаль хлопала по огромным бедрам. Настя с трудом попевала следом, чувствуя себя дюймовочкой, угодившей в страну больших людей. К тому же страна была престранной — на небольшом загородном участке у Гертруды размещалось несколько разномастных сараев и два ряда открытых вольеров, откуда летело многоголосое тьяканье, мяуканье, повизгиванье, чириканье. Интонация в основном, была восторженная, и какофония усиливалась, когда хозяйка проходила мимо. Звери и птицы кидались к решеткам, и могучая длань успевала по дороге поправить миски и поилки, почесать лоб ворону, кинуть игрушку щенку, погладить тощий бок кошки. Настя вертела головой, счастливо улыбаясь, чувствуя себя так, будто часть приветствий и восторгов предназначалась и ей.

— Туда даже не смотри! — басом крикнула хозяйка, перекрикивая звериный и птичий хор. — Там щенята обычные, тебе это не надо. Потом погладить дам, только руки помоешь. Сейчас к уродцам пойдем.

За дверью длинного сарая помещались странные существа.

В вольере возле входа метался встрепанный трехголовый пес. Кидался на решетку, вцеплялся в прутья сразу двумя пастьями, грыз железо, роняя на пол слюну. Третья голова поскуливала и тоскливо смотрела в сторону слезящимися глазами.

— Лапушка, — вздохнула Гертруда, погладила скулящую голову и ловко отдернула руку от оскаленной пасти первой головы. Щелкнув в воздухе зубами, первая разочарованно хрюкнула и опять набросилась на решетку. — Цербер наш, — Гертруда вытерла руку о юбку, — тут из ветинспекции все приходят, говорят, надо усыпить. А за что его, лапушку? Тут человек шизеет, если у него в башке две личности, а с собаки чего взять? Крокодил еще у меня такой был, на прошлой неделе забрали.

— Тоже трехголовый? — изумилась Настя. — Змей горыныч?

— Ну, вроде, — улыбнулась Гертруда. — А тебе что, надо? С ним попроще, но тоже кормить сложно, головы на разные стороны тянут, дерутся друг с другом. Может, мне его опять обратно вернут. Я тебе позвонить тогда могу, если надо.

— Нет, спасибо. У меня он в квартиру не влезет. Так странно у вас. Интересно, как в сказке.

— Интересно? — почему-то неодобрительно прищурилась Гертруда. — Вот и им было интересно. Доинтересничались. Ты, лапушка, посмотри пока здесь сама. Может, что интересное для себя найдешь.

Шестиногая лошадь печально бродила по деннику. Спотыкалась. Поджимала ноги по очереди. Опять спотыкалась. Остановилась, укоризненно посмотрела на Настю.

В соседнем вольере летучая кото-мышь хлопала кожистыми крыльями, подпрыгивала, и опять падала на пол. Села, задрала заднюю лапу, потянулась, и свалилась на бок, запутавшись в крыльях и хвосте. Запищала жалобно, бестолково ворочаясь в попытках подняться.

— Интересно? — спросила хозяйка, заглядывая в огорченное Настино лицо. — А вот, смотри, кто тут еще есть.

Последний в ряду вольер показался сначала пустым. Только несколько рыжих апельсинов горкой валялись в углу.

— Кис-кис, — позвала Гертруда. Апельсины дрогнули и раскатились в стороны. Темный мохнатый комок двинулся к решетке — дерганными, рваными движениями. Потом запнулся и грохнулся на пол, задержался, еле слышно захныкал.

— Тихо-тихо, — неожиданно нежным и тихим голосом забормотала великанша. Открыла дверцу, подняла хныкающий комок, вынесла на свет, ближе к Насте. Размером с кошку, четыре маленьких лапки с короткими розовыми пальчиками, круглые испуганные глаза и огромные уши, толстые тяжелые мохнатые лопухи, в каждое из которых можно было бы завернуть странное существо целиком.

— Совершенно несамостоятельный, — вздохнула Гертруда. — Два шага сделает и падает, уши перевешивают. Сам есть не может, лапки короткие, мордочка плоская. Надо с ложки кормить и поить. Два раза в день минимум. Иначе умрет от голода, даже если рядом будет еда лежать. Вот так, лапушка. Интересный зверек, как думаешь?

* * *

— Ты извини, лапушка, — сказала Гертруда, когда они вместе пили чай в доме. Чай был черный и очень крепкий, от горечи и терпкости у Насти сводило скулы. — Что я с тобой резковато. Я, в общем, им и так многое прощаю, что не нужно.

— Кому им?

— Людям. Поработай у меня немного и поймешь, о чем я. Вчера вот пуделя принесли. Шок, истощение, обезвоживание, гнойные раны. Его избили, перемотали скотчем лапы и морду, и бросили в кусты. Умирать. Он и умирал. Сутки или около того, пока случайные прохожие на него не наткнулись.

— Зачем, — еле слышно пролепетала Настя. Горло перехватило от слез. Она представила. Добродушный маленький песик, чей-то домашний любимец, которого любили, ласкали и гладили, доверчиво подходит к незнакомцу. А тот... — Зачем так с ним?

— Хо, лапушка, думаешь, ответ на этот вопрос что-то изменит? — Гертруда пожала плечами. Взяла со стола черную, прокуренную трубку, примяла пальцем табак, щелкнула зажигалкой. — Покуда у людей беспомощность провоцирует насилие, ничего не изменится. Ни-че-го.

Гертруда выпустила из трубки клуб ароматного дыма. Спыхватилась:

— Не возражаешь, если я тут покурю?

— Это твой дом, — улыбнулась Настя.

— Ну, — невнятно буркнула великанша, придерживая зубами кончик трубки и доливая в чашку чай. — Это не всех останавливает.

— Кого?

— Некоторых гостей. Бывает же, а? Ты их даже вроде не зовешь. А они припрутся, напачкают сапожищами, разлягутся на твоём диване, наплюют семечек. И еще будут тебе указывать, в какой одежде тебе ходить, какой температуры кофе им подносить, и можно ли тебе курить в собственной гостиной. И что, я должна это терпеть?

Гертруда фыркнула и пыхнула трубкой.

— Нет уж. В моем доме ходим в тапочках, разговариваем вежливо, и вообще живем по моим правилам. Не устраивают правила — до свидания. Валите к себе домой и живите там по своим правилам. Каким хотите. Хоть в сапогах по постельному белью ходите и в занавески заворачивайтесь, мне наплевать. Извини, лапушка, что-то я

сегодня нервничаю. Новости утром посмотрела. Так что, ты именно Чебурашку решила взять?

— Кого?

— Хо! Ты не читала эту сказку? — изумилась великанша. — Обожди, сейчас найду. Я ее как раз перечитывала недавно. Вот, возьми. А насчет Чебурашки подумай хорошенько. Зачем тебе столько возни? Странную зверушку для поднятия гражданского индекса я тебе могу и попроще подобрать. Сейчас чай допьем и пойдем во второй блок. В общем, первый я тебе так показала. Для расширения кругозора и избавления от некоторых иллюзий.

— Не надо, — сказала Настя.

— Чего? Избавления от иллюзий? Хо! Лапушка, это самое лучшее, что я могу для тебя сделать.

— Не надо зверушек для поднятия индекса, — Настя поморщилась. Подумала, что великанша права. Что выглядит это именно так — пришла девушка не помочь бездомному животному, а подыскать себе средство для поднятия индекса. — Я возьму его.

— Ну, — Гертруда развела руками. — Я предупреждала. Апельсины не забывай ему давать. Он с ними спит в обнимку. Привык. Мне его так и подбросили — в ящике с двумя апельсинами.

— Подбросили?

— Хо! Думаешь, я выиграла его в лотерею? Или купила на аукционе? Лапушка, ты куда пришла? В питомник йоркширских терьеров или в приют брошенных животных? Брошенных, лапушка! Это значит, что бывшие хозяева, в лучшем случае, удосужились принести нежеланных младенцев ...э... то есть надоевших питомцев мне под дверь и быстро смыться, стеснительно избегая встречи. А в худшем... Я тебе рассказала про вчерашнего пуделя? Ты видела детишек из первого блока, которых этот ублюдочный ветинспектор регулярно предлагает усыпить? Раньше люди хотя бы просто приручали, а потом вышвыривали своих питомцев из дома на улицу, а сейчас... Ты ведь, лапушка, смотришь телевизор и знаешь, что у нас теперь продвинутое современное общество, где все прежние отклонения считаются нормой, а норма, стало быть, превратилась в отклонение? Поэтому в соответствии с новой нормой мы сперва создаем уродов, неспособных даже существовать самостоятельно, а потом вышвыриваем их на улицу уже не просто мучиться, а мучительно умирать...

* * *

Дом для Чебурашки Настя устроила в большой картонной коробке, оставшейся от переезда. Постелила на дно одеяло, положила подушку, прикрепила в углу лампочку. Чебурашка постоял возле стенки, разглядывая новое жилище. Попробовал двинуться вперед, но сразу же упал мордочкой вниз и захныкал. Потом они приспособились — Настя

взяла Чебурашку за лапку, а другой рукой придерживала со спины, прислушиваясь, куда он хочет идти. Так, уцепившись маленькой ладошкой за Настин палец, Чебурашка обошел свой новый дом. Потрогал подушку, покатал апельсин, и, наконец, уселся под лампочкой, облокотившись о стену. На его страдальческой мордочке появилось подобие улыбки. Кажется, дом ему понравился.

По дороге на работу Настя занесла Чебурашкин паспорт в отдел регистрации.

— Дополнительная площадь нужна? — спросила паспортистка.

— Что?

— Ну, животное большое?

— А, нет, спасибо.

А потом Настя спросила на всякий случай:

— А если большое, вы даете дополнительную площадь?

— Девушка, — паспортистка оторвалась от компьютера, посмотрела на посетительницу со смесью брезгливости и снисхождения: — вы откуда свалились? Если нужна дополнительная площадь, животное изымается до тех пор, пока хозяин не переедет в подходящее помещение. Понятно?

— Еще как, — кивнула Настя.

Сообщение об улучшении гражданского индекса пришло уже на работе.

Игорь Маринович отловил Настю в коридоре. Быстро оглянувшись, подхватил под локоть, увлёк за угол, за аквариум с разноцветными рыбками.

— Поздравляю, душечка, — улыбнулся, дохнул приторным мятным ароматом. — Как вам Гертруда?

— Спасибо, всё хорошо.

— Чудненько, — тёмно-карие глаза шефа смотрели взволнованно. Чуть кривоватая подводка на правом веке придавала взгляду комически-печальное выражение. Игорь Маринович вдруг показался Насте похожим на старого клоуна, который забыл переодеться после арены.

— Анастасия, услуга за услугу.

— Да?

— В следующую субботу мне нужна спутница. На одно... э... закрытое мероприятие. Я могу на вас положиться?

— Конечно, — растеряно согласилась Настя.

— Чудненько, — шеф подмигнул и выпустил Настин локоть. Распрямился, поправил причёску и обычной пританцовывающей походкой направился к своему кабинету.

Похожий на клоуна, выходящего на арену под аплодисменты зрителей.

Настя заметила, что с появлением Чебурашки ей стало легче жить. Нет, все страхи и сложности никуда, конечно, не делись. И воспоминания об Индейце, о прошлой жизни и о Доме социальных сирот. И самый главный страх, что если она не справится, если её индекс упадет ниже минимума, ей не разрешат жить самостоятельно и заберут обратно, в дом сирот, откуда второй раз выбраться уже будет сложнее. И ощущение нелепого, дикого маскарада, костюмированной игры, в которую играли окружающие. На работе — Игорь Маринович и Верочка; соседи — женщины, закутанные с головы до пят в чёрные одежды, хмурые бородатые мужчины; в телевизоре — симпатичные молодые ребята с остроконечными ушами, которые серьёзно говорили о праве своего этно-меньшинства на самоопределение и необходимости уважения давно сложившихся эльфийских традиций.

Настя часто засыпала в слезах. Почему то именно по вечерам ей казалось, что Индеец никогда больше не придёт. Не спасёт её, не выведет из этого жутковатого, вывернутого мира, где даже любимые Настины детские сказки пересказывают неузнаваемо и нелепо.

— ...И вскочила Василиса Храбрая на коня, подпоясалась мечом, и поскакала на поиски Ивана-царевича, которого унёс Змей Горыныч... И отругала Ивана — мол, что ж ты, царевич, обижаешь Змея нашего Горыныча? Нешто он не имеет права на личное счастье потому, что не такой, как ты? Устыдился Иван-царевич. И поженились они все, втроём со Змеем Горынычем, и стали жить долго и счастливо.

— Поженились втроём? — удивленно переспросила Настя.

Взгляды воспитательницы и детей обратились на неё с одинаковым выражением осуждения и брезгливой снисходительности.

— Тебе что-то не понятно, деточка? — сладким голосом поинтересовалась воспитательница и фальшиво улыбнулась. В её глазах был холод.

Насте стало неловко. Как новенькую, на занятиях в Доме социальных сирот её определили в младшую группу. Но даже шестилетки смотрели на неё с превосходством, зная многие вещи, которые она не понимала.

— А... кто тогда у них был муж? — запнувшись, смущённо сказала Настя.

— Влада Ольговна, что такое муж? — спросил один из слушателей — то ли мальчик, то ли девочка, Настя не поняла. Младших воспитанников стригли и одевали одинаково, в образовании также исключая различия между мальчиками и девочками. Только в старших классах давали возможность выбора одежды и занятий, неявно поощряя в девочках развитие мужественности, а в мальчиках — женственности. Так детям было проще устроиться в дальнейшей жизни.

Двенадцатилетняя Настя со своей косичкой, бантиками, привычкой к платьям, готовке и вышиванию оказалась объектом насмешек и даже презрения.

— Мы не употребляем устаревших слов, деточка, — внушительно сказала воспитательница. — В следующий раз за это будут сняты баллы с твоего индекса. Запомните, дети, что я сказала.

Дети, улыбаясь, закивали. Каждый из них теперь мог получить себе дополнительные баллы, если донесёт о нарушении запрета.

Индекс гражданина присваивался им, как и остальным, после совершеннолетия, но дети в Доме социальных сирот носили свои детские браслеты. Индексы вёл учительский совет на отдельном сервере. Правила были примерно те же, что и во взрослом мире.

Неудивительно, что у Насти сейчас был такой низкий индекс гражданина — в Доме социальных сирот у неё тоже всегда не хватало баллов...

Раньше, когда она думала, что Индеец никогда не придёт, Насте хотелось умереть. Уснуть и больше не проснуться.

А теперь она думала — а как же Чебурашка? Кто будет его кормить? Если, предположим, Настя умрёт во сне, и никто о ней не вспомнит, Чебурашка тоже умрёт от голода и жажды. Будет тихо хныкать, беспомощно дёргать короткими лапками, но так и не сможет ни подняться, ни тем более выбраться из коробки. Представив себе эту жалостливую картину, Настя решила пока не думать о смерти. В конце концов, Чебурашке было ещё хуже. Он не мог сам передвигаться, есть, пить. Не говоря о том, чтобы ходить на работу, разговаривать или найти себе новое жильё.

У него вообще не было никакого выбора.

* * *

А через неделю Чебурашка заговорил.

Настя уже привычно каждый вечер торопилась домой, покупала по дороге молоко, чтобы сварить зверьку свежую кашу. Больше всего он любил манную, но Гертруда советовала разнообразие, поэтому Настя готовила разные.

Усаживала Чебурашку на колени, кормила с ложечки, не торопясь, чтобы он успел прожевать. Поила сладким чаем. Чай ему нравился с лимоном — зверёк потешно морщился, причмокивал, и торопливо тянулся за добавкой.

Настя с ним разговаривала. Рассказывала про Индейца, про прежнюю жизнь до Дома социальных сирот. Чебурашка слушал с удовольствием, держался лапками за Настину руку, подрагивал большими ушами, смотрел пристально умными жёлтыми глазами.

Больше всего ему нравилась история про то, как Настя потерялась в лесу, а Индеец её нашёл. Чебурашка замирал, сжимал в лапках Настин палец, и следил за её лицом, не отрываясь.

И однажды, когда Настя замолчала и сидела задумчиво, вспоминая, как было страшно и одиноко в лесу, и шевелилось и рычало в темноте что-то большое и жуткое, и она уже не верила, что снова увидит дом, Чебурашка крепко сжал маленькими пальчиками её палец и вдруг отчётливо сказал:

— Потерялась.

Настя вздрогнула и ошарашено посмотрела на него. Пролепетала изумлённо:

— Ты говоришь?

Чебурашка молчал, только смотрел на неё грустными большими глазами.

— Ты почему не сказала, что он разговаривает? — спросила Настя у Гертруды, позвонив ей в тот же вечер.

— Что!? — изумилась Гертруда и некоторое время шумно дышала в телефон. Потом уточнила севшим голосом: — Ты имеешь в виду, осмысленно разговаривает?

— Ну, — замялась Настя, которая сама до сих пор не очень верила в происшедшее. — Более или менее.

Гертруда помолчала, потом сказала непривычно тихо и взволнованно:

— Ты понимаешь, что это куда хуже, чем могло бы быть?

— Что?

— А ты понимаешь, лапушка, что он в таком случае чувствует?

Джамиля Чебурашку испугалась.

Воскликнула:

— Шайтан! — и, подхватив длинные юбки, отпрыгнула почти на середину комнаты.

Настя расхохоталась. Ей, пожалуй, впервые за все годы с того момента, как её забрали в Дом социальных сирот, стало по-настоящему весело. Очень уж испуганное было лицо у Джамили, и с таким удивительно человеческим недоумением смотрел на неё Чебурашка.

— Ты, что, телевизор не смотришь? Интернет не читаешь? — сквозь смех спросила Настя. — Правда, сейчас вроде как раз ограничивают самостоятельное проектирование животных...

— Муж не разрешает, — буркнула Джамиля.

Она всё-таки согласилась выпить чаю, уселась на самый край табурета, неодобрительно косясь на Чебурашку у Насти на руках.

- Замуж тебе надо, — заявила она, отодвигая чашку. — И детей.
- Зачем? — удивилась Настя.
- Ребёнка надо растить, а не с этим чудовищем возиться.
- Кому надо?

— Муса, мой брат, знаешь? Поговорить просил. Ты ему нравишься. Нашу веру примешь, возьмёт тебя замуж.

— Спасибо. А... — Настя замялась, отвела взгляд, — он мне тоже интернет будет запрещать? А если меня с другим мужчиной увидят, камнями забьют насмерть? Как тех? — она коротко кивнула в сторону окна.

— Настя, — помолчав, хмуро сказала Джамиля, — тебе здесь плохо жить, да? Если тебе так не нравится в нашем Петроградском районе, почему не переедешь, ну, вот в Купчино. А?

— В Купчино эльфы, — вздохнула Настя. — Я не знаю, куда переезжать, чтобы... Джамиля?

— Да?

— А тебе самой так нравится жить?

Джамиля подняла голову, посмотрела пристально. Поджала губы. Тихо сказала:

— Меня не спрашивали.

Настя потянулась, взяла её за руку, пожала легонько.

И тут поверх её ладони легла маленькая лапка, и Чебурашка сказал, печально глядя в лицо Джамили:

— Потерялась.

Джамиля округлила глаза, охнула еле слышно:

— Шайтан! — и сползла с табурета на пол.

* * *

В субботу утром Игорь Маринович прислал Насте коробку с короткой запиской: «в семь ноль-ноль у подъезда». В коробке лежало длинное совершенно роскошное платье. Тяжёлый переливающийся шёлк и кружево, украшенное малюсенькими жемчужинками. Настя немедленно примерила и долго смотрела на себя в зеркало, не узнавая. Она была похожа на принцессу из старых сказочных фильмов. Тех, где принцессу похищал Змей-горыныч, а храбрый принц ехал за тридевять земель вызволять её из плена.

У подъезда ожидало такси с затенёнными стёклами.

— Анастасия, — позвал из салона приглушённый голос Игоря Мариновича, — поторопитесь.

Шеф был не похож на себя. Чёрный смокинг, бабочка на белоснежной рубашке, узкие отглаженные брюки, коротко стриженные приглаженные волосы. Без серёжек и макияжа его лицо казалось незнакомым — мужественным и даже немного суровым.

Коротко кивнув и улыбнувшись, он натянул чёрную полумаску, поправил завязки на затылке и протянул похожую маску Насте — только золотистую, в цвет её платья.

— Маскарад? — неуверенно спросила она.

— В некотором роде.

Это был самый настоящий бал. С дворецким в роскошной ливрее у подножия длиннющей лестницы, выложенной коврами. С блеском и сиянием сотен свечей, зеркал, подвесок хрустальных люстр, бриллиантов на обнажённых шеях, стразов в складках бархатных и шёлковых платьев, шампанского в стеклянных бокалах. С волшебной музыкой настоящего оркестра — то завораживающе-плавной, то игривой, как вспышки пузырьков шампанского на языке.

— Игорь Мари...

— Игорь, — перебил шеф, улыбаясь. — И Настя. Да? Вот и хорошо. Попробуйте, Настенька, икру, сегодня она особенно хороша.

Игорь Маринович научил её танцевать вальс. Оказалось, это не так уж и сложно. Тёплые губы, пахнущие шампанским, шептали у самого уха: «раз-два-три», и Настя почти ни разу не сбилась.

Голова кружилась — от шампанского, музыки и вальса. Настя зажмурилась и вдруг представила, что вместо Игоря Мариновича рядом с ней Индеец. Счастье сейчас же затопило её от макушки до пяток — искристое и сверкающее, как глоток шампанского. Настя улынулась и положила голову на плечо своему спутнику.

— Я не знала, что так бывает. Это как... как в старом фильме. Спасибо, — сказала Настя с благодарностью, когда они с Игорем уселись передохнуть от танцев за столик.

— Настенька, это тебе спасибо, — восхищённо улыбаясь, сказал шеф, — я знал, что именно ты будешь так чудесна здесь в этом платье. Такая девушка как ты... таких почти не осталось... Видишь ли... тут как бы такой закрытый клуб, мы иногда устраиваем вечера, хотя это несколько как бы незаконно...

— Я никому не скажу, — перебила Настя. И смущенно попросила: — Можно будет ещё когда-нибудь...

— Не только можно, а более того... — взгляд Игоря Мариновича стал пристальным и взволнованным. — Анастасия, ты выйдешь за меня замуж?

— Что? — изумилась Настя.

— Ну, то есть, — замялся Игорь Маринович, — формально это будет, конечно, не совсем так. Ты понимаешь, мне нужно думать о репутации и о своём индексе. Браки старых традиций сейчас совершенно невозможны для человека моего положения. Но у нас есть чудесный вариант. Змей.

— Кто?

— То есть, формально он как бы эльф. Делал косметическую операцию на лице с посеребрением кожи, и что-то там не удалось — в общем, у него сейчас зеленая физиономия. Страшновато на первый взгляд, но потом привыкаешь. Если мы вместе с ним, Настенька, зарегистрируем семейную триаду, это будет просто великолепно.

— Правда? — слабо улыбаясь Настя. Хмель потихоньку рассеивался, захотелось зажмуриться от слишком яркого света свечей и люстр, приглушить слишком громкую музыку. — И поженились они все, втроём со Змеем Горынычем, и стали жить долго и счастливо, — пробормотала она. — И, правда, какое чудесное предложение...

* * *

— Гертруда, — попросила Настя, — а ты не возмьёшь меня на работу? Тебе же, наверное, нужна помощь с твоими зверьми? Денег не надо, а едим мы с Чебурашкой немного, ну и если переночевать где...

— Хо, — удивлённо сказала Гертруда, едва не выронив трубку из рта. — Лапушка, у тебя же вроде есть работа? И квартира? И как его, этот ваш чёртов индекс вроде уже на приличном уровне, ты говорила?

— Да ну его, — Настя махнула рукой. — И я, кажется, увольняюсь.

— Перед такими переменами в жизни надо выпить, — заявила великанша.

Залезла в буфет, позвякала там стеклом и выставила две пузатые бутылки.

— Виски? Коньяк? С теперешним общественным устройством скоро совсем не останется приличного алкоголя. Ты замечаешь, лапушка, что всё летит в тар-тарары?

— Беда ведь, лапушка, в чём?

— В чём? — сначала коньяк показался Насте слишком крепким, но потом она научилась, как велела Гертруда, растягивать каждый глоток, катать на языке, вслушиваясь в аромат. Потом прихлёбывать терпким чёрным чаем. Получалось интересно, и даже разлагольствования Гертруды становились всё более ясными и понятными.

— Видишь, что получилось из неплохой вроде бы идеи. Вот возмём странность, отклонение от некой общепринятой нормы. С одной стороны, никуда не годится странности запрещать. Тем более за это наказывать, преследовать, травить и особенно — убивать. Что мы при этом получаем? Закоснелое, неразвивающееся традиционное общество, где все живут в страхе быть не такими, как все. С другой стороны, что мы получили сейчас, когда как бы странности разрешили?

— Что?

— Закоснелое, неразвивающееся общество с идиотскими странностями вместо умных выверенных временем традиций. Общество, где все живут в страхе быть такими, как все. Верно? Тупик какой-то, да?

— Тупик, — вздохнула Настя. — Чебурашка сказал бы — потерялись.

— Потерялись. Но не тупик, — возразила Гертруда. Хлебнула коньяка. Зажмурилась. — А штука вот в чём. Люди как бы хотели сказать, что они уже умные и развитые. Изменили отношение к норме, понимают и уважают любую странность. А на самом деле? Мы не изменили отношение. Мы просто изменили норму. Теперь мы преследуем не панков и хиппи, а тех, кто не панк и не хиппи. Всё, что складывалось веками и тысячелетиями, шлифовалось, отлаживалось, мы сломали и искорёжили в один миг. Вместо того, чтобы подобрать бездомного щенка и воспитать себе друга и помощника, мы создали нелепого Чебурашку, несчастного уродца, которого теперь надо кормить с ложечки, чтобы он не умер...

* * *

Чебурашка волновался, пока Настя собирала вещи. Похныкивал, возился, катал свой апельсин. Может быть, беспокоился, что Настя уйдёт и забудет его в пустой квартире. Может быть, боялся, что там, куда они переедут, будет хуже, чем здесь.

Настя взяла его на руки, погладила, успокаивая. Чебурашка невинно поворачивал, потом ухватил Настю за палец, посмотрел в лицо встревоженными ярко-жёлтыми глазами. Спросил взволнованно:

— Потерялась?

— Потерялась, — согласилась Настя. — Только нельзя всю жизнь сидеть и ждать, что тебя найдут и приведут за руку к дому. Понимаешь? Может, этого дома уже нет. А может, нет того, кто мог тебя найти и взять за руку, — Настя запнулась, в горле встал комок, глаза заслезилась. Она погладила Чебурашку по голове. — Поэтому надо вставать и идти самой. Искать дорогу. Искать свой дом. Понимаешь?

Чебурашка смотрел внимательно, иногда моргал длинными пушистыми ресницами. Наверное, тот, кто его придумывал, хотел, чтобы получился красивый, умный и весёлый зверёк. Наверное, он тоже прочёл ту книжку, которую дала Насте Гертруда. И что-то было ужасное, неправильное, несправедливое в том, что человек, прочитавший хорошую добрую книжку, придумал и создал такого нелепого беспомощного уродца. А потом, не зная, что делать с этим уродцем, подбросил его в собачий приют.

Из хорошей идеи получается иногда такая мерзость, как правильно говорит Гертруда.

«Но, с другой стороны, — подумала Настя, — это ведь он меня спас. Это Чебурашка вытащил меня из моего леса, где я потерялась. Значит, всё правильно получилось. Правильно и хорошо».

Настя улыбнулась Чебурашке, он понял и ответил на её улыбку — весело сморщил мордочку.

— Всё будет хорошо, — пообещала ему Настя.

И вздрогнула от дверного звонка, едва не выронив Чебурашку из рук.
«Наверное, Джамиля. Вот и ладно, — подумала Настя, — как раз надо бы попрощаться».

На пороге стоял мужчина. Высокий, худой, в обтрёпанных джинсах и брезентовой куртке.

— Ну, ты и забралась, Настюха. Ещё бы в берлогу залезла, — сказал он, широко и счастливо улыбнувшись.

— Индеец, — выдохнула Настя, бросилась ему на шею и заплакала.

— Ну чего, — сказал он, осторожно вытирая слёзы с Настиных щёк, — чего ты, Насть. Я же обещал, что тебя найду.

— Столько лет, — всхлипнула Настя.

— Я искал. Ты ведь знаешь, семьи отщепенцев специально разбивают, фамилии меняют, чтобы мы друг друга не нашли. Я когда из своего Дома СС сбежал...

— Ты оттуда сбежал? Как?

— Ну, — Индеец самодовольно хмыкнул, — я три раза убегал. Ловили. Потом всё-таки сбежал, вернулся домой. Там уже не было ничего, конечно. А потом я деда Егорыча нашёл, он недалеко в лесу прятался. А теперь мы... Поехали, Насть, а? Поехали домой? Я тебе все по дороге расскажу.

* * *

Машина неслась по шоссе, взрыкивая на поворотах. На заднем сидении, в кошачьей переноске возился Чебурашка.

Ветер бил в лицо. Настя улыбалась, иногда протягивала руку, дотрагивалась до Индейца — проверяла, что это всё на самом деле.

Индеец рассказывал.

— Как вы здорово придумали, — сказала Настя.

— Ну, прикинь, оказалось не так уж и сложно. В общем, нас-то таких уже сейчас действительно меньшинство. Правда, Егорыч говорит, народ повалит, как узнает. Когда мы станем не изгоями, а как бы наравне со всеми. Потом Егорыч узнавал по каким-то своим источникам, что там, ну, наверху, тоже сильно встревожены тем, что происходит. Получилось, мол, совсем не то, что хотели. Катастрофа получилась. Население сокращается стремительно. Депрессии, самоубийства, рождаемость на нуле. Ну, реальную статистику замалчивают, как всегда, конечно. Так что нам поддержка будет. Вот смотри, видишь, река, а за ней дома начинаются. Приехали.

— Димкус! — обрадовался Егорыч. — А мы тут без тебя...

Он широко махнул руками.

Два молодых человека в одинаковых серебристых костюмах за соседним столом одновременно подняли головы от мониторов и посмотрели

на Димку с одинаковым неодобрительным выражением. Он торопливо моргнул несколько раз, проверяя, не двоится ли у него в глазах.

— Юристов дали, — сказал Егорыч, кивая в сторону блестящих близнецов. — И мы тут... Название придумали. И вот, глянь, — едва не опрокинув невытую чашку с разводами кофе, Егорыч сгрёб со стола охапку бумаг с текстом, исчерканным вдоль и поперёк, гордо встряхнул, — опа, устал почти готов. В компьютере осталось поправить. Они тут, — Егорыч покосился в сторону поджавших губы юристов, — веселились, что я с бумагой работаю, а не с монитором. А чтоб не сильно ржали, я им сказал, что ещё заставлю их итоговый вариант на бересту переписать. Ничего идея?

— Вполне, — одобрил Индеец.

— А какое название? — спросила Настя.

— Люди старых традиций. Ничего?

— Насчет традиций как-то, — засомневалась Настя, вспомнив разглагольствования Гертруды.

— Всё ещё в процессе, — махнул рукой Егорыч. — Можем поменять. Это здорово, что вы приехали. Он тебя, Настасья, знаешь, как искал? Ого. Я думаю, всё это дело только для этого и придумал, а Димкус?

— Ну... — смутился Индеец.

— Индеец, — сказала Настя, дёрнув его за рукав, — а давай где-нибудь Чебурашку разместим? Он столько часов в дороге, устал.

— Это кто тут у вас? — заинтересовался Егорыч. — Кот? Очень своевременная животная, я тут мыша под полом слышал.

— Не совсем, — Настя достала из переноски Чебурашку. Егорыч отпрянул.

— Опа, — сказал он, — это из этих, мутированных уродцев? Не, Димкус, давайте везите его обратно. У нас такое нельзя.

— Как нельзя? — удивилась Настя. Посмотрела на Индейца. Тот смутился.

— Ну, — сказал он, — слушай, Насть. Это, правда, не того. Противоречит всему, что мы заявляем.

— Во, — подтвердил Егорыч. — Именно.

— Хочешь, я тебе котёнка подарю? Или щенка?

— Вот он очень прав, барышня, особо советую кота. А этого чудища с юристами отдадим, пусть в город свезут, они туда едут сегодня. Возьми его Димкус, упакуй обратно.

Настя отступила от протянутых рук Индейца.

Прижала к себе Чебурашку.

На глазах набухали слёзы.

«Как же так, — подумала она, глядя на Индейца, — я так мечтала, что он меня найдёт. А теперь я что, сама от него уйду?»

Хотелось расслакаться, уткнуться в плечо Индейца. Чобы он погладил по голове, утешил, взял за руку и отвёл домой. Пусть решает,

как надо. Пусть возьмёт Чебурашку и вернёт обратно Гертруде. Поставит коробку под дверь и нажмёт звонок. Надо только напомнить, чтобы не забыл положить апельсин, чтобы Чебурашка не скучал. Ничего страшного, с ним ничего не будет, Гертруда его возьмёт к себе. Неважно, что она скажет. Потому что Настя не услышит. Потому что это глупо — выбирать между человеком, которого она ждала всю жизнь, и...

Настя смахнула слёзы. Отступила ещё на пару шагов, чтобы точно не передумать.

— Индеец, — сказала она. Глубоко вздохнула, как перед прыжком в холодную воду, и взглянула в лицо, которое представляла столько раз в мечтах, — Если я его брошу, это будет как... как если бы ты меня тогда нашёл в лесу, а потом опять бросил одну. Если ему здесь нельзя, я тогда уеду вместе с ним. Туда, где для него тоже будет дом. Извини.

— Настюха, — растеряно позвал он.

— Слушай, Димкус, — дёрнул его за рукав Егорыч, — брось. Одумается, вернётся. А не одумается... Нам такое правда нельзя. Иначе всё, что мы тут придумывали, не годится.

Индеец посмотрел на Настю. У него были очень отчаянные и больные глаза, как у третьей головы Цербера из первого блока.

— Настька, — сказал он тихо, — ты что, думаешь, я могу тебя найти, а потом бросить одну в лесу?

— Димкус, отпусти её. Видишь, она не хочет...

Индеец даже не обернулся.

— Настюха, я тебя нашёл, — сказал он. — А значит, дальше мы пойдём вместе. Туда, где тебе будет хорошо. И мне. Нам обоим.

— Э, стойте, ребята, — растеряно пробормотал Егорыч, — вы чего? Серьёзно? Димкус, мы же с тобой это место выбирали, а? Ты говорил, чтоб река, лес, чтоб, значит, твоей Настасье понравилось. И чего теперь? Ну, можно как-то так, чтоб никуда уходить, а?

Настя замялась под их взглядами — умоляющим — Егорыча и отчаянным — Индейца.

— Можно, наверное, — неуверенно сказала она. — Если этот ваш устав как-то переписать...

— Перепишем, — пообещал Егорыч, — перепишем всё наново, как скажете. Хоть на глине, хоть на бересте, — он махнул рукой. — Чего, это всё мне одному? Надо, чтоб и вам... Место хорошее тут. И климат. Пусть ваш дом будет здесь.

— И его, — сказала Настя, показывая на Чебурашку.

— Пусть и его тоже, — согласился Индеец.

ВРЕМЯ ДВОРНИКОВ И СТОРОЖЕЙ

17 июня 2442 года. База «Сахара-Атлантис», биоареал. 11:30

Бежать! Дикое желание бежать — прочь от этих белых стен, тесноты, одинаковости! Скоро тела начнут разлагаться, и находиться здесь станет невыносимо. Стиу ещё жив, Зик, и Сини... Нет, Зик уже мёртв, перестал дышать — Ших чувствовал это. Почему бы не попробовать вырваться отсюда? Вон, загонщик уже в помещении. Старики говорили, уйти в большой мир загонщиков — это верная смерть. Откуда знают? Ведь никто там не был... А остаться — точно умрём. Все.

Бежать!

Едва совладав с крыльями, Ших направился к двуглазому. Как же достучаться до него? Как подсказать, чтобы выпустил? Почему они такие твердолобые? Подлетел к загонщику и сел ему на плечо. Попробовал объяснить. Двуглазый остался невозмутимым. Он протянул к Шиху открытую ладонь, где лежала порция пищи. Тот присел на край огромного пальца и глубоко вздохнул.

* * *

Симилис поднёс ладонь к фотоэлементам, присматриваясь.

Современи прошлого посещения биоареала ничего не изменилось. То же белое пространство, всегда стерильно чистое и хорошо снабжаемое воздухом постоянного состава и температуры. Угол выгула. Гнездовища. Угол кормления. Мягкий и естественный сумеречный свет из потолочных скрытых источников. Тишина. Никаких внешних раздражителей. Информационный вакуум. Только по углам появлялось всё больше и больше трупов. Некоторые крылатки замирали в позе зародыша, яйцеобразно заворачиваясь в кожу крыльев. Их можно было бы перепутать с новорожденными, настолько плотно они сжимались, если бы не отсутствие пуповинного крепления. Скоро жизнь в помещении совсем остановится.

* * *

Из-за колонны вышел обессилевший Стиу. Крылья волочились по шершавому каменному покрытию, истираясь в клочья. В принципе, это не опасная травма — перепонки стихсы восстанавливаются в течение нескольких часов, и о повреждении напоминают лишь едва заметные шрамы — только бы кость оставалась цела. Было видно, что у Стиу недостаёт сил даже поднять крылья и накинуть их на плечи. Ших спорхнул с руки загонщика и помог Стиу с крыльями. Тот совсем сложился и присел, прижал голову к груди. Крайняя степень уязвимости. Поза только что вылупившегося стихсы.

— Стиу, надо выбирать, — просвистел Ших, подавая другу пищу. Тот взял с благодарностью и принялся жевать.

— Больше нет сил, — продолжил Ших. — Забираем Сини и будем искать выход.

— Я не могу. Я уже не могу. Мне трудно даже слушать. Должно быть, скоро я перестану дышать — я ещё делаю это, но желание всё меньше. Зик умер. Почти. Я уже совсем не слышу его.

— Я не знаю, как достучаться до этого истукана! — трель Шиха прозвучала громче обычного. Он был изрядно раздражён.

— Ших, ты видишь, что есть стихсы, которые ещё не мертвы, а просто замерли? Мы можем попробовать их разбудить, — Стиу зачастил, словно боялся не успеть. Казалось, пища немного вернула его к жизни, и он спешил рассказать другу то, о чём думал сам. — Сини жива ещё. Она держится. Понимаю, это безумие, но... Давай соберём тех, кто замер, и станцуем танец жизни.

Танец жизни? Ших с недоверием глянул на Стиу. Да он не в себе! Как можно танцевать танец жизни посреди мёртвых? Это делают только тогда, когда уже созревшие стихсы вот-вот увидят мир! Танец жизни семьи помогает им пробудиться. Сейчас же... нет... А вдруг получится? Со вновь возникшей надеждой Ших полетел искать замерших, которые так напоминали зародыши. Его усилиями возле колонны появилось с десяток коконов. Стиу даже смог узнать некоторых. Услышать. Тем временем Ших призвал Сини, родительницу. Она уже поняла, к чему клонит Стиу — объединённые семейными узами, эти трое прекрасно чувствовали друг друга даже на расстоянии. Теперь Сини должна была начать ритуал рождения. Она медленно, а потом всё быстрее и быстрее пошла вокруг коконов и сидящих над ними друг напротив друга Стиу и Шиха. Оторвавшись от пола, по спирали начала постепенно подниматься вверх. Одновременно её партнёры расправили крылья и, пританцовывая, пошли вокруг коконов то вправо, то влево. Темп всё убыстрялся. Сини волчком кружилась под потолком: казалось, ещё немного, и она рухнет. И вот, когда напряжение танца стало невыносимым, Стиу и Ших рванулись вверх, а родительница спикировала им навстречу. На миг их крылья сложились в почти совершенную сферу, и тут же обессилевшие стихсы опустились на землю. Стиу, не удержавшись, упал навзничь. Ших замер в ожидании. Сини первая поняла, что их надежды не оправдались. Отчаявшись, она завернулась в крылья и осела на пол.

* * *

Симилис 15–28-Л фиксировал всё происходящее, пытался анализировать. Молодые крылатки вели себя странно. То, что происходило сейчас, не укладывалось в концепцию жизни на грани вымирания популяции. Брачные игры крылаток наблюдаются, когда их потомство

вот-вот избавилось от пуповин и готово сбросить шелуху истончившихся коконов. На протяжении всей истории эксперимента, безусловно, отмечались примеры неадекватного поведения отдельных существ, в мемокарте робота такая информация наличествовала. Без анализа конкретных причин, просто как факт, сухая статистика. Психология, социология и им подобные дисциплины давно перешли в разряд рудиментарных. От биосферы не осталось практически ничего, а цивилизация роботов при всём своём могуществе сумела восстановить лишь некоторые виды флоры, а потому многое из области абстрактного было утрачено. Невостребованные науки сохранились только в терминах, схемах и логических примерах, в той или иной мере доступных анализу. Некоторые даже считали, что их надо упразднить за ненадобностью — ведь роботам никак не удаётся воссоздать цивилизацию биологических организмов из того материала, который есть в наличии. И не факт, что когда-нибудь удастся.

Но то, что Симилис фиксировал сейчас, это не банальная неадекватность.

В мемокарте была информация об инстинктивном поведении животных, существовавших до Большого Мора. Она вполне доступна для анализа, мотивация неразумных существ довольно проста: самосохранение, репродукция, защита потомства. Именно поэтому драки между молодыми особями, особенно самцами, например, объяснить легко, а факт помощи конкуренту — труднее. То же, что Симилис фиксировал сейчас, не укладывалось ни в какие теории. Но — происходило, причем с группой. Это крайне важно. Надо предоставить запись наблюдения и свои выводы в БОС-Л немедленно. Если это действительно так... Всех, кто ещё остался от популяции, необходимо сохранить любой ценой. Симилис сигнализировал об особых обстоятельствах, возникших в биоареале. Получил вполне ожидаемый ответ — явиться с докладом лично.

17 июня 2442 года. База «Сахара-Атлантис», хранилище. 15:37

Дежурный Симилис 15–28-Л внёс в каталог отметку про ещё одну статистическую запись исследования. Новый шестидесятивосьмилетний виток опытов и экспериментов закончились провалом. Проблема даже не в том, что популяция крылаток, показывающих неплохие результаты эволюционирования, опять погибла, уже. Проблема в том, что экспериментаторы снова, как и раньше, так и не смогли понять — почему? БОС-Л всё так же неумолимо твердит: собранных данных недостаточно для каких-либо выводов. И это притом, что статистика накапливается уже четыре сотни лет, практически от Большого Мора, когда крылаток ещё в помине не было. Их сгенерировали из доступного биоматериала: эти создания напоминали птиц, рукокрылых и рептилий одновременно, держались же вертикально — как люди.

Другое дело, если в подборку попадает не вся или не та информация. За время существования робоцивилизации методично разрабатывались направления, которые были намечены ещё людьми. В этом и состояла главная проблема. Искусственный интеллект, пусть даже самообучающийся, всё же был далёк от человеческого сознания и сам себя не мог направить к действию. Нет, существовала некоторая логично вытекающая последовательность усовершенствований на уровне «быстрее, выше, сильнее», но при бесконечном движении её интенсивность стремилась к нулю.

Именно поэтому Симилис 15–28-Л, закончивший рутинный отчёт очередного провала, знал, что завтра опыт продолжится. Даже если крылатки к утру погибнут все и придётся завозить культуру с базы «Экватор-Атлантис». В любом случае, ничего другого он делать не умел.

17 июня 2442 года. База «Сахара-Атлантис», биоареал. 15:43

Ших больше не сопротивлялся. Он чувствовал, как жизнь угасает вокруг него. Желание двигаться, думать, дышать постепенно превращалось в однообразную муку. Стены убивали. Белое проникало в сознание, словно вода в каждую морщинку на ладони, обволакивало память, ощущения, рефлексы. Он видел, как сильные крылья Стиу и прекрасные глазные грани Сини бледнели, становились белёсыми, растворялись на фоне белых стен. Он больше не сопротивлялся.

Последнее, что стихса успел осознать — двуглазый небрежно складывает задубевшие тела на огромную платформу-труповозку. Желание показать, что ты есть, не мёртвый ещё, не окоченел бесповоротно, сменилось беспросветной апатией. Не всё ли равно? Ведь все, все, все — их нет больше, нет и не будет. Когда руки загонщика подняли Шиха и водрузили на гору тел, он больше не сопротивлялся...

Экзокон ещё раз обошёл помещение биоареала. Тела погружены. Всё учтено. Порядок. Уборщик занял отведённый ему угол на платформе и направил её к выходу.

17 июня 2442 года. База «Сахара-Атлантис», хранилище. 16:18

Симилис 15–28-Л сигнализировал о чрезвычайной ситуации. Рабочая смена ещё не закончилась, да ему и не полагалось вмешиваться в размеренный и неизменный год от года график БОС-Л. Обращение строго регламентировалось, доступ открывался только в крайнем случае. Но события в биоареале требовали безотлагательных действий. Кроме него в хранилище присутствовали ещё несколько симилисов — очевидно, Большому Логике понадобилась вся возможная информация, которую удалось обнаружить. К пультам было подключено даже несколько экзозконов. Эти перестарки, сложенные из узлов древних

машин, выполняли функцию технического персонала базы, в отличие от курирующих эксперимент симилисов-учёных. Функционально они мало чем разнились — это и позволяло использовать узлы уже изношенных механизмов в новых экзоконках. Правда, у симилисов было больше нейроцепей, внешнего контроля ОС и обширной мемокарты.

Подробный паспорт каждого экзоконка находился в базе БОС-Л. Эти механические дворники не предназначались для исследовательской деятельности и сбора данных, поэтому не имели мемокарт. Но узлы, из которых они воссоздавались, несли в себе информацию о «прошлой жизни». Обрывочные сведения, остаточные мемовсплески предыдущего носителя слишком малозначимые, чтобы хранить их в уже переполненном хранилище: фрагментарные аудио и видеофайлы, которых никто никогда не читал, справочники, таблицы, книги, которые уже неактуальны... Но паспорт каждого экзоконка позволял при необходимости отыскать то, что нужно.

Симилис 15–28-Л внёс в базу внеочередную запись исследования, дополнив её своими выводами. И, главное: рекомендацию о формировании ещё одного биоареала. Если он прав, всех оставшихся в живых особей необходимо перевести и сохранить во что бы то ни стало. Видеофайл о том, как крылатые существа совершают брачные танцы над мёртвыми телами, Симилис приобщил к отчёту.

Несколько минут понадобилось БОС-Л на обработку. Экзоконки были отпущены, симилисы получили свою порцию исходных данных, в том числе и дополнительные вопросы. Большой Логик вынес вердикт: полностью удовлетворить рекомендацию Куратора эксперимента первого уровня Симилис 15–28-Л по созданию биоареала № 2 на базе «Сахара-Атлантис». В биоареале № 1 установить круглосуточный сбор новой информации в форме видеоотчётов о взаимодействии отдельных особей популяции. Приступить немедленно. На реализацию — 24 часа.

18 июня 2442года. Развалины Старого Города. Около полудня

Ших попробовал свистнуть — голос его не слушался. Лёгкие больше не болели, хотя дышать было неприятно. Горячий воздух сухим крошевом вдохов дёр гортань. Поблизости лежало несколько уже задубевших тел его соплеменников. К боку прижималась Сини — без сознания, но ещё живая. Платформа остановилась. Похоже, их доставили в конечный пункт. Ших приподнял крыло. Смотреть было тяжело — привычная скудность биоареала сменилась многообразием внешнего мира. Не с чем сравнивать. Только ощущать.

Стихса вынул голову из-под крыла и огляделся. В помещении горел неприятно яркий свет — впрочем, он распространялся неравномерно, всегда можно было скрыться за углом или колонной. После девственной белизны биоареала стены, пол, потолок казались неповторимо яркими, словно рисунок глазных граней или сетчатая

фактура перепончатого крыла. Ших аккуратно провёл рукой по слуховым пластинам Сини, чтобы привести её в чувство.

— Сини, мы живы... Ты слышишь? Мы живы... — едва уловимо прошелестел он сухим осипшим голосом. И тут же испугался. Если она умрёт, Ших будет последним стихсой в этом мире. — Сини, очнись!

Звук отразился от плавных округлостей свода, раздробился многоголосым эхом, что Шиху даже показалось...

Над ними стоял двуглазый, как обычно, флегматичный и ничего не выражающий. Он подставил стихсе свою огромную многопалую ручищу, но тот был не в состоянии выбраться из груди окоченевших тел. Тогда Ших опять услышал — уже безо всяких сомнений:

— Жив? — причём как-то странно, протяжно, приглушенно: «шшифф». И увидел поднимавшегося из-за робота стихсу. Его окраска необычна и крылья крупнее, чем у соплеменников Шиха, но это стихса, вне всякого сомнения. Исполосованные перепонки говорили о многочисленных и регулярных повреждениях. Он уверенно опустился на плечо экзоконя, рефлекторно прикрыл крыльями плечи.

— Да, кажется, — жалко просипел Ших незнакомцу, — и Сини... но нам одним не выбраться.

Чужак слетел на платформу, деловито отбросил мешавшие Шиху тела, потом вывел простенькую трель в низком диапазоне и — удивительно! — робот начал раскладывать тела по разные стороны платформы. Правда, с одной стороны оказалось всего-то несколько стихсов, но обращался с ними робот очень осторожно, в отличие от тех, из другой кучи.

— Я — Краш, — представился незнакомец. Его речь, как и внешность, отличалась от привычных. Стихса был крупнее и крепче Шиха, хотя в биоареале тот считался чуть ли не великаном. Движения чёткие, решительные — ничего лишнего. Слуховые пластины чутко подрагивают, крылья мгновенно вскидываются влёт и так же инстинктивно опускаются на спину. И неудивительно: размером они превосходили Шиховые, а шрамы красноречиво намекали, что по-другому здесь нельзя: надо всё время контролировать себя и окружающее пространство. Только глаз Краша был какой-то нечёткий, мутный, в отличие от зеркально ровных граней Шиха.

— Надеюсь, вы будете полезны нашему племени.

18 июня 2442 года. База «Сахара-Атлантис», хранилище. 14:06

Симилис 15–28-Л отправил БОС-Л второй доклад. В биоареале случилось ЧП. Пока они держали совет в хранилище, оставшиеся крылатки умерли и дежурный экзокон вывез весь биоматериал на утилизацию. Это не входило в расчёт Куратора первого уровня. Надо было хотя бы произвести физиологическое исследование мозга, если контроль над его жизнедеятельностью уже недоступен. Взять на анализ генетический материал, сделать биопсию и сравнительный анализ с предыдущими популяциями. Раньше такие процедуры

проводились в обязательном порядке, но были оптимизированы, так как не давали результата. Да и для восстановления популяции крылаток гораздо эффективнее взять культуру на другой базе, чем заново браться за генное моделирование.

Симилис 15–28-Л запросил данные на экзокон, который вызолотил тело. Надо будет получить от него информацию, как только этот техсотрудник попадёт в доступную для связи зону. Может, ещё не поздно, и удастся найти хоть одну крылатку, не утилизированную насекомыми. Роботам приходилось восстанавливать биосферу с нуля, начиная с флоры, а вопрос, получится ли так же с фауной, до сих пор оставался открытым.

Конечно, было бы гораздо легче воссоздать цивилизацию разумных существ из такого устойчивого материала, как насекомые. Но исследования показали их полную неспособность мыслить. По сути, выжившие после Большого Мора членистоногие должны быть признательны хорошей наследственности: лишив разума, она сделала их способными на чудеса приспособляемости. Насекомые — единственные многоклеточные на планете, что выжили, мутировали и теперь равномерно увеличивали численность. Саморегулирующаяся популяция, они одновременно могли быть падальщиками, каннибалами и пищей. Роботы, конечно, наблюдали за насекомыми, но только в рамках общего изучения внешней среды.

Куратор эксперимента отправил ещё один отчёт электронному мозгу БОС-Л. План дальнейших действий Симилиса был обработан и одобрен даже без дополнительных вопросов. Манипуляторы в операционной уже активированы и ждут поступлений. С Большим Логиком всё согласовано — можно начинать.

Пришёл сигнал об экзоконе, которого искал Куратор. Симилис распорядился направить его в хранилище.

18 июня 2442 года. Развалины Старого Города. Вечер

Ших не переставал удивляться. Всё-таки внешний мир существует! Свободные стихсы, живущие здесь уже много лет, во многом превосходят его собратьев. Правда, их меньше, чем в биоареале — по крайней мере, до момента повального вымирания. Но, главное, они видоизменились под давлением внешних условий — приходилось выживать.

Ших и его соплеменники сравнительно легко нашли общий язык со свободными стихсами несмотря на то, что их речь существенно отличалась. Во-первых, диапазон у местных был гораздо шире, чем у выращенных в неволе. Сильные ноты в верхнем регистре без проблем дополнялись низкими тягучими звуками. Определённо, это следствие адаптации к неприятному климату, горячему и сухому. Местная речь казалась стихсе биоареала примитивнее и грубее по звучанию. Во-вторых, словарный запас свободного племени во много раз превосходил привычный Шиху, прежде всего, за счёт сравнений.

Да и не могло быть иначе, ведь в замкнутом пространстве биоареала сравнения ни к чему. Но в интонационной вразительности стихсы оттуда могли легко обойти любого местного.

Но словарным запасом и произношением различия не ограничивались. Физически Ших и те, кому удалось выжить, были гораздо менее развиты, чем их свободные соплеменники. Несмотря на отсутствие травм, их крылья оказались слабее и менее приспособлены для маневрирования в воздухе, а реакция не такой молниеносной, как бы хотелось. Зато местные не могли похвастаться таким же острым зрением. Именно поэтому Краш предложил Шиху отправиться сегодня на охоту.

— Сегодня возле мёртвых тел соберётся много насекомых. Нам надо хорошо охотиться, чтоб делать запасы. Скоро появятся новые стихсы. Если еды будет достаточно, многие из них выживут. Всё-таки хорошо, что эхол привёз вас так вовремя. Мужчины смогут позаботиться о своих семьях.

Ших вспомнил, что где-то там лежит сморщенный комочек, который был когда-то Стиу. Сини выжила — это хорошо. Но теперь для танца жизни придётся подбирать третьего. Это можно оставить на потом, когда Сини окрепнет.

— Хорошо, Краш. Я буду с тобой на охоте. Я буду смотреть для вас. Я хочу научиться заботиться о семье. А как вы нашли общий язык с загонщиком... этим... эхолом?

— Он понял, что мы разумны. Когда-то он защищал существ, которые жили глубоко в воде. Он знал их звуки в нижнем диапазоне и общался с ними. Эхол помог выжить первым из нас. Помог выбрать и наладить кое-что в помещении. Потом привозил ещё стихсов, иногда только мёртвых, иногда — не только. Другие эхолы, которые не умеют общаться с нами и не понимают, что мы разумны, также не видят, когда мы ещё не совсем мертвы.

— Но ведь другие... эхолы, которые приходили кормить нас там, не делали нам ничего плохого. Напротив, они оберегали нас, создавали идеальные условия для жизни.

— А вы всё-таки умирали. Они не понимали, что вы разумны. Эхолы никогда бы не выпустили вас наружу, пытаясь уберечь от опасностей. Вы умирали оттого, что были заперты.

Раньше Ших никогда и не думал об этом. Пока беспричинная смерть плотно не взялась за его соплеменников. А потом рассуждать было некогда.

18 июня 2442 года. База «Сахара-Атлантис», хранилище. 19:43

Симилис был готов разобрать экзокона по винтикам. Ну почему у них не предусмотрена хотя бы примитивная мемокарта? На изучение паспорта и зондирования каждого узла в порядке убывания ушло уже несколько часов. Единственным весомым мемовсплеском

был низкочастотный аудиоряд — голос древних морских животных. И всё. На запрос, где биоутиль, он повторял неизменное: «Их уже нет».

Единственная зацепка — путь к Старому Городу, информацию о котором обнаружил БОС-Л в узле-маршрутере у робота-уборщика. Большой Логик принял и утвердил решение отправить экспедицию в количестве трёх единиц — Симилиса 15–28-Л и двух экзоконов — для доставки биоматериала и дальнейшего его исследования. Приказ был беспелляционно конкретен, требовал скупулёзного исполнения и не предполагал других вариантов развития событий.

20 июня 2442 года. Развалины Старого Города. Ночь.

Ших слушал и смотрел. Хотя его слуховые пластины по чуткости вряд ли превосходили аналогичный орган местных. К тому же условия слишком отличались от привычной ему скупой однородности. Любой звук, любой шорох порождал дробящееся эхо, да такое, что Ших поначалу затруднялся определить место первоначального источника звука.

— Ты ещё научишься, — успокаивал его Краш, — сейчас для тебя главное — смотреть. Пока не будешь готов, ни в коем случае не нападай: разорвут.

В помещении, где эхол сгрузил мёртвые тела, свет отсутствовал. В воздухе ощущалась влага и неприятный запах затхлости: дышать и говорить было немного легче, но как-то совсем не хотелось. Казалось, что пьёшь ужасно загрязнённую жидкость. Краш объяснил: в глубине постройки действительно находятся резервуары с водой. Именно там и располагается основная колония насекомых. Это место интересно стихсам исключительно как охотничьи уголья, ту воду пить нельзя.

— Тихо, — Краш насторожился и махнул рукой в сторону одного из коридоров. Странно, Шиху показалось, что звук идёт из противоположной стороны. Обратил внимание, как его новый друг прислушивается: держит голову вполоборота к источнику звука, при этом слуховая пластина со стороны коридора немного больше опущена, чем противоположная. Попробовал и сам сделать так же, поочерёдно поднимая то одну, то другую. Теперь он ясно различал, откуда идёт звук.

— Ты что-нибудь видишь? — спросил Краш. Ших сосредоточился на проходе. Понемногу стал замечать одиночные движения, сразу сообщил об этом.

— Это разведчики, — Краш вскинул крылья наизготовку. За ним последовали остальные. — Смотри, когда их будет уже много, но уровень в проёме ещё не поднимется, словно течёт сплошной поток. Тогда подашь нам знак.

Ших свистнул утвердительно и принялся смотреть ещё внимательнее. Как только пол сплошь укрыли бегущие насекомые, он похлопал рукой по плечу Краша. Тот бросился к проходу, издав резкий, пронзительно высокий вопль. За ним последовало несколько самых крепких стихс. Ших видел, как они поочерёдно бросались в самое узкое место

проёма и выхватывали по две довольно крупных особи. Отрывали им головы на лету. Сложность состояла в том, что надо было разрубить поток и обратить в бегство тех, кто ещё не достиг помещения. Для этого охотники должны двигаться один за другим с минимальным интервалом, но размер проёма заставлял их действовать очень осторожно и слаженно, чтобы не столкнуться. Ших испугался, представив последствия. Теперь понятно, почему Краш так настоятельно советовал оставаться на месте и ни в коем случае не связываться.

Тем временем главной ударной группе удалось разъединить поток насекомых и блокировать проём. Тогда за работу принялись остальные. Каждый в своём секторе ловил мечущихся членистоногих и складывал обезглавленные тела в специальную поясную сетку. Ещё одна группа стихсов ждала на выходе. Они собирали и доставляли полные сетки в помещение, где обосновалась их стая. Насекомые метались в поисках выхода, но были и такие, которые жаждали только одного: насытиться. Добравшись в тот угол, где лежали тела стихсов, начинали рвать и поглощать мёртвую плоть, причём абсолютно без разбору, своих ли соплеменников, чужаков ли. Таких насекомых было большинство. Стоило кому-то из стихсов поймать одного, как на его место выдирался другой, принимаясь жевать голову своего предшественника. Ших не смог бы такого даже представить. Краш опустил на карниз рядом.

— Попробуй охотиться, если хочешь. Ничего сложного: главное, одним движением оторвать голову, — Краш потряс полной насекомых сеткой. Некоторые ещё рефлекторно шевелили конечностями.

— Нет, я в другой раз, — ответил Ших сухо. Слишком много впечатлений навалилось на него во внешнем мире. Краш это понял.

20 июня 2442 года. Развалины Старого Города. 03:56

У старого крытого водоотстойника Симилис зафиксировал движение. Судя по всему, там уже всю пировали насекомые. Если Большой Логик правильно идентифицировал остаточную информацию из узла экзона-утилизатора, тела крылаток должны быть именно там. Симилис в сопровождении техпомощников направился туда. У входа он приказал включить прожекторы, чтоб ярким светом отогнать падальщиков. Экзоконы подчинились.

То, что они обнаружили внутри, никак не вписывалось в утверждённый план действий. На земле развернулось самое настоящее побоище: разодранные членистоногие, их головы, панцыри. Но было ещё что-то...

Симилис отметил высокий звук, скорее, свист, который постоянно присутствовал в биоареале. Некоторое время его рассматривали как средство коммуникации крылаток, но так и не доказали, что это свидетельствует об их разумности. Крылатки? Здесь? Каким образом они сумели выжить? Всё это требует подробного изучения и предметных доказательств.

В одном из углов ангара были свалены остатки тел. Вряд ли там можно добыть необходимый для лабораторных исследований биоматериал. Насекомые уничтожили практически всё — своих и чужих вперемешку. Оставались лишь кости да хитиновые панцири. Послышался низкий тягучий звук. Симилис отметил, что он напоминает скачанный им из древнего аудиофрагмента, но звучит более витиевато. Сзади погасли прожектора одного экзокона, потом — второго. Тогда из-за колонны показалось несколько крылаток.

20 июня 2442 года. Развалины Старого Города. Ночь.

Краш приказал затаиться. Во-первых, яркий свет — не слишком приятное зрелище. А во-вторых, и это главное, они не знали, с какой целью прибыли сюда эхолы. Знакомы ли они, безопасны ли? К этому времени охота уже закончилась. В помещении оставалась лишь замыкающая группа стихсов. Сначала они склонялись к тому, чтоб выждать. Но это могло быть ещё опаснее, чем обнаружить своё присутствие. Надо предупредить стаю. Не то они решат, что группа подвергается опасности со стороны насекомых, и вышлют поддержку. Нельзя преждевременно обнаруживать место стоянки стаи.

— Я знаю этого, он всегда кормил нас в биоареале, — высвистел Ших. — Он неопасен, я уверен.

На свой страх и риск Краш пустил низко звучащую трель — приказ убрать свет. Второй эхол, а за ним и третий, подчинились. Определённо, они были знакомы и неопасны. Но почему не реагирует первый?

— Почему первый не послушался? — спросил у друга Краш. Тот только в недоумении поджал слуховые пластины. — Ты сможешь найти с ним общий язык?

— Раньше мне этого не удавалось. Быть может, в этих условиях...

Краш приказал выдвигаться. Когда группа уже была в поле досягаемости первого эхола, Ших выступил вперёд, подлетел и попытался сесть к нему на плечо. Загонщик поднял вверх руку, как он обычно это делал в биоареале. Притушил прожекторы. Позволил крылатке сесть к себе на ладонь. А потом металлические пальцы туго сомкнулись вокруг торса стихсы, едва не повредив крылья. Ших пытался вырваться, изворачиваясь и визжа. Безуспешно.

Симилис 15–28-Л скомандовал отлавливать крылаток и закрывать в контейнеры для биоматериала. Ему во что бы то ни стало надо предоставить пробу для исследований. Это даже лучше, что они живые: можно пронаблюдать за функцией мозга перед препаратией. Большой Логик должен убедиться в их разумности! Тогда встанет вопрос о контакте, обучении и дальнейшем использовании мыслительных функций пвсей опуляции или её отдельных особей для дальнейшего развития цивилизации

на планете. Восстановление биосферы, ноосферы, но, в первую очередь, цикличной гармонии существования. Поставленная четыреста лет назад и казавшаяся невыполнимой задача наконец-то будет выполнена.

...Почему они не двигаются? Экзоконы впервые отказались подчиняться. Симилис повторил приказ. «Невозможно, они разумны», — поступил ответ от того, кто занимался утилизацией. Так это по его допущению здесь находится целая колония крылаток, о которых БОС-Л даже не уведомлён? Симилис повторил приказ, обращаясь ко второму экзокону. Реакции не последовало. Он услышал глухой протяжный звук в нижнем регистре — и резкий удар в затылочный узел заблокировал мемокарту и все основные нейронцепи главы группы. Куратор первого уровня Симилис 15–28-Л остался неподвижен. Сейчас он мало чем отличался от своих подчинённых. Более того, теперь он был пригоден разве что на запчасти техобслужуе.

Эпилог

Ших наблюдал с карниза, как молодые стихсы суетятся возле эхолос. Оно и неудивительно: кто откажется от мягкого лакомства из биоареала после жёстких узлов и волокон насекомых? Роботы бывали здесь часто, но в сезон спаривания отмечалось особенно много желающих запастись вкусеньким для молодых самок. Да и новорожденные стихсы на такой пище росли сильными и развивались быстрее.

Эхолос сумели убедить своего вожака не трогать стаю. Они даже ненавязчиво помогали — постепенно вокруг места их обитания поднимались пока ещё невысокие, но убиравшие свет, живые... Многие называют их «колоннообразными», но это неправильно. У Шиха пока не было нужного слова, но он его обязательно придумает. Он вообще любит играть в слова. С тех пор, как его сознание перестало ограничиваться скудным биоареалом, он не мог насытиться новыми знаниями. Ему как никогда хотелось дышать. Тем более что воздух в последнее время становился немного прохладнее и наполнялся влагой. Теперь он понимал, что вымирание его семьи и других стихс в запертой комнате было естественным и неизбежным. Изголодавшийся по краскам, звукам и действиям мозг стихсы просто впадал в спячку, а за ним и засыпало и тело. А потом приходила смерть. На свободе же его соплеменники живут. Выживают. Им некогда искать причины, чтобы дышать — они заняты охотой, поиском еды и воды, охраной стоянки.

Что больше всего радует — стая увеличивается. Стихсы умирают реже, чем раньше. Эхолос учатся общаться, но пока говорят о непонятном. Краш позволил им взять нескольких мёртвых стихсов. Почему бы и нет? Ведь они оставили своего в этом жутком месте Шихового пленения. Говорят, что он мёртв. Хотя он всё так же стоит. Говорят, что они все мертвы, хоть и движутся. Их такими сделали, они не рождаются, а воссоздают себя из себя же. Пока Ших не разобрался во всём, но это дело времени. Вокруг ещё столько интересного!

С ДЕДУШКАМИ НЕ СПОРЯТ

1. ЗА ОТВАГУ

Дед молчал, и папа с мамой молчали. Даже бабушка ни словечка не произнесла. Бабушка! Ужинали молча и молча разошлись спать, без «спокойной ночи».

Кто знал, что у деда намечается флэт... Хотя, если честно, ветераны часто так: кто-нибудь в социалке кинет клич, а на следующий день по всем паркам города уже хулиганят дедушки в беретах и тельняшках, при орденах и аксельбантах... Вот и сегодня: ещё днём никто ничего, а перед ужином дед начистил форменные берцы, погладил парадный китель. Достал коробку с орденами и, естественно, сразу заметил.

— Ну вот сами поглядите! «За заслуги» — на месте, орден Славы тоже. И святого Георгия — вот он. «За спасение Багдада», «За освобождение Аляски» есть. А «За отвагу» — нет.

— Папа, подождите, может, она осталась на рубашке. Помните? Вы надевали на утренник в школе. Устала, могла не посмотреть и бросить в стирку. Я сейчас, — мама волнуется, предвидит, предчувствует грозу. Она идет в кладовку, выключает стиральную машину, сливает воду. Кричит мне, — Пончик, поищи под шкафами, пока я бельё просмотрю.

Папа вскакивает вместе со мной, суетливо заглядывает под шкафы и диваны. Там темно, я приношу фонарик. Бабушка, как обычно, немного тормозит, обдумывает план действий. Включается в поиски стремительно, с неисчерпаемой энергией, свойственной бабушкам.

«За отвагу» — первая дедушкина медаль. Он получил её еще прошлым веке, когда защищали Персию от горных гоблинов. Дедушка пошёл воевать совсем молодым, ещё не брился. Только-только окончил школу, только-только начал служить, волосы не отросли после первой стрижки в военкомате.

Дедушкин взвод охранял караван из небольшого горного кишлака, женщин и детей эвакуировали на равнину. Мужчины оставались вместе с нашими солдатами, оборонять кишлак. Никто не знал, что как раз неподалеку гоблины разводили боевых драков. Увидели караван, решили натаскать.

Даже дедушкин лейтенант растерялся. Он тоже молодой был, как и дедушка, доброволец, военное училище экстерном. Гоблинские драки похожи на бронированных крылатых жаб, им автоматные пули — как москиты бегемоту. Что тут делать?

А дедушка не растерялся. Первого драка сбил из подствольника, очередью ранил сразу двух погонщиков. Тогда и остальные солдаты начали стрелять, так что и гоблинов отогнали, и никто из людей не пострадал. За это дедушке дали медаль и отпуск, а в отпуске он познакомился с бабушкой.

Так что медалью «За отвагу» дедушка дорожит больше всего.

Мне не по себе. Но, как это ни трудно — словно бежать по груди в воде! — я признаюсь:

— Папа, мама... Бабушка... Не надо искать, её нет дома.

Сказал — и как в прорубь... И попробуй выплыви, если течение... Тишина, ты всех видишь, а они тебя — нет, и ты разеваешь рот, но ни звука, под водой ни звука, а тебя уносит, уносит, уносит. И так весь вечер. И за ужином, и после.

Когда я выскользнул из своей комнаты, все заснули, и в квартире — ни звука. Часы в кухне показывали полночь, но и они молчали, не решаясь нарушить эту тягучую тишину.

И дверь даже не скрипнула, а обувался я уже в подъезде.

Днём Тверская раскалилась — прямо Крым, не Москва — а за вечер так и не остыла.

Жара. Даже ночью.

Хорошо, что кольцевая линия работает круглосуточно. В метро прохладно, как дома.

Шаттл на Екатеринбург оказался почти пуст, и я занял лучшее место, возле кондиционера.

Кондуктор, немолодая стройная женщина в синей форменной рубашке, облегающих джинсах и балетках на босу ногу, окинула меня подозрительным взглядом:

— Чалмик, а почему так поздно? Каникулы пока не начались.

— Заигрался с друзьями, по Кремлю лазили, домой лечу, — от такого вранья я покраснел, но кондукторша, похоже, сочла это муками совести. Проверила пробитый талончик и ушла в кабину пилота.

Как только стартовые перегрузки закончились, я задремал и проснулся уже в Екатеринбурге.

Оказалось, что местные бусы улетают в парк в половине первого. Почти десять верст ночью по шоссе... Честно признаюсь, я начал беспокоиться, как только последний фонарь остался за поворотом. А спустя ещё пару минут стало страшно. Темнота на пустынной лесной дороге совсем не такая, как, скажем, даже в подвалах Спасской башни или Киевской Лавры. Когда ты один, когда не спрячешься за болтовню или браваду перед приятелями, становится не по себе. Память услужливо извлекает сцены из фильмов ужасов, лесные звуки обретают новые интонации, а силуэты придорожных кустов...

Старинная грузовая фура вывернула с проселка, ослепив на мгновение фарами. Но сразу затормозила, подала назад и подъехала

ко мне. Шофёр, чёрный, лохматый и клыкастый орк, опустил стекло:

— Тебе куда?

— В Ягодный. Это прямо по дороге.

— Залазь. Невелик крюк. До ограды подброшу, дальше сам, там улицы узкие, на моём динозавре не развернуться.

— Спасибо вам, огромное спасибо! — окрыленный неожиданной удачей, я взлетел по откидной лесенке в кабину.

Оказалось, обыкновенная кабина, совсем как в бусе или грузовом шаттле. Рядом с водительским — еще одно место. Мягкое кожаное кресло, потёртое, но уютное. Смешной вентилятор на пружинке. Над стеклом амулет: клык смилодона, украшенный рунами. У меня аж дыхание перехватило от восхищения. Редкость! Орки добывали их в честном бою, голыми руками и зубами. Хотя надо признать, ещё неизвестно, кто клыкастей... Водитель заметил мой интерес и довольно улыбнулся.

В общем, всю дорогу я пялился на талисман.

Гаврош гостил у родни, в посёлке Ягодный. Вкусное название! Аккуратные двухэтажные коттеджи с плоскими крышами, один — как другой. Мне такая похожесть не нравится. Взять каждый дом по отдельности — и красивый, и удобный. Но когда все вот такие одинаковые — скучно. И попробуй, найди ночью нужный адрес!

Но отыскал. Помог знакомый флюгер, который мы делали вместе с Гаврошем и Чанга-Чуком. Жестяный петух, хвост — пучок разноцветных ленточек.

Дверь открыл сам Гаврош. Сонный. В полосатой, как из старинного фильма, пижаме и вязаных тапочках. Увидев меня, обрадовался, сразу проснулся:

— Пинни, ура! Тебе разрешили у нас ночевать? — схватил за руку и потащил в дом, — Мама, Ренат, к нам Пинни-Вух в гости!

Ренат — дядя Гавроша. Высокий, смуглый, худой. Черноволосый и черноглазый, похож на маму Гавроша, только высокий. В такой же пижаме и такой же сонный. Из дверей выглядывала мама Гавроша, в халате поверх ночной рубашки.

Тут я наконец осознал свою бестактность. Ну сам не сплю, ладно. Но людей разбудил посреди ночи, стыдно-то как... У них еще время на два часа сдвинуто, почти утро, самый сладкий сон. А тут я вламываюсь со своими проблемами.

Медаль я Гаврошу одолжил днём. Мы играли в «войнушку», вот я и взял дедовы погоны, берет с кокардой и медаль, а вечером забыл забрать. И как оно вышло нехорошо.... Да что уж теперь. Я вздохнул и вежливо поклонился:

— Здравствуйте. Простите меня, пожалуйста. Я только за медалью, к Гаврошу. Дедушке завтра, то есть сегодня, на ветеранскую

тусовку, никак без медали. Извините за беспокойство, не подумал, что всех разбуджу...

Медаль Гаврош притащил сразу, но так просто меня не отпустили. Напоили чаем с вареньем, нагроулили домашними апельсинами из теплицы и клубничной размером в арбуз.

Когда я со всеми попрощался, и ночь закончилась. Посёлок, освещенный розовым светом утреннего солнца, оказался вовсе не столь однообразным, как в темноте. Все дома украшены росписью, во дворах разные зеленые скульптуры и замечательные цветники. На крышах теплицы. Очень приятный посёлок.

— Пинни, подожди, — дядя Ренат догнал меня у ворот, — подброшу, сам сегодня в Москву собирался.

Подбросить — это хорошо. Легковой флайер — не тихоходный допотопный шаттл. У дяди Рената шестиместный «ГАЗ-А-3909», цвета морской волны, круто! Корпус — керамопластик, форсированный двигатель, индивидуальные гравикомпенсаторы в каждом сиденье. Ни перегрузок, ни невесомости, и тишина в салоне.

Так что я сразу заснул и полёта вовсе не помню. Разбудил меня дядя Ренат, когда припарковался на крыше нашего дома.

На Тверской пока не рассвело.

2. Свинг

Что вспоминать приятнее?

Утро! Летнее воскресное утро!

Двор слегка, словно из распылителя, подкрашивают оранжево-зелёные лучи утреннего солнца, настоянные на листе секвойи и баньяна. Ноздри щекочет резковатый аромат полыни, смешанный с запахами липы, клумб, котлет, горячего хлеба и свежестыранного белья. Склочницы-белочки в финиковой рощице гневно стрекочут, ссорятся с лемурами и голубями. И ещё проснулись в траве кузнечики, а колибри соперничают с пчёлами в их летней цветочной одиссее...

Лето! Утро! Воскресенье! Последние два года двор оглашался радостными криками:

— Ребя-я-я-я! Все сюда! Гаврош вышел! Ребя-я-я-я! Свинг вышел!

Если Гаврош ленился и спал слишком долго, то надежнее будильника дверной звонок и вопрошающий хор: «Здравствуйте, простите за беспокойство», — мама у Гавроша строгая и давно приучила воскресных визитёров к вежливости, — «а Гаврош выйдет, а он со Свингом выйдет, а полчаса — это сколько, а мы успеем сбежать в булочную, а вы скажете Гаврошу, что мы приходили?»

Гаврош вздыхал и вставал. Натягивал шорты, футболку и кроссовки, умывался, одевал повизгивающего от счастья Свинга в упряжь.

И, наконец, чалмик и драк спускались во двор, где их поджидала толпа разнокалиберной детворы.

Гаврош держался солидно, строго, как и подобает почти тринадцатилетнему перцу в компании малышей. Свинг в поддержку хозяина глухо рычал, раздувал ноздри и хлопал крыльями. Эта показная суровость никого не пугала: мелюзга набрасывалась на друзей как муравьи на гусеницу, валила в траву и Свинга, и его хозяина. Куча мала! Трое маленьких кубинцев из четвёртого дома. Пара малознакомых эстонцев из соседнего двора. Димка, Серёжа, Нгуен, Тишкатиhoня, Леночка, Гюльнара, Эдик, Азиз, Вовка, Сарочка, Фатима и ещё несколько совсем маленьких, не разглядеть за остальными. Рыжие, чернявые, белобрысые, лохматые, смуглые, бледные, тощие, крепенькие. Панамки и каскетки, сандалики и кроссовки, курточки, колготочки, шортики, джинсы, комбинезоны.

Гаврош хохотал и осторожно вырывался. Осторожно. С малышами Гаврош ощущал себя совсем взрослым и относился к ним с нежной осторожностью сильного мужчины. Свинг столь же аккуратно переворачивался на спину, подставлял детям горло и мягкий пушистый живот для почёсывания.

Воскресный утренний ритуал.

Когда дворовая мелкота уставала тискать Свинга, тот вставал, отряхивался. Лизал Гавроша в щёку тёплым языком, елозил мордой по траве: просил снять намордник. Намордник Свингу не нравился, а кому бы он понравился? Если во дворе не случалось нервной бабушки из третьего дома, Гаврош уступал. Свинг радостно мотал головой, хлопал крыльями, припадал на передние лапы и хватал зубами уздечку. Но в этом Гаврош непреклонен: поводок можно отцепить только на холмах, за каналом, где находится официальный выгул. Там, где разрешено летать без паспорта, прав и правил.

Яйцо со Свингом Гаврош принёс домой после своего одиннадцатого дня рождения, в конце марта. Долго копил деньги, хотел всех обрадовать, да. Только вот бабушка целый час то кричала, то плакала. Папа вернулся, когда кричала, так что автоматически попал в число «виноватых», а Гаврош обзавёлся в его лице весьма серьёзным союзником. Именно папа положил яйцо в печьку СВЧ и включил максимальную мощность, так что к маминому появлению Свинг уже вылупился и лакомился пламенем газовой плиты. Мама не кричала. Как только увидела на кухне крохотного кетцалькоатля, ушла в спальню, погасила свет и весь вечер ни с кем не разговаривала. Смотрела в окно.

Потом вернулся с работы дедушка и всех помирил. С дедушками особо не поспоришь.

Вот не совсем обычный факт: хотя в семье Гавроша есть и дедушка, и бабушка, они не муж и жена. Дедушка — папин папа,

бабушка — мамина мама, каждый занимает отдельную комнату, и обращаются они друг к другу только на «вы» и по имени-отчеству. Игорь Николаевич и Линь Зунговна.

А Свинг — драк, пернатый змей, кетцалькоатль династии Чичен, питомник «Чемпион». Боевой и охранный драк, пастух, работяга, не для слалома или воздушной акробатики. Оперение цвета пожухлой травы. Длинное гибкое тело — как на старинных уханьских гравюрах, задние лапы мощнее и короче передних, размах крыльев больше четырёх метров. А Гаврош пошёл в маму: круглолицый, чернявый и худенький. Невелик груз для взрослого кетцалькоатля.

Пернатых коатлей, как и всех остальных драков, приобретают в яйце, а чтобы дракошка вылупился, яйцо следует поместить в открытый огонь. От характера пламени зависит и характер будущего драка, а от температуры — его способность к извержению пламени. К примеру гоблины выводят боевых драков в напалме, а драконологи стратегических ВВС — в бешенстве термоядерных реакций. Свинг вылупился в печке СВЧ, подкармливался от газовой плиты с электрозажигалкой, так что плевать на огонь не любил, зато умел пускать разноцветные молнии. На Новый год безо всяких петард и ракет устроил на крыше такой фейерверк! А в грозу всё норовил забраться на громоотвод, и попробуй, пойдёшь, стащи.

Ой, вспоминать можно много и долго...

Как объяснить: что такое «своё» место? Уголок сквера, скамейка на людной площади, неприметный кафетерий на задах гипермаркета, остановка на окраине, обрыв над морем. Да что угодно и где угодно, у каждого — своё. Сердце там стучит как-то иначе, твёрже и увереннее, заботы утрачивают значимость. Для Гавроша со Свингом — это одуванчиковая полянка: круглый пятачок в пригородном ельнике, десятков шагов в поперечнике, не больше.

Полянку обнаружили случайно. Свингу тогда не исполнилось и года, размах крыльев, как у взрослого драка, но в полную силу пернатый змеёныш ещё не вошёл. «Приполянились» вполне прилично, а взлететь без разбега не получалось. После десятка неудачных попыток пух со всех одуванчиков поляны перебрался на шевелюру Гавроша и оперение Свинга, ёлочки изрядно растрепались, а друзья смирились с перспективой пешего пути сквозь бурелом.

Из-за облаков вышло солнце и повисло прямо над полянкой. Огромное солнце, во всё небо! Свинг подобрал крылья, опрокинулся спиной на зелёный матрас густой травы, задрал все четыре лапы и замер. Гаврош? Гаврош не умеет объяснить, но... Время остановилось. А когда оно вновь начало своё неторопливое движение, Свинг легко взлетел с места, вообще без разбега, будто бы провёл это бесконечное мгновение не на солнечной поляне, а в протуберанце сверхновой.

Позже Свинг с Гаврошем не раз прилетали сюда, посидеть и посмотреть на солнце.

И когда на такой вот «своей» полянке видишь незваного незнакомца, трудно относиться к нему с симпатией. Тем более, если это незнакомый мальчишка, ростом чуть поменьше, но крепенький, лохматый, в грязной и потрёпанной одежде. Неприятный тип. Он очень не понравился Гаврошу. Особенно тем, что избивал хлыстом своего мелкого драка.

Понятно, что Гаврош не сдержал раздражение:

— Эй, малой, а если я вот сейчас так тебя самого?

Это ёмкое словечко «малой»! Если кто-то позабыл, в мире чалмиков обращение «малой» означает: «я старше и сильнее, если мне что-то не понравится, или просто придёт такая фантазия, то я тебя, малого, обижу, унижу или избью».

Неприятный тип медленно опустил хлыст и столь же медленно повернулся. О, сколько презрения, какую нескрываемую наглую издёвку могут выразить простые, казалось бы, движения!

Гоблин. Это был вовсе не мальчишка, а кочующий гоблин. Страшилка для детсадовцев. Молоденький: когти на лапах короткие, клыки из-под верхней губы выпирали совсем чуть-чуть. Зато под жалкими кустиками зелёной щетины на щеках багровели грубыми стежками ритуальные шрамы посвящения во взрослые.

Гоблин оскалился и поинтересовался яростным полущёпотом:

— Это меня ты назвал «малым», щенок?

Сквознячок пробежал по спине чалмика... По слухам любой намёк на низкий рост — смертельное оскорбление для гоблина.

Гоблин зашипел, сплюнул, резко пнул Гавроша по голени и с размаха ударил кулаком. В лицо.

Надо сказать, что за годы нормальной, цивилизованной, человеческой жизни Гаврош отвык от подобных «приёмчиков». Не то, чтобы чалмику вовсе не случалось драться... Но эти драки начинались (а чаще и заканчивались) ритуалом взаимных обидностей, пиханием друг друга в плечо, хватанием «за грудки». С принятия боевой стойки, наконец, и обсуждения условий поединка!

Гаврош сам не понял, как оказался на земле. И пропустил тот миг, когда Свинг ринулся на защиту своего чалмика. От удара пернатым крылом гоблин улетел в ёлочки, на чём дело могло и закончиться... Но — этот мелкий драк! Гнусный гоблинский драк! Крылатая зубастая жаба пренебрегала приличиями честного боя в той же мере, что и её хозиян. Тварь прыгнула и вцепилась в плечо Свинга.

Намордник! Гаврош не успел снять с драка намордник...

Свинг взвизгнул от боли, попытался стряхнуть зверюгу, но не сумел. Рычащий ком покатился по поляне. Гоблинский драк мёртвой хваткой впился в плечо пернатого змея, а намордник

мешал Свингу пустить в ход собственные клыки или ударить противника молнией.

Теперь уже Гаврош кинулся другу на выручку, но тщетно: что для двух взрослых драков худенький чалмик?

Из зарослей ельника выбрался гоблин и, к чести зеленокожего, без промедлений бросился Гаврошу на помощь. Даже вдвоём они с трудом сумели удержат раненого кетцалькоатля и разжать челюсти гоблинскому дракону.

Потом? Потом...

Вот какие-то события жизни вспоминаются в мельчайших деталях, последовательностях и взаимосвязях. А иные — что смятые в пластилиновый ком фигурки, что бессвязный, обрывочный кошмар — поди разберись, где, что и откуда, да и случилось ли вообще?

Остаток того дня Гаврош помнит плохо, так, будто всё это происходило и не с ним. Гоблин помог и перевязать Свинга, и донести до города. Хорошо, что мама оказалась дома. В районной клинике бурлила скандалами очередь: заканчивался рабочий день, ветеринар велел не заниматься... Всё же дождались. Раздражительный красноглазый толстячок бросил брезгливый взгляд на рану и предложил «усыпить».

Помчались в дежурную городскую. Таксист ругался, что Свинг запачкает салон, отказывался лететь, запросил вдвое.

В дежурной ветлечебнице повезло больше: и хирург на месте, и никакой очереди. Операция продолжалась почти два часа. Оказалось, что ветеринарам медсёстры не положены, так что асисистировали Гаврош и мама. Держали маску для наркоза, подавали лекарства, разные страшные инструменты, помогали бинтовать и накладывать шину.

Усталый немолодой доктор промыл рану, удалил осколки кости, поставил спицу, наложил швы. Помог вынести спящего Свинга из лечебницы, закурил, пока ожидали такси. На прощание пожал Гаврошу руку и, пряча глаза, сказал то, что запомнилось дословно:

— Плечо заживёт, но летать не сможет. А без неба драконы долго не живут.

Попробуй, попробуй забыть, не выйдет забыть... Да и вправе ли забывать?

От Эйфелевой башни до Останкинской верхом на драке не больше пяти минут. Или четверть часа на метро. Или с утра до полудня пешком, если рядом ковыляет пернатый инвалид. Некоторые прохожие ругаются, что без намордника, ну да ладно.

А к морю? С Тверской по Немиге пересечь Манхеттен, потом два квартала Вильгельмштрассе и свернуть на Крещатик. По лестнице, что рядом с фуникулёром, до Монмартра, выйти на Дерibasовскую и по Невскому до Трафальгарской площади. Сразу за Пер-Лашез

ограда Останкинского дендропарка, а там — Пуэрта-дель-Соль, рукой подать до пляжа Капарике, полчаса быстрым шагом до Гейрангер-фьорда. Это тем, кто может передвигаться быстрым шагом.

Но чалмик и драк не ходили к скалам. С холмов вид на море ничуть не хуже.

Несмотря на мрачный прогноз, Свинг прожил год. И ещё один. Подолгу сидел на крыше, но в грозу предпочитал прятаться дома, под кухонным столом. Не боялся грозы, просто грустил... Дети любили драка по-прежнему. Хоть и не играли теперь в «кучу-малу», опасались растревожить раненое плечо, но не изменили воскресной традиции утренних встреч.

На третье лето, дождливым вечером в конце августа, пернатый змей вдруг забеспокоился, запросился на улицу. Дожди шли третий день. Свинг хандрил, кушал неохотно, Гаврош подкармливал друга с ладони шоколадом и огоньком зажигалки. На дворе дракон потащил за собой чалмика на задний двор, к запруде у Ниагары.

Когда Гаврош отстегнул поводок, Свинг захлопал крыльями — обоими крыльями! — напролом, сквозь заросли ивы и камыша, прорвался к водопаду, на миг оглянулся и прыгнул. Спланировал метров на тридцать вниз и вперёд, и исчез в пучке разноцветных молний.

Ни в одном музее мира вы не сыщете ни чучела, ни скелета настоящего дракона: после смерти они предпочитают сгорать дотла. В полёте.

Гаврош давно перерос возраст, когда чалмики плачут, это всё дождь, это всё дождь.

Память! Эта непослушная память! Щемящая пустота сквозняком бродила по дому до самой весны, а в начале мая бабушка...

На майские праздники бабушка принесла яйцо кетцалькоатля.

3. С ДЕДУШКАМИ НЕ СПОРЯТ

Пинни-Вух уныло трусил по дорожке вдоль леса и ругал сам себя.

Глупо спорить с дедушками! А если некоторые непослушные внуки засиживаются за полночь, то утром не слышат сигнал будильника. И когда этикие возомнившие о себе Пинни-Вухи наконец просыпаются, то обнаруживают, что папа с дедушкой убежали на зарядку, не дожидаясь всяких полуночников. И теперь поди догони! Папа с дедушкой вечно соревнуются: кто больше подтянется, глубже нырнёт, выше прыгнет. Почти девять. Небось успели добежать до моря, а то и переплыть Гибралтар...

Парило. Щедрое июльское солнце не скупилось на коктейль из жары и коротких бурных гроз. Пинни-Вух свернул в тень, на лесную тропинку, продирающуюся сквозь бурелом молодого ельника к зарослям малины у оврага.

Но и в малиннике чалмика поджидало очередное утреннее разочарование.

Всем известно: где малина, там и крапива, с голыми ногами и не полакомишься особо. А тут... На единственном безопасном пятачке, загодя выполотом и вытоптанном, возле лучшего куста с самыми крупными и сочными ягодами сидел на корточках Чанга-Чук. Как всегда нахальный, лохматый, босоногий, без майки и в зелёных трикотажных шортах. И объедал заветную ветку, намедни оставленную Пинни-Вухом на предмет созревания.

Пинни вздохнул, да что теперь? Вольно было долго спать! Чалмик подобрал с земли пригоршню сосновых шишек, предусмотрительно укрылся за сосной и запустил поверх головы друга «предупредительную очередь».

Любопытный кенгуру выглянул из овражка, оценил ситуацию и предпочёл ретироваться с театра военных действий. Баньши, дремавший в ветвях засохшего вяза, проснулся и с невнятным ворчанием улетел в еловую поросль. Сороки радостно заскандалили с безопасной высоты окрестных сосен, их стрекотание подхватили окрестные попугаи и пересмешники.

Чанга-Чук немедленно откатился под защиту огромного пня и ответил мощным еловым залпом — только поспевай уворачиваться. Пинни не остался в долгу. Пень — не сосна, «огонь» по Чанга-Чуку можно было вести «навесом», и чалмик не преминул воспользоваться этим тактическим преимуществом. Чанга-Чук осознал слабость своей позиции, выскочил из укрытия и бросился в отчаянную атаку. Наследник могикан и семинолов яростно улюлюкал, размахивал над головой мотагавком и мчался тем знаменитым зигзагом, которым делавары уходили и от стрел гуронов, и от пуль бледнолицых. Но что те стрелы, что те пули в сравнении с еловой шишкой в руке Пинни-Вуха, лучшего снайпера во дворе? Чанга-Чук поймал грудью еловый «снаряд», честно рухнул на землю, изображая погибшего, но тут же вскочил. Крапива, крапива вокруг малинника!

Крапива крапивой, но наследник могикан и семинолов умел проигрывать с честью: держась за грудь, чалмик проковылял до сосны и, признавая поражение, пал на спину.

Вообще Чанга-Чук не индеец, а алеут. Настоящий. С Аляски. В далёкой древности, ещё когда воевали по-настоящему, а не только в сети, дедушка Чанга-Чука, было дело, сражался против дедушек Пинни и Гавроша. Дела давние, но не всеми забытые... Когда чалмики были совсем маленькими, дедушка Пинни-Вуха, после очередного спора на исторические темы, даже вызвал дедушку Чанга-Чука на поединок. На дворовом ринге натянули новые канаты, пригласили рефери из федерации и девять раундов дедушки молотили друг друга руками и ногами. Зрители собрались

со всего района. А к началу десятого раунда вернулась с работы бабушка Чанга-Чука и турнир немедля завершился боевой ничьёй. По причине обстоятельств непреодолимого характера. С рассерженными бабушками тоже особо не поспоришь. Даже дедушки не рискуют.

Внуки, в отличие от дедушек, дружили всегда, и даже ни разу не ссорились.

Пинни подошёл к поверженному противнику и протянул руку:

— Чук, вставай, муравьи в штаны понаползут.

Чанга-Чук не заставил себя упрашивать, вскочил и хлопнул друга по пятерне:

— Привет, Пинни. Не побежал со своими или как?

— Проспал, — вздохнул чалмик. — А ты что тут?

— За дедом приглядываю. Мама сказала.

— Да ну, гонишь, деда — они сами за всеми приглядывают, ещё попробуй спрятаться, — засомневался Пинни-Вух.

— Это кто гонит? Зуб даю, — Чанга-Чук щёлкнул ногтем по верхнему резцу, — вторую неделю каждое утро за дедом слежу. Он на поляне йогой занимается.

— И что?

— И то! Зимой дед раскопал в сети старый фильм, про каратистов. Там один крутой чёрный пояс приходит к другому, тоже крутому, а тот сидит в «лотосе». Сидит, сидит, а потом взлетает и висит в воздухе. Ну и первый тоже в лотос садится, и тоже взлетает. Так вот дед с папой заспорил, что такое на самом деле бывает, не только в кино.

— Так при чём тут йога, если каратисты?

— Я и сам сперва недопонял, фильм на японском, с финскими субтитрами. Дед сказал, что типа все крутые каратисты обязательно занимались и йогой. И ваще, в додзё медитируют в позе дзадзен, а тут, я же сказал, в «лотосе». В сидхасане¹ то есть, — Чанга-Чук не удержался щегольнуть «непонятными словечками», чем, естественно, спровоцировал друга на ироничную интонацию.

— Ну и?

— Ну и ну, баранки гну. Так вот дед рассердился и пообещал всем доказать. С февраля каждое утро асанит, пранайамит и типа медитирует.

— И как, взлетел?

— Пинни, кончай, это не смешно. Понятно, что сказки. Но ты представь, что это твой дед зарёкся ужинать вместе со всеми, пока не взлетит?

Пинни-Вуху, обладателю двух прабабушек, а также целого выводка бабушек и дедушек, тема разнообразных капризов, сумасбродств

¹ Чанга-Чук путает, «поза лотоса» — это падмасана

и взаимоотношений была куда как близка. Чалмик понимающе вздохнул и дружелюбно хлопнул друга по плечу:

— Это... Прости, больше не буду. Так а зачем ты утром за дедом следишь?

— Так вот, на прошлой неделе мы с мамой на поляне, где занимается дед, закопали антиграв с дистанционным управлением. Короче, мама деду приподнимала во время этой его медитации. Каждое утро на сантиметр выше. Тайком от него, чтобы взлетел и перестал на всех обижаться. А вчера у неё с папой годовщина свадьбы, так они улетели в Крым до понедельника. Ну и сказала мне приглядывать за дедом. Во, видал? — Чанга-Чук вытащил из кармана дистанционку от антиграва. — Короче, как он свои заклинания затянет, я антиграв включу. Пошли со мной, сам посмотришь. Только никому не рассказывай!

— Никому! Зуб даю, — теперь уже Пинни исполнил древний чалмиковый ритуал зубозакладывания.

Чангачуков дед занимался на пригорке, где вековые сосны приютили небольшую поляну, укрытую от невнимательного взгляда смородиной и орешником.

Но чалмики опоздали.

Дед успел допеть все мантры и, завязав мускулистые ноги в узел падмасаны, висел в воздухе, в метре над землёй. Безо всякого антиграва.

Старый алеут довольно улыбался, а на левом его плече чистил пёрышки нахальный молоденький воробышка.

4. P-7 № M1-5

Гроза собиралась весь день, да так и не разразилась. Успокоилась, разнежилась, разленилась на солнцепёке, разлеглась где-то недалеко, за лесом. Её детишки, проказливые мелкие облачка, за день устали шалить и попрятались под крылышко мамы-тучи, как цыплята. Даже неугомонный ветерок обленился, лишь чуть-чуть пошевеливал тополиный пух на асфальте и ластился к прохожим. Солнце выглядывало из-за горизонта не закатным багрянцем, но алой половинкой молодой клубничины, ломтем неспелого арбуза, так, что немудрено и спутать с рассветом...

В такой вечер особенно остро ощущается нестерпимая потребность осчастливить всех, всех, всех: от гиганта левиафана до мельчайшего ночного мотылька.

А вот Пинни-Вух затаился в непролазных зарослях акации возле мостика через канал и боялся шевельнуться. Дедушка, самый главный дедушка во Вселенной, стоял по стойке «смирно». А рядом с дедушкой Пинни переминались с ноги на ногу и дедушка Гавроша, и дедушка Чанга-Чука. И краснели. Как нашкодившие школьники перед завучем, как бандерлоги перед питоном Каа, как...

— ...та-ак, картина маслом: Пинчук, Гаврилов и Чангаев. Кто бы мог сомневаться! Не навоевались? Не наигрались? Пинчук, глазки-то не прячь, нечего. Тут стушевался институточкой, а как теперь внуку в глаза посмотришь? — Бабушка Эля, рослая и громогласная, славилась умением перемежать пренеудобнейшие риторические вопросы лексиконом из книг и старинных кинофильмов. Молчаливая бабушка Аля по обыкновению не произносила ни слова, но и сурово поджатými губами, и негодующим взглядом глубоко посаженных карих глаз выражала поддержку разносу дедушек. Бабушки Гавроша и Чанга-Чука в бабушкинской табели о рангах числились младшими, и потому также помалкивали.

Наконец Пинни-Вух не выдержал: тягостное напряжение ситуации стало непереносимым и превозмогло любопытство. Чалмик попластунски, осторожнейше, не потревожив ни веточки, ни травинки, просочился между колючих кустов, прошмыгнул на мост и улизнул домой. Только годы спустя, уже взрослым, он разобрался в том, что тогда произошло. Как оказалось, истоки этой истории находились в незапамятной древности, когда и сам Пинни, и Гаврош, и Чанга-Чук были ещё совсем-совсем маленькими, даже не совсем чалмиками, а почти ляльками...

Так вот, начнём.

А ну-ка, отвечайте: сколько на свете дворов? Не счесть! Солнечные и тенистые, зелёные и пустынные, малюсенькие и огромные — дворики, дворы, дворищи. В большинстве дворов с раннего утра до самого вечера бурлит жизнь, но случаются и такие, в которых никто не живёт. В любом случае, в каждом дворе свои загадки, свои чудеса, свои истории...

Двор Пинни-Вуха и его друзей просто великолепен. Настоящий замок! Четыре стареньких высотных «столбика» по углам — как четыре сторожевых башни. Крепостными стенами их соединяют разноэтажные цветные террасы современного кондоминиума, а внутри этой крепости — огромный двор.

И какой двор! Зелёное кружево живых изгородей сплетается с разноцветной вышивкой клумб, узором детских площадок, орнаментом спортивных комплексов. А посреди этого великолепия — горка, а на горке — полукругом пятиподъездная девятиэтажка, в которой и жил Пинни-Вух со своими лучшими друзьями. А с крыши девятиэтажки открывается вид на окрестности двора-замка: на хрустальное ожерелье оранжерей, на магистраль для колёсных тяжелогрузов, на скверик, ведущий к школе, на саму школу, на канал, на джунгли за каналом, на ангары за джунглями и дальше, дальше, дальше, на города, страны, океаны, острова и континенты... Замечательный двор!

Но как в самых чистых озёрах случаются пиявки, так идиллию лучше-го во Вселенной двора несколько нарушала троица записных хулиганов.

Хулиганы обитали в юго-восточном столбике и были старше, выше и крупнее всех остальных чалмиков. Крупнее как раз настолько, чтобы попытки мятежа регулярно разбивались о неоспоримое превосходство в грубой силе.

Настоящие имена «плохишей» история не сохранила. Сами себя они именовали не иначе, как Good, Bad и Ugly¹, не расставались с пробойными² пистолетами (в их-то возрасте!) и играли только в «войнушку» по самым жестоким правилам.

Между собой Пинни с друзьями наградили недорослей прозвищами Хитрый, Злобный и Глупый.

Хитрый изображал пай-мальчика: волосы аккуратно стрижены и зачёсаны на идеальный пробор, рубашка и брюки выглажены, туфли начищены до блеска. Всегда и везде — только туфли! Если Хитрый замечал взрослых, то немедленно преображался в лучшего друга и защитника малышей. А ещё Хитрый постоянно хвастался, жульничал в играх и врал. За жульничество и враньё Хитрого, случалось, поколачивали собственные товарищи. И поделом.

Злобный стригся наголо, облачался исключительно в камуфляж и украшал левую щёку татушкой-черепом. Не настоящей татушкой. Переводной картинкой. Если в процессе хулиганско-злодейских дел Злобный всерьёз потел, татушка иногда размазывалась. Конфуз! Но никто Злобного не жалел, а Хитрый и Глупый так и вообще не упускали случая для жестоких насмешек над приятелем.

Глупый щеголял ярко-красным ирокезом, цветастыми гавайками, избыточным пирсингом и огромными туннелями в мочках ушей. Глупый вечно одевался не по погоде: в жару натягивал свитер, а зимой выходил в лёгкой куртке, без шапки и шарфа. Прозвище Глупый заслужил даже не за нелепый внешний вид, но несуразными выходками и всякими гадостями: плевал вверх, ждал, пока упадёт и дико хохотал, обливал прохожих изюмной кашей, натягивал нитки поперёк дороги, закапывал в песочнице кирпичи и убивал кузнечиков. И всё время грыз ногти. Грязные ногти.

Хитрый, Злобный и Глупый представляли серьёзную опасность, с которой приходилось считаться всем чалмикам двора. Впрочем, Пинни давно заметил, что хулиганствующая троица никогда не появляется ни в библиотеках, ни на стадионах, ни в музеях. Чалмики ощущали себя в полной безопасности в спортзалах и в кружках, на субботах и гуляньях. Но стоило друзьям, к примеру, отправиться в экспедицию на свалку, начать «войнушку» против соседней улицы, или затеять какую иную проказу, естественную для чалмиков, но не одобряемую взрослыми...

¹ Хороший, плохой, злой — хулиганы воображали себя героями одноименного старинного вестерна

² Самоделные деревянные муляжи пистолетов, на которые натянута резинка «моделька». Стреляют «пробоями» — кусочками алюминиевой проволоки, согнутой в форме латинской буквы V.

Так вот, продолжим.

Однажды весной, когда акации и баобабы уже зазеленели, но ещё не расцвели, в погожий субботний вечер, когда угли заката уже отпылали, но ещё не остыли, в тот час, когда двор уже отужинал, но пока не уснул...

Пинни-Вух, Гаврош и Чанга-Чук выбрались на пустырь, за каналом, когда сумерки уже расплзлись по зарослям ивы у воды, но одуванчики ещё перемигивались с закатным солнышком. Благоухала липа. Любопытная мартышка наблюдала за чалмиками из пустующего аистинного гнезда. Енот-подросток волок куда-то здоровенный картонный ящик. Ящик цеплялся за молодые побеги ползучей лианы, и хвостатый хозяйственник недовольно ворчал что-то неразборчивое.

Вечер! Чудесный летний вечер, ласковый пятничный вечер, волшебный вечер, щедрый даритель добрых чудес и милых диковин!

Гаврош пришёл раньше и ожидал друзей возле трёх старых лыжных палок, вкопанных в землю. Гаврош считал себя самым организованным чалмиком во дворе, гордился собственной пунктуальностью и имел обыкновение ворчать по поводу неаккуратности товарищей. Вот и сейчас он скорчил недовольную мину, топнул ногой и изобразил преобидную пантомиму на боевом языке жестов: «Неуклюжие бледнолицые младенцы запутались в длинных юбках старых скво». Пинни и Чук пресекли дальнейшую дискуссию о возрасте и цвете кожи неоспоримым аргументом в виде двух исцарапанных кулаков. Впрочем, не всерьёз: между собой друзья сражались исключительно на стадионе, татами и шахматной доске.

А к этому вечеру они готовились полгода, с прошлой осени.

Чалмики притащили на пустырь ракету.

Ракету! Не какой-то вшивенький фейерверк из арсенала дошколят, а настоящую действующую, модель первой в мире космической ракеты Р-7 № М1-5 с первым спутником. Двухступенчатую, с жидкостным двигателем, безотказной оптоэлектроникой управления и миниатюрными антигравитами. Миниатюрными, но вполне достаточными для того, чтобы по-настоящему вывести спутник на орбиту.

Ракету чалмики строили почти полгода в школьной мастерской под руководством дедушек, «трудолика»¹, «физицы»² и «классухи»³.

Официально ракета не предназначалась для запусков. Точнее, не предназначалась по мнению учителей. Победительница районного и городского конкурсов, модель-копия (в масштабе один к шестидесяти) вот уже целый месяц, до самого этого вечера, парила на антигравитах под потолком школьного выставочного павильона. Гордость завуча по детскому творчеству,

¹ «Трудолик» (чалм.) — учитель труда

² «Физица» (чалм.) — учительница физики

³ «Классуха» (чалм.) — классная руководительница

объект восхищения первоклашек и предмет зависти юных техников всех окрестных школ украшала и впечатляла, но...

Но какой чалмик удержится от спуска на воду бумажной каравеллы, склеенной силикатным клеем и скотчем? Разве настоящий чалмик станет вечно держать на привязи под потолком пластмассовый истребитель и лишит его единственного, короткого, но настоящего полёта с балкона? Или кто-то смеет сомневаться, что Пинни-Вух, Гаврош и Чанга-Чук — настоящие чалмики, благородные и мужественные, дерзавшие и доказавшие?

Ракету из школы чалмики увели без проблем: загодя оставили открытой фрамугу в фойе и воспользовались дистанционным управлением.

На пустыре установили на стартовую площадку, заблаговременно подготовленную Гаврошем, залили в баки ступеней керосин и окислитель, поменяли батарейки в антигравах. Отошли на безопасное расстояние, отсчитали в обратном порядке от десяти и одновременно нажали кнопки «Старт» на своих смартфонах. На всех трёх. В одинаковых программах дистанционного управления. Чтобы никому не было обидно.

Красивого запуска, как на старинных кинолентах, не получилось. Ракета сшибла хлипкие импровизированные направляющие из старых лыжных палок и улетела не вверх, а влево и вниз, под мост через канал, где и взорвалась.

Увы, на этом неприятности не закончились.

Из-под моста, прямо сквозь пылающие кусты на пустырь выбралась добрая дюжина¹ некрупных троллей. Изрядно обгоревших и обожжённых. Нет, ну понятно, что огонь троллям что циркулярный душ: у каменюк в молекулах тела вместо углерода кремний. Но кого порадует вынужденный душ, после которого одежда превращается в лохмотья?

Нет позора для самых бесстрашных чалмиков, даже для почти десятилетних чалмиков, даже для выдавших виды чалмиков, в том, чтобы спастись бегством от полчища гоблинов или вурдалаков на войне, в сражении. Но тропинка! Путь к спасительному мостику с одной стороны преграждали заросли кактусов и молочая, с другой — тролли. Для отступления оставалась узкая тропинка: двое прорвутся, третий попадёт в лапы кремниевых болванов.

Вот такая невезуха...

Даже самый маленький чалмик никогда не забывает: мы, люди, сильны не только своей воинской доблестью, гордимся не только наукой и культурой, не только своими успехами, да даже и не столько ими... Мы, Человеки, славимся среди всех обитателей всех миров верностью дружбе.

Это гоблины при отступлении бросали своих раненых под копыта конницы противника. Это морлоки заваливали телами собственных легионеров крепостные рвы. Это орки-отступники в осаждённых

¹ Доселе неразгаданная наукой загадка: как целая толпа здоровенных троллей ухитряется разместиться под любым, даже самым маленьким мостиком?

логовищах жрали друг друга почём зря.

А мы — Люди. Хоть сам погибай, но товарища выручай, в том наша сила.

Именно эта истина, усвоенная с рождения, и удержала чалмиков от бегства.

Они остались на месте, встали спина к спине и приготовились вступить в неравный бой с неизбежным поражением.

Но тут, прямо как в «боевиках», на пустырь вылетел Хитрый. Да, да, тот самый Хитрый, главный тиран и мучитель троицы друзей, в извечной белой рубашке, смешных облегающих брючках, прилизанный и наодеколоненный. Мокрый, похоже, через канал перебрался вброд. В лаковых туфлях... Так вот каблуком этих самых лакированных позорищ Хитрый (да, да, тот самый презренный подхалим и хияк) вlepил шикарнейший уширо-гири точненько в челюсть самому рослому троллю. В прыжке и с разворота.

Сказать, что Чук, Гаврош и Пинни были удивлены — ничего не сказать. Но дальше — больше. Тролли — крепкий народ. Неповоротливый, даже неуклюжий, но крепкий. Свалить тролля — что перевернуть дорожный каток, что опрокинуть чугунную ванну, что положить на лопатки гиппопотама. Но от удара Хитрого тролль в красном не только сам отлетел, как кегля, но и увлёк за собой ещё троих. И всё бы ничего, вот только упали они в канал. А поскольку кремниевые увальни куда как тяжелее воды, то сразу и пошли ко дну. Не шуточки! Когда Злобный и Глупый подоспели на помощь приятелю, короткая потасовка уже превратилась в спасательную операцию. Доводилось вытаскивать из болота даже не бегемота, а, к примеру, экскаватор? Так что помощь двух здоровяков весьма пришлась ко двору.

В итоге всё закончилось благополучно. Хитрый с перепугу вызвал было «неотложку», но когда медицинский флайер приземлился на островке, потерпевшие успели прийти в себя, отплевались мутной водой канала и вяло ругали и Хитрого, и чалмиков, и собственных товарищей, и даже строителей моста. Так что помощь врачей не понадобилась.

Но и замять инцидент не удалось. Суровая врач «Скорой», миниатюрная красавица эльфийка, и раздала всем по серьгам прямо на месте, и немедленно связалась с родителями и чалмиков, и каменных балбесов.

А вот с родителями ни Хитрого, ни Злобного, ни Глупого не удалось связаться, зато выяснилось, что родителей у них и вовсе нет. Нет, Хитрый, Злобный и Глупый не были сиротами. Оказалось, что троица хулиганов — вовсе не люди, а андроиды. Симулакрумы. Суррогаты. Куклы. «Аватары», как в старинном фильме, или как в рассказе Пола Андерсена¹. Многофункциональные автоматы с адаптивной программой

¹ Рассказ Пола Андерсена «Зовите меня Джо», хоть и не удостоился красочной экранизации, но имеет неоспоримый приоритет в области фантастического допущения, положенного в основу фильмов «Аватар» и «Суррогаты»

и дистанционным управлением. И управляли этими автоматами дистанционно никто иные, как дедушки. Дедушка Чанга-Чука. Дедушка Гавроша. И дедушка самого Пинни-Вуха.

Ну и как воспитывать напроказивших дедушек? Дедушкиных родителей дома не оказалось, вот и пришлось эльфийке обратиться к дедушкиным бабушкам. К маме дедушкиной мамы и маме дедушкиного папы.

Так вот.

С бабушками не спорят даже дедушки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОД СВЕТОМ ГАЗОВОГО ФОНАРЯ

КЛАССИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ.
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Джек Уильямсон

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

THE METAL MEN © 1928 BY EXPERIMENTER PUBLICATIONS, INC., FOR
«AMAZING STORIES», DECEMBER 1928. @ ПЕРЕВОД А.ЛИДИНА

Металлический человек стоял в углу пыльного подвала музея колледжа Тайберна¹. Хотя первое волнение спало, академики с трудом нашли компромиссное решение, относительно того, где разместить железного человека, так чтобы защитить его и от ученых, желающих отрезать кусочек металла для биохимического анализа, и от старых друзей, считавших, что железного человека нужно похоронить.

Для случайных туристов он казался всего лишь позеленевшей от времени бронзовой скульптурой, выполненной в натуральную величину. При ближайшем рассмотрении можно было разглядеть в совершенстве сделанные волосы, кожу и лицо, замершее в агонии. Новые посетители останавливались и, хмурясь, разглядывали странную отметку на груди — красное, шестиугольное пятно.

Сейчас люди почти забыли, что металлический человек некогда был профессором Томасом Келвиным из департамента геологии. Однако о нем до сих пор ходили разные слухи. Они разрослись так, что затмили правду и так беспокоили друзей Келвина, что регенты наконец-то разрешили мне опубликовать дневники несчастного.

Четыре или пять лет подряд Келвин проводил отпуск на тихоокеанском побережье Мексики в поисках урановых руд. Прошлым летом он, судя по всему, обнаружил цель своих изысканий. Вместо того, чтобы в положенный срок вернуться на работу, он подал заявление об увольнении.

Позже мы узнали, что он передал шведскому синдикату заявку на участок под разработку недр. Потом он читал лекции в Европе о химическом и биологическом воздействии радиации. Его даже едва не уложили в одну из клиник под Парижем.

Он вернулся в Тайберн в воскресенье. В сумрачный полдень он вынырнул из клубов зимнего тумана бурлящего над Гольфстримом...

Я был дома, собирал граблями листья на моем участке берега за университетским двориком, когда увидел катер, направляющееся прямо к принадлежащему мне скалистому клочку побережья Атлантики. Судно выглядело необычно — длинное, низко посаженное и быстрое. Корабли такого рода предпочитают те, кто возит контрабандный ром или оружие.

¹ Тайберн — Уильямсон назвал придуманный им городок в США в честь места публичной казни в Лондоне, существовавшего в течение 600 лет. Оно использовалось до 1783.

Направленное смелой и искусной рукой, судно в опасной близости обогнуло скалы, направляясь к песчаному пляжу всего в ярд шириной, протянувшегося где-то на полмили. Четыре человека прыгнули с катера, и стали толкать его через полосу прибоя. Пятый — гигант, поднялся на нос, спокойным голосом раздавая приказы. Четверо срезали веревки и стянули брезент с ящика, внешнего похожего на гроб, который отнесли на мой двор. Огромный человек подошел ко мне сильно хромя.

— Колледж Тайберна?

У незнакомца было лицо латиноса, но шрамы и покрасневшую, обветренную кожу скрывала курчавая желтая борода, а в голосе его звучали гнусавые нотки, присущие говору истинных янки. Равнодушно он ткнул тонким пальцем в сторону колокольни студенческого городка, неясно вырисовывающейся в тумане.

Я кивнул.

— Мы на месте, — он пробормотал это на испанском, обращаясь к своим людям. Посмеиваясь те поставили ящик на землю. Огромный незнакомец вновь посмотрел на меня. — Вы знаете профессора Рассела?

— Я и есть Рассел.

— Если это так, то мы сделали свою работу, — он жестом показал на ящик. — Это для вас.

— Как? Что это?

— Вы все сами узнаете, — прищурился он. — И не думаю, что вы станете кричать направо и налево о своей находке.

Гигант вновь обратился к своим людям, и те перенесли ящик на мое заднее крыльцо.

— Подождите! Кто вы?

— Всего лишь человек, осуществивший доставку, — гигант взмахнул рукой. — Нам было заплачено. А теперь мы отправимся своей дорогой.

Он кивнул своим людям, которые тут же поспешили к катеру.

— Но я не понимаю...

— В ящике вы найдете письмо, — пояснил незнакомец. — Оно расскажет вам, почему ваш друг вернулся в таком виде. Вы увидите, почему он не хотел тревожить иммиграционные службы.

— Мой друг?

— Кельвин. Загляните в ящик.

И он направился назад, к катеру.

— Минутку! — закричал я ему во след. — Куда вы направляетесь?

— На юг, — он на мгновение замолчал. — Загляните в ящик и дайте нам двадцать четыре часа. Кельвин нам это обещал.

Не спеша, прихрамывая он добрался до катера и поднялся на борт. Его люди столкнули судно с песчаной полосы пляжа. Приглушенно

заурчали моторы. Развернувшись в полосе прибоя, длинный катер проскользнул между скалами и растворился в тумане. Я вернулся назад на холм, поднялся на веранду.

Ящик оказался не заперт. Я приподнял крышку... и уронил ее. В коробке лежал металлический человек. Он был совершенно обнаженным и странное синевато-багровое пятно выделялось на его бронзовой зеленоватой груди.

У его головы лежала помятая алюминиевая фляга с засохшими пурпурными пятнами. Под флягой оказалась пачка потрепанных листов исписанных старомодным почерком Келвина.

У меня едва хватило сил положить крышку назад. Довольно долго я стоял согнувшись, дрожа, уставившись в пустоту, пытаюсь осознать то, что я увидел. Позже, я спотыкаясь прошел в дом и прочитал записки Келвина...

* * *

Дорогой Рассел...

Поскольку вы мой самый близкий друг, я распорядился, чтобы мое тело и этот манускрипт вручили вам. Возможно, я возложу на ваши плечи непосильную ношу, но я больше сам себе не доверяю. Я до сих пор так толком и не разобрался в том, что же я на самом деле обнаружил в Мексике. Я даже не могу решить стоит ли опубликовать эти разрозненные факты или лучше их скрыть. Так же я не могу больше бороться с теми непорядочными людьми, которые хотят ограбить меня, украв то, что, как они думают, я нашел. Хотя моя смерть и не будет легкой, боюсь, я уйду с миром, а вот что останется после меня...

Как вы знаете, прошлым летом целью моих изысканий стали истоки Эль Рио де ла Сангре. Это небольшая речушка, впадающая в Тихий океан. Годом раньше я обнаружил, что ее красноватые воды сильно радиоактивны, и надеялся где-нибудь в верховьях реки наткнуться на залежи урановых руд.

В двадцати пяти милях от устья река возникала словно неоткуда прямо посреди Кордильер. Несколько миль порогов, а потом водопад. Дальше этого водопада никто не бывал. Проводник из индейцев довел меня до его подножия, но отказался лезть на утес.

Прошлой зимой я взял несколько летных уроков и приобрел подержанный аэроплан. Он оказался старым и медлительным, но соответствовал той грубой стране. Когда пришло время, я переправил его водным путем на Вако Морино. В первый день июля я отправился в полет вверх по реке к его неведомому источнику.

Хотя я был неопытным пилотом, старый самолет вел себя послушно. Поток подо мной напоминал красную змею, ползущую к морю через горы. Я последовал вдоль него за водопад.

Река исчезла в узком ущелье с черными стенами. Я сделал круг, выматривая место для приземления, но вокруг был лишь голый гранит и острые лавовые утесы. Поднявшись чуть повыше, я заметил кратер.

Невероятный омут зеленого пламени, полных десять миль в поперечнике, был окружен темными вулканическими скалами. Сначала я подумал, что эта зелень — вода, но по туманной поверхности не прокатилось ни одной волны. Тогда я понял, что это какой-то газ.

Высокие пики вокруг до сих пор прятались под снегом. Их серебряные короны были расписаны алым на западных склонах и пурпурными, там, где собирались тени. Дикое величие этих мест заворожало меня, не смотря на зародившееся беспокойство.

Скоро должна была наступить ночь. Я знал, что должен возвращаться. Однако, я остался, кружа над кратером, потому что я никак не мог понять, что это за газовое образование. Когда солнце спустилось ниже к горизонту, я увидел странные вещи. Странный зеленоватый туман собирался над пиками. Он медленно стекал со склонов в яму, словно питая газовое облако. Потом что-то в самом озере зашевелилось. Оно выпятилось в центре, превращаясь в пылающий купол.

Когда инертный газ сполз к земле, я увидел, как из ямы поднимается огромная красная сфера. Ее поверхность была гладкой, металлической и густо усыпанной огромными шипами желтого пламени. Сфера медленно вращалась вдоль вертикальной оси. Сколь бы сверхъестественным это не казалось, но я чувствовал целеустремленность в ее движении.

Она поднялась чуть выше моего аэроплана и зависла в воздухе, по-прежнему вращаясь. Теперь я увидел по круглому черному пятну на каждом полюсе сферы. Я видел, как потоки тумана с пиков и из озера стекают в эти пятна, так словно сфера вдыхала их.

Вскоре сфера поднялась еще выше. Желтые пики стали сиять еще ярче, в то время как вся сфера засверкала словно огромная золотая планета, втягивая последние клочья тумана с пиков. А когда те стали черными и обнаженными, сфера опустила назад в мелкое зеленое море.

С ее падением зловещая тень упала на кратер. Только в этот миг я понял, как много горючего использовал. Снова я повернул назад к побережью.

Скорее поставленный в тупик, чем испуганный, я пытался решить: была ли та штука из ямы природным образованием или искусственным, реальностью или иллюзией. Помню, я вообразил, что необычное скопление урана может вызвать подобный эффект. И еще мне в голову пришло, что возможно я стал свидетелем испытаний нового атомного воздушного корабля.

В самом деле я встревожился, заметив синеватое мерцание над капотом двигателя в кабине. Мгновение и весь самолет и мое тело

оказалось охвачено им. Я тщательно осмотрел мотор и попытался набрать высоту.

И хотя мотор работал в полную мощность, высоту мне набрать не удалось. Некая странная сила тяжести, как я думаю связанная с синим мерцанием, накатила на машину. У меня закружилась голова, а руки стали слишком тяжелыми, чтобы я смог управлять машиной.

Я мог лишь пикировать, сохраняя прежнюю скорость. Еще толком не поняв, что случилось, я нырнул в газовое облако. Вопреки собственным ожиданиям, я не задохнулся. Хотя видимость теперь ограничилась всего несколькими ярдами, я не почувствовал никакого запаха и не испытывал никаких других ощущений.

Темная поверхность неясно вырисовывалась передо мной. Я вышел из пики и ухитрился посадить самолет на ровную площадку красного песка. Как и зеленый газ, песок тускло светился.

Какое-то время я просидел в кабине, но постепенно синее сияние потухло, и вместе с ним исчезла тяжесть. Я вылез из самолета, прихватив с собой флягу и автоматический пистолет, которые показались мне очень тяжелыми.

Неспособный распрямиться, я пополз прочь по песку. Меня не покидало ощущение, что нечто разумное заставило меня совершить эту вынужденную посадку. Не смотря на то, что я был страшно испуган, я вскоре остановился передохнуть.

Лежа на песке, примерно в сотне ярдах от планера, я заметил пять синих огоньков, плывущих в мою сторону через туман. Я лежал неподвижно, наблюдая, как они кружатся над самолетом. Двигались они тяжело и медленно. В тумане казалось, что вокруг них расплывалось тусклое сияние. Там не было никакой определенной структуры — это я уж точно видел.

В конце концов, они вновь растворились в тумане. Только тогда я вновь зашевелился. Не смотря на то, что гравитация вновь стала обычной, я полз на четвереньках до тех пор пока самолет не исчез из поля зрения. Когда я поднялся на ноги, мое ощущение направления вновь исчезло.

Я очень сильно испугался, правда и сам не понимал чего именно. Яркий красный песок и густой зеленый туман — вот и все, что я видел. Вокруг не было никаких ориентиров, даже двигающихся огней. Замерший воздух давил на меня бесформенной массой. Я дрожал, переполненный паническим чувством полной изоляции.

Не знаю, сколько я там простоял, испугавшись того, что могу пойти не в том направлении. Внезапно над головой у меня словно синий метеор проскользнул огонек. Потрясенный, я метнулся в сторону. Я сделал всего несколько шагов и наткнулся на какую-то штукюину из металла.

Гулкий звук заставил меня замереть от нового приступа страха, но огонек исчез. Когда он исчез, я попробовал разобраться, обо что я

споткнулся. Это оказалась металлическая птица — орел сделанный целиком из металла — крылья широко раскинуты, когти выпущены, клюв широко открыт. Цвет — тускло-зеленый.

На первый взгляд мне показалась, что это брошенная модель настоящей птицы, но потом я заметил, что каждое перышко само по себе и гнется, словно живой орел превратился в металлического. Я вспомнил, что расщепление урана возможно, но неужели интенсивная радиация может трансмутировать ткани птицы!

Страх сжал мое сердце. С любопытством я начал рассматривать других трансмутировавших существ — я обнаружил их в изобилии разбросанными на песке или полузакопанными в него. Птицы — большие и маленькие. Летающие насекомые, большинство из которых казались мне странными. Даже птерозавр — летающая рептилия, которая существовала много веков назад.

Пробираясь по сверкающему песку, я заметил зеленоватый отблеск на собственных руках. Кончики ногтей на руках и тонкие волоски с тыльной стороны рук уже превратились в светло-зеленый металл!

Потрясение от этого открытия совершенно вывело меня из себя. Я громко закричал, не заботясь о том, что кто-то мог меня услышать, и побежал сломя голову, охваченный паникой. Я забыл о том, что заблудился. Разум и осторожность оставили меня. Я бежал, не чувствуя усталости... только черный страх.

В зеленоватом воздухе надо мной пронеслись яркие, быстрые огни, но я не обратил на них никакого внимания. Неожиданно я оказался возле огромной сферы. Теперь она без движения покоилась в металлической колыбели. Желтые огни угасли, но дюжина синих огней плавала над моей головой, словно покачивающиеся в тумане фонари.

Я повернулся и снова побежал. Неважно в какую сторону. Не знаю, сколько времени я бежал. Меня остановили заросли странных растений. Фиолетовые растения напоминали траву, с узкими игловидными листьями. Самые высокие центральные стебли были розоватыми и на них росли маленькие пурпурные ягоды.

Медлительный красный поток тек среди зарослей. Думаю, что это и был исток Эль Рио де ля Сандре. Здесь, так или иначе я мог найти укрытие от летающих огней. Я заполз в заросли и лежал там рыдая.

Долго я не мог не двигаться, ни думать. Когда наконец я решился осмотреть кончики своих пальцев, то увидел, что зеленые полосы стали шире. Я долгое время рассматривал их, отказываясь принять очевидный факт. Моя плоть превращалась металл.

С дикой энергией я начал искать путь к спасению. Я должен был или добраться до стены кратера или поискать самолет, однако я чувствовал себя слишком слабым для того, чтобы двигаться. Хотя я и не чувствовал настоящего голода, я решил, что пища поможет мне вернуть силы.

Действуя весьма опрометчиво, я сорвал несколько пурпурных ягод. Они имели соленый, металлический привкус. Я выплюнул их, боясь, что заболею из-за этого. Но не смотря на то, что я выплюнул ягоды на моих пальцах остался сок. Когда я вытер сок, то обнаружил, к собственному удивлению и невообразимой радости, что металл сошел с ногтей там, где их коснулся сок.

И тогда у меня появилась надежда. «Растения эволюционируя смогли сопротивляться трансмутации», — подумал я. Я жадно ел ягоды пока не почувствовал тошноту, потом вылил воду из фляги и наполнил ее выжитым соком.

После я попытался сделать анализ этой жидкостью. Частично его состав напоминал вещества образующиеся после воздействия рентгеновских лучей. Именно он спас меня от ужасных ожогов гамма радиации.

Я пролежал в кустах до зари, даже задремал, не смотря на то, что был страшно испуган. Облако газа отчасти поглощало солнечный свет. Днем зелень стала зеленовато-серой, а песок уже не казался светящимся.

Я обнаружил, что зелень с моих пальцев и волос полностью исчезла. Тогда я съел еще пригоршню ягод и отправился вдоль ручья. Я шел вверх по течению, считая свои шаги.

Но не пойдя и трех миль, я уперся в уранитовые утесы. Крутые и черные, они протянулись в обе стороны насколько я мог разглядеть в густых зеленых сумерках. Река исчезала за ними в ревущем озерке красной пены.

Здесь, и я был уверен в этом, располагался западный край кратера. Повернув на север, я двинулся вдоль непреодолимой стены. До сих пор у меня не сложилось определенного плана. Я всего лишь хотел найти тропинку, чтобы перебраться через скалы. Я внимательно следил, появятся ли где сверкающие огни, и высматривал склон или расщелину, по которым смог бы забраться.

Я брел должно быть до полудня, хотя точно определить время я не мог — мои часы остановились. Иногда я спотыкался о предметы, которые некогда были живыми. Вырванные с корнем деревья. Всевозможные птицы. Огромный зеленый медведь...

Наконец я обнаружил разрыв в стене утесов — широкую плоскую полку над которой начинался пологий склон. Однако этот выступ находился в шестидесяти футах надо мной. Я попытался добраться до него и всякий раз соскальзывал с крутого склона. Пробовал снова и снова, пока не разорвал руки в кровь. Тогда я развернулся и пошел прочь.

Вскоре, шатаясь от изнеможения и отчаянья, я очутился в городе летающих огней — по крайней мере мне так показалось. Из красного песка тут и там без всякого порядка поднимались тонкие черные башни. Каждую венчал огромный гриб оранжевого пламени.

Новый приступ ужаса парализовал меня. Тем более что вокруг царил мертвая тишина и не было никакого движения. Опустившись на корточки под нависающим утесом, я попытался рассмотреть все в деталях. Живые

огни, как я теперь начал подозревать, были не активны днем... И я чувствовал тошноту от страха, представляя, что может ожидать меня ночью.

По моим расчетам я отошел от реки миль на пятнадцать. Теперь я должно быть находился где-то у восточной стены кратера, но стена утесов вновь возвышалась предо мной. Чтобы изучить их, мне необходимо было пройти через город огней, но я так и не рискнул войти в него.

Я отошел от утесов, чтобы обойти город. Однако я старался сделать это так, чтобы высокие огни оставались в поле зрения. Тем не менее вскоре я потерял их из вида. Повернув налево я не смог ничего найти — только плоская песчаная равнина, укутанная в покрывало зеленоватого полумрака.

Я блуждал долго, пока песок и воздух не начали светиться. Наступали сумерки. Летающие огни пришли в движение. Предыдущей ночью они летели по прямой, высоко и быстро. Теперь же они двигались низко и медленно, кружили. Я знал, что они ищут меня!

Тогда я по быстрому вырыл в песке небольшое углубление и забился в него, весь дрожа, насколько возможно присыпав себя песком. Один из огоньков приблизился, но пролетел мимо. Другой остановился, прямо надо мной, а потом нырнул ко мне. Его бледный ореол потемнел. Парализованный страхом я замер. Мне ничего не осталось, как ждать.

Постепенно он опускался все ниже и ниже, пока я не сумел рассмотреть его форму. Штуковина напоминала кристалл. Зачарованный страхом, я наблюдал за происходящим. Длинной около дюжины футов, по структуре своей эта штука чем-то напоминала снежинку. В центре ее была синяя, шестиконечная звезда. Сама же звезда находилась внутри призмы. Синий свет пульсируя проходил сквозь нее, тек наружу с лучей звезды, и превращался в алый, выходя через стенки призмы. Ни животное, ни растение, ни машина. Но оно было живым — живой свет.

Штуковина опустилась еще ниже.

Действуя чисто инстинктивно, я вытащил автоматический пистолет и три раза выстрелил. Пули отскочили от сверкающей поверхности призмы и рикошетом улетели в туман, в неизвестном направлении.

Странное существо зависло надо мной. Усики красного огня протянулись ко мне, словно ища что-то, действуя осторожно. Они обвились вокруг моего тела, и я почувствовал, что почти лишился веса. Они подняли меня, потянули к кристаллической призме. Вы можете видеть отметку, которую она оставила на моей груди.

Это прикосновение оглушило меня ослепляющей болью. Мое тело выгнулось, словно через него прошел гигантский разряд тока. Я смутно осознавал, что существо вместе со мной поднялось высоко в воздух. Я чувствовал, что другие кристаллические существа роятся вокруг. Но мой разум словно потух.

Я проснулся свободно плавая в сверкающем оранжевом облаке. Настроение у меня было приподнятое, но вскоре я обнаружил, что

не мог двигаться, не могу даже повернуться. Я пытался потянуться, дергался и извивался, но не мог дотянуться ни до какого твердого объекта. Хотя ничего не удерживало меня, я оставался беспомощным, как черепаха перевернутая на спину.

Я по прежнему был одет. Моя фляга висела... точнее плавала... возле моего плеча. Мой пистолет оставался в наплечной кобуре, твердый, но невесомый. И еще... откуда-то мне было известно, что прошло уже несколько дней.

Борясь, пытаюсь пошевелиться, я неожиданно почувствовал странное онемение в боку. Я рванул рубашку и обнаружил новый шрам, почти заживший. Тогда я решил, что эти странные существа прооперировали меня, изучая мое тело, точно так же как я изучал их мир.

Должно быть я на мгновение потерял сознание, когда почувствовал черную корку омертвевшей кожи с красным шестиконечным следом. Однако эмоции, которые я испытал после этого открытия, похоже исчерпали мои последние силы. Я окончательно пришел в себя и находился в плохом настроении.

Но мой бок реально был поврежден. Оранжевое облако по прежнему окутывало меня. Мой кристаллический тюремщик плавал в нем вместе со мной, однако держался в дюжине ярдов от меня. С невозмутимой беспечностью, я заметил, что заключен в грибообразном облаке над одним из этих башен-цилиндров. Я стал пленником в этом чужеродном мне городе пламени.

Какое-то время я просто плавал в воздухе, невесомый как человек в космосе, отмечая собственное беспомощное положение словно сторонний наблюдатель. Равнодушно наблюдая за происходящим, я заметил, что внутри кристаллического существа перестал пульсировать огонь. Я словно грезил наяву, пока не наступила ночь.

Темнота сковала меня, уничтожило слабую искру надежды. Я вновь стал дергаться и извиваться пытаюсь выбраться из облака, которое окружало меня. Не смотря на все мои попытки, мне не удалось сдвинуться ни на дюйм.

Пока же я боролся, словно жук, насаженный на иглу, холодные огни вокруг меня загорелись ярче. Кристаллические твари должны были вскоре проснуться. И без сомнения они захотят закончить вивисекцию своей «морской свинки».

Я видел только один способ обмануть их. И я уже вытащил автоматический пистолет, собираясь пустить пулю себе в висок, но тут меня посетила одна хорошая идея. Я шесть раз выстрелил наобум в туман.

Это движение спасло меня. Ракета нуждается в топливе, для того чтобы сдвинуться с места. Пистолет стал своего рода реактивным двигателем. Отдача от каждого выстрела слегка подталкивала меня все дальше и дальше от спящего кристалла. Наконец я вылетел из грибообразного облака...

...и вновь попал в сети гравитации, но в этот раз она подхватила меня очень нежно. Опускаясь вниз на светящийся песок я заметил свой самолет, который стоял у основания тонкой черной башни. Видимо, его тоже исследовали... Мотор какое-то мгновение не заводился, словно мои пленители поработали над ним так же хорошо, как и надо мной... Наконец он завелся. Я сел, слепо ухватившись за рычаги...

* * *

В этом месте манускрипт обрывался. Оставался лишь один испсанный лист. Казалось слова были написаны тем же почерком — почерком Келвина, но писал он тупым карандашом, не всегда разборчиво.

* * *

Вот и конец моего *(повествования?)* Я разводил содержимое *(канистры?)* много раз. Мое тело и то, что с ним стало я завещаю науке. Капитан Гандер просто *(окончит?)* мою историю. Ужасная *(правда?)*...

* * *

Вот собственно и все.

Я вызвал своего врача. У него было кислое лицо, как у шотландского пресвитерианина, которого ничуть не волновало то, что сейчас на дворе двадцатое столетие. Доктор прочитал рукопись, потом вздохнул с негодующим недоверием, косясь на трансмутировавшее тело, и посоветовал мне оставить в покое эту историю.

Возможно, это могло оказаться благоразумным решением, но я не мог так поступить. Слишком многих привлекали нездоровые слухи. И некоторые из них, боюсь, исходили от моих коллег в Тайберне. С другой стороны, я верил, что ничего плохого уже не случится.

Хотя капитан Гандер никогда так и не рассказал, что знал, мы попытались сами восстановить остальную часть истории. На следующее лето трое из нас арендовали аэроплан и направились в западную Мексику.

Мы легко нашли прибрежную деревеньку, где когда-то побывал господин Келвин. Но эти люди утверждали, что Келвин посетил их года три назад. Мы поговорили с человеком, который отвел его до края плато. Мы даже прошли по каменистому руслу горного потока, туда, где наш коллега пытался отыскать урановую руду. Однако воды реки не были ни красными, ни радиоактивными, а источником ее, судя по всему, был заболоченный ключ.

Пролетая над этим ключом и пиками, мы не нашли никакого кратера, наполненного сверкающим газом, только еще одно *пуэбло*¹ из камня, возведенное три сотни лет назад. Когда же мы там приземлились, то не нашли ни металлических птиц, ни живых кристаллов,

¹ индейский поселок

ни атомных кораблей. Однако до нас дошли слухи о трех чужеземцах, побывавших до нас в этих краях.

Один из них — хромой, бородатый *гринго*¹, постоянно задавал безумные вопросы и ругал на чем свет тех, кто отвечал не то, что он хотел услышать. Второй был элегантным шведским банкиром, который бродил вокруг пуэбло со счетчиком Гейгера и сверкал на всех моноклем, словно злым глазом. Третий оказался еще одним *гринго*. Он явился в эти места года три назад и уехал в глубь Кордильер на старом армейском грузовике с брезентовым верхом.

Другая путеводная нить оборвалась, когда мы потеряли след Кельвина в Мехико. Однако некие таинственные незнакомцы следовали за нами аж до Тайберна. Часть из них оказалась федеральными агентами, которые выпрашивали все о нас, искали записи Кельвина, фотокопии его документов и в конце концов забрали его трансмутировавшее тело для изучения в КАЭ².

Возвращая тело в Тайберн, они напомнили нам, чтобы мы держали языки за зубами и молчали ничего не сообщая даже властям. С тех пор ни в одном официальном докладе металлический человек даже не упоминается, а слухи, которые ходят относительно металла из которого он сделан совершенно противоречивыми.

Часть правды оказалась сокрыта, но я не знаю, кого винить. Может это капитан Гандер? Без сомнения он назвался чужим именем и мог совершенно спокойно фальсифицировать рукопись Кельвина. А может всему виной шведский банкир, сидевший в *кантине*³ и почивающий «Машину времени» Уэллса в переводе на французский? Или виновата КАЭ, чьи агенты без сомнения знали больше, чем говорили? Да и Кельвин сам хорош. Он вполне мог скрыть информацию о том, что конкретно он нашел в той долине...

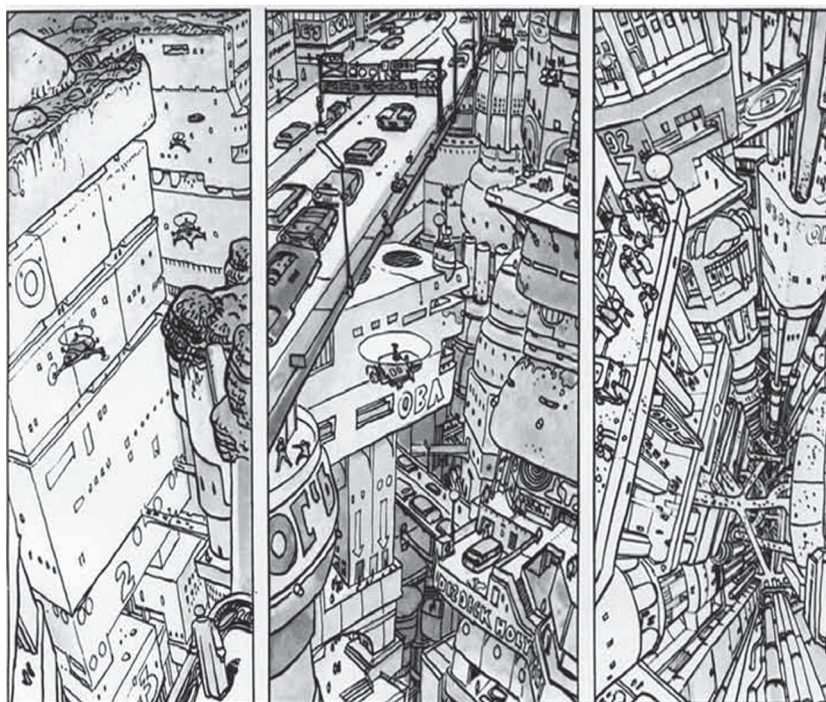
Однако я склонен верить, что история Кельвина — правда. Я провел много бессонных ночей обдумывая все спорные моменты, пока, наконец, не увидел живой сон о визите инопланетян. Возможно, они приземлились чтобы заправить свой атомный корабль, который лежал спрятанный до поры до времени, пока гости нашей планеты коллекционировали и занимались консервированием живых образчиков земной жизни от птерозавров до человека.

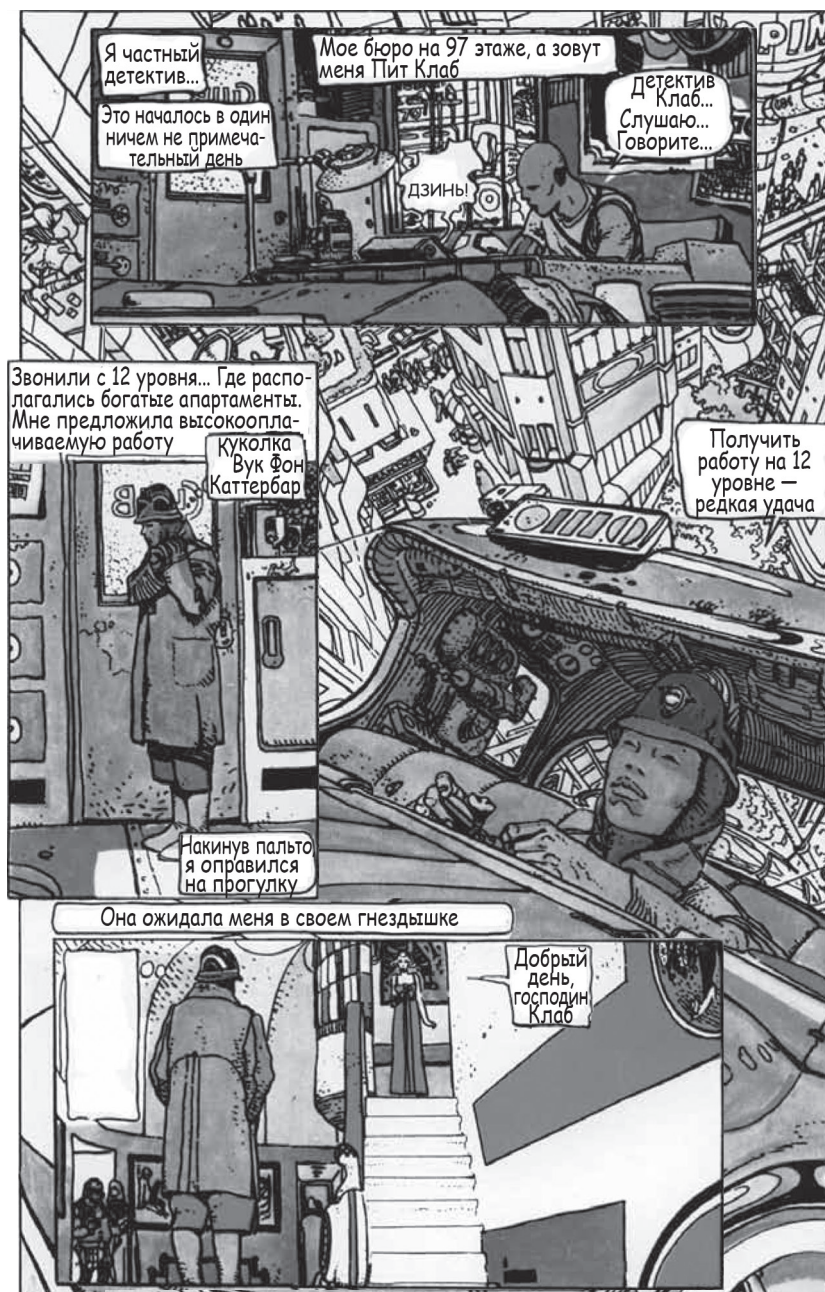
Однако может быть металлическое тело Кельвина, что сейчас обнаженное, поцарапанное и покрытое ржавчиной стоит в углу — доказательство того, что он открыл нечто большее, чем смог увидеть и понять. Его губы замерли в зеленой ироничной улыбке, словно он и в самом деле сознавал, что это гражданский защитник назначил ему прятаться в подвале музея, как в своего рода убежище.

¹ иностранец (особенно англичанин или американец, в Латинской Америке).

² Комиссия по Атомной Энергии.

³ Бар в Центральной и Южной Америке и на юго-западе США.

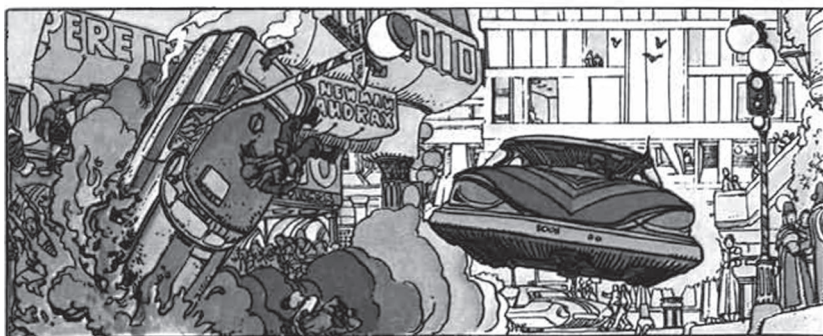
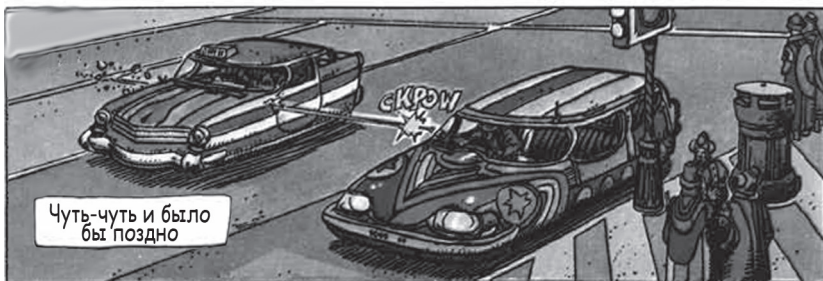
Я решил вернуться в свой офис, так как
понял, что находится
в чемодане

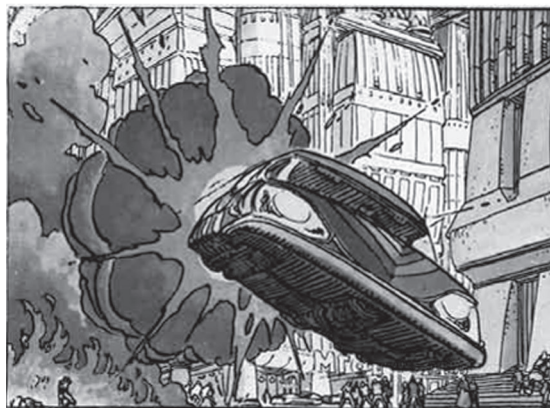

Я заметил
убийцу в
последний
момент

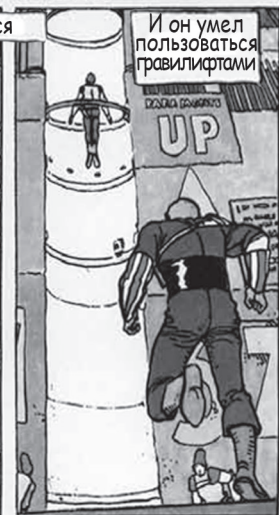
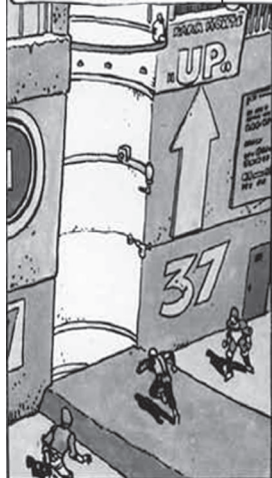

Чуть-чуть и было
бы поздно

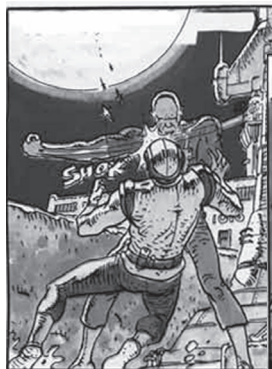

Но он попытался скрыться

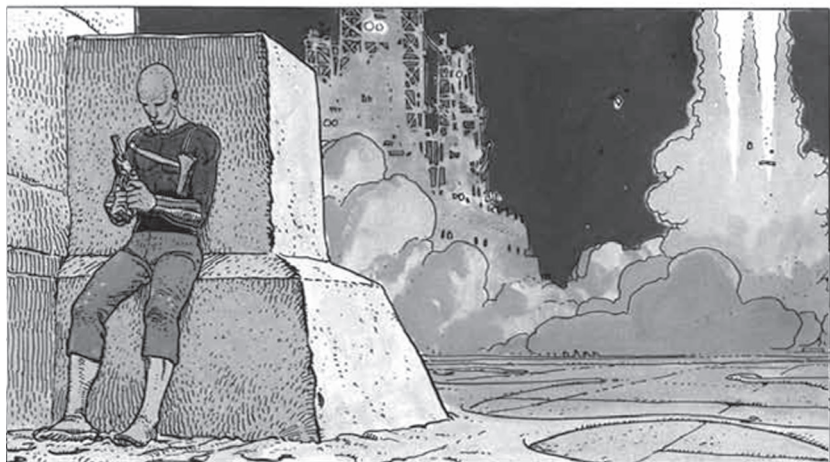
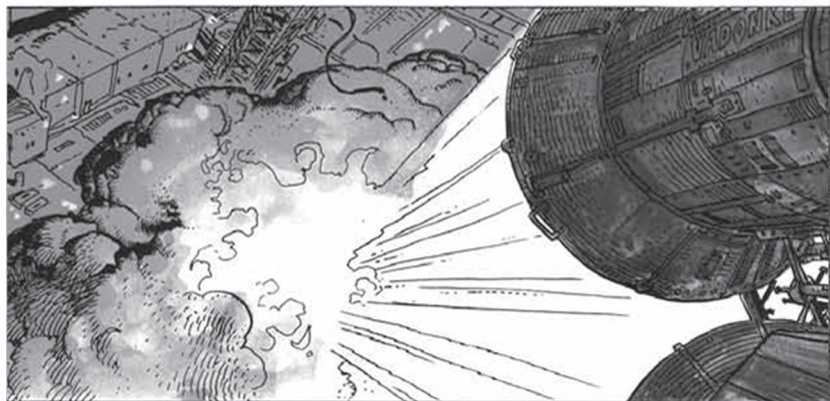
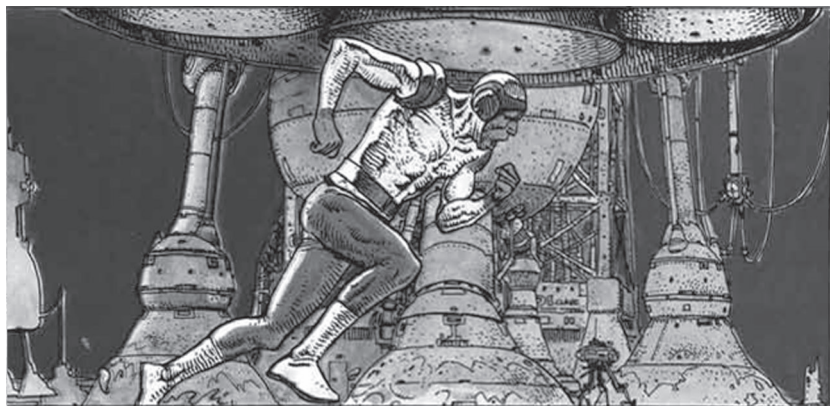

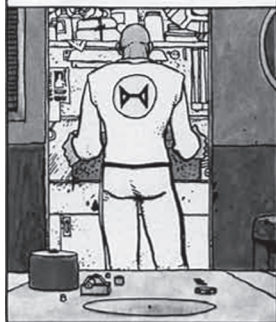
Он оказался профессиональным убийцей — носил костюм гильдии убийц. Я всегда говорил, что эта гильдия полезна в нашем обществе, но когда у меня появляется возможность встретиться с одним из них...

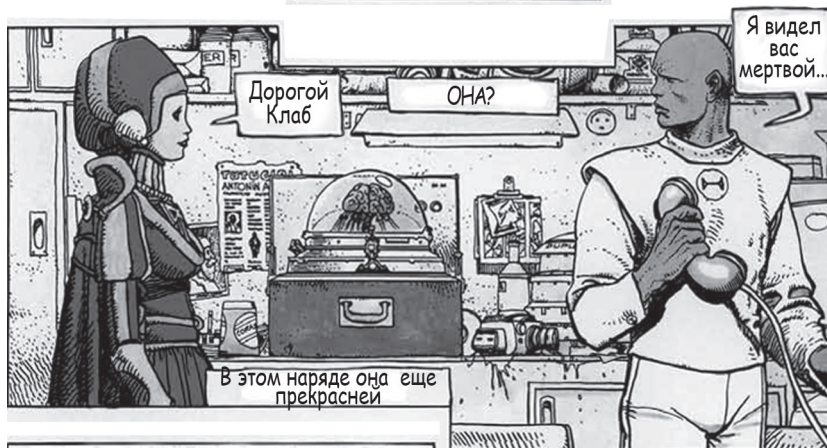
Вернувшись к себе, я наконец занялся чемоданом

Моя догадка оказалась правильной. Внутри был мозг мэра города

Я решил вызвать лейтенанта Фи, но в этот миг...

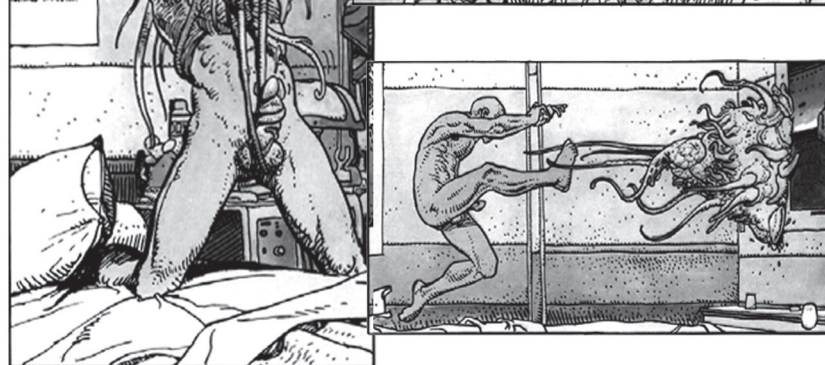
Убит был андроид-двойник, а не я...

Обещайте, что поможет...

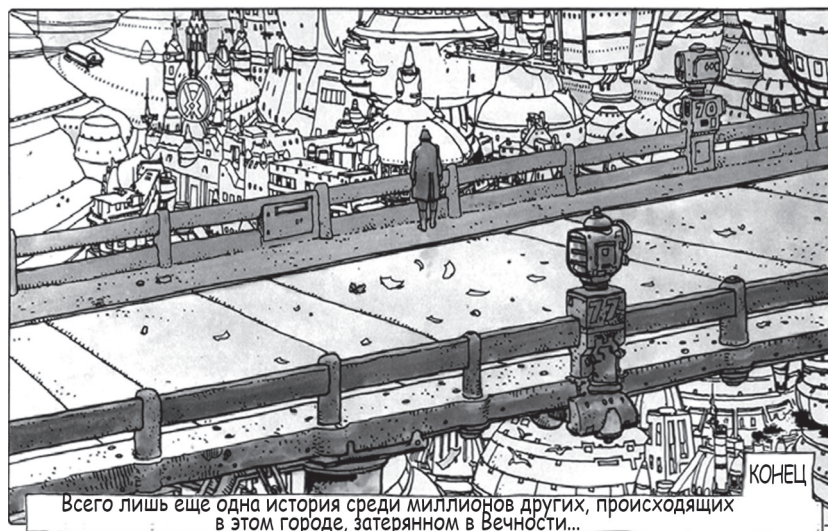

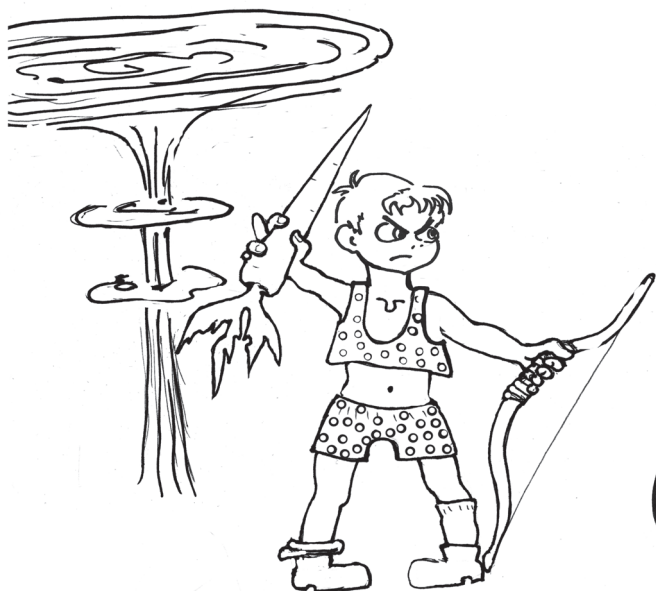
Вот и добавилась еще одна история... Приключение...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОД СВЕТОМ РАМПЫ

ЛИТЕРАТУРНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ

Денис Скорбилин

КРЕПКИЙ АНГЛИЙСКИЙ ЛУК

ЗА АВТОРСТВОМ ЖАКОМА ДЕ ГРИЕ

Дополненное издание

с комментариями критика Иакова Градуса¹

ЭРОТИЧЕСКАЯ ПЬЕСА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ²

В ТРЁХ ЧАСТЯХ

В ролях:

Жан ле Шейд: Французский рыцарь. Невинный цветок юности на полях сражений.

Тальесин из Кантрева: Английский лучник, чьи слава и запах идут впереди него.

Гильом де Лаваль: Французский рыцарь, опытен, вынослив и гибок.

Сеньор де Сартон: Французский дворянин. Немолод, седовлас, но всё ещё ого-го.

Одноглазый Джон: командир отряда валлийских стрелков. Такой же славный воин, как и Тальесин, но уже без глаза.

Кинбот: Безумный похотливый отшельник-философ.

Лошпир: Говорящий разумный конь-вампир.

Жанна Д'Арк: Путешественница во времени, женщина.

А также валлийские лучники, французские рыцари, дельфин, дроид и суровый немецкий киборг (в пьесе не появляется).

¹ ...критика Иакова Градуса

Имя моё не нуждается в дополнительном представлении, поскольку мир давно склонился к ногам Иакова Градуса. Шучу, шучу, конечно. Я всего лишь дряхлый обаятельный зануда, который всегда готов угостить печеньем какого-нибудь славного мальчугана. И пусть мир до сих пор притворяется, что не замечает слона моего таланта в своей литературной гостиной, плевать! В каком-то смысле мир уже давно ужаслся до размеров моей гостиной, а уж у себя-то дома я однозначно знаменит.

² *Эротический спектакль для взрослых*

Хотя в мировой литературе эта пьеса считается классикой сценической порнографии и робким ростком постмодерна, пробившимся сквозь разошедшиеся доски сцены, я взялся за издание «Лука» по совершенно иной причине. Дети! Нашим нежным цветочкам жизни так не хватает хорошей литературы! Именно эта пьеса являет нам пример того, какой должна быть детская литература во всем её многообразии и великолепии. И, конечно же, с высоты своего авторитета я рекомендую — нет, настаиваю — ставить «Крепкий английский лук» в ТЮЗах всей страны. С некоторыми, впрочем, разумными поправками³

³ *С некоторыми, впрочем, разумными поправками*

Вместо ТЮЗа можно использовать Дом культуры или актовый зал обычной средней школы. В крайнем случае подойдёт барак, укрепленный подвал или, на худой конец, вульгарное бомбоубежище..

АКТ I

*Поле битвы при Креси (26 августа 1346 года, северная Франция),
сплошь усеянное трупами. Большинство убитых одеты в латы, из
которых торчат стрелы — это лежат французские рыцари, попавшие
под огонь валлийских лучников. По полю бродит юный рыцарь Жан ле
Шейд. Он хорош собою, высок и статен.*

Жан ле Шейд, рыцарь:
Всё кончено, оставлено Креси.
Английский пёс смеётся вслед: мерсі.
Я потерял дорогу среди тел.
О, Франция, как горек твой удел!

*На сцену выходит валлийский лучник Тальесин из Кантрева. Он
кривоног, одет в грязные лохмотья, на которых с трудом можно
рассмотреть английский красный крест, босоног. В руках несёт
огромного размера лук.*

Тальесин из Кантрева:
В желудке градус, жжение в паху —
Я гордый фримен, бросивший соху!
Сейчас тебе, во славу Эдуарда,
Вгоню стрелу прямёхонько в кокарду!

Стреляет из лука, ле Шейд падает. Он тяжело ранен.

Жан ле Шейд, раненный:
Я словно свиристель убитый влёт
Стрелой валлийской. И её полёт
Пронзил стальной доспех. И заодно
Поставил крест на рыцарях. Хитро —
Раздать крестьянам палки с тетивой
И познакомить с тисовой стрелой.
Коль сотня лупит, словно в белый свет,
Хотя б одна, да передаст привет!¹

¹ Хотя б одна, да передаст привет!

В представлении масс ростовой английский лук был чуть ли не снайперской винтовкой того времени, чему немало поспособствовали легенды о Робин Гуде и других метких стрелках. В действительности это, скорее, средневековый аналог пистолета. Всадить стрелу в «яблочко» можно было с метров сорока, в наилучшем случае — с сотни. Учитывая, что тогдашние лучники действительно походили на однозного Тальесина (см. также примечание №15), я бы не преувеличивал их достоинства. Тем не менее, когда десять тысяч человек стреляют навесом со скоростью десять стрел в минуту, выдающаяся меткость и не нужна. Всё живое на расстоянии нескольких сотен метров автоматически превращается в ежа. И да, крепкий английский лук с прикреплённым к нему вонючим валлийцем — подлинное оружие массового поражения XIV века (см. также примечание № 9).

Но не беда: валлиец любит злато.
Ступай сюда, моя семья богата!⁵

Тальесин из Кантрева:
Смотрите, лягушатник-то живой!
Сулит деньгу и просится домой.
Но тщетно всё, не надо мне монет.
Давай-ка, милый, сделай мне minette!⁶

Жан ле Шейд, в ужасе:
Что?!

Тальесин из Кантрева:
А как ты думал, морда лягушачья?
Твой день настал, сегодня твой палач я!
Страшнее злобных демонов и дэвов.
Меня зовут Тальесин из Кантрева!⁷

Тальесин бросается на ле Шейда и содомирует его⁸

⁵ *Ступай сюда, моя семья богата!*

В XIV веке нравы смягчились и богатых пленников чаще обменивали и продавали, чем мучили и казнили. В каком-то смысле рыцарство достигло стадии постмодернизма, когда погибнуть на поле боя стало трудно из-за крепости лат, а плен сулил лишь временные неприятности и скорое освобождение за соответствующее вознаграждение. Размер которого, между прочим, зависел и от умения пленённого торговаться. К тому же рыцаря могли отпустить в долг под честное слово. Так постепенно война превратилась в зарегулированную правилами весёлую мужскую игру. Увы, за каждым циклом постмодерна начинается новая эпоха всеобщего отрезвления. Бойня при Креси это именно такое отрезвление, поскольку именно там многие рыцари узнали о том, что всё-таки смертны. И, разумеется, это знание пришло к ним слишком поздно, чтобы можно было что-то изменить.

⁶ *Давай-ка, милый, сделай мне minette!*

При всей моей эстетической неприязни к Тальесину, в этом месте сей муж показывает себя с наилучшей стороны. Подумайте только, человек добровольно отказался от выгодной сделки ради искреннего порыва чувств! Представьте, что сын богатых родителей бросил престижный университет, чтобы устроить кукольный театр со своим нематым шаловливым дружком из рабочих кварталов. Чувствуете масштаб поступка? Чувствуете?!

⁷ Меня зовут Тальесин из Кантрева

Строго говоря, никакого городка Кантрева в истории Англии не существовало. Кантрэв — это название административной единицы средневекового Уэльса и означает «небольшой город». Но контекст, в котором автор пьесы употребляет это слово, ведёт нас к совершенно иному, порочному значению, обозначающему одно из самых таинственных и ужасающих мест человеческого (женского) тела.

⁸ *...и содомирует его*

Предвосхищая реакцию благочестивой части публики, сразу расставлю всё по местам. Разумеется, в детской постановке не нужно никого содомировать. Пусть у маленького Тальесина свисает с пояса длинная морковка. Она будет символизировать одновременно и длинный кинжал-мизерикорд, которым добивали тяжелораненых рыцарей, и гигантский победоносный фаллос английского лучника. Конечно, это должен быть не грязный корнеплод с грядки, а чистая и непорочная морковочка из супермаркета. И пусть малыш несколько раз ткнёт ею в лежащего Жана. Кому, спрашивается, станет от этого плохо?

Жан ле Шейд, погибая:
Не-е-ет!

На шум на сцену въезжают немолодой и седовласый французский дворянин Сеньор де Сартон и рыцарь Гильом де Лаваль. Поймав Тальесина без штанов, они легко обезоруживают англичанина.

Сеньор де Сартон, держа в руках английский лук:

Вот мы и встретились, оружие победы!⁹
Когда бы нагадали мне, что беды
Нам принесёт сия простая палка —
Я приказал бы высечь ту гадалку!

Гильом де Лаваль:
Английский лук упруг, вопросов нет.
Но в драке они слабы tête à tête!

Сеньор де Сартон:
Ты прав, Гильом. Валлийские отбросы
Чужды и доблести, и чести. Будто осы
Они нас ранят тучей острых жал.

Оба хором:
Так отомстит тебе мясной кинжал!¹⁰

Оба рыцаря насилуют Тальесина. На шум из-за кустов выходит десяток валлийских лучников¹¹. Один из них, Одноглазый Джон, делает шаг вперёд.

⁹ *Вот мы и встретились, оружие победы!*

Чуть более, чем сто лет спустя, при Кастийоне, французы взяли оглушительный реванш, наголову разгромив англичан с помощью полевой артиллерии. Так пушки стали новым оружием победы, которое с годами совершенствовалось и улучшалось, принося ратную славу полководцам. Что и говорить, во все времена военные получали лучшие игрушки. Пока, наконец, не выпросили у мироздания атомные бомбы и межконтинентальные ракеты. Боюсь, следующим оружием победы снова будет английский ростовый лук. Ну, или какая-нибудь прочная дубинка.

¹⁰ *Так отомстит тебе мясной кинжал!*

Очень сильный момент, подлинное торжество мужского духа и несомненный поэтический триумф автора. Представьте, как два девяностилетних карапуза в коротких штанишках обступают пойманного врага и триумфально вскидывают морковки! Как горят страстью их озорные глаза! Какая обречённость и затаённое предвкушение проступают на лице Тальесина! Это нужно ставить везде, везде, везде!

¹¹ *...десяток валлийских лучников*

Вокруг битвы при Креси навёрчено чудовищное количество домыслов и вранья. Доподлинно известно лишь о том, что это была битва между англичанами и французами (многочисленные союзники не в счёт). Французов было больше, но победили англичане. Всё! Пытаясь углубиться в скучные подробности вроде точного соотношения войск, мы получаем наборы фантастических цифр, сильно зависящие от того, чьей стороне симпатизировал тот или иной историк. Возможно, во французской армии состояло двадцать тысяч человек. А возможно и сто тысяч — если верить безумному Фруассару. А сколько погибло англичан? Официальные английские источники утверждают, что несколько сотен, что тоже смешно. По сути, мы знаем о битве при Креси ровно столько, сколько вообще знаем о войнах: две армии сошлись в жестокой битве, одна проиграла, а историю об этом написали победители.

Одноглазый Джон:

Английский лук и крепок, и упруг.
Как чувствуешь себя, французский друг?

Десять лучников валят обоих рыцарей на землю и содомируют.

Занавес.

АНТРАКТ

АКТ II

Тёмный лес. По узкой дорожке медленно едет всадник. Это безумный похотливый отшельник Кинбот¹², который отправился на поиски поживы для чресел и пицци для ума. Кинбот едет верхом на разумном коне-вампире Лошпире.

Кинбот:

Взгляни сюда, мой милый друг, Лошпир,
Мир сдвинулся, сошёл с ума наш мир!¹³
Уж позаброшены короткие штанишки —
Дубовый меч примерили мальчишки

Лошпир:

К дубовому мечу — в подарок гроб
А сказку на ночь прочитает поп¹⁴.

¹² ...безумный похотливый отшельник Кинбот

Не знаю, зачем автору понадобилось давать своим героям имена из классического произведения, но я чувствую себя очень неловко, поскольку пишу комментарий к стихотворению, что странным образом перекликается с литературной родиной Кинбота и других отблесков пламени. Неужели автор скабрзных стихов почувствовал, что годы спустя «Крепкий английский лук» отыщет собственного безумца, который замкнёт круг, написав комментарий? Жутко. Впрочем, до всего этого мистицизма уже никому нет дела — других забот хватает.

¹³ Мир сдвинулся, сошёл с ума наш мир!

Хотелось бы знать, относительно чего наш мир сдвинулся? Весь мой жизненный опыт (см. примечание № 14 и дальше) показывает, что мир с самого начала равномерно и поступательно двигался к трагическому финалу.

¹⁴ А сказку на ночь прочитает поп

Немного наивный взгляд на вещи, как раз в духе XIV века. Масштаб поражения французской армии под Креси не оставил большинству погибших ни малейших надежд на отпевание. Знатные вельможи ещё могли получить причитающийся им сервис, куда входило погребение либо отправка тела семье. Но кости генуэзских арбалетчиков и чешских латников наверняка стали волчьей добычей. Да что там говорить — когда война без спросу пришла в моё собственное детство, трупы с улиц убирали только в первые дни. А потом всем как-то стало не до того. Вообще удивительно, как быстро человеческое общество распадается на атомы.

К и н б о т :

И где теперь герой, и где почёт?
Уж сброшен с пьедестала Ланселот.
К чему один, когда есть миллион?
Сейчас в цене огромный батальон!¹⁵

Лош п и р ,
обнажая огромные острые клыки:

Я маленький конёк, и мир мой мал.
О людях думать я давно устал.
И так скажу: мой ясен интерес.
Сколько подохнет — столько лошадь съест!¹⁶ .

К и н б о т :

Противный конь, подумай же о том,
Что будет с человечеством потом.
Осядет пыль сражений — и привет!
Кругом затишье; никого уж нет!¹⁷ .

¹⁵ *Сейчас в цене огромный батальон!*

В этом смысле именно Тальесин из Кантрева (автор почему-то ставит ударение на втором слоге) — подлинный герой эпохи. И пусть вас не отпугивает его ужасный внешний вид и привычки. Во-первых, я уже писал (см. примечание № 6), что Тальесин, по крайней мере, человек страсти и уже этим лучше постыдных тыловых мещан. А, во-вторых, поверьте моему опыту: таких вот Тальесинов пруд пруди в любой армии. Потому что подготовить тысячу опытных воинов с рыцарским кодексом чести ещё реально, а вот поставить миллион благородных мужей под ружьё — нет. Есть и «в-третьих»: после войны уцелевшие валлийские лучники вернулись домой, где получили статус «фрименов», то есть, свободных людей. Им не нужно было платить налог за разведение скота, они могли передавать статус по наследству — по меркам того времени, это и были по-настоящему свободные люди. Причем свободу они добыли в бою, щедро оплатив кровью будущее своих детей. Всё ещё хотите пошутить про лобковых вшей и гнилые зубы?

¹⁶ *Сколько подохнет — столько лошадь съест*

В детстве и позже, во время вояжа в Африку, я много раз видел собак, погибших на полях боя от переедания (что вновь возвращает нас к примечанию №14). Тех же диких животных, что были умерены в рационе, мы без жалости отстреливали сами — нельзя приучать зверей к человечине. Поэтому перспективы Лошпира представляются мне в мрачных тонах.

¹⁷ *Кругом затишье; никого уж нет*

Рассказы о средневековой жестокости поражают. Защитники города запросто могли выгнать за ворота «лишних» людей — женщин, детей, стариков. Судьба этих несчастных была ужасной, ведь осадившая крепость армия рассматривала изгнанников как часть законной добычи и тоже относилась к ним без жалости. Ну а затем к рампе выбежал артиллерист и многомесячные осады сменились короткой, но яростной артподготовкой. Теперь людей уже никто не выгонял — им милостиво позволялось умереть в подвале собственного дома. Со временем это даже стало частью оборонительной стратегии. Артиллерия атакующей армии стреляет, обороняющаяся армия выкладывает на YouTube шокирующие видеоролики разрушений. Если атакующие стреляют мало, можно самим шархануть по очереди за продуктами, заблаговременно пригнав туда человека с камерой. О чём это я? Ах да, о средневековой жестокости...

И петь не будут парни при луне.
Гореть не будут в сладостном огне¹⁸
Сердца и губы. Вся погибнет рать.
Кого же ты, коняга, станешь жрать?

Лош п и р :

К такому повороту я готов.
Людей не станет — буду есть котов¹⁹.

Кинбот верхом на Лошпире выезжают на поле битвы, где видят гору погибших при Креси. Посреди трупов английские лучники насилуют почтенного сеньора де Сартона и Гийома де Лавалья. Кинбот бросается к телу погибшего от ран и позора Жана ле Шейда и покрывает его поцелуями²⁰

К и н б о т :

О, юноша, как жаль, что ты убит!²¹

¹⁸ Гореть не будут в сладостном огне

Так уж вышло, что с огнём страсти к другому человеку я познакомился и после того, как увидел горящих в обычном огне, и после того, как угрюмый фермер преподал перепуганному мальчонке-сироте техническую сторону страсти. Однако смею заверить, что некоторые вещи невозможно приобрести, с ними можно только родиться. И ещё в детском саду, задолго до грубых крестьянских рук, я чувствовал, как внутри меня зреет что-то удивительное и восхитительно-запретное. И я очень рад, что смог пронести в себе порочное семя через все ужасы войны, вырастив из него дивный цветок зла. Les Fleurs du Mal, если вы понимаете, о чём я.

¹⁹ Людей не станет — буду есть котов

Неплохое решение, если перед готовкой очистить тушку от жира. Кошачий жир по вкусу напоминает мыло, к тому же сильно горчит — есть такое можно только с сильной голодухи и то может вывернуть по первому разу. А вот если жир перед готовкой удалить, получится неплохое жаркое, чем-то похожее на кролика. Ешь, вспоминаешь каким пушистым был этот красавец ещё недавно, и плачешь, плачешь, плачешь. А потом привыкаешь и просто ешь.

²⁰ ...и покрывает его поцелуями

Самая пронзительная сцена. На этом месте я бы на месте автора поставил точку. Только представьте, как малыш-Кинбот неловко и угловато прижимает к груди бездыханного Ле Шейда, стесняясь сидящей в зрительном зале мамы и, особенно, строгого бородатого отца, похожего на Распутина. Свет софитов. Лепестки роз. Занавес. Увы, за вторым актом неизбежно наступает третий, и уже ничего нельзя изменить и ничего нельзя исправить.

²¹ О, юноша, как жаль, что ты убит!

Дорогой читатель может решить, что я предвзято отношусь к дочерям Евы, но это не так. То, что мужчина удачно прошмыгнул мимо сетей, сплетённых из золотых колец, ещё не делает его сварливым старикашкой. Давайте считать, что мне просто повезло. И, конечно, я много лет пытался найти маму, пока не убедился в полной тщете поисков. Оно и понятно — когда город непрерывно обстреливают, с тобой может произойти всё, что угодно. И тут у детей есть серьёзное преимущество перед взрослыми. Когда я, прождав маму три дня и вконец оголодав, решил бежать с таким же одиноким Шуркой к его бабушке в деревню, осколки так и свистели над головой. Но не ниже, поэтому я выбрался из каменных джунглей целым и невредимым. Жаль, что пули менее благородны, и одна из них нашла Шурку несмотря на то, что он был ниже меня аж на два пальца. Наверное, мне и тогда повезло, если не считать того, что я остался один в глуши, не имея ни малейшего представления о том, куда идти. Но затем мне встретился тот самый роковой фермер и, в конечном итоге, всё закончилось хорошо. И вообще я очень счастливый человек, раз пишу эти строки. Что, кстати, крепко роднит меня с каждым из сегодняшних читателей.

На поле жизни ставит смерть гамбит!

Лошпир, монотонно и с плохо
скрываемым вожделением:

Зацвёл на поле брани маков цвет²².

Здесь свалено еды на много лет!

Наемся досыта, а после лягу спать —

Потом проснусь и буду жрать опять!²⁴

Кинбот, обнимая мёртвого ле Шейда:

Война пришла в уютный наш Содом

И всё перевернула кверху дном!

Лошпир, поедая труп ближайшего латника
и теряя рассудок от кровавого изобилия:

Ммм-мммм²⁵

²² *Зацвёл на поле брани маков цвет*

Люди одержимы историей. Вместо того, чтобы обсудить икры какого-нибудь проказника с теннисного корта, взрослые мужи пережевывают кровавые события минувшего. Им очень важно понять, кто же был прав, а кто виноват, и как всего этого можно было избежать²³ (смотри также примечание № 23). Как человек, в жизни которого случилось слишком много исторических событий, замечу: для забившегося под разбитый рейсовый автобус ребёнка нет никакой разницы, чьи мины разрываются в двух шагах. И уж тем более это не важно для того, кто навсегда остался за баранкой этого автобуса. Врать не буду, после войны я с огромным удовольствием смотрел по телевизору открытые процессы над теми, кого назначили виновными. Но телевизор стоял в гостиной моей приёмной семьи, потому что некоторых вещей не вернёшь никаким трибуналом.

²³ *...и как всего этого можно было избежать*

Никак. Никак нельзя этого избежать.

²⁴ *Потом проснусь и буду жрать опять!*

Я уже упоминал, что повидал мир? Однажды дружба с сорванцом из Иностранного легиона занесла меня в международную волонтерскую организацию. Мы поехали раздавать продукты в Африку, где фанатичное религиозное мракобесие схватилось с тотальным воровством и коррупцией. Знаете пословицу о жабе и гадюке? Вот это оно и было. Даже в детстве не голодал так, как в волонтерский год. Еды не хватало, а беженцев становилось всё больше и больше. И как не отдать последний кусок маленькому ребёнку, который даже не просит — просто молча смотрит на тебя и медленно умирает от истощения? А девочке-подростку, притом беременной? Я отдавал и последний кусок, и предпоследний. А ещё жажда... Нет ничего хуже жажды, мои маленькие друзья. Ничего. К слову, именно там я понял, что одержимые историей люди просто не понимают, что участники исторических событий не делятся на плохих и хороших, красных и белых, белых и чёрных. Они делятся на людей с оружием, и людей без оружия. Безусловно, человек с автоматом может быть как своим так и чужим, и своих людей с ружьём я боготворил, а чужих ненавидел. Но фундаментальный раздел проходит всё-таки по винтовке. И несмотря на присущее мне миролюбие, в Африке я понял, что больше никогда в жизни не буду человеком без ружья.

²⁵ Ммм-мммм

А я предупреждал, глупая лошадь! Вообще, именно по Лошпиру видна вся глубина проблематики возвращающихся с войны. Можете себе представить это существо мирно пасущимся на лугу? Я — нет.

Кинбот:

Прекрасный юноша, твой жезл уже поник.
Жаль о таких не пишут нынче книг!
Я унесу тебя отсюда в тьму лесов
И возлюблю среди густых кустов!²⁶

*Над полем боя восходит кроваво-красная полная луна.
Занавес.*

АНТРАКТ

АКТ III

Поле битвы при Креси. Утро. На сцене лежат измученные оргией французы Сеньор де Сартон и Гильом де Лаваль. Вокруг них отдыхают усталые, но довольные валлийские лучники: Тальесин, Одноглазый Джон и другие. Внезапная вспышка телепорта²⁷ ослепляет всех участников оргии. На сцену выходит высокий рыцарь в золотом доспехе и глухом шлеме. На его щите красуется герб королевства Франции. В руках рыцаря огромный, устрашающего вида меч.

Тальесин из Кантрева:

Пылает зад тревогою, братва —
Сейчас сей муж разделит нас на два!

Таинственный рыцарь:

Сворачивай анальные утечи,
Сейчас перепадёт вам на орехи!
Английский пёс, пока ещё живой,
Уматывай давай к себе домой!

Рыцарь в золотых доспехах избивает валлийских лучников огромным мечом. Один за другим, англичане погибают в муках. Только Тальесин и Одноглазый Джон ранены и отползают в угол сцены.

²⁶ *И возлюблю среди густых кустов!*

Мечтаю когда-нибудь поставить «Спящую красавицу» без красавицы. Представьте, как принц, преодолев сотни невзгод, добирается до хрустального гроба и, шатаясь, откидывает крышку. Среди бархата и парчи спит вечным сном юноша с нежной, курчавой бородой. Представьте себе лицо принца: удивление, проступающее сквозь усталость, непонимание — но не разочарование, нет-нет! — радостный испуг. Испуг сменяется решимостью, какая бывает у идущих в атаку. Губы мужчин сближаются. Ближе. Ближе! Нет, я не в силах продолжать. Умолкаю.

²⁷ Внезапная вспышка телепорта...

Третий акт выдёргивает нас из скабрезной средневековой комедии в царство сияющего постмодерна. За свою долгую жизнь я неоднократно замечал, что взрослым обычно трудно перестроиться «на ходу». Обширная и невероятно скучная взрослая критика третьего акта «Крепкого английского лука» наглядно это иллюстрирует. А вот дети изменения в правилах игры воспринимают легко, и это ещё одна причина по которой эта пьеса должна войти в детские хрестоматии и покорить сцены ТЮЗов.

Сеньор де Сартон слабым голосом, в котором, тем не менее, уже проступают похотливые интонации:

О, рыцарь, спасший нас. Яви же
Свой ясный лик... и кое-что пониж!

Рыцарь снимает шлем и оказывается дивной красоты женщиной с прекрасными золотыми волосами. Это Жанна Д'Арк²⁸.

Все присутствующие мужчины, англичане
и французы, с испугом и отвращением:

Женщина!!!²

Сеньор де Сартон, преодолевая
охватившую его неприязнь:

Откуда ты, исчадь райских кущ?
И почему так меч твой всемогущ?

Жанна Д'Арк:

Я попаданка, странница в веках
Грядущего посланница. Во прах
Я сокрушу проклятых англичан,
а мужеложцам оторву кочан!³⁰

Все вздрагивают, но Жанна не замечает этого. Она продолжает с заметным воодушевлением.

Жанна Д'Арк:

Я родилась два поколения спустя

²⁸ Это Жанна Д'Арк

Конечно, в постановке может участвовать какая-нибудь смышлёная девочка. Но будь я режиссёром-постановщиком, взял бы на эту роль пухленького золотоволосого купидончика. В конце-концов, сама Жанна Д'Арк предпочитала биться в мужском платье, и кто может утверждать, что под прочными латами не скрывался какой-нибудь крепкий сюрприз?

²⁹ Женщина!!!

Меня невероятно умиляет, как смертельные враги объединяются против страшной напасти. Ещё несколько строк, и вы поймёте причину их ужаса.

³⁰ ...а мужеложцам оторву кочан!

Вернёмся к брутальному фермеру из моего детства. Тому, что рассмотрел на дне детской души нечто особенное, и насильно обменял эту волшебную субстанцию на скудную пайку пленника. Огромный такой мужчина, с бородой и крупными волосатыми руками. Так вот, поговорим о подушках. В сёлах почему-то любят большие, тяжёлые громадины, набитые гусиным пухом. От них ужасно затекает шея, и я вообще не представляю, как на таком можно спать. Большую подушку можно подложить под кого-нибудь в некоторых особых случаях, это да. Но спать?! Впрочем, пытливый детский ум нашёл применение и этой безделице. Если положить её на лицо спящему пьянице и сесть сверху, человек начнёт потешно шарить руками, словно перевёрнутый жук. И тут главное не попасться до времени в цепкий хват пальцев. Нужно прижиматься к безразмерной подушке всем своим детским весом, и давить, давить, давить. Очень скоро движения мужских рук станут плавными, даже как будто нежными. Толстые, волосатые пальцы всё-таки ухватят за шиворот, но разожмутся и опадут. Качка на постели закончится. Настанет уютная, наполненная завоёванной свободой, тишина.

Как вы здесь всё испортили³¹. И мстя
За Францию сложила я главу.
Потом портал, огонь... и я живу.
Остался вдалеке французский сад,
Его сменил больной тевтонский ад.³²
Германский рейх призвал меня на службу,
Но с Гитлером не получилось дружбы.
Из замка Аненербе я сбежала,
Сразившись с человеком из металла.
Тевтонский киборг³³: сталь, глаза горят.

³¹ *Как вы здесь всё испортили*

Милая Жанна (или всё-таки Жан?), не волнуйтесь, люди всегда и всё портят. Мужчины, женщины — в этом нет никакой разницы. Моё детство превратили в рукотворный ад, а в зрелости я отправился в такой же ад уже по доброй воле, чтобы что-то такое понять о жизни (смотри также примечание № 24). И, кажется, понял слишком многое. Никто никогда не замысливает чего-то такого заранее, просто огромное количество людей в критический момент не думает о последствиях, либо мыслит слишком узко, интересами своего кармана (также см. примечание № 44). Сейчас я уже старый хрен, вокруг которого снова скачут всадники Апокалипсиса. И это совершенно меня не удивляет. Удивительно лишь то, что мы ещё так долго протянули.

³² *Его сменил больной тевтонский ад*

Никогда не видел фермера в кошмарах. В дурных снах я всегда маленький, прячусь в подвале или ванной нашей квартиры. Жду маму. Грохот снарядов всё ближе, и в какой-то момент я понимаю, что никто не придёт, и это конец. Пытаюсь выбраться из укрытия, но тело не слушается, ноги подгибаются. Вот в такие моменты я и просыпаюсь на липких простынях, жадно вслушиваясь в тишину за окном. А фермер не снится, с фермером у меня полная гармония.

³³ *Тевтонский киборг*

Моё знакомство с дронами состоялось в Африке. Лагерь атаковали фанатики, которых было так много, что даже волонтерам пришлось браться за оружие. Я был плохим мальчиком, поэтому уже имел к тому времени пристрелянный и проверенный в деле «калашников». И не растерялся, как некоторые мои покойные друзья. Эх, а ведь красивый был вечер! Заходящее солнце окрашивало траву багряными оттенками, воздух был наполнен гудением насекомых и свистом пуль. Иногда из-за холмов прилетала редкая зина, сея металлическую смерть. А я лежал в неглубоком окопе, вдыхал запахи степных трав и бил одиночными по тёмным силуэтам в высокой траве. А ещё молился, чтобы меня убили сразу³⁴. Попадать в госпиталь или тем более в плен в мои планы не входило — это была верная смерть, только более мучительная. И в этот момент подоспела наша небесная кавалерия. Несколько винтокрылых машин спустились ниже уровня облаков, и к земле тут же потянулись огоньки ракет, оставшая в вечернем небе еле заметные дымные следы. Огненные разрывы осветили саванну, ярко вспыхнула трава, а с ней и скрывавшиеся в ней люди. Мы слышали их крики, полные боли и отчаяния, и это оказалось круче любой музыки. Дроны снизлись, разбрасывая вокруг тепловые ловушки и очереди свинца. Вдалеке рванул боекомплект миномёта. Вот тогда-то я и увидел в отблесках пламени вооружённого негра в камуфляже. Он прятался в сотне метров от моего укрытия и, должно быть, высматривал кого-то из наших. Без лишних мыслей я снял его короткой очередью в корпус. А потом наступила ночь, принесла прохладу и долгожданный отдых. А под утро нам подвезли еды, неожиданно много, так что хватило на всех. С той поры к роботам у меня исключительно хорошее отношение. Жаль, сейчас они не летают — не те времена настали, совсем не те.

³⁴ *...и молился, чтобы меня убили сразу*

На случай, если Бог и в самом деле существует, у меня к нему нет претензий. Мы сами себе устроили всю эту кровавую кашу, и сами во всём виноваты. Надеюсь, Он даст нам ещё один шанс. Но даже если шансы кончились, я Его понимаю.

Я билась с ним четыре дня подряд!
Потом брала Берлин с парнишкой русским
Рейхстаг сожгли и напились бургундским.
Лежали в стоге сена и смотрели
Как мессершмидты падают на ели.
Опять портал, и я глазам не верю —
Меня перенесло на юг Кореи!
И так по миру, всюду, где беда³⁵
Меня водила странная звезда³⁶ .

Советы била на войне в Корее.
В Израиле спасала иудеев.
Гоняла янки по лесам Вьетнама
И в Пакистане грохнула Усаму.

Пока она это говорит, из-за кулис выходит Лошпир. Он перемазан в крови съеденных солдат и слегка безумен от переедания. Заинтересованный словами Жанны, Лошпир медленно подбирается к ней.

Жанна Д'Арк:

Со временем я покорила силу,
Которая по временам носила.
И отпуск учинила: смузи, лонги
«Старбакс», Вудсток и бонги, бонги, бонги!³⁷

³⁵ *И так по миру, всюду, где беда...*

Момент истины настал, когда по всему миру завывли сирены, а сотовые операторы принялись рассылать сообщения с адресами ближайших бомбоубежищ. Без шуток, отличная придумка — определять положение абонента и давать ему единственно верный и самый близкий адрес. Должно быть, это спасло великое множество перепуганных граждан, привыкших доверять своему мобильнику. Но небеса при этом не разверзлись, не распахнулся портал, никто не вывел перепуганных людей в по-настоящему безопасное место. Так мы узнали, что нет никаких путешественников во времени, нет супергероев, нет добрых инопланетян. Никого нет. Есть только мы — маленькие перепуганные очередными историческими событиями человечки. Ну а потом небеса и в самом деле разверзлись, но это уже была совсем другая история.

³⁶ *Меня водила странная звезда*

Не знаю, как там у Жанны, а наша звезда совершенно точно называется Полюнь. И она нас уже привела в конечную точку маршрута.

³⁷ «Старбакс», Вудсток и бонги, бонги, бонги!

Вернувшись из африканского вояжа, я тридцать лет отдал литературе и преподаванию, вдавливая в головы несносных учеников наследие великих предков. Не без пользы для себя, признаюсь. Нет ничего лучше индивидуальных занятий по проблематике «Бледного пламени» Набокова с каким-нибудь ответным озорником. Мысли о пережитом отошли на задний план, мыслей о будущем не было вовсе. Так и всю историю постмодернизма, выросшего на крови Второй мировой, можно свести к моей биографии. Нахлебался горя. Разочаровался во всем. Взял бессрочный (наивный глупец!!!) отпуск. И, поскольку жизнь не стоит на месте, на смену беззаботной зрелости пришли новые, уже совершенно безнадежные будни.

Теперь же вновь хочу вернуться в строй
И собираюсь вас забрать с собой.
Заканчивайте чистить дымоходы,³⁸
Нас заждались несчастные народы!

Жанна набирает воздух в грудь и выкрикивает, победно поднимая к небу окровавленный меч:

С дельфинами и дронами
покончим с рептилоидами!³⁹
К ракете быстрой прикрепим мортиру⁴⁰
И полетим, чтоб покорить Нибиру!

Французы и англичане в ужасе смотрят на Жанну. По их лицам видно, что воевать с рептилоидами они не хотят⁴¹. Лошипр выходит вперед и склоняется перед девой-воительницей.

³⁸ *Заканчивайте чистить дымоходы*

Бедная Жанна так и не поняла, что лучше играть ракетой в штанах, чем с ракетой на поле боя. В этом заключается наше с ней принципиальное различие. И не думаю, что там, куда она собирается, её ждёт триумф. Иначе мы бы встретились сразу после сирен...

³⁹ *...покончим с рептилоидами!*

Поиск виноватого — любимая тема одержимых историй (см. примечание №22) людей. Бедняги так и ходят по кругу, пока жизнь готовит им очередной неприятный сюрприз.

⁴⁰ *К ракете быстрой прикрепим мортиру*

В компьютерных играх, в которые играли мои ученики, человечество после атомной войны прожило десятки лет в специально оборудованных укрытиях. Это очень идеалистический взгляд на вещи: большинство бомбоубежищ рассчитаны на то, чтобы просидеть в них несколько дней после ядерного удара. А потом, когда радиационный фон снизится, а смертоносные осадки выпадут, уцелевшим предлагается надеть плащи и респираторы и рвануть как можно дальше от эпицентра взрыва, к ближайшему лагерю выживших. К счастью, Армагеддон оказался очень затратным мероприятием и на всех ракет не хватило. Наша часть города, к примеру, почти не пострадала. Пожары, конечно, были, и «высотки» рухнули, но я пересидел этот кошмар в школьном убежище, а потом вывел детей за город. Некоторые из них даже встретились с родителями в обустроенном армией пункте обслуживания населения. Такой вот маленький хэппи-энд на фоне мировой трагедии.

⁴¹ *...воевать с рептилоидами они не хотят*

Можно подумать, кто-то когда-то по-настоящему хотел воевать. Все участники Первой мировой войны из всех сил старались не допустить массового кровопролития, но получилось всё равно то, что получилось. Во Вторую мировую тоже пытались договориться. А уж нам-то и вовсе без остановки объясняли по телевизору, что никаких войн больше не будет, а ядерный блеф нужен, чтобы выторговать какие-то там преференции. Всё это бессовестное враньё, помноженное на самообман, продолжалось аж до самых сирен и «тревожных» СМС в телефонах.

Лошпир:

О дева златокудрая, я в деле!⁴²
Седлай меня скорее! Полетели!
Мужланы эти заняты собою
И неспособны к длительному бою!

Милей им распри местного феода⁴⁴
Чем завтра человеческого рода!
Разорены деревни, голод, мор
Всему виной англо-французский спор!³

Жанна Д'Арк:

Сто лет пройдёт, а тут всё будут те же —
Француз и англичанин на манеже!
Потом придут тевтонцы, московиты...
Война пожнёт с полей своих убитых.

⁴² *О дева златокудрая, я в деле!*

Это решение Лошпира и последующее — уж простите за спойлер — символическое разрушение английского лука многими воспринимается как главное антивоенное послание пьесы. Но автор, как мне кажется, темнит. Потому что Лошпир улетает вместе с Жанной⁴³ на такую же войну, только с другим биологическим видом. И ещё хорошо, если трупы рептилоидов (о, эта безумная довоенная конспирология!) придется ему по вкусу, а то как бы не пришлось ещё и человечинкой снабжать. Впрочем, я ценю и автора, и эту противоречивую конягу уже за одну только попытку подняться над собственной природой. Пусть будет так. Пусть у Лошпира всё получится. Пусть!

⁴³ *Лошпир улетает вместе с Жанной*

Очевидно, что погибший в первом акте Жан ле Шэйд, единственный гетеросексуальный и идеалистичный мужчина в пьесе, куда лучше подходит на роль спутника Жанны. О чём нам говорит не только выписанный автором образ, но и само его имя — а именам тут уделено огромное внимание. Но ведь в том-то и дело, что мальчики с ясными глазами погибают в первом акте, а до финала дотягивает кровожадная плотоядная лошадь без стойких жизненных принципов. И именно в этом, по-моему, главное послание «Крепкого английского лука».

⁴⁴ *Милей им распри местного феода*

На могиле человечества напишут «извините, мы не подумали». И единственное, что меня радует, это то, что все эти торгаши, интриганы и правители банановых республик сейчас мертвы, либо выживают на радиоактивной помойке, как и любой из нас. Поделом.

⁴⁵ *Всему виной англо-французский спор!*

А ведь мы даже не знаем, кто первым нажал чёртову кнопку. Телевизор и радио, как вы понимаете, молчат.

Им не помочь, они больны войною.
А мы с тобой пойдём тропой иною!⁴⁶

Жанна Д'Арк прыгает на Лошпира и они делают круг по сцене. Гарцующий Лошпир наступает на лежащий на земле английский лук⁴² и тот ломается пополам. Тальесин из Кантрева вскрикивает, словно от боли, и прижимает руки к паху. Сцену озаряет вспышка открывшегося портала из которого появляется дельфин верхом на огромном летающем роботе, напоминающем мотоцикл без колёс. Дельфин что-то трещит на дельфиньем языке и снова пропадает. За ним в портал прыгают Жанна Д'Арк и Лошпир. Портал закрывается, оставив мужчин лежать на сцене. Некоторое время они молчат, затем французы поднимаются на ноги.

Сеньор де Сартон, игриво:
Клянусь водой прекрасного Ла Манша
Настало время нашего реванша!

Тальесин из Кантрева, грозно:
Мой лук погиб, но сам я не устал.
Готов к сраженью мой мясной кинжал!

*Все мужчины бросаются друг на друга, сливаясь в неистовой оргии.
Гаснет свет. Занавес.*

КОНЕЦ

⁴⁶ *А мы с тобой пойдём тропой иною!*

К сожалению, нет никакой иной тропы. Есть цепь плохо связанных между собой населённых пунктов, радиоактивные руины больших городов и очень туманные перспективы. Вопрос, случится ли ядерная зима, пока ещё остаётся открытым. Но даже если нас пронесёт, экономики всё равно нет, сельское хозяйство находится в зачаточном состоянии, лекарства заканчиваются. Пока ещё достаточно армейской тушёнки, кое-как наладили теплицы, есть фонд семян на будущее. Но всё это очень зыбко перед лицом мировой катастрофы. Есть, впрочем, и хорошее: ко мне вернулось позабытое чувство нужности. Несмотря на преклонный возраст, я всё ещё полезен в новой школе, где учу ребятшек не только литературе, но и уйме других полезных вещей. Ещё я частый гость в оружейной, где слежу за арсеналом, да и в библиотеке работы невпроворот. Здесь, среди пыльных фолиантов, я пытаюсь сохранить хотя бы немного из великой культуры, которая была у нас ещё не так давно. Например, издаю великие книги вроде «Крепкого английского лука». Издательство «Армагеддон-медиа». Тираж один экземпляр. Всем спасибо за внимание и удачи.
Помоги нам всем Бог.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПОД СВЕТОМ НАСТОЛЬНОЙ ЛАМПЫ

Публицистика

ПОЗЫВНОЙ «ФЕНИКС»

Смотрю на фотографию в Фейсбуке. На ней — круглолицый мужчина на фоне готового к запуску космического корабля. Губы сжаты, взгляд направлен немного в сторону. Под фотографией подпись: «Самострел». Снимок зернистый — не хватает света. Но, блин, на фоне космического корабля! Для человека, незнакомого с деталями — это просто удачное селфи. Не каждому везёт на такой задний план!

Для знающих же открывается глубина: мужчина построил этот корабль. А там, внутри, его жена — Елена Прекрасная. И взгляд мужчины направлен в сторону, потому что в видеоскителе он видит не себя. Кажется, что он сквозь стены «Союза» видит любимую, которая вот-вот покинет планету.

Говорят: космос — не женское дело! Я, когда слышу это, думаю о Елене Серовой.

Познакомились мы с ней на сайте «Лунная Радуга», посвящённом творчеству замечательного фантаста Сергея Павлова. Там, в разделе «Женская тема» произошёл интересный разговор о месте и роли женщины в современном обществе. Тогда, в мае 2008 года Лена была только кандидатом в космонавты. Права на управление космическим кораблём она получила позже.

В 2009 году я приехала в Королёв, и мы с Леной решили познакомиться в реале.

Есть в городе Королёве улица Коммунистическая. То ли градостроители обладали чувством юмора, то ли жизнь пошутила — но в космическом городе так назван небольшой проезд с несколькими деревенскими развалюшками. Гостиница, в которой я жила — старое двухэтажное здание. Цены точно коммунистические — очень дёшево. Там мы с Леной и договорились встретиться и поехать к ним в гости.

Вечерело. Несмотря на сумерки, Лену я увидела издалека. Было ощущение сгустка энергии, сгустка жизни! Белая водолазка, тёмная пуховая безрукавка и облегающие брючки выглядели аккуратно и женственно. Волосы собраны в замысловатую причёску на макушке. Выразительные глаза подведены. Передо мной была красивая русская женщина! Я сразу поняла, что это она — Елена Серова. И дело даже не в фотографиях, просто по-другому и быть не могло!

В машине мы продолжили разговор на «женскую тему», и Лена рассказала о том, о чём не писала на форуме: о словах Королёва после жёсткой посадки Валентины Терешковой: «Ни одной бабы в космосе больше не будет!», о том, что в бассейне Звёздного Городка, в Центре подготовки космонавтов, в душе нет женской раздевалки и даже шпингалета на дверях нет, о том, с каким трудом смогли полететь

Елена Кондакова и Светлана Савицкая, и о том, сколько других замечательных женщин не выдержали... нет, не физических нагрузок...

Говорили о том, что работа космонавта — это тяжёлый физический труд, не для удовольствия своего, а сугубо окружающих. Это примерно как сумки тяжеленные тащить из магазина — ты руки оттянешь, зато семья довольная останется.

А ещё о том, как в юности Лена любила, когда стемнеет, выйти в центр стадиона, лечь на зеленую траву и долго смотреть в звездное небо.

И вот теперь четвёртая российская женщина-космонавт Лена Серова смотрит на всех сверху. И я точно знаю, что не свысока.

РОЯЛЬ В КУСТАХ И РУЖЬЕ В ПЕРВОМ АКТЕ

На эту статью меня вдохновила прочитанная книга, называть которую не буду. Она известна, и автор мною уважаем. Но как в ее динамичном сюжете меня поразило невнимание к деталям! То, что принято называть «роялями в кустах».

Начнем с веселого, всем известного отрывка из эстрадной миниатюры Г.И. Горина и А.М. Арканова. (вошла в энциклопедию крылатых слов и выражений). Герой миниатюры — отдыхающий в скверике бывший московский рабочий, а ныне пенсионер Степан Васильевич Серегин — на вопрос ведущего о способе проводить свое свободное время отвечает, что он любит играть на скрипке.

СЕРЕГИН. Да! Я случайно взял с собой скрипку! Я исполню вам на ней «Полонез» Огинского! (Достает скрипку, играет.)

ВЕДУЩИЙ. Превосходно! Bravo! Вы, оказывается, талант!

СЕРЕГИН. Да!.. А еще я играю на пианино. Здесь как раз в кустах случайно стоит рояль, я могу сыграть... Я исполню вам «Полонез» Огинского.

ВЕДУЩИЙ. Благодарим вас, Степан Васильевич, к сожалению, мы ограничены временем... Скажите пожалуйста, а как отдыхает ваша семья?

СЕРЕГИН. Моя жена всё больше отдыхает по хозяйству. А сын работает на Дальнем Востоке... А! Вот и он приехал. (Поднимается навстречу сыну.)

ВЕДУЩИЙ. Какая приятная неожиданность...

Итак, детали и неожиданности. Право, именно неверная подача неожиданностей и деталей создает у читателя ощущение неправдоподобия, натянутости. И, напротив, грамотно развернутая в повествовании деталь делает его достоверным.

Я прочитала немало книг о том, как писать книги, но, пожалуй, лучшее отражение данная тема нашла в книге А. Митты «Кино между адом и раем» в главе «Энергия деталей». Да, Митта в основном говорит о кино, но прозы это тоже касается.

Антон Павлович Чехов как-то сказал: «Если в первом акте на сцене висит ружье, то в последнем оно должно выстрелить». Я бы отметила, что верно и обратное: если в третьем акте должно выстрелить ружье, то в первом его надо повесить на сцене. И добавила бы, что между

первым и третьим актом с ружьем должно что-то произойти. Деталь, принимающая участие в действии, дабы не быть роялем из кустов, должна развиваться по двухактной, а лучше — по трехактной схеме. Вспомните топор Раскольников. Сначала Раскольников шьет для него карман, потом ворует топор и только потом убивает старушку. Нам бы, возможно, не показалось странным, если бы топор оказался у него в руках, раз он замыслил убийство. Но трехактное развитие этой детали делает преступление Раскольникова не выдумкой, а достоверно описанным фактом.

Бильбо дарит Фродо кольчугу из мифрила. Фродо узнает, насколько ценен этот металл. Копье тролля ударяет Фродо в грудь, но кольчуга спасает ему жизнь.

В первом акте хрустальные башмачки Золушке дарит Фея. Во втором Золушка теряет башмачок. В третьем башмачок подходит ей точно по ноге. Было бы странно, если бы читатель узнал о потерянном башмачке только тогда, когда придворные прибыли в дом Золушки, разыскивая невесту принца. В книге «А зори здесь тихие...» Васильева кيسет с надписью «Дорогому защитнику Родины» служит причиной гибели Сони Гурвич. Но в первый раз он появляется задолго до этого места: старшина Васков достает кисет и закуривает. Второй акт развития этой детали — Васков оставляет его «от соблазну» на валуне, возле девчат. И только третий акт становится трагедией: Соня возвращается за забытым кисетом. Было бы странно, если бы о забытом кисете Васильев упомянул лишь тогда, когда Соня вывалась за ним бежать.

Таким образом повествование делает случайность закономерностью, вписывает случайность в сюжет.

Представьте себе: о кольчуге из мифрила читатель узнал только после удара копьем, вместе с друзьями Фродо. Неожиданно? Весьма и даже слишком. Однако такие ляпы случаются у авторов сплошь и рядом. Автор, стремясь удивить читателя, прячет подобные «козыри» в рукаве и достает в самый последний миг. Никакого удивления и радости у читателя эти сюрпризы не вызывают. Только недоумение и желание крикнуть: «Не верю!»

Выдумать складной гранатомет в кармане героя нетрудно, еще проще во время схватки со злодеем наделить героя волшебным умением убивать взглядом, но не потому ли некоторые авторы пишут именно в жанре фантастики и фэнтези, чтобы проще и эффектней выводить героя из затруднительных положений? И не потому ли жанр фантастики считают низким, что в нем волшебные гранатометы всегда оказываются в нужное время в нужном месте? Я не говорю, что в фантастике не может быть складных гранатометов или способностей к убийству взглядом, кольчуга из мифрила отличается от них разве что оригинальностью — я хочу

пояснить, что складной гранатомет, как и стреляющее на сцене ружье, должен появиться в повествовании не в тот миг, когда он понадобился герою, а немного раньше. И одного перечисления содержимого карманов героя для хорошего ввода сюжетообразующей детали будет маловато.

Вспомним и народные сказки. Ни Иван-царевич, ни Иванушка-дурачок не достают меч-кладенец из ножен просто так; как правило волшебный меч вводится в сказку в три акта: сначала герою рассказывают, как меч добыть, потом герой его добывает и только после этого убивает мечом кщея, змея или другого злодея.

Чтобы получить волшебный предмет или волшебного помощника, герой должен что-то сделать, заслужить помощь волшебной силы. Право героя на эту помощь не остается за кадром, это право доказывается всем ходом сказки. Частенько волшебный помощник (или предмет) постепенно (чаще всего втроекратно) показывает свою силу, прежде чем в кульминации обеспечить победу героя.

Царевна отличает истинного героя от ложного по известной ей метке — шраму, кольцу, отрубленному пальцу. Но в момент узнавания мы знаем, что это за метка и как она появилась. И не бывает такого, чтобы царевна вдруг нашла у героя родимое пятнышко, о котором мы прежде ничего не слышали.

Конечно, возможны случайности неподготовленные, но их появление должно быть тысячу раз оправдано. Вот что пишет по этому поводу А.Митта:

«Это логика случайностей, логика нелепостей и совпадений. Она, в сущности, противоречит логике любого рассказа. Но в ней есть аромат жизни, так необходимый любому сочинению.

Когда мы придумываем что-то, то создаем вокруг своей выдумки маленький мир, где действуют наши законы, торжествует наш порядок, наказаны наши враги. Сюжет — это озеро порядка в океане хаоса жизни. Немного случайностей лишают этот придуманный мир зарегулированности. Пожалуй, без случайностей хорошая выдумка не может обойтись, по крайней мере в начале рассказа.

— Почему ты опоздал? — спрашивает учитель.

— Проспал, — говорит плохой сценарист-первоклассник со слабым воображением.

— Бабушка заболела, — находит случайную причину хороший сценарист и начинает развивать эту случайность: — Бабушка упала с лестницы, поэтому мы вызвали врача. Я должен был его ждать, а потом он выписал лекарство, поэтому я сначала пошел в аптеку, а потом уже в школу.

То есть мы вовлекаем случайность в нашу цепь казуальных причин и следствий рассказа. Случайность врывается в наш рассказ извне. Она как бы подтверждает, что рядом с историей бурлит

независимая от нее жизнь. Конечно, случайность будет выглядеть убедительней, если деталь окрасит ее конкретностью. Бабушка упала и сломала шейку бедра — это уже что-то. Есть деталь».

Мне кажется, важным здесь является именно последнее: как преподнести случайность, чтобы она не показалась роялем в кустах?

1. Подготовить. Вспомните масло, которое разлила Аннушка, или появление Эмилии в трактире Эмиля («Обыкновенное чудо»), кстати, разыгранное в три коротеньких акта.

2. Расцветить правдоподобными деталями, пусть они и не очень важны для дальнейшего повествования.

3. Дать последующее обоснование случайности (с той же Аннушкой, кроме подготовки читателя заранее, присутствует и последующее обоснование). С моей точки зрения, скользкий вариант.

Далее из Митты:

«Причины и следствия в криминальных историях настолько зарегулированы, что действия персонажей в «грамотных» сюжетах становятся предсказуемыми, что отвратительно. Случайности придают действию непредсказуемость и легкость импровизаций. ...Но случайность — опасное оружие. Она, как правило, находится в сложном балансе с закономерностью. В начале истории случайность желанна и почти обязательна. Затем она должна быть вовлечена в логику рассказа. Чем ближе к концу, тем ей меньше места. В кульминации действуют только закономерности. Случайность в кульминации хороша, если она ошеломляет нас на пути к катарсису. Кульминация и финал „Ромео и Джульетты“ тому пример.

Случайность в кульминации может обнаружить вашу беспомощность. Контролируйте это».

Я бы заострила внимание на следующем: чем ближе к финалу, тем меньше случайностей.

Герой народной сказки случайно встречает зайца, медведя, сокола, щуку, помогает им (или оставляет в живых) и заручается их поддержкой — но не бывает такого, чтобы в кульминации с неба свалился сокол и предложил герою свою помощь просто так.

Бабушка рассказывает детям о Снежной Королеве и совершенно случайно (или почти случайно) Снежная Королева заглядывает в их окно. Это — завязка. Там случайность возможна. Но чем дальше мы идем по сказке, тем случайностей меньше и обставлены они сложнее (логика поисков всегда предполагает поиск случайностей). И звери Маленькой Разбойницы, которые видели Кая в саниах Снежной Королевы — третий акт в истории поисков. До этого никто не говорил Герде о том, где искать Кая. Было бы странно, если бы с Северным

Оленем Герда встретила на пороге собственного дома. В финале же действуют только закономерности. Как только Герда садится на спину Северному Оленю, ни одной случайности больше не происходит, поскольку она движется к цели.

Кольцо всевластия случайно попадает к Бильбо Беггинсу. Это — завязка, случайность здесь необходима. Но у подножья горы Ородруин никаких случайностей быть не может. Всевидящее Око отворачивается от Фродо не случайно: его поворачивает войско, вышедшее к воротам Мордора. Горлум неслучайно нападает на хоббитов: мы догадывались, что он крадется сзади. Не случайно Фродо не может расстаться с кольцом — об этом автор твердил нам на протяжении шести частей повествования. И главная деталь финала, делающая его одним из самых лучших непредсказуемых и закономерных финалов: не Фродо бросает кольцо в Ородруин, а Горлум падает в его жерло. И это было подготовлено Толкиеном еще в первой части: *«И сердце говорит мне, что он еще сыграет свою роль, плохую или хорошую, но сыграет: и когда это время наступит, жалость Бильбо может отразиться на судьбе многих, в том числе и на твоей»*. Но не только слова Гендальфа подготавливают смерть Горлума, но и смерть его подтверждает правоту этих слов. Такие детали и создают у читателя ощущение вмешательства Судьбы, Провидения, закономерностей более глубоких, чем предлагает повседневная жизнь. И это верно не только для сказок.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Под микроскопом

Астро-блок

ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЕЖЕМЕСЯЧНОГО КОНКУРСА-ТРЕНИНГА
«Астра блиц»

НА ТЕМЫ АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ГАГАРИН, ЖИВУЩИЕ РЯДОМ,
ДАЛЬНЯЯ СТОРОЖКА, КЛЮЧ В КАМНЕ

ЕЛЕНА КАПИТОНОВА

ЗА ПОКУПКАМИ

— Слушай, Гена, давай я вещи понесу, а ты возьми меня.

— Отстань, надоела! — Геннадий ногой отмахнулся от приставучей твари, вынудив её отпрыгнуть в сторону и освободить ему путь. Отмахнулся бы и рукой, но обе они были заняты пакетами с покупками.

Идущая мимо женщина с ребёнком вздрогнула и прижала сына к себе, будто пытаясь защитить от происходящего. Не самая плохая реакция, на самом деле.

— Мы не хотим в живой уголок. Мы хотим в пионеры! — радостно возопила прыгающая вокруг гадость, так и норовя ткнуться мужчине в бок.

Геннадий постарался не обращать внимания на это безобразие. Если проявить сейчас хоть каплю заинтересованности, потом от неё не отвяжешься до вечера. А так хотя бы есть шанс, что эйфория от поездки в магазин постепенно сойдет на нет.

— Всё ненужное на слом принесём в металлолом! — тяжёлые пакеты и без того так и рвались из рук, а когда эта дрянь начинала теревить один из них, Геннадий почти утрачивал контроль над ситуацией. Особенно сильный рывок положил конец мучениям. Пакет с бытовой химией всё-таки порвался, и на асфальт посыпались мыло и стиральный порошок. Последний не преминул воспользоваться ситуацией и, коротко чавкнув, засыпал пространство вокруг себя белой пудрой.

Люди вокруг уже не стеснялись откровенно их разглядывать, гадая, что происходит.

Геннадий присел и стал собирать раскатившиеся по земле предметы. Неумело свитое из остатков пакета полиэтиленовое гнездо вполне можно было донести до автомобиля, плотно прижав к груди.

— Ты не горюй, Ген, отдохнем и ещё раз переделаем, — притихшая была тварь, увидев, что всё в порядке, тут же оживилась и продолжила бесцельное кружение у него под ногами.

Как же всё-таки жаль, что её нужно периодически выводить проветриться. Будь на то его воля, он бы вечно держал её под замком, чтобы перед людьми не позорила.

— Мы строили, строили и наконец построили! — последнее замечание пришлось как раз на момент прихода к автомобилю. Геннадий кое-как побросал пакеты в багажник, открыл переднюю дверцу и рывком затащил свою спутницу внутрь. На заднем сидении эта дрянь ездить отказывалась наотрез — закатывала истерики и так громко, с оттяжкой, выла, что поездка по городу превращалась нечто совершенно неприличное.

— Товарищ крокодил, это вы угнали компрессор? — Геннадий только вздохнул в ответ на очередную неуместную реплику. Теперь,

когда в фаворитах вечернего просмотра у неё был мультфильм про Чебурашку, от соответствующих цитат было куда не деться.

Собственная разработка инженера Геннадия Рыжикова под наименованием «Сумка женская кожаная тёмно-коричневая разумная», по его замыслу, должна была служить людям. Но пока опытный образец только смотрел телевизор и выводил из себя своего создателя.

Тварь на переднем сидении высунулась в окно и приветливо помахивала длинными ручками проезжающим мимо автомобилям.

ИРИНА СТАФЕЕВА СОБЕСЕДНИК

Что, мужики, заплутали? Подходите, подходите, у меня тут ушица варится. Скоро готова будет. Меня Серегой звать, а вас как? Ну, вот и познакомились. Двигайтесь ближе к костерку, озябли небось. Рыбаки, что ли? Солнце-то давно село, долго здесь шарахаетесь? Нее, деревня далеко, это вы кругалья дали, не в ту сторону пошли. Да не бойтесь, у нас переночуете. Не смотрите, что дом на отшибе стоит, зато просторный, места на всех хватит.

Объяснить как до деревни дойти? Да хоть заобъясняйся, не поймете. Не сердитесь, мужики, но если вы днем заплутали в трех соснах, то ночью-то, вестимо, уйдёте к чертовой бабushке. Ищи вас потом с собаками, да с МЧСом.

Что?! Проводить вас?! Нашли дурака. Я вам не Иван Сусанин и не лунатик, по ночам сплю. На крайняк могу, как сейчас, за разговором у костра засидеться, но это если собеседник хороший попадетсЯ, душевный. Вот завтра, пожалуйста, провожу. А с утра, если захотите, можно и порыбачить. Места здесь хорошие, рыбы полно. С пустыми руками не отпущу. Чего мнетесь — жметесь, садитесь ближе. Ушица готова, сейчас ложки вынесу.

Вот, держите. Вкусно? То-то! Мировой супец получился. Я люблю костер разводить, на нём что ни приготовь, всё хорошо. Пальчики оближешь. Что за тени за занавесками? Так, семья моя там, в доме, не один же я тут живу. Странные вы какие-то. Всё у нас как у людей. Мамка, батяня, брат Васька.

А не захотите в доме спать, стесняться начнёте или ещё какая блажь, так завсегда можно на сеновале лечь. И я могу с вами за компанию, чтоб не заскучали, да и, честно говоря, охота поболтать.

О, Васька рванул. Вы же видели Ваську! Пробежал, как сумашедший. Почему хмурый такой? Не злой он, сосредоточенный. Да и голodные они. И Васька, и родители. Нее, их на ушицу не уговоришь.

Аппетит нагуливают. Ждут, когда луна, значит, из-за туч, тут у них и начнется. Маманя в волчицу превращается, батя в матерого волчару, а Васька-сволочь каждый раз разный. То волкодав, то бойцовый, то ещё какая хрень. Что ему в ум придет — всё может изобразить. Кем уж он только не был. Везёт ему. Я-то? Я ни в кого не превращаюсь. Я, типа, выродок, ну или альбинос, по-научному. Не такой, как все. Как они на охоту собираются, так я тут скромненько у костерочка тоже себе праздник живота устраиваю.

Во, слышите, ветки трещат, Васька завыл, всё, поминай как звали. Счас ему лучше в лапы не попадаться. Он у нас нетерпеливый, всегда первый начинает. А родители делают всё по-тихому, смеются, говорят: «Мы — профессионалы».

Ну, что поели? Спать или ещё поболтаем? Мужики, вы что, замёрзли? Куда вы? А как же рыбалка? Я же главное не успел сказать! Мужики, подождите!!

Помчались. Только пятки сверкают. Почище Васьки шуму наделали. И каждый раз эдак. Откуда невоспитанных таких приносит. Никто не хочет дослушивать. Не охотится моя родня около дома. НА ГОСТЕЙ — НИКОГДА!!! Мамка скажет: «этикет», батя пробасит: «благородство», а я объясняю просто. Если бы охотились тут, давно бы и меня сожрали.

Эх, жалко. Всё-таки, хорошие собеседники были. Душевные.

МАРИНА ЯСИНСКАЯ ПУШИСТИХА

Пушистиха появилась у меня в детстве. Она была храбрым и забавным существом — безбоязненно разгуливала по подоконникам, забиралась на самые верхние полки шкафов, не пряталась от незнакомцев и не стеснялась моих родителей.

Мама с папой на Пушистиху смотрели с улыбкой и обменивались между собой взглядами, которых, будучи ребёнком, я ещё не понимала. А я обнимала своего питомца и верила, что в один прекрасный день моя маленькая Пушистиха вырастет в большую красавицу.

Правда, она совсем не росла, хоть я и подкармливала её остатками еды со стола. Я не понимала, почему, ведь у некоторых подружек питомцы были уже большими.

— Для них нужен особый корм, — подсказали мне они.

Когда я попросила родителей купить этот корм для Пушистихи, они вдруг ответили:

— Ты уже взрослая, пора бы тебе вообще от неё избавиться.

С той поры Пушистиха начала избегать моих родителей.

Со временем уже и я сама перестала показывать Пушистиху школьным друзьям, особенно после того, как одна подружка обозвала мою любимицу глупой и смешной.

Я по-прежнему подкармливала её со стола, хотя и знала, что с такой еды она всё равно не вырастет. Но не морить же её голодом?

Пушистиха стала проводить всё больше времени под кроватью и выбиралась из-под неё только ночами. Она устраивалась на моей подушке и тихо сопела. Я обнимала свою любимицу, шептала ей: «Ты всё равно у меня самая красивая» — и засыпала. А утром на подушке её уже не было.

Перемены происходили незаметно и постепенно, и потому я не заметила, что ночные визиты Пушистихи становились всё реже. Я была занята мыслями об университете, о своём будущем и о симпатичных однокурсниках и всё чаще забывала о своей любимице.

Порой проходили месяцы, прежде чем я вспоминала о Пушистихе. Тогда я заглядывала под кровать и видела её там, забившейся в тёмный угол. Моя любимица выходила ко мне неохотно, словно стеснясь. Теперь и я видела, что Пушистиха, казавшаяся мне в детстве самой лучшей, была нелепой и трогательно смешной. Я гладила её по голове и вздыхала. И снова забывала о ней на месяцы, которые незаметно превращались в годы.

Пожалуй, я забыла бы о Пушистихе навсегда, но однажды моя пятилетняя дочь с гордостью рассказала мне, что обзавелась своим собственным питомцем.

— Её зовут Лапа, — гордо сообщила мне моя девочка. У неё на руках лежала маленькая, глазастая и очень симпатичная мечта и сонно жмурилась, глядя на меня.

— Твоей Лапе нужен особый корм, — сказала я дочке, сглотнув ком в горле. — Без него она никогда не вырастет.

Дочка серьёзно кивнула.

Тем вечером я перерыла всю квартиру в поисках Пушистихи.

Я нашла её зарывшейся в стопку ненужных вещей на верхней полке гардеробной. Пушистиха слабо дёрнула хвостом, печально глядя на меня, и даже не сделала попытки подойти.

Я осторожно извлекла свою забытую мечту из-под старой одежды и погладила по мягкой головке.

— Что ж, большой ты уже не станешь, — прошептала ей я. — Но немного подрасти, думаю, всё же сможешь. Так что пойдём-ка, найдём тебе специальный корм.

ЭЛЬВИРА ЖЕЙДС

СТЕРВЯТНИКИ

«Всего лишь еще один стервятник...» — так про него писали истеричные дамочки. Кев глубоко вдохнул тошнотворно-удушающий газ с привкусом лакрицы. За покрытыми пылью и грязью стеклами старенького доджа маячила пара чернокожих агентов службы безопасности.

Они лениво курили, смотрели на часы и вяло перебрасывались словами. Один наклонился проверить резиновый шланг, идущий от выхлопной трубы в салон автомобиля. Кева затошнило. Собственная беспомощность была отвратительна. Но пытаться бежать бессмысленно. От себя...

Он вспоминал детей. Своих и... И эту маленькую суданскую девочку, умирающую от голода. Кев тогда долго стоял неподвижно, положив палец на спуск фотоаппарата, как на курок. Когда стервятник приземлился и неровно запрыгал к обессиленному ребенку, Кев плавно и не дыша нажал на кнопку. Пулитцеровская премия. И вот это последнее путешествие на окраину города. Тайники памяти захлопнулись с жалобным скрипом.

Разница между адом и раем только в людях, которые нас окружают. Закрыв глаза, он круг за кругом спускался глубже в ад. Перед внутренним цензором проходила вереница страстей с искаженными лицами. Алчность, тщеславие и гордыня. Раскрашенные деревянные маски покачивались в такт нарастающему ритму. Оглушающий звук сотен барабанов... Всего лишь биение крови в висках.

Все, что Кев тогда заработал на этом фото, принесшем ему сомнительную славу и известность, он пожертвовал семье девочки. Но маленький мир умер. Стоимость одного мира — одного человека — это человечность другого. Время для выплаты — целая жизнь. Частями и в рассрочку.

— Предатель человечества — вот он кто — Кев закончил бред с самим собой обвинительным приговором. Отказал себе в праве на последнее слово и адвоката. Сделал глубокий вдох...

Закашлялся на выдохе и сплюнул. Недоуменно поднял голову от земли. Как и когда он здесь оказался? Уставился на маленькие черные кисти рук. Неловко повернулся и сел. Память упорно отказывалась сообщать, кто он... она... Тощий гриф лениво взмахнул крыльями и отступил. Белый фотограф разочарованно опустил фотоаппарат и побрел к машине. Внезапно он споткнулся и стал тяжело оседать, хватаясь за сердце. Гриф заинтересованно замер.

В ПОРЯДКЕ ВЕЩЕЙ

В этот раз я демонстративно не отрывал взгляд от психотерапевта, улыбаясь прямо в его сизо-серые выкатившиеся буркалы. Уютное кресло мягко приняло моё худое тело, мерное постукивание маятника навевало приятную дремоту. Если бы не мой мозгоправ, уснул бы вовсе. Но нельзя, сегодня официальное завершение терапии, должна быть важная информация по поводу медкомиссии и прочего.

— Ыц-паклав, кханна, кха-кап. Плац оцц пла-ап, лакц-кла ишип иллахц...

Ага, встреча с комиссией состоится в четверг, потом редкие «поддерживающие» встречи. Не слишком приятно, но могло быть и хуже. Во всяком случае, претензий ко мне вроде нет, тон речи ободряющий. Ну, насколько могу судить.

Доктор поднялся из кресла и протянул мне правую нижнюю «руку». Я пожал жёсткий хитиновый сегмент и торопливо направился к выходу.

— Икцыш-па?..

Обернулся. Мой дорогой терапевт махнул в сторону вешалки. Точно, забыл куртку. Поблагодарил и вышел, стараясь не слишком быстро захлопнуть дверь. Ох...

Прошло почти полтора года с тех пор, как это случилось. Автобус занесло, выбросило в кювет, многие пассажиры пострадали. В том числе и я. Черепно-мозговая, закрытый перелом, две недели в коме. А потом... Нет, то ли сказалась общая слабость, то ли ещё что помогло — но первые дни я лишь молча наблюдал за многорукими членистоногими монстрами, занявшими соседние кровати. Время от времени меня навещали другие существа, не менее поразительные на вид. Со временем я научился их различать, даже определил, кто из них лечащий врач, а кто — отчим. Голоса поначалу звучали какофонией странных звуков, помогли фильмы с субтитрами (и да, на экране тоже страшилища!).

Очевидно, что проблема в моей голове. Люди остались прежними, просто я их теперь вижу так. Рационализация — полезная штука, даже если ты уже «того». Смирился ли я со своим состоянием? Не знаю. Нет. Принял как факт, а в остальном... посмотрим.

Сунув в окошко на вахте пропуск, дождался, пока ворчливая «мокрица» не спеша уберёт турникет. Интересно, в реале вахтёрша такая же мерзкая, какой я её вижу?..

Вернувшись домой, первым делом зашёл на кухню. Достал из холодильника банку варенья и аккуратно налил в блюдце, поставил на стол. С мелодичным перезвоном с люстры слетела Анна-Мария, она

всегда первая успевала к угощению. Пухленький Борька и огненно-рыжий Антошка подтянулись следом. Маленькие, с полмизинца, «эльфы» уселись по краешку блюда и крошечными изящными ручками принялись зачерпывать лакомство.

— Сегодня у нас клубничное, решил попробовать что-то новенькое. Надеюсь, съедобно?

«Феечка» повернула ко мне перемазанное личико и довольно облизнулась.

— Вот и славно!

Угодить моим крошкам-приятелям было не сложно, но всё равно чувствовал себя польщённым. Что бы я без вас делал! Думаю, что в прошлой жизни при виде них испытывал бы далеко не восторженные чувства — но сейчас они были моими спасителями.

Самое прекрасное и самое отвратительное — и всё только в моей голове. Нео, Нео, когда же ты проснёшься...

ОЛЬГА ДЕНИСОВА

ТВАРЬ

В пятницу мы с папой ехали на дачу, и странного дядьку заметили еще на выходе из подземного перехода — он тащил коляску с ребенком, потому что ее колеса не подходили для полозьев, проложенных по краю лестницы. Папа тогда сказал с усмешкой:

— А нечего нестандартные коляски покупать...

Но оказалось, что это не дядькина коляска, он поставил ее на асфальт и даже не посмотрел на молодую мамашу, всю в благодарности — наверное, не хотел попасть под начинавшийся ливень. Папа, например, заранее раскрыл зонт, а странный дядька прикрыл голову своей сумкой и побежал к вокзалу мимо припаркованных машин. Но остановился вдруг, свернул к яркой спортивной иномарочке. Я думал, он в машинку сядет, но дядька задвинул открытый люк в ее крыше и побежал дальше.

— Парень просто идиот, — покачал головой папа. — А если б поцарапал? За всю жизнь не расплатишься.

Вообще-то дядька с виду был нормальный, простой, в джинсах и в футболке. Мы вместе за билетами в очереди стояли, а перед ним трое ребят считали мелочь, чтобы билет до ближайшей станции купить, возились долго, задерживали очередь. Он на часы посмотрел и спросил, недовольно так, злобно даже:

— Вам куда ехать?

И потом купил им билеты туда и обратно. А себе только в одну сторону билет взял, я запомнил и подумал тогда, что ему на себя денег не хватило.

— Придурок какой-то... — фыркнул папа.

Нет, правда, это случайно получилось, что мы с ним в одном вагоне ехали. Мы с папой на вокзале всегда садились, чтобы места у окошек занять, ехать-то далеко. А дядька этот через проход от нас сел, с краю. И когда на следующей станции народ повалил, я, например, не удивился, что он свое место тетке уступил. А она не старая была и даже без ребенка. Другой бы поулыбался, сказал «садитесь, пожалуйста», а этот просто встал с недовольным лицом и начал в тамбур протискиваться, будто ему выходить. Папа промолчал — кокну отвернулся.

А когда ехать оставалось недолго и народ рассосался, из соседнего вагона к нам в тамбур четверо гопников притащили какого-то хлипкого студента в очочках. Папа на шум оглянулся, смотрел через плечо, что будет. И странный дядька (он уже в вагоне сидел), конечно, полез разбираться.

— Каждой бочке затычка... — проворчал папа и добавил, отворачиваясь: — Дадут ему, наконец, по зубам, чтобы успокоился?

Может, странному дядьке и дали по зубам, мне плохо было видно, но на следующей остановке четверо гопников из электрички вышли, а он вернулся в вагон и толкнул туда студента со словами:

— Гантели себе купи...

А потом все разъяснилось. Дядька этот один на маленьком полустанке сошел, где выход из последних двух вагонов, уже солнце садилось. Папа не видел, он сидел по ходу поезда, а я хорошо рассмотрел, как дядька с платформы спустился, оглянулся и вдруг кинулся на тропинку, будто нырнул, перекувырнулся через голову... И волком потрусил в сторону леса.

Нет, только подумайте, какие твари, оказывается, среди нас живут! И лицо у него с самого начала недоброе было, недовольное — хорошо, что не укусил никого...

ЗА СТЕКЛОМ

— Один мальчик поспорил с друзьями, что пройдет ночью через кладбище...

К стеклу с наружной стороны прижалась бледная ладонь, ее осветила свечка на подоконнике. Ерунда, конечно, ладони всегда бледные, даже у негров... И все было бы ничего, если бы не второй этаж. Сережка не смог отвернуться.

— И вот спускается он по лестнице, а по радио объявляют: мальчик-мальчик, не выходи на улицу...

Остальные смотрели не на окно, а на Катьку с ее идиотской страшилкой, которая наверняка кончалась словами «отдай мое сердце». Она уверяла, что это «магическая» история и в конце все будут визжать от страха.

Бледные пальцы бесшумно поскребли стекло, будто просили впустить.

— Мальчик послушался и не пошел, вернулся и лег спать. И вот просыпается он ночью...

Легкая деревянная рама, летняя... Вторая ладонь легла на стекло уверенней, надавила посильней. И понятно было, что вот-вот между ладоней появится и лицо... Сережка не хотел этого видеть, но оцепенел и не мог даже сморгнуть. Пальцы за стеклом скрючились, как птичьи лапы, и снова распрямились.

— ...и слышит, как кто-то стучит в окно. А жил он на пятом этаже.

Нет, не стук — скрип ногтем по стеклу. Желтоватые ногти, нездоровые, плотные и будто обкусанные, с черной каймой. А ладони маленькие, детские. Огонек свечи колыхнулся, затрепыхался — и по потолку пробежали тени.

— Хотел он открыть окно, а по радио объявляют: мальчик-мальчик, не открывай окно.

Шпингалеты. Окно закрывалось на два шпингалета, нижний был поднят, а верхний опущен. Ну да, Сережка спорил с ребятами с третьей дачи, что пойдет ночью на кладбище, и не пошел. И не потому, что испугался! Он просто проспал! Наверное, это их дурацкие шутки... Столь простое объяснение не успокаивало.

— Мальчик послушался и не стал открывать окно. И вот лежит он и видит...

Это не ребята с третьей дачи. Еще немного, и окно распадется. Надо закрыть его на шпингалет. Встать и закрыть. Сережка не шевельнулся — он и дышать-то толком не мог. Лицо, которое он так боялся увидеть, проступало из темноты светлым пятном.

— ...как тень появилась за занавеской. А по радио объявляют: мальчик-мальчик, отвернись к стене и накройся одеялом с головой.

Никто не смотрел на окно. Как глупый мальчик, который наверняка послушается радио и отвернется к стене. Никто не смотрел на окно, кроме Катки. И в темноте чудилось, что она улыбается. Над ней и ее глупыми страшилками всегда смеялись, так почему же теперь никому не смешно? «Магическая» история?

Окно откроется, свечка упадет и погаснет. И никто не увидит, кто (или что!) войдет в спальню... И... может, так будет лучше. Не увидеть...

— Мальчик послушался и отвернулся.

Неловкие скрюченные пальцы все злее скребли стекло, и Сережке показалось, что он видит перекошенный рот на бледном пятне лица. Три шага. Встать, сделать три шага и опустить шпингалет.

Правильней пройти не три шага до окна, а два — до двери. Туда, где горит свет! И не дурацкая свечка, а нормальные электрические лампочки! И не шпингалет опустить, а подпереть дверь в спальню снаружи.

— И вот лежит он и слышит шорох за спиной — будто кто-то идет к его кровати.

А если он не успеет дойти, и окно распахнется ему навстречу? Впрочем, оно распахнется так или иначе. Как только Катька скажет последние слова этой «магической» истории.

— И по радио говорят...

Сережка бросился к окну и, прежде чем опустить шпингалет, увидел то, что так боялся увидеть — лицо за стеклом. Да, он закричал. И закрылся руками. И ревел так, что воспитатели среди ночи потащили его в медпункт.

Потом он это лицо забыл. Но помнил перекошенный злобой Каткин рот (именно злобой, а не обидой!) и ее страшный звериный вой: «Ты! Ты все испортил!»

Владимир Семенякин ОБЕЗЬЯНИЙ ХВОСТ

Мы вернулись в Баскервиль-Холл, когда уже рассветало.

В сумрачном замке было тихо, и я невольно вздрогнул, когда из боковой двери появился Бэрримор с тазом горячей воды.

— Ваш хозяин прибыл? — спросил Холмс у дворецкого.

— Да, сэр, — ответил тот, — Сэр Генри измотан ночным происшествием и уже в постели.

Я улыбнулся тому, как ловко верный слуга ограждал молодого баронета от новых тревог.

— Всё в порядке, Бэрримор, — сказал Холмс, — мы не собираемся его беспокоить. Мы с мистером Уотсоном сами сбились с ног этой ночью и отправимся спать сразу после ужина.

— Хорошо, сэр. Подождите в столовой, я попрошу миссис Бэрримор накрыть вам.

После еды Холмс закурил трубку и неожиданно сказал:

— Знаете, Уотсон, что меня больше всего возмущает во всей этой истории?

— Низость, до которой опустился Стэпелтон в достижении своих целей? — предположил я.

— Нет, друг мой, — Холмс помолчал. — Другое. Человеческая глупость — вот что. Та степени наивности, до которой порой доходят вполне разумные англичане. Любое мало-мальски непонятное событие сводит их с ума. Вспомним, например, бедного сэра Чарльза. Его погубила вовсе не собака. Животное даже не коснулось его в тот страшный вечер. Уверенность в существовании нечистой силы — роковая ошибка.

— Но, Холмс, — возразил я, — кто угодно был бы напуган до полу-смерти от одного только вида этого чудовища!

Сыщик посмотрел на свою трубку.

— В этом-то всё и дело, мой друг. Мы слишком близко к сердцу принимаем необъяснимые явления. Собака — пусть и окутанная призрачным сиянием — остаётся собакой. Трезвый взгляд, поиск прежде всего научной разгадки — вот что могло спасти сэра Чарльза от смерти.

Я не нашёл что возразить на это.

— А каторжник, — продолжил Холмс, — он ведь сам прыгнул со скалы — только чтобы его не догнала эта собака. Между тем, он был вооружён. При осмотре полиция нашла у него пистолет. Сэлтон мог бы отстреливаться.

Холмс вдохнул дым из трубки. Проговорил:

— Печально, что этот страх остался в нас с первобытных времён. Представьте себе человека с обезьяним хвостом. Ему было бы неловко выходить из дома в таком виде, верно? Между тем мы почему-то не считаем постыдным выказывать на людях боязнь всякой чертовщины.

На этом наш разговор закончился. Я пожелал Холмсу спокойной ночи и отправился спать. Но пережитые волнения не дали мне уснуть. Я вновь вспоминал болота, демоническую собаку, захлёбывающегося в трясине злодея...

В конце концов я оделся и вернулся в столовую.

Холмс всё ещё был там. Я тихо подошёл сзади.

Мой рациональный друг пересчитывал высыпанные из револьвера пули. Белый металл, из которого они были отлиты, отблёскивал в мерцании свечных огарков.

Пули были из серебра.

ТАТЬЯНА ТОМАХ

ФЕДЕНЬКА

С первого взгляда Феденька ему не понравился. Пучеглазый, с вывернутыми толстыми губами и несоразмерно большой головой. «Ну и чудище», — подумал Филин. А потом поймал взгляд Феденьки — внимательный и чуть грустный. Будто он сразу все понял про гостя — его жизнь и мысли, даже эту — про чудище.

Комнату Филин нашел случайно, выбрал первое попавшееся объяснение. Глупо было дальше жить в гостинице, делая вид, что это временно. Возвращаться к Юле, в квартиру, которая была его домом десять лет, он, конечно, не собирался. Надо все начинать

сначала. Жилье, работу, жизнь. Потому что Филин вдруг понял, что его карьера, и деньги были для Юли. А ему самому это не надо. А что надо, он не знал.

Комната в конце гулко-го длинного коридора, неожиданно оказалась уютной. Филин уложил чемодан на вязаный цветастый коврик, ноутбук — на резной старинный комод. Все свое имущество из прошлой жизни. Огляделся. Большие окна, высокий потолок с лепниной, хрустальная люстра на чугунном крюке. «А ведь, пожалуй, петлю выдержит», — подумал Филин. И вздрогнул — в дверь стучали.

— А давай, гостенек, чайку за знакомство? — предложила хозяйка. — И с Феденькой тебя познакомлю.

Через день хозяйка вдруг уехала, попросив приглядеть за Феденькой. Будто ради этого и затеяла сдать одну из комнат своей роскошной квартиры.

— А если я вор? — укоризненно говорил Филин Феденьке, отмеривая ему корм. — Вон у вас и картины, и серебро в буфете. Разве можно сейчас так людям верить?

Феденька шевелил толстыми губами — соглашался, что нельзя.

Филин постепенно привык с ним разговаривать. Да и кому бы еще он решился все рассказать? А рассказывал — и становилось легче.

— А ведь ты меня спас, брат, — сказал однажды ему Филин, представ наконец, видеть петлю на крюке от люстры. — Я ведь думал это... ну... А тут ты. Тебя ведь не бросишь одного. А сейчас понимаю, и дурак я же был. Да?

«Дурак», — Феденька весело качнул пучеглазой головой. Совсем он был не чудище, а, наоборот, очень симпатичный.

А через месяц, когда Филин уже думал, не сообщить ли о пропаже хозяйки квартиры, вдруг появился адвокат. Не дослушав странную речь, Филин хотел уже вытолкать его вон, но потом все-таки прочел бумаги. Подумал, перечитал еще раз. И спросил:

— Это, значит, теперь моя квартира?

— И фамильяр тоже ваш. Вас он одобрил.

— Рыба? — Филин изумленно обернулся к аквариуму, где плавал Феденька, медленно шевеля плавниками.

— Почему нет?

— Но я ничего не понимаю в колдовстве... и в рыбах...

«А я тебя научу», — пообещал Феденька и улыбнулся.

СЕРГЕЙ БИТЮЦКИЙ

УНЕСЁННЫЕ СНАМИ

Быстрыми хрупкими снами
Плыл я по призрачным Летам.
Тонкой материи пламя
Тело под солнечным светом.

Ответ пришёл из белёсого ниоткуда:

— Потому, что память в этой фазе существования недоступна.
Накопление информации не происходит.

— А на тебя, что ли, запрет не распространяется? Ты где?

— Да здесь я... И не один. Нас тут несколько сотен греется.

Перезвон смешков прокатился по пустоте.

— Греется? Холода не чувствую...

— А как это назвать? Пользуем, как внешнюю память то, до чего можем дотянуться в материальной фазе. Мыслим если не полноценно, то сносно...

В незримую беседу влились другие голоса:

— Без памяти загробная жизнь — не фунт изюма. Плывёшь по течению, рефлекслируешь слепком личности, но не помнишь, что с тобой было секунду назад. Сон такой — без конца, без начала...

— Ага. Загробная... О как.

— Ну, не обессудь, мил человек, за дурную весть.

Звонница смешков.

— Хотя сюда и живой народ часто заплывает. Кто, когда спит. Кто в бреду или бухим. Наркоманы тут тоже пузырятся. Парапланеристы хреновы.

— А вы, нетленные души, почему думаете, что я именно того... ласты склеил? Может, я тоже сплю, и мне снится ваш рой мотыльков... Кстати, блин, жрущий ресурс моего винчестера!

— Гляди-ка, жаба душить начала! Поздно жадничать, чувак!

— Вот заснёт кто-нить неподалёку, сам разницу поймёшь.

— Новенький, ты бы при жизни мог попутать морковку, растущую из грядки, с лежащей кастрюле?..

— Эй, граждане, а ведь точно, это хозяин того компа, у которого мы ютимся!

— Да и впрямь, похоже, что он! Следователь же ответил на письмо в скайпе, что Павел у компа инсульт получил... В результате злоупотребления... Собеседник не поверил, решил, что это ты спьяну ахинею несёшь...

— Угу, меня зарезало трамваем, приезжай на похороны...

Смех, перезвон сосуллек...

— Понимаешь, в чём фокус... Милиционер сейчас по твоим запасам порнофильмов шарится. Надоело ему. Дело, видимо, будничное, никакого криминала. Так вот, как он комп твой, Паша, выключит, так память у всех нас разом и отшибёт. Мы там, на твоём винтике, по шесть соток нарезали, ты уж не обессудь. Да ты и сам сейчас от него же, от винта своего, существуешь. Когитишь своё эрго. Обещотат комп — и поплывём мы по волнам нашего беспамятства. Унесёт нас астральным, понимаешь, ветром... Мы ведь уже не сможем запомнить, что память вернётся, когда комп включат. Что уходить нельзя. Да и комп ведь теперь могут раздербанить или продать...

— Нет, Паша, тебе реальное спасибо, что держал комп всегда включённым. Твои страсти по торентам нам дали несколько лет неплохой синекуры...

— Эй, народ! А как долго... после жизни... такие сны продолжаются?

— Дружище, а мы-то откуда можем знать? До того, как на твой комп наткнулись и присосались, откель мы знаем — кто мы и сколько порхали?

— Ну вот, мент, волчина позорный, жмёт выключение. Прощаться надо, пока при памяти...

— Эй, народ! Кому он в скайпе отвечал, скажите, мне нужно знать!

— Колокольчик83.

— Она всё-таки написала! Написала мне! Что же делать-то?!..

Смех. Ледяные колокольчики. Хрустальный звон. Я лечу...

Денис Фомин

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ

Ничего не происходит, все идет, как обычно, но изнутри словно нарастает ощущение неправильности. Оно гложет, заставляет озираться в попытках определить причину беспокойства. Тщетно. Все так же играют солнечными лучами струи фонтана, семенит за пожилой матроной стайка нарядных детишек, да водит по сторонам шарами запечатлителей разномастно одетая группа туристов под началом знакомого гида. Тишь и благолепие. Я же места себе не нахожу, как на иголках весь. Даже ладонь на рукояти успокоителя, хоть на моем посту это не полагается.

Я здесь такой же экспонат, как и охраняемый мной монумент. На моем фоне позируют, а некоторые и вовсе потрогать пытаются, или запечатлеться в обнимку. Неприятно, но пусть лучше меня трогают, чем к охраняемому объекту лезут. Пусть потом у себя дома показывают картинку «Я и недовольный гвардеец», а не «Я пишу на боку Камня Империи: «Здесь был Няо Мяо из царства Си Ся» несмываемой краской». Появится такая надпись — и ее увидит вся

земная твердь, со страниц газет и в хрустале домашних шаров. Так уж повелось, что камень этот является символом Империи столько, сколько стоит ее Столица. Огромная глыба, поставленная здесь, посреди города, столетия назад. Ни разу не коснулась ее рука иноземца. В Темные Века это значило, что ни один враг не смог преодолеть стен Столицы, сколь бы могучим он ни был. Сейчас же... Стоп, вот оно!

Неправильность, она все время маячила перед глазами, оттененная пестрыми нарядами туристов. Нечего делать в этой толпе двоим парням, одетым в простые студенческие сюртуки. Завернувшись в простыни, они уместнее смотрелись бы среди иноземцев, чем так. Незачем студентам Университета паяться на Камень, он свой, местный...

Вот один из парней потащил из парусиновой сумки что-то большое, а второй пронзительно заголосил, отвлекая на себя внимание туристов. Непорядок, но опасность исходит именно от первого. Когда он сорвал печать сосуда, извлеченного из сумки, меня озноб пробрал от концентрации магии.

— Берегись «фараона»! — заорал второй, прервав свою ахинею и выхватывая из-под полы боевой чаромет. К счастью, первый лишь отвлекся на этот крик, обернувшись, давая мне лишнее мгновение. Еще чуть-чуть...

Поток ослепительного света бьет меня в бок, ломая сопротивление брони, тело сводит единой судорогой, но в последний миг разряд успокоителя достается студенту, так и не успевшему бросить свою магическую заразу в Камень. Мы падаем одновременно. Лежу, чувствую, как расплзается по телу онемение, и слышу сквозь гомон, топот и свистки истошные вопли психа, чаромет из рук которого выбил подскочивший гид.

— Долой военщину! Линкоры на слом! Молодежь за мир! Долой воинскую обязанность! Все народы — братья! Срыть этот проклятый камень...

Меня тащат на носилках, стараясь успеть в лазарет, а я все пытаюсь понять, как можно хотеть, чтобы твоя страна стала слабой, на радость иноземцам. Пытаться осквернить Камень, символ ее гордости и свободы. Зачем?

ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВА

СТЕНА

По веранде расплескались ажурные пятна света. Зоя пересыпала нарезанный перец в миску с салатом и подала её Инне Павловне: та как раз докрошила зелень. Игорь всё ещё возился с телевизором.

На веранду влетел Данька, в волосах торчало пёрышко из подушки.

— Бабушка!

— Что, золотой? — улыбнулась Инна Павловна.

- А можно по саду погулять?
- Если мама с папой разрешат.
- Мам, пап, можно?
- Можно, — ответил Игорь. — Только, чур, соседских котов не переманивать. В прошлый раз Марью Петровну чуть с ума не свёл: она думала, пропал её Васька.
- Не буду, — буркнул Данька.
- И гулять только по саду, — крикнула Зоя вслед сыну, который уже исчезал за дверью. — За калитку не ходи!
- Игорька маленького тоже в дом было не затащить, когда на дачу приезжали, — сказала Инна Павловна. — Всё в саду играл. У него там была волшебная страна под яблоней.
- Да не под яблоней, а за стеной, — поправил её Игорь. — Видела, Зоя, у нас с трёх сторон нормальный дощатый забор, а с четвёртой — бетонная стена, жёлтая такая, крашеная? Это потому что у нас участок крайний, здесь дачный посёлок кончается. А я играл, как будто за этой стеной — волшебная страна. Там в одном месте, за яблоней, в краске были трещины, будто контур двери, и ещё углубление, как замочная скважина.
- Он тогда нам с этой дверью все уши прожужжал: «Где бы ключ найти!» В конце концов ему сосед Никич сделал ключ — большущий такой, как раз для сказочной двери.
- Да, здорово, — улыбнулась Зоя. — Своя дачная Нарния!
- Нарния, как же, — засмеялась Инна Павловна. — Воинская часть у нас там.
- Кстати, интересно, как там моя «дверь» поживает? — сказал Игорь. — Сейчас с телеком закончу, и сходим, посмотрим.

* * *

Ветви стелющейся яблони раскинулись широким шатром, на них уже красовались крепкие яблоки, пока ещё совсем зелёные.

— Раньше я прямо под ветками пролезал, — сказал Игорь. — А сейчас, наверное, лучше обойти.

Он отвёл в сторону ветку, преграждающую тропинку, и пропустил жену поближе к бетонной стене.

— А вот и ключик, — сказала Зоя. — Это сколько лет он здесь уже?

Из маленького углубления в бетоне рядом с одной из длинных вертикальных трещин торчал ключ. Большой, потемневший от времени, с головкой в виде переплетающихся ветвей.

— Странно! — отозвался Игорь. — Не помню таких узоров: там, вроде, обычное кольцо было.

Его рука потянулась к фигурной головке ключа, но замерла.

— Ладно, ну его, этот ключ. Пойдём лучше поищем Даньку, он же ещё не завтракал.

Они вышли из-за яблони и двинулись по тропинке.

Позади что-то зашуршало: из-под стелющейся ветки вылез лохматый Данька.

— Ты под яблоней сидел? — засмеялась Зоя. — А мы и не заметили!

— Нет, я не под яблоней. Я... это...

Вслед за Данькой из-под яблони появился большой рыжий кот.

— Мам... Можно его взять? Пап?

— Даня, — начала Зоя. — Ты опять?..

Но Данька повернулся к коту и вполголоса сказал:

— Ты что не здороваешься?

Кот спружинился и взлетел на Данькино плечо. Потом сложил золотистые перепончатые крылья и с достоинством мурлыкнул:

— Добрррое утррро!

ПОДРУЖКА

А, Витюшка пришёл! Не забываешь, значит, деда. Ты как подгадал: боль отпустила малость, сегодня могу почти без лекарств обойтись. Так что голова ясная, как раз с внучком поболтать. А то доведётся ли ещё, кто знает...

Ну что ты, Витюш, носом зашмыгал? Ты погоди реветь, я ж пока живой. Вот так.

Надо мне рассказать тебе кой о чём. Не будет мне покоя, пока не расскажу.

Тебе сколько сейчас? Четырнадцать? Да ты у меня большой совсем. А мне тогда восемь было. Батя воевал, всё хозяйство на матери, я ей помогал как мог. На огороде то-сё, в доме, ещё за козой ходил.

Как-то по весне захожу в сараюшку, где коза наша жила, и чую нутром: что-то не так. Коза стоит, морду в кормушку сунула, видать, сено жуёт. Потом гляжу — нет, не ест, а будто что-то в сено закапывает. Хотел посмотреть, а она не пускает, рога на меня наставила. Шуганул её и поворошил сено. А на меня оттуда кто-то глядит! Человек не человек. Глазищи тёмно-серые, без белков. И сама серенькая, маленькая. Я как-то сразу понял, что это она, а не он. Страшно отчего-то не было, даже любопытно и то не было. Ну лежит кто-то в сене и пускай себе лежит. Это она мне, видать, внушила, чтоб крик не поднял и не позвал никого. Она это умела, внушать.

Так и появилась у меня тайна. Подружились мы с этой серенькой. Сейчас-то понимаю, что она взрослая была, а тогда казалось — девчонка. Она ж росточком была меньше меня. Сколько она мне всего рассказала! Не словами, а будто мысли переходят из головы в голову. Она и меня научила так вот без слов с ней разговаривать, не научила даже, а как-то вложила это в меня.

Так я и узнал, что она из космоса. Мы-то в космос тогда не летали, даже спутник ещё не запустили. А они уже всё вокруг своей планеты

обшарили и дальше пошли, интересно им было. Вот и до Земли добрались. Только случилась у них авария, из всей команды одна моя подружка и выжила. Хорошо, дошла до сараюшки нашей, никто не видел. Животные-то её и не тронули бы, а вот люди...

Я её подкармливал, кашу носил, картошку, соленья разные. Летом с огорода что-нибудь. А молока не пила, хотя коза — вот она. Выворачивало её, бедную, от молока.

Как мать её не нашла — сам не знаю. Видать, так уставала, что уж и не замечала ничего вокруг. А вот кошки наши так возле серенькой моей и вились. Полкан тоже, как его мать на ночь с цепи спустит, так он сперва в сараюшку шаст, подружку мою обнюхает, лицо ей всё оближет, и тогда только идёт двор охранять.

Так и жили мы до осени. А там — то ли продуло её, то ли что. Заболела, да так тяжело! Кашляла сильно, сама вся горячая была — будто в ней кровь кипит, или что там у неё было вместо крови. А как лечить, я не знал. Мать мне, бывало, молока с мёдом давала, а ей-то молока нельзя. Травок заварить — не знал, какие травы.

Вот и решился привести фельдшерицу. Дня не прошло, чтоб не казнил себя за это. Да очень уж боялся, что померёт моя подружка.

Не знаю, почему она фельдшерице не внушила, чтоб та молчала, как мне когда-то. Может, сил не было из-за жара. А может, надо ребёнком быть, чтобы понимать, что чужак не всегда враг.

Да только фельдшерица как её увидела, глаза выпучила, заорала. И бежать. Я за калитку выскочил — вижу, к телеграфу побежала. Я за ней, вслед ей кричу. Уж как упрашивал её не говорить никому, а только помочь моей серенькой — а она как и не слышит.

А наутро приехали за моей подружкой. Машина чёрная, сами в коже, с оружием. Мать меня в дом затащила, держит крепко-крепко, я рвусь, кричу, реву — а толку-то. В окно видел, как один вынес мою серенькую из сараюшки, а она как тряпочка, будто и не живая. До сих пор не знаю, живая ещё была или уже нет. И что из этого лучше, если ты в руках у этих кожаных.

С тех пор я её не видел.

А как-то взрослым уже шёл через лес — и вдруг уловил что-то: чью-то мысль, испуг, надежду. И так чётко — вот как, бывало, подружкины мысли разбирал. Стал озираться. И вижу — в кустах глаза блестят. Тёмно-серые, без белков...

Нет, это не она была. Другой. Тоже с её планеты. Я потом и ещё их находил. Видать, не раз они к нам прилетали. Не раз и аварии случались. Какая-то над нашим районом зона... как это? Аномальная, да.

Такая вот история. А теперь попрошу я тебя кой о чём. Ты, Витюш, Палыча знаешь, соседа по даче? Ты к нему съезди, скажи, мол, дед всё рассказал, прислал помощника. Мы с ним много лет уж спасаем таких выживших. У Палыча тоже в детстве был друг...

КЛЮЧ НА СТАРТ

Всё началось с того, что я потеряла ключ от клетки. Хотя клеткой-то это сооружение назвать сложно. Контейнер — точнее спецконтейнер-катапульта. Прежде были комбинезоны, которые с каждым полётом становились всё сложнее и сложнее, а потом появились скафандры. Ну, вы же знаете.

Да. Скафандры тоже запирались на ключ.

Потеряла ключ я по-глупому. Он просто выпал из сумочки. А я не заметила. Всё это было бы ерундой. Нашла бы я его утром перед подъездом. Легко бы нашла. Но...

Увидеть-то я его увидела. А достать — не получилось. Залили его. Бетоном. Надо было такому случиться, что вечером какому-то идиоту взбрело в голову отремонтировать наше крыльцо. Целый год ходили, об обломанные ступеньки спотыкаясь, и хоть бы хны. А тут... И нет чтобы посмотреть куда бетон льёт. Ума не хватило! Ещё асфальту поутру сверху добавили. Когда дорожку к подъезду асфальтировали.

Как увидела, спрашиваете? Так ярлычок же торчал. Приметный такой. Красненький. Но его, видно, за камешек приняли. В темноте. Пришлось мне добывать дубликат. А с дубликатами сами знаете, как бывает. Только на космодроме разобралась, что он не совсем подходит. Вот и провозилась в кабине дольше времени.

Да откуда я знала, что меня в ней уже обшили? Ещё Чернушка плакать начала. Я решила, что ей неудобно. Пока снова открывала-закрывала.

Не чувствовала я ничего! И не слышала. Пока поняла, что мне из головки не выбраться. Пока догадалась, какие тумблеры надо пощёлкать, чтобы связь включилась. Генеральный, небось, чуть в обморок не упал, когда мой голос услышал. Я ведь в эфир вошла на пятиминутной готовности.

Подумаешь — больше двух часов. Так сначала с ключом возилась, потом Чернушку обустроивала... Ей какой-то идиот шнуровку так перетянул, что бедняжке не повернуться было. Да и любит она, когда её приласкают. Удержаться невозможно, чтобы лишний раз не потискать — перед таким-то испытанием.

Дальше? Дальше... Хорошо, что щиток у Ивана Ивановича открытым оказался. Иначе не услышала бы.

Да. Именно: «Ключ на старт!»

Конечно, догадалась. Я же на предыдущих запусках присутствовала.

Да. Заорала. А вы бы на моём месте что сделали?

Потом? Главный — умный. Он быстрее всех сообразил. Командует: «Выкидывай Ивана Ивановича из скафандра и ложись на его место. Даю тебе две минуты».

Успела, как видите. Захочешь жить и не такое успеешь. Когда услышала: «Ключ поставлен на дренаж» — уже в ложементе устранилась. А когда: «отошла кабель-мачта» — и говорить смогла.

Ну, да, ругался. А вы что думаете! Включение каждой ступени таким цветистым эпитетом сопровождал. Так под его «блин горелый» и взлетели.

Манекен? Конечно пристегнула. Не дура же! Пояском, от платья.

Орала. «Мамочка!» — орала. Что же ещё? А вы бы не орали?!

Из документов Секретной комиссии, созданной по факту несанкционированного полёта человека в космос на борту корабля «Восток ЗКА № 1» 9 марта 1961 года.

ОЛЬГА ДОРОФЕЕВА

СТРЕЛКА

Королёв нахмурился.

— Повторяю вопрос. Разве физиологические процессы у собаки и у человека одинаковы? Мне человека надо отправлять, а не двух собак! Я же понятно говорил: че-ло-ве-ка!

— На место двух собак человек не поместится, даже маленький, — виновато ответил руководитель отряда подготовки. — И нету у меня таких коротышек...

— Может, невысокую женщину? — предположил зам генерального конструктора.

— Метр ростом? Это лилипут, а не женщина!

— А может... — донёсся робкий голос начальника лаборатории, — гнома?

Все повернулись и посмотрели осуждающе.

— Советская наука не признаёт существования гномов! — возмутился Королёв. — Хотя... здоровье у них богатырское. И рост подходящий! — оживившись, он оглядел помощников. — Надо только найти не слишком раскормленного! Щуплого!

— А как мы его оформим? — плаксиво спросил руководитель отряда подготовки. — К себе не возьму, у них даже паспортов нет.

— Раз паспорта нет, значит — животное, — уверенно объявил Королёв. — Проведём через лабораторию, как собаку. И чтоб через неделю уже нашли кандидата! Всё, возвращайтесь к работе!

Если въехать в Ивановскую область со стороны Гаврилов-Яма и километров через пять повернуть вправо на грунтовую дорогу, то мимо Моркушского водохранилища можно добраться до речки Шакши. Вдоль речки надо свернуть влево, потом ещё раз — и будет

заброшенная деревушка, интересная тем, что все домики в ней маленькие, как на детской площадке. Старожилы припоминают, что вроде называлась она «Нома» — но это неверно, «Гномья» она была, и жили в ней гномы. Моего отца малышом возили туда дед с бабушкой посмотреть на местную достопримечательность: гнома, который летал в космос. Звали его Нил Стрельцов; был он низеньким, меньше метра, но крепким и в плечах широким. Сидел на лавке, седые волосы кудрями до плеч, широкая седая борода с рыжиной, голубые глаза — хитрые и молодые. Стариков он знавал, поэтому потрепал отца по макушке и разрешил погладить свою беленькую собачку. Болтали они недолго. Сказывал он вроде: «Мы с Бельчонком, — собачка это была его, значит, — высоко летали, тебе знать об этом не положено». И ещё: «А меня Стрелкой нарекли, потому что Стрельцов». И смеялся: «Погляди, ну что я такое? Не дорос до человека, но и не собака вроде. Ну и что, что Стрелка? А с другой стороны, почти как Гагарин! Без меня и он не полетел бы, вот как!»

А деду жаловался, что жить стало тяжело, продуктовый фургон не доезжает, фельдшерскую в Октябрьском закрыли. Что гномы недовольны и хотят переехать под Челябинск — там ихнего народцу поболее, и посёлки там побогаче. Больше ничего особенного мой отец не запомнил. А сейчас уж ничего и не узнать: не только гномья деревня опустела, но и многие вокруг; а в других живет по три дряхлые старухи, а на месте третьих — близнецы-коттеджи за забором.

И только в небе, высоком чёрном небе космические корабли летают, летают, летают...

ТАТЬЯНА ОХИТИНА СКАЗКА НА НОЧЬ

Вечер. Сумрак. Детская комната. Легкое колыхание штор. Таинственный шепот листвы из открытой форточки. Отец, подоткнув одеяло, присел на стульчик возле кровати. Взял с тумбочки книгу.

— Где мы вчера остановились?

— Нет, — произнес сын, — лучше расскажи про инопланетян.

Отец кивнул, откладывая в сторону томик с цветной обложкой.

— Хорошо, пусть будет про инопланетян, — он устроился поудобней и начал рассказ: — Давным давно на одной далекой планете жили гуманоиды. Не то чтобы очень умные, скорее наоборот. Они постоянно враждовали между собой — делили земли, власть и сокровища, развязывая войны по любому поводу. И вот однажды они снова затеяли драку... — отец умолк, задумавшись. День был сложным, дела никак не выходили из головы.

— А дальше? — нетерпеливо произнес сын, возвращая его в реальность.

— А дальше эту планету захватили инопланетяне. Им даже не пришлось применять оружие — аборигены перебили друг друга сами. А пока они этим занимались, пришельцы наблюдали, создавая тела по их образу и подобию. Полиморфам все-равно какую форму принимать, но глупо придумывать что-то новое, когда тебе досталось готовое жилище со всеми удобствами. Поэтому инопланетяне стали «людьми», как именовали себя коренные жители планеты. Надолго забыв о тесноте прежнего дома.

— А когда нас опять станет слишком много, что тогда?

— Не переживай об этом, малыш, — отец потрепал сынишку по белобрысой макушке. — Космос большой, одна-другая планета с спокойной цивилизацией всегда найдется.

ДМИТРИЙ ГУЖВЕНКО ТЕКИЛУ ОН НЕ ПЬЕТ...

Отец посадил Ляну. Прохлада мексиканских гор, мелкая галька под ногами и приятное утреннее солнце.

Ляну поправил лямки рюкзака. Готов. Спускался медленно. Успел. Даже пришлось ждать старый школьный автобус.

— Доброе утро, — поздоровался Ляну.

— Ага, доброе. Садись на свободное место, — пошутил водитель.

— Дядя Роха, я ж не виноват, что живу дальше всех, — нахмурился Ляну.

— Ты не виноват, а мне каждое утро ехать лишнюю десятку, — ответил водитель. Сплюнул в окно. Продолжил:

— И где ж ты взялся на мои седые усы? Папа возить тебя не может?

— У папы нет машины, — честно сказал Ляну.

— Машины нет, текилу он не пьёт, живёте чёрт знает где... Лады, садись поближе — на дорогу всегда смотреть интересно. А подрастешь чуть, научу водить, — оттаял дядя Роха.

— Папа — метеоролог, его перевели на высокую точку на горе, — начал Ляну и спохватился, — правда, научите? Когда? Через недельку, да?

— Когда до педалей достанешь, — ответил водитель и заулыбался.

Парень ему нравился. Он был угловат, не похож на остальных детей. С Вьетнама, вроде.

Резкий вой огласил округу.

— Не бойся, это бык. Горы звук искажают, — засмеялся дядя Роха, — а вот и остановка, и второй пассажир!

День быстро пролетел. Лучи солнца сползли за горы. Автобус остановился. Дверь открылась.

— Конечная. Давай беги домой, — устало сказал дядя Роха.

— Спасибо!

Ляну прыгнул с последней ступеньки. Пыль осела на его штанины. Двери закрылись. Он отошёл на несколько метров.

Рёв быка нарушил тишину вечерних гор.

Ляну остановился. Обернулся к водителю:

— Это точно бык?

Звук раздался совсем рядом. Не похоже на рёв. Если к визгу собаки добавить шипение змеи, то получится этот мерзкий звук.

Дядя Роха парня не слышал. Однако увидел в свете фар гротескную фигуру. Он щёлкнул выключателем, дверь открылась, но парень не успевал.

Мерзкая тварь двигалась ему навстречу. Капли слюны текли по сплюсненной морде, качающейся на змееподобной шее.

Дядя Роха вылетел из кресла. Передёрнул затвор дробовика.

Чупакабра отвлеклась на новую цель, Ляну резко остановился и сменил направление.

Жёсткая шерсть разлеталась от попаданий, но тварь не выглядела раненой. Кончились патроны.

Визг огласил округу. Дядя Роха отступил назад, тварь повернулась в сторону Ляну. Тридцать метров для неё — не расстояние.

Яркий луч пронзил голову твари. Ещё один. И ещё. Тварь рухнула в пыль.

Дядя Роха не верил самому себе.

— Папа! Йфв т и ии и и и иммпимимр! — крикнул Ляну.

Его папа вышел из сумерек с луком в руках. Желваки, третья рука, пластины на голосовых связках.

Пнул чупакабру и что-то грозно прошептал. Подошел к сыну, потрепал его по волосам. С Ляну словно стянули маску, и он стал походить на отца. Они повернулись к водителю и помахали руками, прощаясь. Всеми шестью.

Дядя Роха опустил на землю и захохотал:

— Текилу он не пьёт!!!

Вскоре метеостанция превратилась в корабль и Ляну с папой улетели в космос. Домой.

НАПАРНИК

Левый маршевый двигатель транспортного «догорал». Диспетчер Службы Спасения, видимо, решил, что раз движки заглушены, а команда эвакуирована, то с помощью можно и не спешить. Он сурово обронил с экрана:

— Принято, «Талый». Ждите, — и отключился.

Капитан Иван Шальков, оставшийся в полном вселенском одиночестве, плюнул с досады.

На третьи сутки неуправляемого дрейфа межзвездный грузовик, который состоял из четырёх кают и ходовой рубки, насаженных на движки, и по большому счету представлял собой мудрёную систему внешних захватов и манипуляторов, осточертел ему хуже горькой редьки, а монотонный гул вентиляции начал действовать на нервы точно новичку.

Чтобы внести в свою жизнь хоть какое-то разнообразие и имитацию деятельности Шальков решил проводить рабочий день в рубке. На четвёртые сутки его хватило только до полудня. Проклиная безделье, он вернулся в каюту и, развалившись на койке, бессмысленно уставился на рабочую схему звездолёта, светившуюся на стене капитанской каюты. Чёрточки индикации вспыхнули, перемешались, прыгнули со стены и стремглав умчались в коридор.

Капитан тряхнул головой и медленно поднялся с кровати. Он был слишком здравомыслящим человеком, чтоб гоняться за призраками. И слишком опытным космонавтом, чтобы паниковать. Шальков хмыкнул, не спеша выругался вслух и пошёл за аптечкой.

Главное, что он вышел в коридор...

«Спасатель» пристыковался к «Талому» через шестнадцать часов.

Начальник аварийной бригады вынырнул из шлюзового отсека, оглядел раскуроченные стены и разобранный в трёх местах пол и присвистнул.

— Здорово, капитан. Чего такой прокопчённый — пожар тушил?

— Тушил, — подтвердил Иван и вяло пожал протянутую руку. — По силовым кабелям ползло, за панелями.

— Герой. Медпомощь нужна?

— Н-нет.

— Тогда собирайся! А мы тут осмотримся, чтобы при буксировке без сюрпризов обошлось, — предложил спасатель, и Иван не заставил себя долго упрашивать.

Собрался он быстро. Захватил из рубки давно приготовленный кейс с полётной документацией, из каюты — сумку со своими немногочисленными пожитками и уже шагнул в развороченный коридор, где

совсем недавно боролся с огнём в одиночку. В одиночку...

Шальков сделал шаг назад и оказался возле перегоревшей схемы. Капитан прикусил губу, потоптался, pokrutil головой и аккуратно поставил кейс на пол.

— Вот... — сердитым шёпотом сказал он, сдёрнул с плеча и открыл сумку с личными вещами. — «Талый» всё равно на списание, — он демонстративно прикрыл глаза, мысленно сосчитал до трёх и задрёрнул молнию. После чего окинул каюту прощальным взглядом и, вскинув сумку на плечо и подхватив с пола кейс, с лёгким сердцем вышел за дверь.

СВЕТЛАНА ТУЛИНА

ЖИТЬ КАК-ТО НАДО

Запредельная суровость российских законов
нивелируется абсолютной и повсеместной
необязательностью их исполнения

(народная мудрость)

— Здоров, хозяин.

Визит старосты в такую рань и сам по себе не предвещал ничего хорошего, а уж его лицо... Возившийся в огороде Митрич разогнул ноющую спину и пошёл к забору, о верхнюю планку которого и облокотился староста, всем своим озабоченным видом показывая хуторянину, что заходить он не намерен — дел невороворот. Что за дела, тоже было понятно — вот как раз по этой самой озабоченности. И по тому, как опасливо косился он в сторону пустого тракта.

— Сколько? — спросил Митрич тоскливо.

— Три. Задушены в одну ночь, — староста выругался, захрустел подобранной антоновкой. — Что характерно, совсем молоденькие.

— У кого на этот раз?

— У Кузьминичны.

А вот это было совсем скверно. Митрич вздохнул. Посмотрел на низкое солнце.

— А это точно Тот-Имени-Которого-Нельзя...

— Точно-точно! — перебил староста, испуганно оглядываясь в сторону просёлка. — Его вонь ни с чем не попутаешь, и трупчики, что характерно, в рядок на крылечке выложены, его манера! — староста снова выругался. Швырнул огрызком в пробегавшую мимо крысу. Не попал. Посетовал: — Совсем обнаглели! У тебя ещё ничего, а в деревне на улицу без палки уже и не выйти, что характерно. Не, ты не сомневайся, — вернулся он к прежней теме, — он самый. Сам

не рад, но платить придётся, Кузьминична за своих несущек кому хошь глотку порвёт, уже в райцентр собиралась, что характерно, ликвидаторов вызывать, еле отговорили. Не понимает, дура-баба, что хрен редьки... Так что ты это... тащи полтос. Откупаться будем.

Сходяв за деньгами и отдав их озабоченному старосте, Митрич долго смотрел ему вслед. Потом, не удержавшись, бросил вороватый взгляд в сторону тракта, ведущего в райцентр и дальше к городам и цивилизации. Поёжился. Как они там живут, со своими невыполнимыми законами? Сколько веков жили бок о бок, может, и не всегда понимали друг друга, но старались уважать. А теперь всё это добрососедство признано пережитком и осуждено как проявление культа, изображения под запретом, за упоминание имени положен крупный штраф, злостных рецидивистов могут и вообще забрать. А уж если заподозрят кого в укрывательстве или тайном поклонении... Ликвидаторы — беда похлеще крыс, налетят, именем закона своруют всё, что смогут, что не смогут — переломают. После них деревне век не оправиться. Лучше по старинке.

Митрич снова сходил в дом, сложил на особую досочку заранее приговоренное подношение и, воровато оглянувшись (на сей раз в сторону не только тракта, но и деревни тоже) понёс ежедневную малую жертву на задний двор, к погребу. У входа замешкался, вздрогнув — на верхней ступеньке рядком лежали дохлые крысы. Шесть штук, голова к голове. Вздохнул, перешагивая. Поставил досочку у чуть приоткрытой двери, проговорил благодарно-просительно:

— Низкий поклон тебе, Васенька... и рыбкой вот свеженькой, и курятинкой. Ты бы уж это... не озоровал бы в деревне-то. Не ровен час...

На выходе из погреба Митричу пришлось снова нагнуться — на сей раз чтобы собрать дохлятину.

— Поназапрещают всего, — бурчал он, кидая крыс в поганный мешок, — а жить-то как-то надо.

СПАСАТЕЛЬНАЯ СТАНЦИЯ

Яну повезло дважды. Пристыковаться сам он не смог бы, но спасательные станции всегда оснащают автоматикой принудительной стыковки. Вторым везеньем был исправный диагност, пусть и странно выглядящий, но тоже полностью автоматизированный...

На трети сутки распухший от пересыпа и водопития Ян вылез из медотсека и, передвигаясь по стеночке, обследовал все станционные закоулки. И понял, что он тут один. Ходил он пока с трудом, хромя на обе обожженные ноги и побулькивая. Хорошо что гравитация на станции была не более трети стандарта, повезло. Пить хотелось все время, перепуганный организм никак не желал поверить, что сухая голодовка позади и воды теперь хоть залейся, чистой и почти свежей, но главное — не фoniaщей.

Вода на катере Яна была. Только вот после аварии движка фонила так, что пить ее мог бы только самоубийца, стремящийся заменить медленную и неприятную смерть от жажды смертью быстрой, хотя и не менее неприятной. Ян предпочел бы пить мочу, но пересушенное тело выдавало жидкость разве что липким ознобным потом — все же дозу он словил неслабую, портативный диагност не справлялся. Но грех жаловаться, не сработай водный запас защитным экраном, до станционного медблока с его расширенными функциями Ян бы просто не дожил. Или будь этот самый медблок устроен чуть посложнее... хорошо, что их делают с расчетом на то, чтобы воспользоваться смог любой новобранец, даже находясь в бессознательном состоянии. Просто лечь на стол, остальное сделает автоматика.

Похоже, так вовремя подвернувшаяся станция была очень старой — таких странных пайков в пирамидальной упаковке Ян вообще не мог припомнить, наверное, сняли с производства задолго до его выпуска. Но армейский рацион тем и хорош, что подходит всем расам и не может испортиться по определению, и Ян жевал безвкусную разогретую массу, пока автоматика чинила и дезактивировала его катер. Поделиться с будущими посетителями собственной едой Ян не мог, сам сидел на рециклинге, как и любой дальний разведчик, но несколько дней кряду усердно крутил педали неудобного тренажера, заряжая подсевшие станционные аккумуляторы — вклад посильный и вполне адекватный. Каждый вносит, что может, неписанный закон Даль-Косма. Он, пожалуй, даже дня два профилинил под это дело, оттягивая возвращение в рейд, хотя автоматика давно мигала зеленым, сообщая о полной исправности катера. Но необходимость оставить на станции все в готовности к следующим гостям — дело не менее важное, чем плановая разведка, и совесть смолчала.

Уже на выходе из стыковочного шлюза Ян заметил еще одну странность — ладонь в алом круге стоп-сигнала была трехпалой. Сигнал не горел, Ян мог бы его и сейчас не заметить, а на входе как-то не до того было. Стали понятны странности чужого диагноста, неудобство тренажера и необычность пайков. Да и само расположение станции тут, далеко за границей освоенного людьми пространства. Ян тронул трехпалую руку пальцем и покинул чужую станцию, улыбаясь. Ждать гостей здесь можно было бы слишком долго, а у него рейд. Ничего, еще встретимся. Обязательно. И наверняка договоримся.

Не такие уж они и чужие, если точно так же оставляют на дальних задворках вселенной станции, оборудованные всем необходимым для приема случайных гостей. И не ставят на них защиты.

ГРАНИЦА

Обычно Рочев с утра первым делом отправлял на Землю отчёт о суточной добыче, потом шёл на кухню за кофе и бутерами. Но сегодня из базы данных вместо цифр и диаграмм высочила дата — 31 декабря — и 3-D Дед Мороз радостно развернул транспарант: «В Новый год фирма дарит выходной даже вахтовикам!»

Рочев пару секунд ошарашенно смотрел на голограмму.

Целый свободный день... и что с ним делать?

Он влез в комбез и вышел на крыльцо. С серого неба сыпался мелкий снег. Между мёрзлыми кочками темнела стылая вода. Ряд плотно насаженных высоких кустов, обозначавший границу между участками разных корпораций, разделял болото на две части. На ветках угрожающе топорщились длинные шипы. На той стороне виднелась диспетчерская фирмы-конкурента — точно такая же станция, как у Рочева, только флаг норвежский. И так же в пятидесяти шагах от неё застыл стационарный робот-наблюдатель — договор о взаимном невторжении на чужую территорию соблюдался строго.

Норвежец стоял под флагом и смотрел на снег.

Рочев улыбнулся, нажал на браслет. Над головой вспорхнула надпись-мыслеобраз:

«Тоже выходной?»

«Ага»

«Что делать будешь?»

Норвежец, не задумываясь, выдал:

«Готовить!»

«Точно!»- подумал Рочев.

Он помахал соседу, вернулся в дом и до самых сумерек топтался на кухне, переругиваясь одновременно с синтезатором, плитой и кухонным комбайном. Наконец всё было готово.

На тарелках красовались солёные грузди, сочные помидоры и неизменные бутеры с колбасой. Под колечками лука серебристо блестя селёдка. В духовке доходило жаркое. А в центре стола стояла огромная салатница с оливье.

Рочев полюбовался натюрмортом, вышел на крыльцо, завиртуалил северное сияние.

Выглянул норвежец.

«Уже?»

«Ага. Целый тазик оливье настрогал»

«Что такое оливье?»

Рочев в картинках изобразил процесс приготовления и конечный продукт.

«Круто, — уважительно просигналил норвежец. — Вкусно, наверное.»
Рочев даже расстроился.

«Я бы отнёс тебе попробовать, — написал он в морозном воздухе, — но ты же понимаешь. Правила. Могут уволить. Да ещё эта граница...»

Громкий треск прервал беседу. Оцепенев, диспетчеры смотрели наковылявший к станции Рочева здоровенный куст. В изгороди зияла дыра.

У крыльца куст остановился, приветливо махнул веткой.

Над головами людей синхронно вспыхнуло:

«Этого не может быть!»

«Почему? — удивился куст. — Моя планета, где хочу, там и хожу, ваши конторы не указ. Давай свой оливье. Отнесу.»

АЛЕКСЕЙ СЕМЯШКИН

ПОД МАСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ренхар мягким пружинистым шагом подошёл к Смирину и приставил к его окровавленному горлу плазменный резак.

— Можо, я его того? — с трудом выговорил дираец, то и дело поправляя отлипающий от чешуйчатого горла виброакустик.

Боши недовольно рыкнул и несколько раз ударил об пол мясистым хвостом. Ренхар послушно отошёл от пленника и пристроился на узорчатой циновке. Подчинение старшему было важным пунктом галактического кодекса. Но не главным.

— Вам, людям, было ясно сказано покинуть этот сектор? — на чистейшем русском проговорил Боши. — Всю важность традиций, менталитета, стандарта вы не принимаете всерьёз, так?

Смирин проглотил кровавую слюну, подался вперед, звякнув цепью.

— Да нам похрен на ваши традиции и законы, — прохрипел Смирин.

— Ты уверен в этом, человек? Ты не считаешь идентичность важнейшим фактором существования социума?

Смирин зло посмотрел на пластиковую маску. Ему хотелось выдернуть все эти трубки, посмотреть, как тварь будет задыхаться.

— Это был наш сектор! Вы пришли сюда, в наш мир! Привели свои полчища! Внесли хаос! — Смирин лязгнул зубами.

Боши наклонился к пленнику, погладил мощной конечностью окровавленную голову. В его голосе появились мягкие тона.

— Ты называешь это хаосом? Ты учился, человек? А ведь в ваших книгах это называется по-другому.

— Мне было не до книжек, я воевал с такими, как ты, сжигал их, превращал в пыль.

Ренхар медленно поднялся с циновки, подошёл к пленнику и со всей силы ударил Смирину в челюсть. Жестокость по отношению к врагу была важным пунктом галактического кодекса. Но не главным.

— Можо, я его того? А?

Боши отрицательно качнул головой. Ренхар сел на место, тихо затянул мантру и закачался в такт собственному напеву.

— Ещё раз спрашиваю! Признаешь ли ты, человек, наши правила незыблемыми, примешь ли наши законы и традиции, возведешь ли в абсолют наши ценности?

Смирин прощупывал языком зубы.

— А вы признали наши ценности, уроды? Вы разрушили общественные институты, созданные нами, отменили правовые нормы, выработанные на протяжении веков, нарушили привычный уклад...

— Мы пытаемся помочь вам, человек! Если бы первыми в Млечный путь прилетели жерлоты или узеры, люди были бы истреблены как вид. Мы же...

— Да пошли вы! Я не приму ваши традиции!

Ренхар глотнул браговлаги, перевел дух и, крутанув в воздухе сальто, опустил нижнюю конечность на Смирину. Тот взвыл и на мгновение потерял сознание. Решимость являлась важным пунктом галактического кодекса, но не главным.

Когда Смирин пришёл в себя, над ним склонился крупный дираец. По знакам отличия — сам генералус. Боши и Ренхар стояли в стороне, учтиво приклонив головы.

— Поздравляю тебя, человек! Теперь ты один из нас! Ты дираец! — генералус волевым движением вдавливал черную пластиковую маску в окровавленное лицо. — Знаешь, какой пункт является самым важным в галактическом кодексе?

Генералус поднял вверх механическую руку:

— Своеобразие!

— Можо, я его того? — произнес Ренхар и чмокнул Смирину в пластиковую щеку.

ТИМУР МАКСЮТОВ

ПИГАЛИЦА

— Какого буя?! Зачем мне эта пигалица на борту?

Урмас ревёт, как пробитая дюза. Представьте себе двухметрового викинга с темпераментом кавказца и нервными пальцами скрипача — получится Урмас. Лучший пилот и скандалист Учебной базы.

У девочки слёзы навернулись, розовым носиком хлупает. Волосики разноцветными перьями торчат.

Петя-навигатор успокаивающе:

— Не шуми, командир. Дитё напугал. Тебя как зовут, чудесное создание?

— Фаня, — улыбнулась сквозь влагу обиды, — я специалист по оранжереям.

— Тьфу, — сплюнул Урмас, — девка в экипаже — к несчастью.

Таня Ли хмыкнула. Короткие чёрные волосы, дипломы планетолога и астрофизика. И светлая голова. А бортинженер Лёня продолжил ковырять неразлучной отвёрткой сдохший датчик. У него все карманы набиты подобным барахлом.

— Приказ ясный, — резюмировал дежурный, — отправляетесь на дальний пост, на «Сторожку». Связи нет давно, разберётесь, отремонтируете. Катер ждёт у третьего люка.

* * *

Метеорит разворотил станцию прилично. Передатчик снесло, от оранжереи одни ошметки, приёмный шлюз — в хлам. Урмас отодвинул растерянного пилота, ласково погладил штурвал. Лихо пришвартовался к аварийному тоннелю.

В рубке «Сторожки» командир стащил шлем, пригладил вспотевшие соломенные вихры, пробасил в комм пилоту:

— Давай, шкипер, возвращайся на базу. Через неделю за нами прилетишь.

Взялись. Работали слаженно — будто не в Учебке познакомились неделю назад, а год вместе на железе. Капитан трудился яростно и другим дыху не давал, словно хотел обиду забыть.

Учебная база «Ганимед» — новейшая. Лучших космачей собрали — из торгашей, из вояк, из научных. Идёт подготовка к первому в истории межзвёздному полёту на Альфу Центавра, отбор экипажа. Процесс затянулся, Урмас скандал устроил: мол, скажите, кто полетит, чего время терять? Начбазы с бузотёром быстро разобрались — отправил старое корыто чинить.

Всё бы хорошо, но Фаня оказалась ходячим несчастьем. Первым делом нечаянно разгерметизировала склад с продуктами — перешли на сухари из НЗ.

Отопитель сожгла — Лёня, посмеиваясь, новый собрал из кофеварки и пылесоса.

Робота-ремонтника за орбиту Плутона отправила непонятно как. Пришлось самим в открытый космос выходить, по обшивке ползать с инструментами.

— Я её пришибу, — кипятился командир, — пигалицу эту.

Таня ему:

— Читай «Здоровый климат в космическом экипаже» профессора Е. Гольда. Цитирую: «надо понять и простить».

А потом Фаня в космос улетела. Не закрепила трос. Урмас, чертыхаясь, на реактивном ранце еле догнал. В шлюз приволок и сказал:

— Всё, сейчас запру тебя, и ручонки твои корявые свяжу. А то не доживёшь до катера.

Девчонка волосиками тряхнула и говорит солидно:

— Не надо. Вы, капитан Урмас Отт, и ваш экипаж прошли финальный тест на психологическую устойчивость в экстремальных условиях. Полетите на Альфу Центавра.

— Это кто решил? — крикнул капитан.

— Я. Епифания Гольд, доктор психологии и председатель отборочной комиссии. Но для вас согласна и на «пигалицу».

МАКСИМ ТИХОМИРОВ ИГРА В КОРАБЛИКИ

У-у-у...

— Понсойоркава. Двух-с-половиной-палубный кватердаблдеккер.

— Мимо. Но осцилляции сходные, немудрено... Ладно. Вторая попытка.

— Шактолодка тогойнов, малая.

— Попал. Добивай.

— Три тераджоулевых планетарника, маршевый прямоточник для субсвета с апертурой в треть астроединицы, генератор червоточин производства Сенхейм-Луккарда с Ванахайма, максимальная дальность туннеля пятнадцать килопарсеков. Лазеры. Гиперсветовые торпеды, класс — «убийца планет».

— Годится. Добил. С командой что?

— Четырнадцать эмпат-навигаторов в главном ганглии. Тридцать четыре тысячи двенадцать штурм-особей в автоном-гибернаторах — планетарный десант. Спасательных ботов полста семь, индивидуальных комплектов выживания нет.

— Хм... Смотри-ка, вызубрил... Кончай всех.

— Не могу.

— В смысле?! Боты жги, тебе сказано. ТТХ от зубов, и кранты им всем.

— Нет.

— Как — нет?! Тебе их что, жалко? Наших дедов они не жалели!

— Не жалко.

— Тогда что?

— Надоело.

— Как так — надоело?

— Да вот так. Каждый раз одно и то же: угадай, опознай, по полочкам характеристики разложи, уничтожь... Сколько можно уже?

— Столько, сколько нужно! Пока не выучим все, да не вышибем их — сперва с планеты, потом из системы, а после — из Галактики! Пускай в свою туманность Андромеды валят, или откуда там они к нам поналезли!..

— Тогойны — из Конской Головы. Эвримахи — с Плеяд. Онголдоргайды, те пока непонятно... Может, и вовсе извне Галактического Диска...

— Да все равно мне, откуда приперлись онголдоргайды! Нам знать надо, как с ними разобраться. На чем летают, чем сражаются...как их убить.

— Говорю ж — надоело. Убить, убить... За что их убивать-то?

— Серега, ты охренел? Они у нас небо отняли!

— У меня они ничего не отнимали, Колян. Мне они работу дали, и родителям моим давали, а теперь содержание им обеспечивают, лечат да кормят. Нафига мне их убивать?

— Ты, Серега, предатель! Коллаборационист! Позор человечества. Ай!.. Ты чего?!

— Это тебе за позор и за предателя, умник. Чем подстрекать ко всякому, лучше учись, пока сопла драишь да трубопроводы прочищаешь. Смотри, запоминай, используй... Вдруг пригодится? Еще поколение — и вдруг свои корабли строить начнем, а?

— Думаешь, *эти* позволят?

— Думаю. Особенно если их не убивать. Тебе на смену когда?

— Через полчаса.

— Тогда еще повелемся... Чувствуешь, одуванчиками пахнет?

— Ага... Еще партейку? Вон еще один шумит, на взлет пошел.

— Давай. Твоя очередь. Да не подглядывай!

— Гы...

У-у-у...

— Терминарондер у-искалепцев. Средний, вспомогательный.

— Молодца-а.. Ладно, чего уж... Добивай.

Виталий Придатко ЛУКОШКО

Антон осторожно наклонялся, аккуратно протягивал руку и вынимал из ароматного, золотящегося в солнечном свете зеленого полога очередную ягоду, шишку, гриб или замысловатый цветок. На мгновение замирал над лукошком — чтобы бережно и безошибочно уложить добычу к прочим трофеям.

Синие огоньки мерцали сейчас на висках, выдавая сосредоточенность, почему-то совмещенную с... вдохновением, подсказал справочник. Юный, ещё не пропитавшийся яростью и агрессивностью анлейд кружил посреди роскошного безумия, еще недавно называвшегося

Восточной Оранжереей, совсем не напоминая малыша, замершего под замахом двузубой пики...

У анлейдов всегда война. Помимо всего прочего, они ловки, безупречно владеют холодным оружием и всем прочим видам дискуссий предпочитают те, что завершаются смертью кого-то из оппонентов. Раньше, до инцидента в Тайюпе, мы видели только солдат. Даже в полях, даже на лесосеках, даже в рыбацких лодках — они всегда носят костяные доспехи и мечи.

Чего ж удивляться, что до Антона мы не видели не то, что детей — даже женщин: в мире вечной вражды мудрее всего сохранять их в укрытиях, недоступных ни по суше, ни с воздуха.

Тем более, что контакта так и не получалось: землян либо обстреливали, либо пытались пленить, либо травили, — и только изредка напрочь игнорировали.

А Тайюп.... Почему-то мы решили, что всадники собрались эскортировать детей.

Так что спасти сумели одного-единственного. Из всех слов ребёнок хоть как-то отреагировал на «Антон»: обнял ручонками, тесно прижался и замер, загнувшись. Чёрт возьми, это был первый анлейд, который не жаждал крови землян, едва увидав. Психологи полагали, что в этом выражалась благодарность за спасение, но мы-то, полевые волки, отлично знали, что анлейдам подобные сантименты чужды. Просто-напросто мальчишка ещё не вырос, не созрел, не успел усвоить затаенного и сложного кодекса чести. Вот в чем был шанс — объяснить ему, что мы не враги, не дать закоснеть в свирепой ревности вожака прайда. Воспитать человека. Развить. Проложить мост между нами и ордой гигантских четвероруких берсерков. Живой мост.

— Ещё немножко, — мотнул головой Антон в ответ на оклик, — нужно успеть подготовить вам подарок.

По-прежнему ловко он складывал урожай в лукошко, старательно выкладывая узор. Я подошёл ближе и вдруг разглядел, насколько он осунулся за последние дни.

— Я взрослею, Игорь, — тихо сказал он, не поворачивая головы, — вот и всё. Боюсь, что времени просто нет... я не успею рассказать вам, как переноситься под пространством, не успею научить...

Антон остановился, схватился за горло. Выронил корзинку, пролив её отчаянным взглядом, полным боли.

Я бросился к пареньку, не зная, чего боюсь больше: что он умрёт, или что останется жить. Или — просто боясь его. Совсем не несмышленного младенца, а...

— Я вз... рос... — выдохнул он, и свет разума погас в серебристых глазах.

Знаете, неправда, что землянин не может заметить удара взрослого анлейда.

Только — отразить.

СТЮАРД

Иван готовил обед. Не себе, старался для работодателей. Он уже отварил рис и усердно перемешивал его с сырым яйцом, когда на кухне появился Вик.

— Скоро?

— А ты скоро?

— Как раз нет. Зашёл сказать — у «Пеликана» опять серьёзная поломка, придётся кормить по старинке. До чего надоело, так бы и плюнул!

— Возьми и плюнь. Только вот сюда, не пропадать же добру.

Вик пожал плечами, набрал побольше слюны и плюнул в большую блестящую кастрюлю прямо на рис. Иван одобрительно подмигнул, поднял вверх оттопыренный большой палец и плюнул за компанию. И только потом полез в кухонный шкафчик за пепсином — одной слюны в качестве фермента было маловато.

Последними в кастрюлю полетели жирные фиолетовые черви — и изысканный лебедианский обед был готов. Осталось только сервировать и подать, если бы не сломанный «Пеликан».

Больше всего на свете Иван ненавидел изображать зоб, но контракт есть контракт. Кормёжка экипажа тоже входила в обязанности стюарда, и угрюмый Иван отправился в подсобку за спецкостюмом.

— Побольше, побольше вниз вспененного белья, — соваля под руку с прописными истинами Вик. — У этих лебедиан никакой культуры приёма пищи! Защиляют всего, закрывают, кто бы знал, что в наше время так опасно быть орнитологом!

— Я БЫЛ орнитологом до устройства на этот проклятый корабль. Мечтал, дурак, поучаствовать в большой космической экспедиции, посетить множество планет, и лишь после старта выяснилось — им нужен подсобник на кухню!

— По-моему, эти птички человечество просто презирают, — печально отозвался Вик, — Мы для них недоразвитые. Прыжковые двигатели не изобрели, на своих тихоходах добрались только-только до Урана, а они давным-давно порхают между звёзд... О, тебе пора! Уже вопят, жратву требуют!

Приёмник внутренней связи разразился серией щёлкающих, донельзя раздражённых звуков. Иван торопливо загрузил в костюм-зоб содержимое кастрюли, опустил на лицо забрало и отправился в столовую.

Когда он вернулся — основательно помятый и забрызганный шлепками разлетающейся во время кормёжки пищи, — Вик спокойно доедал бутерброд.

— Умнейшая цивилизация, а ведут себя хуже желторотых птенцов, — пожаловался Иван. — Толкаются, лезут по головам, будто последнюю в своей жизни кормосмесь доедают! Меня, как инопланетянина, нисколько не стесняются!

— Кого и когда интересовало мнение obsługi? — поумничал Вик, благодушно потягивая чайк. — А ты чего в таком виде на кухню? Лучше бы сразу в душ...

— Поговори мне ещё! — вдруг обозлился Иван. — Распустился, уже делает замечания хозяину! Подъём, и пока моюсь, быстро сваргань бутерброд... нет, три!

— Слушаюсь, — подпустив в голос почтительности, отозвался его личный андроид серии ВИК, а когда человек вышел, вдруг широко улыбнулся.

Во-первых — завтра он скажет хозяину, будто бы «Пеликан» опять сломался.

Во-вторых — именно биологические андроиды станут следующими покорителями Космоса, потому что благодаря ловкости рук и наблюдательности Вика, который, в отличие от своего хозяина, не теряет времени даром, у них теперь есть чертежи прыжкового двигателя.

АННА РАЙНОВА НАЙТИ ГЕЮ

— Рой, проснись, пора сменить Макса.

Вынырнув из забытья, он сел и зябко поёжился:

— Как обстановка?

— Хуже некуда, — Лея подала ему кофе и, опустившись в кресло рядом с койкой, привычным жестом убрала со лба тёмную прядь. В воспалённых от усталости глазах читалась растерянность. Много лет назад с тем же выражением на тонком лице она слушала его лживые оправдания. Долго слушала, потом ушла. Уехала подальше. Кто мог подумать, что судьба сведёт их на Гее в роли начальницы и подчинённого. Главврача и координатора мед центра. Хороший тандем получился, много лучше, чем когда они пытались изображать семью.

— Пока ты спал, живых не привозили. Ребята прочёсывают дома.

Он тяжело вздохнул, вспомнив, какие грандиозные планы строило человечество, найдя в глубинах космоса сестру-близнеца Земли. Гею населяли разношерстные племена, отстающие от нас в развитии на тысячи лет, но весьма восприимчивые к обучению. Старшие братья по разуму принялись щедро делиться знанием. Вскоре на океанском берегу единственного материка планеты вырос город, благоустроенный по последнему слову земной техники.

Первые сообщения о найденных без сознания на улице аборигенах не вызвали тревоги. Никто не сомневался — современная медицина совладеет с любым недугом.

— Отклонений от нормы обнаружить не удалось. Вот только обменные процессы в теле замедляются, будто они замерзают, — заключила Лея, всесторонне обследовав первых больных. — На медикаменты реакции нет. Ума не приложу, что с этим делать.

Тогда он ещё верил, что Лея — первоклассный врач, обязательно найдёт выход.

Неделю за стенами города ширился погребальный ров. Людей не хватало даже на то, чтобы вовремя убирать трупы. Землян на Гее всего две тысячи, включая сотню андроидов.

Дверь смотровой отъехала в сторону — через порог шагнул встревоженный Макс:

— Я тут на обратном пути заглянул к Двейцам, — с порога начал он. — Пляшут после удачной охоты, как ни в чём не бывало.

Воинственные Двейцы не пожелали селиться в городе. Волшебные дары и обещания безбедной жизни не заставили сурового вождя покинуть родные леса. В жуткой, смертельной суете последних дней о них забыли.

— Молодчина, Макс. Нужна твоя помощь, потом отоспишься, — сорвалась с места Лея.

* * *

Мы с Максом заканчивали грузить на борт гравилёта разбросанные в траве носилки, когда последние выжившие, благодарно распрощавшись, растворились в лесу. Я оглянулся, почувствовав на себе пристальный взгляд. Лея сидела, прижавшись спиной к стволу раскидистого дерева:

— Тридцать семь тысяч восемьсот два человека. Их убили мы, — произнесла, едва я приблизился.

— Два года прошло. Кто мог подумать, что искусственная среда обитания окажется для них смертельной ловушкой. Про энергообмен с деревьями и про то, что наши подопечные разряжаются со временем, как батарейки, между прочим, ты догадалась.

— Поздно, — отрезала Лея. — Такой простой ответ. Как мы не понимали, что цивилизацию нельзя за уши притащить в счастливое завтра. Дарители... Я составлю отчёт. Думаю, нам пора убираться отсюда.

Я кивнул, подал ей руку и на мгновение сжал холодную, как лёд ладонь. Захотелось обнять её, как прежде, прижать к себе и никуда не отпускать.

— Не надо, — взглядом остановила мой внезапный порыв Лея. — Оба потом пожалеем.

ОЛЬГА САФОНОВА

РАЗУМНЫЙ ОБМЕН

Запыхавшись, он подошёл к обменнику. Последнему в городе. В этот раз должно повезти, иначе всё пропало.

— Покупаете? Продаёте?

— Покупаю. Тридцать пять, — выдохнул старик и замер, пытаясь внушить кассирше ответ.

— Напишите здесь цель обмена, — она протянула стопку бланков, — и тридцать пять месяцев чётко, буквами.

— Мне нужно тридцать пять лет.

— Лет? — кассирша оторвала взгляд от бумаг. — Дедушка, такую сумму минимум за неделю заказывать надо.

— Да, спасибо, простите, — старик, потупившись, направился к выходу, и чуть не врезался в следующего клиента, худенького паренька с огромным портфелем. Тот обменял семь лет и солидным педагогом отправился принимать экзамен у старшеклассников. К старику вернулась надежда.

— Можно, я тут подожду? Ещё несколько продавцов — и мне хватит.

— Как хотите, но вы тут до вечера просидеть можете. Удобнее бронировать заранее и тогда...

— Мне сейчас нужно! — закричал он и, поймав испуганный взгляд кассирши, продолжил спокойней. — Может быть, это моя последняя поклонница, вот вы меня даже не узнали... Я — Антуан Рамирес, всемирно известный укротитель гигантских кифсентопов.

— Укротитель? — рассмеялась кассирша. — Я бы поверила, если бы дрессировку разумных существ не запретили давным-давно.

— Вы правы, — вздохнул Антуан, — тогда я всё потерял, даже последнего зверя украла чокнутая фанатка.

— Та самая, последняя?

— Нет, то давно было. А вчера на моём сайте оставила комментарий удивительная женщина, красивая, утончённая и столько знает о повадках кифсентопов! Я ответил, мы договорились встретиться и вот только тогда я вспомнил — у меня же там ретушированное фото сорокалетней давности!

* * *

Людмила неохотно сняла новую кофточку из прозрачного тарвала, благоухающую тюльпанами сорта «богиня ночи»:

— Что на этот раз не так? — поинтересовалась она у гигантской зелёной рептилии, свернувшейся в клубок на потолок.

— Слишком вызывающе. Надень вон ту хлопчатую.

— Ни за что!

— Не наденешь, заявлю о твоём обмене в подпольном времени.

— Никто не пострадал, — надула губки Людмила, — а для меня это вопрос жизни и смерти!

— Десять подростков получили твои годы и сейчас пьют алкоголь или курят!

Ворча под нос о запрете дрессировки разумных существ, женщина переоделась.

— Умница! Теперь можешь идти на свидание, — кифсентоп ловко одним из щупалец засунул ей в рот конфету, а другим почесал за ухом.

АЛЕКСАНДР ЛЫЧЕВ

СКВОЗЬ НЕБО

Латимер был готов к смерти в любой момент. Он знал, что это будет опасно. Прорыв сквозь небесную твердь — риск при любых обстоятельствах: никто не знает, что там — за многокилометровой толщиной небесного свода.

— Эхолокация показывает, что над небом, скорее всего, просто пустое пространство, — объяснял ему в своё время наставник, почесывая лоб. — Возможно, газовая среда, а возможно — и полная пустота.

— Но что такое «пустота»? Разве это возможно??? — поразился тогда Латимер.

— Расчёт показывает, что не исключено... Особая форма континуума, когда в пространстве находятся лишь отдельные молекулы, а длина их свободного пробега измеряется метрами.

Звучало невероятно. Конечно, только безмозглые рыбы не замечают воды, в которой плавают. Но ПУСТОТА... — это невообразимо и для разумного существа!

Да, прорваться сквозь небо — задача сложная. Чтобы проплавить преграду такой толщины, нужно огромное количество энергии. А поставить мощную бурильную установку в перевёрнутом, фактически подвешенном к небу положении, задача не из простых. Такой проект потребовал бы совокупных усилий всей планеты!

К счастью, есть и другой путь. Иногда, раз в цикл, это происходит: небесный свод трескается — тут, на Южном полюсе, где он тоньше всего. И тогда часть поднебесного вещества вырывается на внешнюю поверхность. Если попытаться пройти сквозь щель... скорее всего, этот поток вынесет туда и корабль. Что будет дальше — неясно. Скорее всего, его отбросит в сторону, и сверхпрочная капсула Латимера в итоге покатится по поверхности — и где-то там остановится. Латимеру вовсе не нужно геройствовать: достаточно измерить основные

параметры среды — и домой. Для этого надо будет сбросить поплавки и включить реактор на медленный разгон. Разогревшееся дно аппарата будет проплавливать вещество под собой, и, в конце концов, он вернётся в поднебесный мир.

...Да! Восходящий поток подхватил корабль! Если расчёты верны — аппарат не разобьёт о край трещины в небесном своде. А от всех остальных опасностей он защищён! Даже пустота за бортом его не затронет. Да и задача Латимера проста: туда — и обратно...

...Датчики показывают, что забортная вода начала кипеть... Это объясняет, почему эхолокация так плохо работает. Но что же будет, если вода... испарится вовсе?

Латимер задумался, потом бросил это — уж слишком сильно трясло. Какая разница? Газ, не говоря уже о пустоте, менее плотен, чем жидкость и твёрдое вещество. Значит, подниматься аппарат перестанет и остановится где-то на внешней поверхности небесного свода, не так ли?..

Именно в этот момент мощнейший фонтан кипящей воды швырнул корабль Латимера в звёздное небо. Его крошечный мир, Энцелад, не способен удержать атмосферу. Водяной пар, вырывающийся из недр его подлёдного океана, покидает этот спутник Сатурна навсегда. Медленно вращаясь в вакууме, аппарат постепенно исчезал в ледяных просторах кольца Е. Ведь именно за счёт выбросов воды с Энцелада оно когда-то и сформировалось...

ЕЛЕНА ЩЕТИНИНА

КУДА ДЕЛСЯ СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ?

— Тут вспрыгнул козёл на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зелёные, бирюзовые — всякие... — в горле у Дениса запершило, и он отхлебнул воды из стоявшего рядом стакана.

Затем перевёл дыхание и продолжил, стараясь читать с выражением — и худо-бедно по ролям.

— Хризолитами называются. Видали? — дойдя до последней фразы, Денис глубоко вздохнул и снова отпил воды.

— Ну вот, сынок, и всё, — сказал он. — А теперь спи. И поцелуй от меня маму.

Он снова вздохнул, остановил запись и подписал звуковой файл «Матвеем от папы».

И отрывистым нажатием на клавишу отправил его в путь.

* * *

От Плутона до Земли сигнал идёт шесть часов. А Матвей каждый вечер ждёт папиных сказок. Наташа говорила, что сын даже не ложится спать, если сигнал отчего-то запаздывает. Приходится тогда уговаривать, придумывать, что папа на очень важном задании, спасает Землю от очередной катастрофы. Судя по её рассказам, таких катастроф за последнюю вахту Дениса произошло уже около десятка.

Эх, Матвей-Матвей, ну так и быть, верь пока, что папа спасает Землю — а не кукует на одинокой базе на Плутоне. Когда-то самой далёкой планете Солнечной системы — а теперь даже и не планете. И пусть эта работа тоже очень важна и нужна — но со спасением Земли, конечно, не сравнится.

Вообще, Денис мог начитать все эти сказки заранее, скопом, перед отлётом — а Наташа уже включала бы их по очереди каждый вечер. Но ему была нужна эта иллюзия диалога с сыном. Ему хотелось думать, что он разговаривает с ним здесь и сейчас — а не где-то и через шесть часов.

И поэтому Денис каждый день выгадывал время так, чтобы рассказать ещё одну сказку — выгадывал так, чтобы она подросла как раз к вечеру.

* * *

Через двенадцать часов он поймал файл «Папе от Матвея».

— Папа... — голос у сына был сонным. — А куда делся Серебряное Копытце?

Денис усмехнулся. Он не зря выбрал именно эту сказку — и именно сегодня. И всё рассчитал.

До того момента, когда Плутон подойдёт к апогелию, оставалось ещё несколько минут. Скафандр был уже надет, тросы проверены, а камера заряжена.

— Я покажу тебе, сынок, — мягко сказал он, словно Матвей сейчас мог его услышать. — Я покажу...

И вышел на поверхность.

* * *

На востоке уже садилось солнце. Да, здесь Солнце было всего лишь тусклой точкой — но люди никак не могли избавиться от привычки следить именно за ним.

— Смотри, Матвей! — громко сказал Денис. — Смотри! Вот он, Серебряное Копытце!

И поднял камеру к небу.

Плутон достиг апогелия.

И замерзающая атмосфера стала медленно опускаться на его поверхность.

Красные, голубые, зелёные, бирюзовые — всякие... Небо было покрыто всполохами, искры — как драгоценные камни из-под копыт волшебного оленя — падали то тут, то там. Казалось — протяни руку и можешь набрать драгоценностей в горсть.

Красные, голубые, зелёные, бирюзовые — всякие...

— Смотри, Матвей! — прошептал Денис, словно боясь спугнуть эту красоту. — Я нашёл Серебряное Копытце. Я дарю тебе эту сказку. Разве это хуже спасения Земли?

Литературно-художественное издание

АСТРА НОВА
альманах фантастики

Главный редактор: *Светлана Тулина*

Редколлегия: *Кирилл Берендеев, Юлия Крюкова,
Евгения Халь, Анна Райнова, Александр Тишинин*

Корректоры: *Светлана Ушакова*

Компьютерная верстка и дизайн *Ольга Денисова*

Художники: *Светлана Тулина, Ольга Маковская*

Подписано в печать 15.11.2015

Формат 60×84 1/16. Отпечатано

с готового оригинал-макета по технологии

Print-on-Demand. Усл. печ. л. 17,21. Уч.-изд. л. 16,42.

Заказ книг

agenty-buduschego.ru

sz-izdat.ru

Издательство Северо-Запад, 2015

Издательство Литературный мир, 2015